

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Изгарская Анна Анатольевна

**ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И МИРОСИСТЕМНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

диссертация на соискание степени

доктора философских наук

Научный консультант: доктор философских наук,
профессор Н.С. Розов

НОВОСИБИРСК – 2014

Содержание

Введение	4
Г л а в а 1. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	55
1.1. Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме «демократического мира»: критический анализ.....	57
1.2. Теория модернизации и реалистская парадигма теории международных отношений: оценка познавательного потенциала...	71
1.3. Сравнительный анализ геополитических концепций: выбор парадигмы исследования.....	88
1.3.1. Эволюция метода объяснения и предсказания в геополитической науке.....	89
1.3.2. Критический анализ геополитических концепций в современной отечественной литературе.....	103
1.4. Миросистемный анализ и геополитическая теория: возможности синтеза.....	123
Г л а в а 2. ГЕОПОЛИТИКО-МИРОСИСТЕМНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ	153
2.1. Миросистемные и геополитические основания типологии пространств социальных отношений.....	154
2.2. Геополитические характеристики пространств социальных отношений.....	169
2.3. Объяснительные модели развития основных структурных элементов миросистемы.....	188
2.4. Геополитико-миросистемная модель циклов мировой гегемонии..	219
2.5. Ядро, полупериферия, периферия: проблема критериев выделения структурных элементов миросистемы.....	252

Глава 3. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИР-ЭКОНОМИКИ.....	270
3.1. Российская история сквозь призму геополитико-миросистемного подхода: хлеб и нефть России в сетях неравного обмена.....	272
3.2. Структурные ограничения пространства социальных отношений современной России.....	286
3.3. Модернизация России: потенциал современной стратегии развития страны.....	322
Заключение.....	337
Приложение 1.....	354
Приложение 2.....	357
Приложение 3.....	359
Приложение 4.....	363
Библиографический список.....	364

Введение

Проблемы и перспективы развития российского общества активно обсуждаются в отечественной печати. Диапазон видения будущего России чрезвычайно широк – от образа передовой, интенсивно развивающейся страны до картин национального апокалипсиса. Существующие различия во многом определяются разнообразием теоретического инструментария, имеющегося в арсенале современных авторов. В связи с этим сегодня оказывается особенно актуальной проблема критического исследования теоретических средств анализа. Критерием их оценки и гносеологическим принципом исследования служит положение о том, что анализ существующих проблем и путей их преодоления, а также выстраивание перспектив развития нашей страны должно осуществляться с опорой на общую теорию, которая позволила бы объяснять, а также предсказывать рост и упадок современных обществ с учетом их структурного многообразия. Поиску и апробации такой теории посвящено данное исследование.

Развитие современной России, страны с величайшими ресурсами и крупнейшей территорией, невозможно рассматривать вне проблем накопления капитала и контроля за пространством. Борьба за капитал и борьба за пространство являются важнейшими из тех процессов, которые сформировали современный мир. Результаты этих двух видов конкуренций могут являться показателями успеха общества в международном пространстве социальных отношений. Среди направлений современной науки особый акцент на проблематику, связанную с указанными явлениями человеческого социума, обнаруживают миросистемный подход и геополитическая наука¹.

¹ Следует отметить, что выбор литературы осуществлялся не только по наличию термина «геополитика» в содержании текста, но также по наличию попытки постановки, решения проблемы военно-политического господства над некоторой территорией с учетом множественности соперничающих сил, что является предметом исследования геополитической науки.

Борьба за пространство и влияние результатов этой борьбы на динамику развития общества всегда были главными предметами исследований геополитической науки. С момента возникновения этой науки ее теоретики проявляли устойчивый интерес к *обусловленным процессами борьбы за пространство изменениям свойств и размеров контролируемых государствами территорий*, иными словами, к спектру явлений, составляющих *геополитическую динамику общества*. Борьба за капитал между обществами – область исследований миросистемного подхода. *Миросистемная динамика – изменение позиции общества в мировой системе разделения труда в зависимости от расширения или утраты способностей данным обществом в условиях конкуренции аккумулировать капитал и использовать его в целях собственного развития.*

Философская актуальность исследования может быть сформулирована следующим образом. Поскольку изменение является такой очевидной особенностью социальной действительности, что любая социальная теория рано или поздно обращается к данной проблеме, актуальным с позиции философии становится вопрос о выборе научных оснований исследования динамики современных обществ путем *сравнительного анализа теорий геополитики и миросистемного подхода с теориями конкурирующих парадигм*. В связи с тем, что развитие общества происходит в диалектической взаимосвязи внешних и внутренних факторов, для сравнительного анализа теорий конкурирующих парадигм первостепенное значение приобретает выявление наличия или отсутствия, а также характера данных взаимосвязей в их объяснительных моделях.

В современной зарубежной и отечественной литературе высказывается мысль о необходимости создания «многомерной макроисторической теории» или «теоретической истории» (в отечественной традиции), в которой причинно-следственные связи пронизывают следующие секторы:

государство, экономику, культуру и геополитику². Теоретические модели миросистемного подхода по своей сути политэкономические и построены в большей мере на взаимосвязях категорий и понятий двух первых секторов. Однако проблематика миросистемного подхода не ограничена сферами экономики и политики³. В миросистемном подходе поднимается проблема культурных заимствований, исследуется влияние процессов глобализации в области мировых ресурсов на трансформацию национальных культур, языков и структур знаний⁴. *Синтез миросистемных и геополитической теорий* позволит полнее реконструировать макроисторические процессы, объяснять и прогнозировать развитие конкретных ситуаций, связанных с борьбой за пространство и капитал. Идею синтеза геополитической теории и теорий миросистемного подхода высказывал еще в 1990-е гг. Рэндалл Коллинз. Вместе с Дэвидом Уэллером он отмечал, что миросистемная теория, исследующая процессы накопления ресурсов, существенно бы усилилась, если бы взяла в свой арсенал геополитическую теорию⁵. Указав на путь совершенствования теоретического инструментария миросистемного подхода, Р. Коллинз, однако, оставил эту задачу нерешенной, в связи с чем она не утратила своей *научной актуальности* и сегодня. Результатом такого

² См.: Коллинз Р. Геополитика и долговременное историческое развитие // *Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск, 2000. – С. 285–288; *Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н.С. Розова / Н.С. Розов, Ю.Б. Вертгейм, Г.С. Сизенцев и др.* – Новосибирск: Наука, 2001. – 503 с.

³ По мнению И. Валлерстайна, представители миросистемного анализа разделяют мысль о том, что «изоляция политических, экономических и социокультурных «переменных» является сомнительным предприятием, что весь анализ должен быть одновременно историческим и системным и что концептуальные основания работ в историко-социальных науках должны быть заново продуманы» (Emerging... 2003, p. xi).

⁴ См., например: Lubeck P.M., Palmer D.R. Ethnic divisions and state-centered development: Malaysia and Nigeria compared // *Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W. G. Martin, I. Wallerstein.* – N. Y.: American sociological association. Greenwood Press. 1990. – P. 183–202; Lee R. Structures of knowledge // *The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Hopkins T. K., Wallerstein I., Casparis J. [et al.].* – London. UK.: New Jersey, USA: Zed Books, Pluto Press Australia, 1997. – P. 178–206.

⁵ Collins R., Waller D. What theories predicted the state breakdowns and revolutions of the soviet bloc? // *Research in social movements, conflicts and change.* – 1992. – Vol. 14. – P. 42–43.

синтеза должна стать общая теория, на основе которой можно осуществлять анализ динамики различных стран миросистемы, а не только российской цивилизации, как это иногда просматривается в отечественной литературе.

Исследование миросистемной и геополитической динамик современных обществ обладает *практической актуальностью*. Как известно, распад СССР обнаружил неспособность советского политического истеблишмента предвидеть последствия инициируемых ими процессов. Сегодня у российского правительства есть новые программы и прожекты, они вдохновляют своим размахом и оптимизмом. Однако в отличие от молчаливого советского прошлого идея о существовании опасности очередного распада страны звучит на уровне Государственной думы и в «левой» прессе⁶. Насколько оправданы такие опасения и что является теоретической основой пессимистичных предсказаний оппозиционных партий? Эти и подобные им вопросы не должны игнорироваться ни отечественной политической элитой, ни научным сообществом. Результаты исследования должны обнаружить свою актуальность при проведении анализа существующей государственной парадигмы развития страны, а также целей внешней и внутренней политики российского государства. Острие такого анализа должно быть направлено на выявление структурных границ, геополитических и миросистемных преимуществ и неудобств развития современной России, проблемных ситуаций, которые возможны в процессе движения общества к поставленным перед ним ориентирам и реализации имеющихся у государства программ.

Проблема исследования состоит в определении совместного эвристического потенциала миросистемной и геополитической парадигм, а также в упорядочении и разработке социально-философского и макросоциологического понятийного аппарата для изучения и осмысления

⁶ См., например: Зюганов Г.А. Эффективная идеологическая работа – важнейшее условие достижения программных задач партии. Интервью газете «Правда» // http://kprf.ru/party_live/80582.html?print

закономерностей развития современных обществ в соответствующих аспектах.

Степень научной разработанности проблемы. В научном сообществе интерес к проблемам геополитики в наше время необычайно высок. Повышенный интерес далеко не случаен и вызван потоком относительно *непродолжительных по времени*, но ярких явлений. Возникновение новых государств, вспышки политических и военных конфликтов, ломка границ, трансформация самой структуры международных отношений – все это вызывает пристальное внимание к данной области, актуализирует потребность в осознании происходящих геополитических сдвигов. Интерес к теоретическим моделям, сформировавшимся в рамках миросистемного подхода, сегодня не столь выражен, как интерес к геополитическим теориям. Однако они тоже используются в качестве инструментов анализа, и их актуальность, как показала ситуация мирового экономического кризиса, возрастает.

Геополитическая динамика

1. Большое подконтрольное пространство как источник ресурсного преимущества и причина ресурсного истощения.

В истории геополитической науки расширение территориального пространства и зон влияния традиционно оценивалось положительно (Р. Челлен, В. де ля Блаш, А. Мэхэн, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер, Н. Спайкмен и др.). Утверждалось, что рост пространства расширяет источник стратегических ресурсов, улучшает стратегическое положение страны, уменьшает социальное напряжение, снижает демографическое давление, активизирует торговлю и процесс решения экономических задач. Провозглашенная на рубеже XIX–XX вв. как принцип немецким ученым, основоположником политической географии Ф. Ратцелем причинно-следственная взаимосвязь «пространство – сила» отразила основной смысл и основные императивы геополитики как науки. Ф. Ратцель открывал пространство как политическую силу и выводил характеристики государства

из физико-географических особенностей его территории, ясно формулируя, что большое государство имеет преимущество перед малым⁷.

В современной науке также принято считать, что обширная территория является преимуществом. По мнению Рэндалла Коллинза, государства, имеющие большую территорию влияния и большие ресурсы, расширяют свой контроль за счет меньших и менее богатых государств. Попытка исследования характеров взаимосвязей территориально обширных и малых государств на современной, но узкой эмпирической базе была предпринята Корнеллом Сванте⁸. Однако начиная с 1960 г. оценка территориального расширения не столь однозначна, как в конце XIX – первой половине XX вв. Ряд ученых, а именно А.Стинчкомб⁹, К. Боулдинг¹⁰, Э. Лютвак¹¹, П. Кеннед¹², Р. Коллинз, утверждают, что процесс расширения территории государством имеет свои пределы, которые определяются количеством ресурсов, необходимым для контроля над территорией. Чрезмерное расширение государства приводит к истощению ресурсов и дезинтеграции¹³. Теоретические выводы, полученные П. Кеннеди и Р. Коллинзом, согласуются с результатами исследований в области экономики. Экономисты Альберто Алесина и Энрике Сполаоре, изучая влияние размера территории на развитие экономики и общества, пришли к выводу, что чем обширнее территория влияния государства, тем больше неравномерность распределения

⁷ В книге «Земля и жизнь» Ф. Ратцель пишет по этому поводу: «Вопрос о пространстве..., который имеет существенное значение при всяком развитии жизни, остается в полной силе и в той главе истории жизни на земле, над которой написано слово „человек“. Пространство, нужное для жизни и для прокормления, его захват и удержание за собою, вымирание в тесном, усиление в обширном районе – вот основные факторы биогеографии и, вместе с тем, истории народов» (1906, с. 659).

⁸ См.: Svante E.C. Small nations and great powers: a study of ethno-political conflict in the Caucasus. – London; N. Y.: Routledge, 2001. – 490 p.

⁹ Stinchcombe, A.L. Constructing social theories. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968. – 320 p.

¹⁰ Boulding, K. Conflict and defense. – N.Y.: Harper and Row, 1962. – 349 p.

¹¹ Luttwak E. N. The grand strategy of Byzantine empire. – Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap press of Harvard Univ. Press, 2009. – 498 p.

¹² Kennedy Paul. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500–2000. – N.Y.: A Division of Random House, 1987. – 368 p.

¹³ Теорию Р. Коллинза, а точнее ее способность объяснять распад государства, подверг критике П.В. Турчин. См. об этом подробнее в 1.4. данной работы.

общественных благ, тем отчетливее идеологическая разнородность населения и его готовность поддержать дезинтеграционные процессы¹⁴.

Таким образом, ряд геополитических теорий указывают, что большая территория до возникновения эффекта чрезмерного расширения является источником ресурсов для общества. При этом классики геополитической науки подразумевали, что ресурсы, полученные посредством геополитического расширения, могут идти не только на дальнейшее расширение территории, но и на экономический, социальный и культурный рост общества. В теории геополитической динамики Р. Коллинза эти последние аспекты не затрагиваются, а потому проблема конвертируемости полученных в результате расширения территории ресурсов в сферу роста капитала не поднимается. Проблема выходит за рамки данной теории. Следует отметить и тот факт, что стремление к расширению территории влияния и геополитической науке в «классического периода», и в книге П. Кеннеди, и в работах Р. Коллинза постулируется как онтологическая черта государства, и полностью упускается из вида проблема движущих сил этого процесса (на что, напротив, акцентируют внимание их оппоненты – представители парадигмы «демократического мира», см. 1.1).

Если задать вопрос о том, что мешает конвертируемости результатов геополитических преимуществ в сферу экономического роста, то ответ можно найти, скорее, в работах Р. Коллинза, чем в работах П. Кеннеди. Для того, чтобы подчеркнуть преимущество теории Р. Коллинза в этом вопросе, обратимся к критике объяснения роста и упадка великих держав П. Кеннеди, чья книга вызвала живой отклик в западном научном сообществе. Так, Джереми Блэк отмечает, что П. Кеннеди предлагает одну модель распада сверхдержавы – сверхрасширение, однако при объяснении упадка территориально обширных государств акцент может быть смещен на угрозы,

¹⁴ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – 262 p.

исходящие со стороны окружения¹⁵. В этом плане мысль Дж. Блэка совпадает с идеей Р. Коллинза о центральном стратегическом положении государства. Если с ростом территории увеличивается протяженность границ соприкосновения с границами потенциальных противников, то это ведет к росту затрат, напряжению финансовой системы и в результате – к утрате преимуществ и потере территорий. Следуя идеям Р. Коллинза, можно заключить, что формирование центральной позиции не способствует конвертируемости ресурсов в экономический потенциал общества.

Проблема аккумуляции ресурсов в условиях идеологической разнородности населения и обширности контролируемой территории нашла отражение в теоретико-историческом исследовании роста и упадка империй Эми Чуа.¹⁶ Она изучает влияние образцов идеологической толерантности, присущих империям разных исторических эпох, на успех накопления ресурсов и продолжительность существования этих империй. Эми Чуа приходит к выводу, что отсутствие идеологической терпимости к народам на подконтрольной территории вело империю к быстрому краху. Так, именно по этой причине, считает она, планы фашистской Германии и имперской Японии о мировом господстве были обречены на провал. Выводы кросс-исторического исследования Э. Чуа, как может показаться, не согласуются с выводами экономистов А. Алесины и Э. Сполаоре. Так, если она утверждает, что терпимость центра к культурному и идеологическому разнообразию окраин является залогом долговременной стабильности власти центра, то А. Алесина и Э. Сполаоре, напротив, утверждают, что идеологическое и культурное разнообразие способствуют дезинтеграции и государство должно стремиться смягчить контрасты этих различий между центром и окраинами. На самом деле противоречия в выводах представленных выше ученых нет. Просто в этих исследованиях не

¹⁵ См.: Black J. Great powers and the quest for hegemony. – London; N. Y.: Routledge, 2008. – 248 p.

¹⁶ См.: Chua A. Day of empire: how hyperpowers rise to global dominance – and why they fall. – N. Y.: DOUBLEDAY, 2007. – 396 p.

рассматривается проблема отношения центра и региональных элит, которые в разных условиях или приобретают необходимые ресурсы и желание противостоять центру, или утрачивают их.

Малая территория практически единогласно в геополитической науке оценивается как недостаток. Однако в современном мире существует достаточно большое количество примеров, когда меньшие по территории государства имеют для роста бóльшие ресурсы. Эту проблему на основе только положений геополитической науки решить затруднительно и требуется теоретический инструментарий, позволяющий установить место государства и находящегося под его юрисдикцией общества в мировой системе разделения труда.

2. Характер границ как фактор аккумуляции ресурсов.

Проблема влияния характера границ на динамику общества присутствовала еще в работах авторов «классического» периода, и некоторые контroversы, образовавшиеся в то время, смогла решить современная наука. Так, в работах А. Мэхэна утверждается, что главным инструментом политики, помимо военно-морского флота, является морская торговля. Наличие портов необходимо для успешного развития международной торговли, а подавляющее превосходство на море позволяет установить контроль над просторами океана и закрыть пути, по которым движутся торговые суда противника. Морские страны, считал А. Мэхэн, имеют приоритет над «континентальными». Х. Маккиндер утверждал обратное – по мере развития железнодорожного и авиационного видов транспорта роль и преимущества морских стран будут снижаться. Сегодня, когда геополитическая проблематика приходит в современную экономическую науку, а экономические методы оказываются в арсенале геополитической науки, данная контroversа решена в пользу А. Мэхэна. Современные зарубежные (см., например: J. Sachs, A. Werner; J. Sachs, A.D. Mellinger, J.L. Gallup; K. Uprety) и отечественные (Л.А. Безруков) экономисты отмечают чрезвычайную важность для развития страны наличие морских портов.

Блокированные страны зависят от стран транзита, что сдерживает развитие зависимых. Л.А. Безруков приходит к выводу о том, что механизм перераспределения доходов между континентальными и океаническими странами действует в пользу последних и обеспечивает их доминирование в мировом хозяйстве. Помимо экономического преимущества «окраинные» государства (те, чьи границы на большем протяжении защищены некоторым физико-географическим фактором – обширное водное пространство, горные цепи и др.) имеют, по мнению Р. Коллинза, преимущества в территориальной экспансии. Р. Коллинз устанавливает, что «окраинные» государства (те, чьи границы на большем протяжении защищены некоторым физико-географическим фактором) имеют преимущества в территориальной экспансии, так как способны направить мобилизованные ресурсы в нужное русло, не боясь атаки с тыла.

Соглашаясь с выводами названных выше исследователей, необходимо все же отметить факт, который указывает на неполноту полученных ими результатов. Наличие обширной береговой линии с удобными для морского флота портами может быть основой не только успешной торговли и роста благосостояния общества, но также воротами для экономической и территориальной экспансии государства-соперника. Правда, Р. Коллинз, защищая принцип «окраинности» от аномалии «уровня развития средств наступления», отмечает, что стоимость современных средств наступления сдерживает их эффективность. По этому поводу следует сделать несколько замечаний: во-первых, военная экспансия – не единственное средство расширения территориального влияния; во-вторых, как показывает история, «окраинные» территории быстрее колонизировались; в-третьих, вывод Р. Коллинза был сделан в эпоху противостояния двух сверхдержав. Военное столкновение одной супердержавы с некоторой страной «третьего» мира практически всегда проходило при участии другой супердержавы, снабжавшей младшего союзника адекватными средствами защиты от агрессора. Сегодня, когда ситуация изменилась, соглашаясь с замечанием Р.

Коллинза, хочется подчеркнуть, что стоимость современных средств наступления сдерживает, но не обесценивает их эффективность. Поэтому следует предположить, что положительные эффекты окраинного стратегического положения государств (в первую очередь, высокий уровень защищенности территории и уровень аккумуляции ресурсов в целях ее расширения) проявляются неодинаково у стран, различающихся по уровню развития экономики и вооруженных сил.

3. Контроль над ключевыми зонами в структуре геополитического пространства как условие политического и ресурсного могущества.

Геополитическая наука классического периода (А. Мэхэна, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера, Н. Спайкмена и др.) исходила из тезиса, что мировое геополитическое пространство неоднородно, что существуют ключевые зоны, контроль над которыми обеспечивает государству силовое преимущество над соперником, а обществу – условия благоприятного развития. Однако единого мнения относительно месторасположения этих зон не было сформировано. Лишь по мере нарастания процессов глобализации под ключевыми зонами стали понимать территории с богатыми природными ресурсами, имеющими относительно низкую себестоимость добычи и низкие затраты логистики¹⁷.

Концентрические модели пространства («хартленд», «римленд» и др.) геополитических концепций «классического периода» не были отброшены, они были объединены, осмыслены и интерпретированы Артуром Стинчкомбом в соответствии с его теорией уязвимости государства. Объяснительные модели мирового пространства геополитической науки классического периода были трансформированы им для анализа уязвимости пространства отдельной политической единицы. Его модель состоит из следующих элементов: «потенциальная область государства», «хартленд», «оспариваемая территория границы», «пустующие земли», «силовой

¹⁷ См., например, обзор концепций современных зарубежных авторов, проведенный С.В. Писаренко (2013).

вакуум». Данная модель может быть применена в целях анализа конкретных ситуаций. Для настоящего исследования теория уязвимости А. Стинчкомба интересна тем, что, указывая на качественные различия пространств в рамках одной политической единицы, он, по сути, обозначает их специфику в отношении к процессу аккумуляции и распределения ресурсов и выявляет геоэкономические факторы, влияющие на развитие обществ, которые включены в эти пространства¹⁸. При этом следует отметить, геополитический метод А. Стинчкомба «деления» пространства на области близок миросистемному подходу, но деление осуществляется на разных основаниях: на военно-политическом – в первом случае и на политэкономическом – во втором.

4. Кумулятивные процессы и циклы мировой гегемонии.

Геополитическая наука со времен Х. Маккиндера содержит в себе идею циклической динамики развития человечества. Х. Маккиндер видел циклическую периодичность в смене доминирования «государств суши» и «государств моря». Однако его предсказание о наступлении эпохи господства стран суши не оправдалось. Морской флот остается самым эффективным и востребованным средством перевозки грузов на дальние расстояния, как в мирных, так и в военных целях. Сегодня идея циклической динамики представлена через иные концепты геополитической науки. Назовем только два: во-первых, кумулятивные процессы в теории роста и распада государств Р. Коллинза¹⁹ и, во-вторых, циклы мировой гегемонии в работах Дж.

¹⁸ См. подробнее: Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // *Время мира: альманах*. Вып. 3: Война и геополитика. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 288–300.

¹⁹ См. подробнее: Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира: альманах*. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 (а). – С. 239.

Модельски (2003)²⁰, К. Раслер, В.Томпсона (1999), М. Мелко (1995), В.Л. Цымбурского (1993, 1996, 1997)²¹.

Сравнительный анализ работ указанных авторов позволяет обозначить ряд преимуществ и недостатков их теоретических построений. Модель Р. Коллинза отражает лишь возобновление некоторых процессов в системе без ее трансформации. Дж. Модельски, К. Раслер, В.Томпсон делают акцент на трансформацию системы мировым лидером, но это, вероятно, единственное преимущество их модели. Преимущества модели Р. Коллинза заключаются в двух очень важных моментах. Во-первых, Дж. Модельски упрощает спектр противоречий в развитии системы до противостояния двух субъектов – гегемона и оппонента. В результате акцент делается на мировую войну, а множество случаев войн не столь высокого значения оказываются вне рамок теории. Теория Р. Коллинза на уровне онтологических оснований обнаруживает мысль о перманентном конфликте между государствами, поэтому на ее основе возможны более последовательные объяснения вооруженных конфликтов и войн, причем разных масштабов. Во-вторых, в теории Дж. Модельски проблема аккумуляции ресурсов государствами не просматривается даже в положениях о распространении инноваций. Недовольство «порядком», установленным гегемоном, и борьба за «новый порядок» со стороны оппонента возникают как бы сами по себе. В теории Р. Коллинза, напротив, основа конфликта между государствами находится в области их конкуренции за ресурсное преимущество. Однако механизмы аккумуляции и направления эксплуатации ресурсов самим Р. Коллинзом не исследуются. Проблемы аккумуляции государством ресурсов поднимаются в

²⁰ См. подробнее: Модельски Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия // Время мира: альманах. Вып. 3: Война и геополитика. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 455–485.

²¹ В работах последней группы ученых используются как научные основания идеи Н.Д. Кондратьева о закономерности возникновения больших военных конфликтов на так называемых повышательных волнах 55– 60-летних циклов.

миросистемном подходе, что актуализирует постановку вопроса о синтезе данных направлений.

Необходимо отметить, что все указанные выше исследователи приходят к ряду сходных выводов относительно понимания роли «мировых» войн в международной политической системе. Во-первых, всеобщие или мировые войны являются переломными моментами в ходе истории. Переломные моменты предполагают изменения в системе, образование новых, ведущих структур. Во-вторых, в сравнении с другими всеобщие войны крайне разрушительны. В-третьих, господствующая власть (мировая сила) устанавливается посредством всеобщей войны. В-четвертых, всеобщие войны происходят циклами: появившаяся в результате войны власть гегемона в течение времени будет оспорена претендентами. В работах указанных выше ученых присутствует значительное количество разногласий по поводу продолжительности циклов, статуса некоторых войн, результатов господства той или иной власти, но роль войны в международной системе как механизма смены ведущей власти является признанным положением.

5. Проблемы мобилизации и активизации ресурсов государством.

Многие современные макросоциологические исследования объясняют *государство*²² через межгосударственные отношения, иными словами, через геополитику. Например, М. Манн, отмечая «трехмерность» теории М. Вебера (динамика общества выводится на основе трех секторов: государства, экономики, культуры), указывал, что у классика государство «не является ареной, где решаются внутренние экономические, идеологические проблемы, скорее, это – арена, на которой военная сила мобилизована внутри страны и используется как в ее границах, так и за ее пределами». Сам М. Манн вводит

²² При этом в современной макросоциологии и геополитической науке государство как таковое рассматривается лишь как историческая стадия развития территориальной власти, автохтонно возникающая в процессе войн при наличии демографического давления, стесненности, понимаемой как срединное расположение ресурсов вкупе с труднопреодолимой местностью, окружающей населенную территорию. См., например: Carneiro R.L. The Circumscription Theory. Challenge and Response // American Behavioral Scientist. –1988. – Vol. 31. – № 14. – P. 497–511.

еще один аспект динамики – геополитический – и исследует происхождение, механизмы и результаты автономной силы, которой государство обладает в отношении к главным силовым группировкам «гражданского общества»²³.

Относительно понимания силы государства необходимо отметить, что в современной геополитической науке сила государства оценивается не только размером территории, военной мощью, развитостью коммуникаций, как это делалось теоретиками прошлого. Сегодня государство считается сильным, если оно способно глубоко пронизывать и организовывать общественную жизнь²⁴.

Процесс проникновения государства в общество обусловлен потребностью государства в ресурсах, и если рассматривать явление в историческом плане, то в первую очередь на военные нужды. Военный фактор мобилизации ресурсов государством в современной геополитической науке и макросоциологии рассматривается как один из факторов, влияющих на развитие обществ и государств. Так, период европейской истории 1500 – 1800-х гг. в современных работах часто называется периодом «Второй военной революции»²⁵. Майкл Манн в книге «Источники социальной власти»

²³ См.: Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // *States in History* / Ed. by John A. Hall. – Basil Blackwell, 1987. – P. 110–111.

²⁴ См., например: Холл А. Джон. Государство и общества: «Европейское чудо» в сравнительной перспективе // *Цивилизации*. – М.: Наука, 1992. – Вып. 1. – С. 128–144; Evans P. *Embedded autonomy. States and industrial transformation*. – Princeton. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1995. – 323 p.; Tilly Cs. *Roads from past to future*. N. Y.; Oxford: Rowman & Littlefield, 1997. – 433 p.

²⁵ См., например: Parker G. The «Military revolution» 1560–1660-a myth? // *J. of Modern History*. – 1976. – Vol. 48. – P. 195–214; Parker G. *The Thirty years' war*. – London; N. Y.: Routledge, 2006. – 336 p.; Raymond J. *Henry VIII's military revolution. The armies of sixteenth-century Britain and Europe*. – London; N.Y.: Tauris Academic Studies, 2007. – 321 p. В это время резко возрастают размеры армий, стоимость вооружения и материального обеспечения военных частей. Государства превратились в аппараты извлечения доходов, что привело ко многим политическим последствиям, в частности, втягиванию локальных структур в национальные общества. Организация патриархальных домохозяйств все больше уступала место бюрократической организации, вначале в государстве, а затем и в экономике. Сопротивление передаче доходов государству привело к появлению аристократических коалиций, которые в случае успеха создавали парламентско-демократические режимы. Позже необходимость массовой военной мобилизации привела к привилегиям национального гражданства. Ради большего извлечения ресурсов для

рассматривает период становления нововременных государств и отмечает особую роль военной силы и военных издержек в процессе классовообразования. Он утверждает, что именно развитие государства через экспансию своих собственных ресурсов и организацию военной силы определяет, будут или нет классы мобилизованы как политические и культурные деятели. М. Манн показывает, что последовательное повышение масштаба военных издержек мотивирует проникновение государства в гражданское общество: частично для надежности финансирования, частично для мобилизации ресурсов и населения в военных целях. М. Манн утверждает, что это имело двойственное воздействие на общество: во-первых, создавало чувство национальной идентичности; во-вторых, мобилизовало классы к полновесному участию их членов на общей арене в борьбе за политическую представленность и за другие уступки в ответ на фискальные требования²⁶.

Ч. Тилли исследовал проблему нововременных государств, условий и особенностей их развития. Он показывал, что от вида экономической организации, от того, опирается ли государство на ресурсы, извлеченные из доходов городских купцов или полученные с завоеванных аграрных территорий, зависит путь развития государства – демократический или автократический. В странах современного мира, по его мнению, процессы демократизации и дедемократизации зависят от изменений государственного потенциала. Сильное государство, способное глубоко проникнуть в общество и выстроить систему согласования с гражданами путем переговоров, будет способствовать росту демократизации и ослаблению независимых центров власти. У слабых государств, напротив, меньше шансов «прорваться на демократическую территорию». Слабые, но демократические государства –

войны государство все больше проникало в общество, что создавало арену для мобилизации социальных движений.

²⁶ См.: Mann M. *The Sources of social Power*. – Vol. I-II. – Cambridge Univ. Press, 1986–1993; Mann M. *The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // States in History / Ed. by John A. Hall. Basil Blackwell, 1987. – P. 109–136. См. также: (Манн, 1987, 1993).*

это или «старые государства, сохранившиеся в своего рода географических лакунах при формировании крупных государств», или «те, которые достигли формальной независимости при покровительстве своих бывших колонизаторов»²⁷. Соглашаясь с основными выводами Ч. Тилли, следует отметить один аспект проблемы, который выпал из процесса теоретизации путей современных обществ к демократии. Самые сильные государства при помощи экономических и военно-политических рычагов способны аккумулировать ресурсы, проникая не только в глубь своих обществ, но также тех, которые существуют за пределами их государственных границ²⁸. Поэтому необходим сравнительный анализ способностей государств аккумулировать ресурсы не только с территорий, входящих в рамки их официальных государственных границ, но и с территорий влияния. Эта проблема выходит за рамки геополитической науки, но раскрывается в миросистемном подходе.

Проблема аккумуляции ресурсов и направления (территориальная экспансия и/или экспансия капитала) их использования государством обнаруживается и в современных теориях социальных революций. Так, основной тезис теории социальных революций Теда Скочпол заключается в следующем утверждении: уязвимость государства и правительства относится к проблеме кризиса ресурсов и чрезмерных государственных расходов, в том числе и на войну. Распад государства происходит в условиях кризиса государственного бюджета, когда назревает конфликт между классом административной элиты и элитой, владеющей собственностью. Этот конфликт, наряду с финансовым аспектом самого кризиса, который парализует армию и приводит к политическому распаду верхушки

²⁷ Тилли Ч. Экстракция (или способы получения средств на содержание государства) и демократия // Русские чтения. сб. материалов. – М., 2007. – Вып. 4. – С. 210.

²⁸ Следует отметить, Ч. Тилли указывает на факт «покровительства», но в чем его суть для обоих государств – этот вопрос остается нераскрытым.

государства, открывает путь революционным силам снизу²⁹. Одним из условий социальной революции является столкновение государства на международной арене с более могущественным противником. Иными словами, социальные революции свойственны странам «второго эшелона», передовые страны не склонны к социальным революциям, и положение их политических властей более устойчиво. Это, с одной стороны, требует анализа причин такой устойчивости, с другой стороны, следует задать вопрос о том, как и когда в цикле мировой гегемонии складываются условия, способствующие возникновению социальных революций.

Геополитическая проблематика присутствует в области исследований, посвященных социальной психологии и культуре. Так, право государства аккумулировать ресурсы всегда имеет идеологическое обоснование. Государство использует складывающиеся стихийно и создает само символические системы, способствующие мобилизации населения, укреплению его сплоченности и патриотизма. Здесь геополитика, как явление, обнаруживает себя через разного рода архетипы, метафоры, символы, ценности, относящиеся к населяемой земле, а также философские и научные понятия и модели («Родина – мать», «наша земля», «чужая земля», «Восток и Запад», «кровь и почва», «сила и пространство», «хартленд» и «римленд» и т. д.). В связи с этим актуальной оказывается проблема формирования символов и ментальных представлений общества относительно государства и контролируемой им территории. Характер контролируемого обществом пространства, как считали классики геополитической науки, влияет на процесс формирования социальных структур, на культурные образцы и психические свойства человека, населяющего это пространство³⁰. Во второй половине XX в. также

²⁹ См.: Skocpol T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – 448 p.

³⁰ При этом работы классиков геополитической науки сами становятся предметом анализа. Так, объемная коллективная монография «Geopolitical traditions: a century of geopolitical thought», вышедшая в 2000 г., посвящена анализу влияния религиозных

предпринимались попытки исследования взаимосвязи характера пространства и культурных образцов и психических свойств человека, например, таковой является концепция европейского пространства С. Роккана³¹. Предметом исследования ученых становилось влияние образов пространства на национальную идентификацию общества, геополитических реалий на этносоматическое своеобразие обществ³². Проблему образования и функционирования образов пространства в обществе (как правило, в российском), а также проблему роли этих образов в формировании национальной идентичности поднимают Д. Замятин (2004), Н.Ю. Замятина (1999; 2005), А.В. Иванов (2008), В.Г.Костюк (2005, 2009), К.Г. Фрумкин (2002), группа исследователей – О.И. Вендина, Л.Д. Гудков, А.Д. Криндач, – чьи работы вошли в книгу «Геополитическое положение России: представление и реальность» (2000).

б. Влияние войн на экономики стран мира.

Для геополитической науки проблема взаимосвязей явлений экономической сферы и войн традиционна. Так, Ф. Ратцель считал, что торговля и война – две формы, две стадии в процессе территориального роста. Для Р. Челлена война есть «экспериментальное поле» для всей политики в целом, в том числе и для экономполитики, проверка ее жизнеспособности³³. К. Хаусхофер видел в войне средство расширения и защиты «жизненного пространства», недостаток которого делает невозможным полноценное развитие хозяйственной и духовной сферы³⁴. А. Мэхэн указывал на первостепенное значение развития военного флота для

ценностей и социальных установок, а также политической ангажированности на содержание геополитических концепций.

³¹ Rokkan S. State formation, nation-building and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Ed. by Flora P., Kuhnle S., Urvin D. – Oxford.: Oxford Univ. Press, 1999. – 424 p.

³² См., например: Dijkink Gertjan. National identity and geopolitical visions. Maps of pride and pain. – London; N. Y.: Routledge, 1996. – 188 p.

³³ Челлен Р. Государство как форма жизни. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 113.

³⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – 426с.

страны в целях получения превосходства и контроля за движением торговых судов противников, важнейшего, по его мнению, звена мирового процесса аккумуляции богатств.

Экономические исследования, посвященные данной проблеме, появляются также в периоды по окончании мировых войн. Работы исследователей этого времени отчетливо показывали, что мировые войны могут оказывать как отрицательное, так и положительное влияние на состояние экономик. Так, исследованию предвоенных и военных экономик стран мира посвящены работы шведского ученого Эли Гекшер (1917) и американских экономистов Дж. Блэра, Х. Хаугтона, М. Роуза (1948). Э. Гекшер изучал внутренние и внешние причины убыли капитала в военный и послевоенный периоды³⁵. Внутри страны убытки связаны не только с прямыми разрушениями средств труда, но и с падением курса ценных бумаг, уменьшением доходности предприятий, отрывом от производства квалифицированной рабочей силы. Начало войны сказывается на работе банков, которые перестают выдавать кредиты. Значительные ресурсы страна должна потратить на перевод экономики на военные рельсы, что вместе ведет, с одной стороны, к сокращению производства товаров первой необходимости, продуктов питания и, как следствие, к спекуляции; с другой стороны, к безработице (в начале войны) и уменьшению спроса. Государственная казна испытывает сокращение налоговых поступлений. Внешние нарушения вызваны тем, что при возрастании потребностей в импорте товары на экспорт практически перестают производиться и расчеты осуществляются под внешние кредиты. Помимо этого, война меняет международную сеть торговых отношений, а в зависимости от географии военных действий могут меняться торговые пути, пункты подвоза и т.д. Чем ближе театр военных действий, тем значительнее разрушения экономики. При затягивании войны внешние и внутренние нарушения экономики

³⁵ См.: Гекшер Э. Экономика мировой войны / пер. с шведского; под ред. К.К. Теандера. – Петроград: Задруга, 1917. – 216 с.

провоцируют социальные конфликты, недовольства и бунты. «Мирный кризис» может протекать еще тяжелее, чем начало войны. Возникает резкая потребность в трудоустройстве массы демобилизованной рабочей силы, стремление не допустить роста безработицы вынуждает продлевать оккупацию завоеванных территорий и соответственно изыскивать ресурсы на эти цели. Перевод производств на мирные рельсы может обнаруживать невостребованность ряда производств, которые были созданы для производства товаров, восполняющих недостаток импортных.

Если в работе Э. Гекшера уделено внимание отрицательным эффектам войны в области экономики, то группа американских исследователей Дж. Блэр, Х. Хаугтон, М. Роуз, напротив, обнаруживают положительное влияние Первой и Второй мировых войн на концентрацию капитала и производства, а также на позиции монополий в экономике США.

Влияние войны на рост экономик великих держав изучали К. Раслер и В. Томпсон, Д.С. Гольдштейн, Чарльз Х. Файнштейн, П. Темин, Д. Тоньооло³⁶. Проблема взаимосвязей военной силы с торговлей исследовали Майкл П. Джерас, Эдвард Шаффер³⁷. Американский экономист Найл Фергюсон на примере истории взаимоотношений Британии и ее колоний, а также с другими мировыми державами в период 1700–2000 гг. исследует взаимосвязи капитала и военного могущества. Однако интерпретация истории Н. Фергюсоном построена как апология колониальной политики. Он утверждает, что Британская империя принесла для колоний несравненно

³⁶ См., например: Goldstein J. S. Long cycles: prosperity and war in the modern age. – New Haven, London: Yale Univ. press, 1988. – 433 p.; Goldstein J.S. The real price of war. How you pay for the war on terror. – N. Y.; London: New York Univ. Press, 2004. – 329 p.; Rasler K, Thompson W. War and the economic growth of Major powers // American J. of Political Science. – 1985. – Vol. 29. – Is. 3. – P. 513–538; Rasler K., Thompson W. The great powers and global struggle, 1490-1990. – Univ. Press of Kentucky, 1994; Feinstein Charles H., Temin Peter, Toniolo Gianni. The world economy between the world wars. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – 222 p.; Gerace M.P. Military power, conflict and trade. – London: FRANK CASS PUBLISHERS, 2004. – 297 p.; Shaffer Edward H. Peace, war and the market // The Canadian J. of Economics. – 1996. – Vol. 29. – Special Is.: Part 2. – P. 639–643.

³⁷ См.: Gerace M.P. Military power, conflict and trade. – London: FRANK CASS PUBLISHERS, 2004. – 297 p.; Shaffer Edward H. Peace, war and the market // The Canadian J. of Economics. – 1996. – Vol. 29. – Special Is.: Part 2. – P. 639–643.

больше пользы, чем вреда, а именно: либеральные ценности, становление рынка свободной торговли поддерживали стабильное, относительно мирное состояние в регионах³⁸. Значительный материал представляет анализ экономических теорий войны и мира, осуществленный Фани Коуломб³⁹.

Проблемы военно-экономического могущества государства изучались советскими учеными. В условиях мощного идеологического давления изучением зависимостей военного потенциала государства от экономического потенциала общества, исследованием и моделированием структур роста военно-экономического потенциала государств занимались А.А. Малюк, Л.Б. Юскова, А.И. Пожаров, В.С. Дадаян, К. Кнорр, В.В. Чикин. Заслуживает внимания историко-статистическое исследование влияния войн на демографические изменения воюющих держав Европы Б.Ц. Урланиса (1960). В последние десятилетия отечественные исследования проблем экономики и войны чаще всего относятся к текущим задачам российского государства⁴⁰.

В отечественной литературе проблема влияния войны на развитие общества раскрывается в исследованиях историков И. М. Дьяконова (1994), А.В. Коротаева (1995), С.А. Нефедова (2008). Следует отметить, что в большинстве работ этих ученых предметом исследования выступают древние общества. И.М. Дьяконов в книге «Пути истории» выделил восемь фаз в развитии человечества, опираясь не только на критерий системы производственных отношений, сформулированный К. Марксом, но также на критерий уровня развития вооружений и состояния социально-психологических процессов.

³⁸ См.: Ferguson N. The cash nexus. Money and power in the modern world, 1700–2000. – N. Y.: Basic Books, 2006. – 352 p.

³⁹ Coulomb F. Economic theories of peace and war. – London; N. Y.: Routledge, 2004. – 273 p.

⁴⁰ См.: Сильников М.В. Контрактный механизм закупок вооружения и военной техники (теоретический и организационно-правовой анализ): монография. – СПб.: СПбУ МВД России, 1999. – 123 с.

7. Проблемы геополитической динамики России и способность аккумулировать ресурсы российским государством.

Геополитики конца XIX – первой половины XX вв. расходились в понимании движущих причин развития обществ. В этот период формируются два основных противоположных представления о благоприятных условиях развития – идея морской торговли как основы единого мирового организма и идея автаркии территориально обширных континентальных экономик. В соответствии с этими различиями исследователи оценивали трудности и перспективы развития России. Так, А. Мэхэн и Р. Челлен видели будущее России весьма скромным и обосновывали это ее стратегической позицией относительно возможностей ведения морской торговли⁴¹. Гораздо более оптимистичным видел будущее России Х. Маккиндер. Он был убежден, что Россия, контролируя «хартленд», опираясь на современные средства транспортировки грузов, сможет аккумулировать ресурсы, не прибегая к услугам морских стран, а следовательно, не подвергая свои международные торговые связи опасности. Даже ослабленная революциями Россия казалась ему опасным соперником в битве за мировое господство.

Евразийцы, являясь продолжателями историчесофской мысли славянофилов (А. Хомякова, И. Киреевского, С. Аксакова и др.) и Н.Я. Данилевского, делали акцент на особенностях ее «месторазвития», самобытности культуры, уникальности внутреннего мира и судьбы. По

⁴¹ А. Мэхэн в конце XIX в. призывал морские страны воспользоваться своим преимуществом и контролировать внешнюю торговлю России – крупнейшей континентальной страны, построив морские базы вдоль евразийского побережья. Р. Челлен в разгар Первой мировой войны констатировал «вялое экономическое развитие России». Содержащая в своей основе «две части мира», она расположена «вне главных мировых торговых путей», что мешает ей, писал он, «выйти из тени на солнечную сторону экономического развития» (Челлен. Указ. соч., с. 144). В преддверии Первой мировой войны экономика России, считал Р. Челлен, находилась в колониальном положении «по отношению к Германии и Франции, игравшими для нее роль метрополии» (там же, с. 215). Будущее России шведский мыслитель связывал с ее срединным положением между Западом и Востоком. Он видел в ней служащий «делу Европы» «всемирный буфер между белой и желтой расами» (там же, с. 144).

мнению евразийцев, благоприятные условия развития для России обеспечивала автаркическая экономика. Несомненно, идея полной автаркии, такой, какой мы обнаруживаем ее еще в трудах И.Г. Фихте⁴², а наиболее ярко в XX в. она представлена в статьях К. Хаусхофера, сегодня кажется абсурдной⁴³. Однако следует отметить положительный момент этих работ. Полемика относительно благоприятных условий развития общества была, по сути, полемикой о том, внутренний или внешний рынок должен быть главным источником накопления ресурсов и военно-политического могущества. Они видели, что мировая экономическая система в своей истории претерпевала периоды кризисов и эпохи политики меркантилизма, а перед евразийцами к тому же был очевидный пример бурного развития Советской России, частично сумевшей разорвать экономические связи с капиталистическим миром и сделать внутренние структуры локомотивом роста. Все это подводило их к мысли, что для разных стран мира может быть благоприятны разные экономические стратегии развития, но они понимали такой разрыв не как циклически преходящее состояние, свойственное лишь для определенного типа стран, что будет гораздо позже зафиксировано в работах Дж.Арриги, а как норму бытия всех континентальных территориально обширных стран.

Теоретические модели геополитики конца XIX – первой половины XX вв. оказались чрезвычайно востребованными отечественными исследователями в конце XX в. Образовавшийся в результате отказа от марксизма недостаток методологического инструментария в социальных дисциплинах пополнялся из арсенала ранее запрещенных наук. Первые отечественные исследования носили обзорный характер, были несвободны от идеологических предпочтений, а также страдали отсутствием в содержании современных научных геополитических теорий, они внесли заметный вклад в

⁴² См.: Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство: в 2 т. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. II. – С. 225–357.

⁴³ В.С. Диев и В.В. Лыгденова отмечают невыгодность для государств процесса дезинтеграции из мирового пространства (Диев, Лыгденова, 2011. – С. 102); А. Н. Чумаков указывает на бесперспективность варианта автаркии и самоизоляции государств в современном мире (Чумаков, 2011. – С. 211).

осознание геополитики как реальности отечественным научным сообществом⁴⁴. Публикации, содержащие критический анализ геополитических зарубежных концепций и ряда отечественных авторов, появляются позже⁴⁵. Проблему расширения предметного поля современной геополитической науки поднимали И. В. Ильин, А. Д. Урсул, М. П. Яценко. Глубокие исследования российской геополитической научной традиции были проведены А.И. Беговатовой, Зиневич О.В., А.В. Ивановым, И.Ф. Кефели, Л.Д. Козыревой, Ю.В. Попковым, Е.А. Тюгашевым, М.Ю. Шишиным и др. В результате появилась возможность более взвешенно использовать теоретические построения и метафизические схемы геополитической науки для объяснения и описания процессов в современной России.

Анализ современных геополитических реалий России и связанных с ними проблем представлен в работах: М. А. Абрамовой, Г.С. Гончаровой, В. Г. Костюка (2011); Д.С. Айвазян (2013); А. А. Акаева (2009); В. К. Белозерова (2012); Л. А. Безрукова (2006); А.В. Бузгалина (2010); К. С. Гаджиева (1996, 1997); Г. Гельбраса (1995); А.Н. Глинкина, В. В. Кузьмина (2004); В. С. Диева, В. В. Лыгденовой (2011); М. Делягина, В. Шеянова (2009); В. А. Дубовцева (2008); Е. А. Ерохиной (2012); Д. Н. Замятина (1998, 2004); Л. Г. Ивашова (2009, 2012) В.Л. Иноземцева (2002, 2007); Б.А. Исаева (2009); М.В. Ильина (1998); С.А. Карганова (2009); Б.Н. Кузыка (2006); В.А. Ламина (1998); Д.С. Львова (2002); Н.Н. Моисеева (1996); Ю.В. Москвич, В.С. Диев (2013); А.Н. Новикова, М.С. Новиковой (2008); И.Н. Новиковой (2009); В.И. Пантина (2001); В.И. Пантина, В.В. Лапкина (2006); В.Б. Пастухова (2001); А.С. Панарина (2004); О.В. Плебанек (2012); К. Плешакова (1994); Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка (2012); И.А. Пфаненштиля (2006; 2009; 2013); В.А. Роббек, В.Г. Костюка, С.М. Баишевой (2006); Н.С. Розова (1997, 2011); Ю.В. Синчук (2012); К.Н. Соколова; К. Сорокина (1995); С. Тархова (2005); Р. Туровского (2004, 2005); Д.С. Федотова (2013); В.Л. Цымбурского (1993, 1997); П.В.

⁴⁴ См.: Э. Поздняков (1995), А. Дугин (1997), Ю.Тихонравов (1998), Н. Нартов (1999).

⁴⁵ См.: В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский (2001).

Чернова (1999, 2003); С.И.Черных (2007, 2013); А.Н. Чумакова (2011); М.А. Чешкова (1999); В.С. Шмакова (2007, 2008); Р.М. Эмирова (2014); В.И. Якунина (2006); Яшковой Т.А. (2012) и др. Следует, однако, отметить, что при всех очевидных положительных изменениях, произошедших за последние двадцать лет в понимании отечественным научным сообществом геополитической проблематики, арсенал теоретического инструментария для анализа основ геополитической динамики современной России остается скромным даже там, где предпринимаются попытки сложных многофакторных исследований динамики российского общества (см. 1.3.). Отсутствует теоретическое основание, позволяющее при исследовании геополитических процессов учитывать сложную структуру множественных современных обществ.

Делая предварительное заключение относительно степени разработанности проблемы, необходимо отметить, что в геополитической науке имеются представления о наличии качественных различий в условиях бытия стран современного мира (большой или малой территории, включенности общества в мировую систему или его автаркического существования, преимуществах экономик «стран моря» или «стран суши», наличии у общества «сильного» или «слабого» государства и т. д.), а также соответствующих этим различиям путей ресурсного роста и развития обществ. Однако в геополитической науке нет работ, где бы указанные различия обобщались и были представлены на уровне теоретической модели со сложной структурой множественных современных обществ. Осуществить такие обобщения в рамках только геополитической науки не представляется возможным в силу ограниченности ее предмета – соперничества политических обществ за пространство.

Миросистемная динамика

Борьба за капитал – одна из главных характеристик капиталистического общества. Усилия представителей миросистемного подхода направлены на изучение способностей разных обществ в условиях

конкуренции аккумулировать капитал и использовать его в целях собственного развития. Базовая предпосылка всех миросистемных исследований заключается в том, что динамика любого современного государства является не просто результатом комплексных взаимодействий локальных и глобальных процессов, а результатом мирового производства капитала и его распределения.

Идею о капитализме как о расширяющейся экономической системе находим у Карла Маркса и Фридриха Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии». Однако классики не занимались изучением закономерностей функционирования мирового рынка, они допускали упрощение теоретической модели, полагая, что мировой рынок по своей структуре подобен внутреннему рынку Англии. При этом К. Маркс (в работах, посвященных Индии) положительно оценивал результаты включения периферии в мировой капиталистический рынок. Он полагал, что, несмотря на эксплуатацию со стороны метрополии, периферии и колонии выигрывали от своего зависимого положения, так как оно двигало их по пути индустриализации и прогресса. При этом модель развития у стран одинаковая, передовая страна лишь опережает по темпам развития. В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс пишет: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁴⁶.

В. И. Ленин и Р. Люксембург, изучая капитализм как мировую эволюционирующую систему, делали выводы, отличные от выводов К. Маркса. Р. Люксембург делила мир на две области: мир капитализма и окружающую его некапиталистическую среду. Окружающая мир капитализма среда содержит в себе общества, радикально отличные друг от друга, но в отношении капитала эта внешняя для него среда является сферой его потенциального расширения и роста. Р. Люксембург показала, что

⁴⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. – Кн. 1: Процесс производства капитала. – С. 9.

эксплуатация стран периферии странами ядра закономерна и служит механизмом стабилизации развития капиталистической системы в фазе перенакопления капитала. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин настаивал на сугубо эксплуататорском характере империалистской политики колониальных стран и полностью отрицал положительный эффект зависимости⁴⁷. Он обнаружил, что сверхэксплуатация рабочей силы колоний позволяет создавать рабочую аристократию и снижать накал классовых противоречий в метрополиях. Иными словами, в работах В.И. Ленина и Р. Люксембург обнаруживается идея о международной системе разделения труда как источнике социального благополучия империалистических стран и основе мировой иерархии. Такое понимание международной системы разделения труда полностью противоречило выводам широко распространенной в XIX в. теории сравнительных преимуществ, впервые сформулированной Р. Торренсом и Д. Риккардо. Международная система разделения труда, в их понимании, напротив, является основой роста благосостояния каждого общества, включенного в эту систему. Они считали, что формирование международной специализации стран на производстве определенных видов товаров, в зависимости от уровня затрат на производство, позволяет каждой стране в условиях свободной торговли получить максимальную прибыль от внешнеторгового обмена. Теория Р. Торренса и Д. Риккардо подвергалась яростной критике уже в XIX в.: так, американский политик и экономист Александр Гамильтон защищал идею государственной поддержки,

⁴⁷ Как отмечает Е. Привалова, противоречия марксистской и ленинской интерпретации создали весьма существенные проблемы для советской историографии. Имевшие место в 1930-е гг. попытки оценить политику российского самодержавия в Средней Азии в соответствии с идеями К. Маркса как прогрессивную вступали в противоречие с ленинской оценкой империализма. Концепция В.И. Ленина «задала теоретическую рамку, с помощью которой в течение ряда лет анализировались мотивы и последствия завоеваний не только Средней Азии, но и других окраин империи. Но утверждение о колониально-эксплуататорском характере российского правления на окраинах бросало тень на экономические отношения между Россией и другими советскими республиками. В результате этот тезис стал постепенно выходить из употребления» (Привалова, 2006, с. 140–141).

заменяющей импорт индустрии; немецкий экономист Фридрих Лист указывал, что теория Д. Риккардо отражает интересы Англии и необъективные процессы в экономике, следование на практике данной теории в длительной перспективе, считал он, приведет к консервации отсталости стран, поставляющих на мировой рынок сырье и хлеб.

Следует отметить, что при разработке теоретической концепции империализма В. И. Ленина и Р. Люксембург опирались на труды своих предшественников и современников. Так В.И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» критически использует идею К.Каутского о стремлении каждой нации, достигшей стадии империализма, «присоединять к себе или подчинять все большие аграрные ... области»⁴⁸, опирается на результаты исследования финансового капитала Р. Гильфердинга, Н.И. Бухарина и др.

Последовавший после окончания Второй мировой войны распад колониальной системы обнаружил, что проблема разделения труда в мировой системе и мировой иерархии не утратила своей актуальности, зависимость периферии от ядра трансформировалась, но осталась. Сущность, причины, следствия зависимости стран периферии от стран ядра и их неравного развития оказались в центре дискуссий представителей миросистемного подхода (см. 2.4.) Его представители, в частности И. Валлерстайн⁴⁹, К. Чейз-Данн, А.Г. Франк, С. Амин и др., также защищают тезис о том, что международное разделение труда является не только источником, но и результатом развития мировой системы, результатом, который способствует

⁴⁸ Цит. по Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Москва: Изд-во «Политическая литература», 1985. – С. 405.

⁴⁹ Критические замечания относительно миросистемной теории И. Валлерстайна делали отечественные исследователи И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян (2002), критику прогностических способностей осуществляли В.И. Пантин и В.В. Лапкин (2006, с. 204–209; 285–287). Анализу теоретических изысканий И. Валлерстайна посвящены работы А.И. Фурсова (1992 (а); 1992 (б), 2008), М.Н. Грачева (2006). Обзоры идей И. Валлерстайна представлены в целом ряде учебников и учебных пособий, например, В.А. Колосова, Н.С. Мироненко (2005), Б.Г. Могильницкого (2008).

социально-экономическому росту одних стран и стагнации – других, усилению государств ядра и ослаблению государств периферии.

Согласно современному миросистемному подходу оценка влияния стран ядра на страны периферии оценивается по-разному: присутствует как идея прогрессивного воздействия (К. Маркс), так и идея эксплуатации (В.И. Ленин, Р. Люксембург). Постулируя тезис о *взаимосвязи* развития обществ разных уровней миросистемы, представители данного направления, однако, по-разному оценивают ее характер. Одна группа теоретиков утверждает, что ядро эксплуатирует периферию и результаты этой эксплуатации негативно сказываются на темпах развития обществ⁵⁰. Другая группа ученых (Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос, К. Чейз-Данн) делает акцент на прогрессивное воздействие стран ядра на страны периферии (при этом часто без ссылки на К. Маркса). Полемика между представителями этих двух направлений, соответственно, теории зависимости и теории зависимого развития, ведется вокруг содержания понятия «развитие отдельных структурных единиц миросистемы». Ф. Кардозо и Т. Дос Сантос уделяют внимание трансформации внутренних экономических структур общества, происходящей под воздействием экспансии иностранного капитала и ведущих к росту капитала внутреннего. В результате они утверждают, что развитие, хотя и ограниченное зависимостью от поступления иностранного капитала, возможно. А.Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги и др. делают акцент на положении общества в мировой иерархии, а поскольку переход обществ в высшую страту оказывается чрезвычайно редким явлением, то в целом развитие обществ оказывается иллюзией. Граница развития, задаваемая странами ядра, постоянно отстывает. Индустриализация, предоставление ряда социальных и политических свобод, улучшение условий труда и быта населения стран полупериферии и периферии носят, по их мнению, именно такой характер. Место стран данных уровней миросистемы в иерархии мирового богатства,

⁵⁰ Особенно очевидна эта идея в ранних работах А.Г. Франка, а также в трудах И. Валлерстайна.

сетей неравного обмена, международного могущества и престижа остается в рамках прежней структуры. В связи с этим в отношении полупериферийных и периферийных стран термин «развитие» используется часто в сочетании с термином «предел» (имеющим недостаточно ясное содержание). Редкие случаи изменения структурной позиции страны, как правило, называются «переходом». В зависимости от направления перехода в миросистемной иерархии различают «переход вверх» и «переход вниз».

Следует отметить, имеющиеся разногласия не принципиальны. Различия в трактовках термина «развитие отдельных структурных единиц миросистемы» позволяют увидеть динамику общества как с внешних, так и с внутренних позиций, что может стать основой синтеза их теоретических разработок. Тем более что представители обоих направлений признают факт зависимого развития периферийных стран от процессов, происходящих в ядре, и утверждают, что *динамические модели стран разных уровней миросистемы взаимосвязаны, но различны*⁵¹.

В миросистемном подходе термин «развитие» используется для обозначения *поступательных прогрессивных изменений, происходящих на уровне системы в целом и/или на уровне ее отдельных структурных единиц, составляющих устойчивые группы стран – ядро, полупериферия и периферия*. Относительно понятия «развитие системы» следует отметить, что представители миросистемного подхода рассматривают капитализм как циклически эволюционирующую систему. Возможности системы в начале каждого цикла возрастают. При этом возрастают возможности не только ядра, но также полупериферии и периферии⁵². *Изменения, связанные с*

⁵¹ Наибольшими различиями обладают модели развития стран ядра и периферии, поэтому выявление соответствия динамики общества той или иной модели развития позволяет констатировать, к какому уровню миросистемы следует это общество отнести. Сложности возникают при выделении полупериферийных стран и анализе положений стран внутри каждой группы.

⁵² В этом плане можно привести пример США в период борьбы за независимость; России после революции 1917 г.; Китая 1949 г. (когда помощь разоренного в войне СССР оказывается достаточной, чтобы внутренние силы Китая смогли сделать поворот в

ростом возможностей капиталистической миросистемы в целом от цикла к циклу, рассматриваются как развитие миросистемы. Такие изменения носят качественный характер, они являются результатом вызревания противоречий на введение системных инноваций странами ядра, в первую очередь флагманом миросистемы – ее гегемоном. Развитие в рамках структурных единиц – это изменения, происходящие в странах ядра, полупериферии и периферии в процессе расширения миросистемы, как правило, в рамках одного цикла.

Следует также отметить, что в зарубежной литературе примерно с 1970-х гг. вне рамок миросистемного подхода активно обсуждается вопрос о «цене империй». Целый ряд исследователей-экономистов (Чарльз Киндлбергер, Мартин Спеклер, Ниол Фергюсон, Лэнс Дэвис, Роберт Хаттенбэк, Патрик О’Брайан) утверждают, что периферия процветала за счет стран ядра, которые терпели крупные издержки, создавая периферии особые покровительственные режимы – политическую стабильность, отсутствие внутренних войн, защиту от внешнего противника, условия для развития свободного рынка, внедрение новых средств производства и коммуникаций и др. Главным контраргументом сторонников идеи эксплуатации периферии ядром является пример Японии, которая не подверглась экономическому воздействию европейского империализма в такой степени, как это произошло, например, с Китаем и Индией, и показывала высокие темпы развития уже в конце XIX в. Относительно «цены империй» следует указать еще на два момента. Во-первых, с позиций геополитической науки следует уточнить, что авторы данного направления отметили лишь одну сторону геополитических динамик метрополий, а именно – большие экономические затраты на удержание власти в колониях, но упускают из вида, что негативный эффект этих затрат начинает ощущаться экономикой и обществом далеко не сразу. Во-вторых, ученые, склонные переоценивать

развитии страны), Аргентины во время Второй мировой войны; Индии при Махатма Ганди).

положительное влияние метрополий и их затраты, исходят из положения о том, что война, средства массового насилия и обеспечения порядка по своей сути являются затратной статьёй бюджета, а то, что потребность совершенствования и развитие этой сферы может стать одной из главных сил положительной динамики общества и закрепления за ним доминирующих позиций в системе, остается вне рамок исследований. И все же, несмотря на то, что работы названных авторов подверглись обоснованной критике за попытку «облагородить империализм», как выразилась Е. Привалова, «только по бухгалтерским данным», игнорируя нематериальные выгоды, наблюдаемая полярность взглядов в современной науке заставляет вернуться к проблеме экономической и территориальной экспансии, но уже на основе синтеза миросистемного подхода и теорий геополитической науки. Этому способствует наличие экономических исследований источников бурного роста ряда стран современного мира (Аргентины, Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Малайзии, Мексики, Тайваня, Тайланда, Турции, Чили, Южной Кореи) и механизмов их сдерживания⁵³.

В отечественной литературе миросистемный подход используется в моделях макроисторической динамики. Использование миросистемных моделей обнаруживается в рамках развернувшейся в отечественном научном сообществе полемики о применении математических методов для моделирования исторических процессов в аграрных обществах и развития государства (П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, Г.Г. Малинецкий, С. Ю. Малков,

⁵³ См.: Amsden A.H. The rise of the «the rest»: challenges to the West from late-industrializing economies. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004. – 414 p.; Amsden Alice H., Wan-wen Chu. Beyond late development Taiwan's upgrading policies. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – 207 p.; Barton J.R., Gwynne R.N., Murray W.E. Competition and co-operation in the semi-periphery: closer economic partnership and sectoral transformations in Chile and New Zealand // The Geographical Journal. – 2007. – Vol. 173. – Is. 3. – P. 224–241; Li M. The rise of China and the demise of the capitalist world-economy. – London: Pluto Press, 2008. – 233 p.; Жирнов О.А., Шереметьев И.К. Новое «издание» панамериканизма: Латиноамериканская политика Дж. Буша: аналит. обзор / отв. ред. Л.В. Коваленко. – М., 2005. – 132 с.; Задрожный М. Историческая анатомия аргентинского кризиса // Космополис. – 2007. – № 1 (17). – С. 11–26.

А.В. Коротаев, Н.С. Розов, С.А. Нефедов, Ю.Е. Березкин и др.)⁵⁴. В.И. Красиков опирается на идеи И.Валлерстайна при исследовании феномена насилия и терроризма в истории человечества⁵⁵. Проблемам перехода России к состоянию периферийного общества посвящены работы Б. Кагарлицкого (2003), О. Эдельман (2003), В. Катасонов (2011).

Отечественный исследователь А. И. Фурсов довольно точно отметил, что «интерпретация русской/советской истории – самое слабое, если не провальное место в МСА (миросистемном анализе. – А. И.)»⁵⁶. Б.Ю. Кагарлицкий, опираясь на наследие «школы Покровского» и миросистемный анализ, подвергает критике выводы, сделанные И. Валлерстайном относительно России, и предлагает собственную интерпретацию российской истории IX – начала XXI вв. Однако, при всех имеющихся достоинствах, в данном исследовании присутствует серьезное упрощение теоретической модели миросистемы, бинарная модель Б.Ю. Кагарлицкого «центр–периферия» не позволяет перейти к теоретическому осмыслению имеющихся в истории России тенденций к «изоляциялизму», исследовать отношения Москвы и внутренних периферий.

Анализ конкретных случаев геополитической и миросистемной динамики России был проведен с привлечением эмпирического материала отечественных и зарубежных исторических исследований. Проблема генезиса и развития российского капитализма была рассмотрена с опорой на такие коллективные монографии отечественных ученых как «Переход от феодализма к капитализму в России» (1969), «История крестьянства в

⁵⁴ См.: История и математика: макроисторическая динамика общества и государства / отв. ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: КомКнига, 2007. – 184 с.; История и математика: концептуальное пространство и направление поиска / отв. ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 272 с.

⁵⁵ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Изд-во «Водолей», 2010. – 200 с.

⁵⁶ Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) // И. Валлерстайн. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – С. 61.

Европе. Эпоха феодализма» (1986), публикаций А.Г. Манькова (1951), А.Т. Хрущева (1979), А.В.Димкина (1993), В.Н. Захарова (1996), С.В. Ширяевой (2001). Для написания данной работы стал значимым ряд коллективных публикаций, посвященных истории взаимодействия российских окраин с имперским центром. Интерес в этом плане представляет исследование влияния Российской империи на ее западные окраины, малые народы Севера, Северный Кавказ, Центральную Азию, Сибирь⁵⁷. Особо следует отметить вышедшую в 2006 г. монографию Е. Приваловой «Финансы и империя: деньги и власть в политике России на национальных окраинах». Данная монография посвящена проблеме согласования геополитических целей с внутренними задачами социального и экономического развития России XIX – начала XX вв., в частности, анализу финансовых отношений российского правительства и периферийных регионов империи. Несомненными достоинствами исследования Е. Приваловой является стремление отобразить влияние особенностей имперской системы (многонациональности, асимметрии регионального развития и правовой гетерогенности, активной внешней политики и стремления к расширению) на функционирование финансовой системы и, напротив, то, как финансовые императивы влияли на цели и механизмы имперской политики.

Чрезвычайно своевременным для написания данной работы стал выход в свет коллективного исследования по экономической истории СССР под руководством Л.И. Абалкина⁵⁸. В исследовании использовались статистические данные о развитии России XX–начала XXI вв., а также

⁵⁷ Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.; *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.; Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.; Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

⁵⁸ Экономическая история СССР: очерки. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 496 с.

теоретические выводы отечественного ученого В.М. Симчеры⁵⁹. Проблема трансформации постсоветских обществ была рассмотрена с использованием результатов исследований современных авторов – С. Гуриева (2006), И.Ф. Грушнина, Р.Ш. Нуриддинова (2008), А. Егиазаряна (2013), Е.В. Казанцевой (2012), А. Подберезкина, Б. Булатова (2010), Полтеровича (1999, 2007, 2012), В.М. Полтеровича, В. Попова (2012), Б. Рончевича (Roncevic Borut) (2002), В.С. Шмакова, Ю.С. Сердюковой (2008)⁶⁰, . Влияние сырьевой экономики на региональное развитие нашли отражение в работах Г.В. Анисимовой (2010), Л.В. Безрукого (2011), Е. Курбангалеевой (2003), М.В. Мильчакова (2012), Я.В. Вутяновой (2013). Проблема отрицательных эффектов влияния иностранных инвестиций на развитие экономики России поднималась в трудах Е.А. Кашкаревой (2007), В.Ю. Катасонова (2013). Проблему внутренних и внешних факторов в механизмах трансформации посткоммунистических обществ их конкурентоспособности в миросистеме поднимали Т.И. Заславская, В.А. Ядов (2008). Процессы развития социальной сферы и перспективы российского общества исследовались с привлечением выводов В.В. Боброва (2007), А.В. Бузгалина (2010), Н.Г. Гловацкой (2009), С. Гуриева (2006), О.В. Зиневич (1999, 2010), Б.О. Майера (2008), Д. Медовникова (2008), О.Д. Олейниковой (2010), И.А. Пфаненштиля (2006, 2009, 2012, 2012), В.Н. Сырова (2013), Н.В. Кулипановой, Е.В. Ушаковой (2012), Н.М. Чуринова (2012), сотрудников отдела социологии Института философии и права СО РАН А. М. Аблажея (2007), М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой, В. Г. Костюка (2011), Н. В. Наливайко (2008, 2012), Е. В. Покасовой (2008), Ю.В. Попкова, В. Г. Костюка (2012) , Д. В. Ушакова (2009), В. С. Шмакова (2007, 2008).

⁵⁹ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007. – 683 с.

⁶⁰ См.: Roncevic Borut. Path from the (semi)periphery to the core: on the role of socio-cultural factor // IES Proceedings. 1.1. (November 2002). – P. 1–26; Шмаков В.С., Сердюкова Ю.С. Исследование процессов социальной трансформации постсоветских обществ в условиях глобализации // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – Вып. 2. – С. 102–107.

Использовались материалы Федеральной службы статистики, Государственной Думы, тексты выступлений Президента и членов Правительства РФ, интервью представителей региональных властей.

Проблема синтеза теории геополитической динамики и теорий миросистемного подхода

Подходя к проблеме синтеза миросистемного подхода и геополитической теории Р. Коллинза (будем называть ее ниже теорией геополитической динамики), необходимо отметить, что главные исследования, проведенные в рамках этих двух направлений, имеют разные философские и научные основания, соответственно, марксизм и веберизм. В западной литературе анализ работ К. Маркса и М. Вебера привел ученых к пониманию неполноты обеих концепций в области теории государства (Т. Скочпол, М. Манн, Ч. Тилли, Р. Коллинз). Проблема решается путем объединения данных теорий таким образом, что в теории государства становится возможным рассмотрение как внутренних, экономических, социально-политических, идеологических проблем, акцентируемых в марксизме, так и внешних – геополитических⁶¹. Например, Т. Скочпол в равной мере привлекает работы К. Маркса и М. Вебера, которые оба, несомненно, находились под влиянием немецкой милитаристской традиции. Поддерживая марксистскую традицию, она отмечает, что «причины социальных революций лежат не в целенаправленной деятельности, интересах, эмоциях, идеях иных психологических и идеологических явлениях, а в структурных изменениях социальной системы общества»⁶². При анализе социальных революций также необходимо, считает Скочпол, учитывать международное, прежде всего,

⁶¹ См. об этом подробнее: Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 (а). – С.234–278.

⁶² Skocpol T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 14–18.

военно-политическое положение страны⁶³. Она пишет, что государство детерминировано «во-первых, структурой социальных классов, во-вторых, внешним заказом государству – позицией государств по отношению друг к другу и их общей позицией в мире». Последние положения она развивает в терминах военных отношений. Т. Скочпол утверждает, что в связи с этим существует два основных «набора задач», которые берут на себя верхушки административной, полицейской и военной организаций, что более или менее координируется исполнительной властью и для которых выкачиваются ресурсы из общества. Эти поддерживаемые ресурсами административные и принудительные организации являются «по существу, основой государственной власти». Эта власть может быть использована с некоторым уровнем автономии или против доминирующего класса, или против внутренних военных, мирных группировок и иностранных государств⁶⁴. Следует отметить, Р. Коллинз тоже ссылается на работы Т. Скочпол. Теория геополитической динамики Р. Коллинза построена на определении М. Вебера, которое является «жестким» ядром его научно-исследовательской программы (по И. Лакатосу), но когда он отвечает на вопрос, как происходит сам процесс распада государства, то использует разработки Т. Скочпол и Д. Голдстоуна. Более того, с середины 1960-х гг., по словам Р. Коллинза, начался «Золотой век макросоциологии», в которой главной чертой изучающей макропроцессы науки является «взаимодействие веберовских и марксистских идей»⁶⁵. Довольно часто в отечественной литературе идеи М. Вебера противопоставляют идеям К. Маркса. В этом плане следует отметить, что сам М. Вебер признавал эвристическое значение теоретических выводов своего великого предшественника. Он писал: «... все специфические марксистские „законы“ и конструкции процессов развития (в той мере, в

⁶³ Ibid. P. 24.

⁶⁴ Skocpol T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 29– 30.

⁶⁵ См.: Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 74; (Вебер, 1990, с. 404).

какой они свободны от теоретических ошибок) идеально типичны по своему характеру. Каждый, кто когда-либо работал с применениями марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью...»⁶⁶.

Р. Коллинз первым обозначил проблему синтеза теорий геополитики и миросистемного подхода. По его мнению, изменение положения государства в иерархии миросистемы – ядро–полупериферия–периферия–хинтерленд (внутренние земли) – происходит вследствие геополитических процессов. Государства, бросавшие вызов гегемониям (например, Германия в первой половине XX в.), поднимались не просто как экономические конкуренты, это были государства, у которых наиболее быстро росли геополитические преимущества⁶⁷.

Среди работ современных авторов, обращающихся в своих исследованиях как к миросистемному подходу, так и геополитической науки, следует назвать вошедшие в сборники «Теоретическая история и макросоциология» статьи отечественных исследователей – Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм, В.В. Горошко, Т.Г. Завьяловой, С.И. Филиппова. С опорой на геополитические, миросистемные, а также цивилизационные факторы Ю. Б. Вертгейм осуществляет теоретико-исторический анализ процессов интеграции и распада обществ (2001, 2008); В.В. Горошко выявляет факторы влияния экономической экспансии на уровень государственного суверенитета (2001); С.И. Филиппов исследует геополитические и миросистемные факторы становления цивилизаций (2001).

⁶⁶ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранное. – М.: Наука, 1990. – С. 404.

⁶⁷ Collins R., Waller D. What theories predicted the state breakdowns and revolutions of the soviet bloc? // Research in social movements, conflicts and change. – 1992. – Vol. 14. – P. 42–43; Collins R., Waller D. Prediction of geopolitical theory and the modern world system // Questioning geopolitics: political projects in a changing world-system / Ed.by Derluguian G. M., Greer S.L. – Preager. Westport. CT, 2000. – P. 51– 66.

Обзор литературы по обозначенной проблеме позволяет сделать вывод, что и в геополитике (как науке), и в миросистемном подходе содержатся положения о том, что модели развития современных обществ имеют структурные различия. Представленное ниже исследование посвящено выявлению этих структурных различий и построению общей объяснительной модели, учитывающей сложную структуру множественных современных обществ. Анализ современных проблем российского общества и определение его перспектив проведен с опорой на полученную модель, соответствующую данному требованию.

Объектом исследования является разнообразие современных обществ и отношения между ними, связанные с контролем над территориями, с производством и движением капитала (с XVI в. по настоящее время).

Предмет исследования – совокупность геополитических и миросистемных характеристик обществ, их отношений и закономерностей динамики, в частности, обуславливающих возможности развития российского государства и общества в современном мире. Цивилизационные (в том числе, культурные и геокультурные) аспекты динамики современных обществ в данной работе специально не рассматриваются.

Цель исследования – разработка теоретического понятия «пространство социальных отношений» как системы понятий, увязывающих между собой геополитические и миросистемные характеристики обществ, построение моделей динамики для разных типов обществ и интерпретация этих моделей на историческом материале, выявление на этой основе условий и возможностей развития российского государства и общества.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Обосновать выбор геополитической теории и концепций миросистемного подхода как основы исследования динамики разных типов обществ современного мира через систематическое сравнение данных теорий с теориями конкурирующих парадигм, а именно: с теорией модернизации,

реалистской и либеральной традициями теории международных отношений, в том числе, либеральной концепцией «демократического мира», посредством анализа характера взаимосвязей внутренних и внешних факторов в моделях социальной динамики.

2. Дать оценку современного состояния теорий миросистемного подхода и геополитики, выявить основные трудности этих теорий и определить перспективы развития. Посредством анализа эволюции методологии объяснения и предсказания в геополитических теориях выбрать наиболее перспективное теоретическое основание для исследования процессов межгосударственной конкуренции за территории.

3. Построить теоретическое понятие «пространство социальных отношений» и вспомогательный понятийный аппарат на основе синтеза положений теории геополитической динамики и наиболее конструктивных концепций миросистемного подхода, создать на этой основе типологию пространств социальных отношений, определить место России в ней.

4. Построить модели динамики основных структурных элементов миросистемы и уточнить критерии отнесения обществ к разным уровням миросистемы на основе критического анализа и обобщения имеющихся взглядов на эту проблему.

5. С опорой на полученные результаты проинтерпретировать петровский и советский повороты в исторической динамике России как существенные изменения в пространстве социальных отношений.

6. На основе полученных результатов определить перспективы возможных стратегий развития России, выявить условия их успешности, оценить потенциал страны в геополитическом и миросистемном аспектах.

Выбор **методологии** определялся целями и задачами исследования. В *главе 1* были использованы *методы сравнительного анализа* научных теорий и парадигм (по И. Лакатосу, парадигмы соизмеримы). Базовым принципом в этом плане послужило положение о том, что научная позиция может считаться превосходящей другую, если она обладает большей

теоретической полнотой и эмпирической релевантностью. В парадигмах развития современных обществ такой теоретической полнотой может обладать модель, которая содержит причинно-следственные связи внутренних и внешних факторов. Идея соотношения внешнего и внутреннего была заимствована в работах Т. Скочпол, Н. Смелзера и Ю.А.Аносова⁶⁸. Для исследования характера причинно-следственных связей в теоретических моделях развития общества была построена и применена *типология причинно-следственных связей*. В связи с тем, что геополитика как наука содержит несколько парадигм, в которых причинно-следственные связи между внутренними и внешними факторами являются базовыми, выбор геополитической парадигмы был проведен с использованием *методологии научно-исследовательских программ* И. Лакатоса, а также логико-методологических и теоретических разработок К. Гемпеля и Ч.Тилли. Анализ связей внешних и внутренних факторов в теории геополитической динамики и миросистемном подходе проведен с использованием результатов историко-философского исследования понятий «внутренние отношения» и «внешние отношения» Ю.А. Аносова. В *главе 2* был применен *метод реконструкции и синтеза теоретических моделей* Дж. Тернера, использовался метод системного анализа. С целью построения типологии пространств социальных отношений был использован *метод идеального типа* М. Вебера. Само понятие «пространство социальных отношений» было разработано с опорой на посвященные выявлению сущности социального труда К. Маркса, М. Вебера, И. Валлерстайна, М. Манна, Р. Коллинза. Сравнительно-исторический анализ был использован в *главе 3* при сравнении

⁶⁸ Следует отметить, что неомарксист Т. Скочпол, критически исследуя теории социальных революций, обозначила роль внешнего фактора в утрате власти политической элитой. Н.Смелзер является представителем теории модернизации, он ставит проблему внешних и внутренних факторов в теоретических моделях развития обществ, но предполагает, что факторы развития у всех обществ одинаковые. Ю.А. Аносов продолжает очеловеченную традицию исследования отношений внутреннего и внешнего представленную работами И.Г.Герасимова, И.И. Новинского, А.И. Уёмова и др.

петровского, советского поворотов в исторической динамике России с современными реалиями.

Научная новизна исследования:

1) впервые на основе типологии причинно-следственных связей внешних и внутренних факторов моделей динамики обществ проведено систематическое сравнение геополитики и миросистемного подхода с конкурирующими парадигмами, показаны и обоснованы преимущества теорий миросистемного подхода и геополитики при объяснении динамики современных обществ;

2) впервые на основе логико-методологических и теоретических разработок показаны преимущества теории геополитической динамики Р. Коллинза как теоретического основания для исследования процессов межгосударственной конкуренции за территории, проведен критический анализ и описаны признаки предпарадигмального состояния миросистемного подхода;

3) впервые в результате анализа и синтеза ряда ключевых понятий и положений теорий миросистемного подхода и геополитики создана общая модель, учитывающая сложную структуру множественных современных обществ, объясняющая различия в их развитии, описан тип пространства социальных отношений, соответствующий российским реалиям;

4) впервые на основе синтеза ряда теоретических положений различных направлений миросистемного подхода (в том числе, через снятие имеющихся между ними противоречий), ряда теоретических положений геополитики и геоэкономики построены общие модели основных структурных элементов миросистемы (ядра, полупериферии, периферии), уточнены критерии отнесения к ним обществ;

5) на основе полученных результатов определен тип пространства социальных отношений России, выявлены его геополитические и миросистемные условия развития, проинтерпретированы петровский и советский повороты в исторической динамике России как две разные

стратегии развития территориально обширных полупериферий, «борьбы против исключения» и «борьбы против эксплуатации», даны характеристика современной политики российского государства и оценка ее перспектив.

Положения, выносимые на защиту:

1. Преимущества геополитики и миросистемного подхода в сравнении с теориями конкурирующих парадигм (теорией модернизации, реалистской и либеральной традициями теории международных отношений, либеральной концепцией «демократического мира») заключаются в том, что их объяснительные модели развития современных обществ построены с учетом взаимосвязей внешних и внутренних факторов (типы причинно-следственных связей: «из внутреннего – внутреннее», «из внутреннего – внешнее», «из внешнего – внутреннее») и факторов развития включающей общества системы (тип причинно-следственной связи «из внешнего – внешнее»). В теории геополитической динамики Р. Коллинза и миросистемном подходе связи внешних и внутренних факторов в объяснительных моделях динамики общества являются ключевыми и закреплены на уровне онтологии. Взаимосвязь внешнего и внутреннего присутствует в онтологии таких базовых понятий как «преимущество в размере территории», «преимущество в ресурсах», «геополитическое окраинное положение», «геополитическое центральное положение», «чрезмерное расширение», «кумулятивные процессы» (в геополитической теории); «ядро», «полупериферия», «периферия» (в миросистемном подходе).

2. В геополитической науке в парадигме органицизма, мирового пространства как единого организма, в цивилизационной и политико-экономической парадигмах объяснение и предсказание осуществляется на основе «ригидных» инвариантных моделей: предполагается наличие некоторой логически-последовательной, долговременной, саморазвивающейся социальной единицы, как правило государства, которой приписываются общие условия существования и выделяются типовые

внутренние процессы. Такие модели могли быть представлены в виде метафоры «организма» (Ф. Ратцель, А. Мэхэн, К. Хаусхофер), «руки» (Р. Челлен), «хартленда», то есть «сердца земли» (Х. Маккиндер), «острова» (В. Л. Цымбурский). Объяснение и предсказание поведения социальной единицы осуществлялось путем ее подчинения инвариантной модели. При столкновении теории с противоречащими ей фактами условия и характер существования изучаемой социальной единицы изменяются, что приводит теории к регрессу. Теория геополитической динамики Р. Коллинза соответствует стандарту научной теории, сформулированному в работах И. Лакатоса и К. Гемпеля, и имеет ряд преимуществ. Теория Р. Коллинза идеологически нейтральная. На ее основе объясняются изменения в динамике территориального могущества власти независимо от политической формы этой власти. Данная теория построена в виде «если-то» утверждений и доступна процессу фальсификации. Она послужила основой успешных предсказаний новых фактов, которые вели к развитию теории. Объяснение и предсказание социальных явлений осуществляется Р. Коллинзом с опорой на «охватывающие» законы (принципы) и исследование условий в начальных пунктах «если-то» утверждений.

3. Современное состояние миросистемного подхода является предпарадигмальным. Набор и содержание базовых понятий «ядро», «центр», «периферия» в разных концепциях миросистемного подхода не идентичны. В миросистемном подходе отсутствует единое представление о характере зависимости полупериферии и периферии от ядра. Критерии отнесения государств к разным ступеням миросистемы различны. В результате экономического редукционизма явления геополитического характера объясняются И. Валлерстайном от ad hoc. Акцент исследований (прежде всего, И. Валлерстайна) на динамику ядра как единственного центра в иерархии миросистемы приводит к трудности объяснения формирующейся многополюсной мировой системы. Трудности миросистемного подхода, возникающие при анализе процессов между обществами внутри групп,

объясняются отсутствием необходимой онтологии. Внешними для государства и подконтрольного ему общества являются не только представители иных групп иерархии миросистемы, но и той, к которой отнесено оно само. Синтез с теорией геополитической динамики усиливает онтологию государства в миросистемном подходе, совершенствует теоретический аппарат, необходимый для анализа явлений конкуренции внутри групп миросистемной иерархии и процессов формирования многополюсной мировой системы.

4. Понятие «пространство социальных отношений» позволяет рассматривать геополитические и миросистемные теоретические конструкции в едином концептуальном ключе. Пространство социальных отношений состоит из многообразных связей, возникающих в процессе экономической, социальной, политической и культурной жизни человеческих обществ. Национальные государства как субъекты социальных отношений выступают «медиаторами» между явлениями и процессами наднациональных макросистем и обществами, находящимися под их юрисдикциями. Пространства социальных отношений разных государств и находящихся под их юрисдикцией обществ различаются по геополитическим и миросистемным характеристикам – преимуществам/неудобствам развития. Основные различия геополитических преимуществ/неудобств пространства социальных отношений задают такие характеристики, как размер территории влияния (большая территория, малая территория влияния), а также характер границ (окраинная территория, центральная территория). Миросистемные различия преимуществ/неудобств определяются местом государства и общества в системе производства и распределения капитала и выражены в моделях ядра, полупериферии, периферии.

5. Сравнительный анализ концепций миросистемного подхода показывает наличие разных, но не противоречащих друг другу, критериев выделения субъектов миросистемы. Современные страны ядра и периферии различают по следующим критериям: 1) уровню специализации экономики

(многоотраслевая или сверхспециализированная); 2) инвестиционной деятельности (инвестор или страна инвестиционно зависимая с «утечкой» внутреннего капитала при его нехватке в экономике); 3) показателю ВВП на душу населения; 4) доле прибыли в процессе неравного обмена, стоимости труда (высокая или низкая, сопровождающаяся массовой миграцией рабочей силы за пределы страны); 5) успешности в конкуренции на мировом рынке, проценту от мировой торговли; 6) месту в товарной сети (экспорт, сбыт, производство готового для реализации продукта, добыча и поставка сырья); 7) уровню технологий; 8) силе государственного аппарата (сильное или слабое государство); 9) размеру армий; 10) уровню развития науки и инновационной деятельности; 11) количеству посольств и дипломатов, как собственных, так и принимаемых; 12) роли в кумулятивных процессах миросистемы («покровитель», «третейский судья» или «нуждающийся в покровительстве со стороны могущественной державы»). Полупериферии, в том числе Россия, имеют средние показатели критериев. Обязательным признаком является сильный государственный аппарат, успешная конкуренция на мировом рынке в сфере соответствующей специализации экономики страны или успешное строительство многоотраслевой экономики в ситуации ослабления или разрыва связей неравного обмена с ядром.

6. Россия является территориально обширной полупериферией с центральным геостратегическим положением («Б2», согласно типологии пространств социальных отношений). Базовая миросистемная характеристика пространства социальных отношений обществ данного типа заключается том, что они периодически претерпевают процесс смены стратегий развития – «борьбы против исключения» и «борьбы против эксплуатации». Следствиями стратегии «борьбы против исключения» для российского пространства социальных отношений станут: специализация экономики в зависимости от потребностей стран ядра и рост неравного обмена; увеличение способности ядра к эксплуатации полупериферийного общества; снижение значения большой территории для экономики страны;

рост экономического могущества центра в случае успешного исключения конкурирующих обществ из области специализации; концентрация капитала в центре и ослабление периферийных элит; рост идеологической и культурной разнородности населения обширных территорий. Стратегия «борьбы против эксплуатации» имеет ряд противоположных следствий для российского пространства социальных отношений: отсутствие или разрыв сетей неравного обмена с ядром; создание относительно автономной от мировой системы разделения труда и многоотраслевой экономики; рост значения обширной территории для экономики страны; рост экономического могущества за счет специализации и эксплуатации внутренних периферий; снижение идеологической и культурной разнородности населения; усиление элит периферии и тенденций регионального сепаратизма. Переход от одной стратегии к другой сопровождается затратами на внутреннее переустройство российского общества.

7. Базовыми геополитическими характеристиками пространства социальных отношений типа «Б2» (территориально обширной полупериферии с центральным геостратегическим положением), соответствующего российским реалиям, являются большая территория влияния и ее центральное геостратегическое положение. Преимущества большой территории влияния заключаются: в большом потенциале для увеличения численности населения с последующим снижением себестоимости общественных благ; в широком наборе стратегических ресурсов; в возможности формирования обширного внутреннего рынка; в возможности создания сложной системы районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами, а также осуществлять процессы «регионального страхования»; в наличии тенденции к расширению территории влияния за счет меньших и менее богатых обществ. Неудобства большой территории проявляются в высоких затратах логистики; неравномерности распределения общественных благ; опасности формирования дефицита ресурсов для поддержания декларируемого порядка

на подконтрольной территории вследствие ее интенсивного расширения и активизации ресурсов с новых территорий в экономику страны; в высоком потенциале роста идеологической и культурной разнородности населения. Центральность создает условия для роста военных затрат на оборону, увеличивает стоимость импорта и экспорта, усиливает зависимость экономических сделок от стран транзита, снижает досягаемость международных рынков и возможность аккумуляции ресурсов государством для расширения территории влияния.

8. Миросистемная стратегия «борьбы против исключения» на современном этапе развития России снижает преимущества большой территории при сохранении ее неудобства, а также неудобства ее центрального геостратегического положения. В условиях узкой сырьевой специализации экономики страны как следствия стратегии «борьбы против исключения» снижение преимуществ большой территории проявляется следующим образом: 1) обширные внутренние российские периферии испытывают сокращение численности населения в результате миграции и сокращения, по сравнению с советским периодом, естественного воспроизводства, что увеличивает себестоимость обеспечения населения отдаленных периферий качественными общественными благами и способствует переносу нагрузки по обеспечению населения на крупные районные и городские центры; 2) в результате упадка многоотраслевого производства широкий набор стратегических ресурсов, имеющихся на территории страны, становится материальной основой сырьевой экономики; 3) произошедшие изменения в системе разделения труда привели к ослаблению внутренних межрегиональных связей и усилению внешних; 4) немногочисленные успешные сырьевые внутренние периферии становятся «донорами» для отстающих в развитии и депрессивных регионов. Наличие тенденции к расширению территории влияния вовне и росту груза контроля у российского государства сохраняется, поскольку узкоспециализированная

сырьевая экономика в современных условиях обеспечивает государству быстрое накопление ресурсов.

9. Заявленная в программных документах правительством России стратегия развития страны, предполагающая осуществление в короткий период времени крупномасштабных преобразований, соответствующих масштабам реформ Петра I и советской индустриализации, в условиях стратегии «борьбы против исключения» нереализуема. Петровские реформы создали условия для первого перехода России к стратегии «борьбы против исключения», но они протекали в эпоху меркантилизма, когда Россия еще не была включена в сети неравного обмена с ядром. Советская индустриализация протекала в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации». Существующая опасность чрезмерного расширения, формирования чрезмерного груза контроля, роста культурной и идеологической разнородности населения, втягивания в военный конфликт с более могущественным противником и разрыва сетей неравного обмена (как с ядром, так и с внешними перифериями) в длительной перспективе может привести к внутривнутриполитическому кризису, угрожающему территориальной целостности России.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования докладывались автором и обсуждались с 1999–2013 гг. более чем на 40 международных, всероссийских и региональных конференциях, конгрессах, философских школах, научных семинарах. По теме диссертации опубликовано 59 научных работ (общим объемом 57,7 п.л.), в том числе одна монография (Изгарская А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы развития современной России. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – 250 с.), глава в коллективной монографии (Изгарская А.А. Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных измерений / Под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2002. – С. 5–158). Основные

результаты исследования представлены в *18 статьях*, опубликованных в следующих рецензируемых журналах: «Вестник НГУ. Серия: Философия» (2008, № 1; 2008, № 2; 2008, № 3), «Гуманитарные науки в Сибири» (2009, №1), «Философия образования» (2007, №3; 2011, № 3; 2012, № 6; 2013, № 4; 2014, № 4), «Геополитика и безопасность» (2009, № 4), «Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций» (2011, № 5; 2013, № 7), «Наука и бизнес: пути развития» (2013, № 7), «Профессиональное образование в современном мире» (2013, № 3; 2013, № 4), «European Social Science Journal» (Европейский журнал социальных наук) (2013, № 9), «Philosophy of education» (2009, № 2, зарубежное издание журнала «Философия образования»), Філософія і політологія в контексті сучасної культури (2013, № 6, перечень ВАК Украины).

Материалы диссертационного исследования использовались при написании и реализации программ: «Основы геополитики и миросистемного подхода», «Философия истории», «Микро- и макросоциология» для аспирантов кафедры философии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»; «Философия», «Социальная философия» «Политическая жизнь Сибири» для студентов дневного отделения Института истории, гуманитарного и социального образования, а также Института детства ФГБОУ ВПО «НГПУ».

Материалы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы в целях: осмысления и дальнейшего совершенствования методологических основ изучения способов и средств преодоления системных проблем развития современной России; осмысления и коррекции имеющихся программных документов ряда российских партий в отношении вопросов стратегии развития страны; дальнейшего анализа геополитико-миросистемных закономерностей развития государств и обществ мира; подготовки и чтения курсов «Философия», «Социальная философия», «Социология», «Политология», «Геополитика», «Международные отношения».

ГЛАВА 1. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Для современных социальных дисциплин характерен плюрализм теоретических моделей развития общества. С одной стороны, данное обстоятельство, несомненно, дает положительные импульсы для развития многообразия эвристических позиций исследования общества, с другой стороны, возникает проблема соизмерения эмпирических областей теорий, содержащих такие модели.

Объяснительные модели разных теорий содержат различные наборы внутренних и внешних факторов социальной динамики. В данной главе, во-первых, будет проведен анализ познавательных возможностей теоретических моделей, в которых взаимосвязь внешних и внутренних факторов развития общества неочевидна. Особое внимание будет уделено парадигмам, которые с конца 1980-х гг., после массового отказа от марксистской теории, широко представлены в отечественном научном сообществе и просматриваются в риторике российских политиков. Основной акцент будет сделан на теорию модернизации, реалистскую и либеральную парадигмы теории международных отношений. Во-вторых, будет проведен анализ познавательных возможностей теоретических моделей миросистемного подхода и геополитической науки, которые содержат взаимосвязи внутренних и внешних факторов развития общества как базовые. В-третьих, посредством сравнения полученных результатов будут раскрыты преимущества теорий миросистемного подхода и геополитики как основы исследования динамики разных типов обществ современного мира.

Для решения поставленной задачи будем использовать представленную ниже типологию причинно-следственных связей моделей социокультурной динамики (см. Рисунок 1). Сделаем некоторые пояснения. Теоретические модели динамики, как правило, включают некоторый набор причинно-следственных связей. Причинно-следственные связи

объяснительных моделей социальной динамики можно условно разделить на четыре типа. Если причинно-следственные связи, наблюдаемые внутри и в рамках общества, представлены в модели как определяющие динамику социума, то такая модель относится к первому типу. Иными словами, факторы, вызывающие динамику социума, в такой модели усматриваются в самом социуме. Далее, объяснение общественной динамики может осуществляться посредством выявления причинно-следственных связей между явлениями, процессами в обществе и включающей его системы. При этом причинно-следственная связь может быть построена или при помощи экзогенного метода, «извне – внутрь», и тогда факторы трансформации будут усматриваться вне самого общества, во внешних условиях, в явлениях и процессах включающей его системы, или посредством эндогенного метода, «из внутреннего – внешнее», когда процессы и состояния внутри общества объясняют явления в системе. Четвертый тип причинно-следственной связи обнаруживается, когда исследование системы предполагает существование внутренних процессов в подсистемах, но ограничивается явлениями и процессами самой системы. Помимо этого «начальные точки» причинно-следственных связей могут на уровне понятий, выражающих переменные, могут отражать на уровне онтологии внешние и внутренние отношения.

Объяснение динамики	Общества	Охватывающей системы обществ
Из:		
Общества	«из внутреннего – внутреннее» (первый тип)	«из внутреннего – внешнее» (второй тип)
Охватывающей системы обществ	«извне – внутрь» (третий тип)	«из внешнего – внешнее (относительно общества)» (четвертый тип)

Рис. 1. Типы причинно-следственных связей в моделях социокультурной динамики

Социальные теории могут содержать набор разных типов причинно-следственных связей, может наблюдаться преобладание того или иного типа. Связь внутренних и внешних факторов развития общества отсутствует в

моделях, построенных с опорой преимущественно на один из четырех типов причинно-следственных связей. Теориям, содержащим такие модели, посвящены два первых раздела (сводную таблицу результатов анализа см. Приложение 1).

1.1. Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме «демократического мира»: критический анализ

Чем интенсивнее человеческая природа проявляет «варварскую» склонность к войне, тем более актуальной становится проблема ее умиротворения и тем настойчивее ведется поиск факторов, способствующих снижению уровня международной напряженности. В истории западной философской мысли, от стоиков до И. Канта, этот факт проявился в многовековой традиции обсуждения идеи «вечного мира». Мыслители в поисках путей к миру уповали на бога, монархов-миротворцев, добрую волю и разум человека. Современные ученые объясняют колебания уровня международной напряженности посредством установления зависимости данной переменной с экономическими, политическими, военно-политическими, правовыми факторами динамики мировой системы и ведущих держав. Сегодня среди научных теорий, включающих в предмет исследования данную проблему, видное место занимает либеральная концепция «демократического мира». Представители данного направления поднимают проблему влияния внутренней политики на внешнюю, т. е. используют метод построения объяснительной модели «из внутреннего – внешнее». Критическому анализу и выявлению границ эмпирической области данной концепции посвящен этот раздел.

Подчеркивая актуальность поставленной задачи, отметим, что проблема альтернативности путей достижения мира, обоснование и выбор ведущей в этом отношении позиции находятся на периферии внимания

отечественных политиков и ученых. Способ, каким эта проблема еще недавно решалась в отечественной литературе, а именно считалось, что истинно демократический мир невозможен без пролетарской революции, сегодня мало кому покажется убедительным. Поэтому следует задать вопрос, может ли концепция «демократического мира» стать серьезной альтернативой устаревшим концепциям «социалистического мира» и «мирного сосуществования двух систем», или следует искать опору в соперничающих с ними теориях. В терминах И.Лакатоса теория геополитической динамики и теории миросистемного подхода являются для либеральной концепции «демократического мира» соперничающими направлениями. В миросистемном подходе отсутствие войн между лидирующими в системе государствами объясняется временным отсутствием между ними острых противоречий в сфере раздела мира на зоны влияния в целях накопления капитала. В геополитической науке отсутствие войн между противоборствующими государствами объясняется формированием эффекта «баланса сил», а внутри надгосударственных блоков, которые образуются в результате кумулятивных процессов вокруг соперничающих центров власти, отсутствие войн объясняется формированием союзнических отношений.

Вначале несколько слов об общем содержании направлений, для которых идея миролюбия демократий является базовой. Для всех направлений парадигмы «демократического мира» характерно стремление объяснить способность либеральных государств играть в международной политике две противоположные роли: носителей стандарта мирного существования и субъектов, прибегающих к военным средствам во внешней политике. Их общим тезисом является утверждение о том, что либерально-демократические государства по своей природе являются мирными. Опираясь на авторитет И. Канта, представители этой парадигмы утверждают, что либеральные демократии весьма сдержанно проявляют силу не только внутри страны, но и за ее пределами. Считается, что мир между демократическими государствами определяют именно особенности

демократии, а не экономические или геополитические характеристики в сочетании с ней⁶⁹. Миролюбие является следствием подотчетности государства своим гражданам, которые оплачивают войну кровью и деньгами. Многие авторы (M.W. Zacher, R.A. Matthew, C. Layne, P. Hayden) убеждены, что переход к либеральным ценностям в глобальном масштабе и преобразование всех стран в демократические сделают всеобщий мир достижимым.

На сегодняшний день выделяют три основных подхода к объяснению «демократического мира»: культурно-нормативный; структурно-институциональный и нормативно-институциональный. Согласно культурно-нормативному подходу (A. Burley, F. Kratochwil) в международных отношениях правительства следуют тем нормам решения конфликта, какие развиты в рамках внутренних политических процессов их стран. В демократических государствах такими нормами являются компромисс и отказ от насилия. Поэтому демократические государства следуют мирным нормам решения конфликта с другими демократиями. Чем более устойчивы традиции демократии в обществе, тем более свойственны эти нормы правительству. Для правительств недемократических стран, напротив, характерны методы принуждения, «завоевания и грабежа»⁷⁰. В случае революции мирные нормы могут быть формально прописаны в Конституции, но реальные действия и методы достижения цели не будут им соответствовать. Поэтому конфликты между демократиями возможны, если, по крайней мере, одному из демократических государств будет свойственно рассогласование между формально провозглашенными демократическими принципами и реально существующими нормами практики⁷¹.

⁶⁹ См., например: Russet B. et al. Grasping the Democratic peace: principles for a post-cold war world / B. Russet, W. Antolis, C. R. Ember, M. Ember, Z. Maor. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. – P. 11.

⁷⁰ Owen J. How liberalism produces Democratic peace // Int. Security. – 1994. – Vol. 19. – Is. 2. – P. 89.

⁷¹ См.: Russet B., Antolis W., Ember C.R. et al. Grasping the Democratic peace: principles for a post-cold war world. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. – P. 30–35.

Представители структурно-институционального подхода (В. Bueno de Mesquita, D. Lalman, J. Ray) утверждают, что демократические государства имеют ряд ограничений (например, разделение властей, необходимость общественных дебатов), замедляющих процесс принятия решения о начале военного конфликта. В случае возникновения конфликтной ситуации между демократиями их лидеры знают, что внезапного нападения не будет. Лидеры недемократических государств такими условиями не связаны, они могут тайно подготовить и быстро осуществить агрессию, поэтому в отношениях с ними лидеры демократических стран должны использовать насилие во избежание риска неожиданного нападения.

Основные положения нормативно-институционального подхода (В. Russett, W. Antholis, C. Ember) являются синтезом двух предыдущих, но приоритет отдается положениям культурно-нормативной модели, поскольку считается, что именно распространение в мире демократических норм уменьшит частоту и интенсивность военных конфликтов⁷².

Представители данной парадигмы, как это уже было отмечено, апеллируют к авторитету И. Канта. Однако, указывая на труды И. Канта как на источник философских оснований своих теорий, они упрощают и искажают его идеи. Идеи столь искажены, что в плане философских оснований теоретики «демократического мира» кажутся более гегельянцами, нежели кантианцами. Например, И. Кант видел федерацию государств как идеальный принцип, который может служить лишь маяком для человечества. В процессе движения к нему человечество реализует свой главный задаток – разум, т.е., по мысли И. Канта, разумное начало еще не реализовано. В отличие от него Г. В. Ф. Гегель провозглашал, что «все существующее разумно». Воплощением высшего идеала для Г. В. Ф. Гегеля являлось конституционное государство Нового времени. Рациональность оказывается воплощенной и у представителей «демократического мира» в виде либерально-демократического государства. Интересное в данном плане

⁷² Ibid. Russett B., Antholis W., Ember C.R. et al. – P. 119–120.

прочтение И. Канта обнаруживает Ю. Хабермас. По мнению Ю. Хабермаса, идея вечного мира И. Канта не реализовалась во многом потому, что он не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек. И. Кант, считает он, проявил нечувствительность к появлению нового исторического сознания и росту признания культурных различий, росту значимости неевропейских, нехристианских культур, что делает договоренность с ними, а следовательно, и вечный мир проблематичным⁷³. Иными словами, рациональность уже воплощена в западном обществе, дальнейшее движение в этом направлении проблематично из-за различий культур.

С таким прочтением идей И. Канта трудно согласиться по двум причинам. Во-первых, у И. Канта государства в международной сфере подобны индивидам в обществе. Если индивиды, имея различия, в том числе и культурные, приходят время от времени к согласию, так почему же это невозможно на уровне государств? Во-вторых, в отличие от И. Канта теоретики «демократического мира», как и Г. В. Ф. Гегель, наполняют идеал государства конкретными чертами, что задает мысленный предел политическому развитию и придает системе характер этического консерватизма, который И. Кантом отрицался. Для И. Канта «совершенно невозможно» «клятвенно обязать всех к принятию определенного неизменного символа для того, чтобы вести постоянную верховную опеку над каждым своим членом и через них над народом и даже увековечить ее... Ни одна эпоха не может связать себя обетом и поклясться в том, что она поставит следующую [эпоху] в [такое] положение, когда для той стало бы невозможно расширить свои ... познания, избавиться от ошибок и двигаться вперед в просвещении»⁷⁴. Теоретики «демократического мира» оставляют без внимания данную идею И. Канта.

⁷³ См.: Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С.17.

⁷⁴ Кант И. Соч.: в 4 т. – М.: Ками, 1994. – Т. 1. – С. 137.

Рассмотрим еще один пример подобной интерпретации. В духе этического консерватизма Патрик Хэйден яростно критикует идеи культурного плюрализма Дж. Ролза, пытавшегося в своей книге «*Law of peoples*» (1999) предложить разные наборы прав для либеральных и нелиберальных обществ с целью обеспечения условий длительного мира и преодоления противоречия между принципом всеобщности прав человека и принципом суверенитета стран. П. Хэйден пишет: «Концепция глобального закона Канта указывает, что нелиберальные, иерархические государства должны быть преобразованы в государства, поддерживающие демократические, эгалитарные и светские принципы права. Она содержит в себе намного более сильные требования к гражданским и политическим правам, чем те, что признаны Ролзом». Критикуя Дж. Ролза за пренебрежение принципом всеобщности прав человека, П. Хэйден сам не решает указанное противоречие. Он ограничивает понятие суверенитета, который «должен зависеть от моральной и политической легитимности государств, стандарта, для иерархических или иначе тиранических государств невыполнимого»⁷⁵. Иными словами, делая вывод о том, что суверенитета достойны только либеральные демократии, П. Хэйден, по сути, объявляет войну всем обществам с иными формами государственной власти. Он игнорирует тот факт, что И. Кант гораздо менее категоричен в отношении государств, где представительная форма правления отсутствует. Таковые, по мнению И. Канта, «могут во всяком случае принять способ правления, сообразный с духом представительной системы»⁷⁶. Агрессивная настроенность П. Хэйдена отдаляет его от позиции И. Канта и сближает с позицией Г.В.Ф. Гегеля⁷⁷.

⁷⁵ Hayden P. From the Law of peoples to Perpetual peace // *Int. J. on World Peace*. – 2000. – Vol. 17. – Is. 2. – P. 60.

⁷⁶ Кант И. Соч.: в 4 т. – М.: Ками, 1994. – Т. 1. – С. 381.

⁷⁷ Следует также отметить, что в концепции Г.В.Ф. Гегеля развивается взгляд на проблему войны, совершенно отличный от взгляда И. Канта. Наивысший уровень развертывания Мирового духа происходит в истории германского мира, охватывающего христианские народы Западной Европы. В концепции развития Мирового духа

Далее, для И. Канта обоснование национального интереса как высшего принципа политики означало отказ от нравственного принципа и права. Напротив, для Г. В. Ф. Гегеля важнейшим понятием международной сферы являлся «национальный интерес». Казалось бы, и представители «демократического мира» отказываются от идеи «национального интереса», но это не так. Либерализм с момента своего возникновения всегда был связан с идеей нации. И сегодня, как отмечает М. Канован, «даже те разновидности либерализма, которые выказывают явную враждебность к национализму, при всей своей открытости во многом опираются на молчаливые послышки относительно присутствия и действительности нации»⁷⁸. В теориях «демократического мира» универсальные общечеловеческие ценности совпадают с ценностями либеральных демократий. Например, Э. Пагден, оправдывая стремление США распространить свои политические ценности на остальную часть мира, указывает, что данный процесс совпадает с замыслами И. Канта⁷⁹. Следует также отметить, что сторонники данной парадигмы упускают из вида неуспех уже имевших место в истории человечества попыток привнесения принципов республиканизма и демократии (революционной Францией конца XVIII – начала XIX вв., Советским Союзом). Остается непонятным, каковы по сравнению с предшествующими случаями основания успеха доктрины «демократического мира».

Г.В.Ф.Гегеля такой народ, создавший государство, но «который не находит себе признания, должен добиться этого признания через войну и колонии» (Гегель, 1978, с. 352). Народы же таких стран, как Китай, Индия, представляют собой ресурс для развития западных стран и западной культуры. Таким образом, мир поделен, господство одних над другими определено Абсолютным духом и реализуется в процессе становления Абсолютной идеи. Война у Г.В.Ф. Гегеля становится средством господства. И. Кант видит смысл войны совсем иначе. «Посредством войны, – пишет И. Кант, – она рассеяла людей повсюду ..., войной же она принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе» (Кант, 1994, с.410 – 411).

⁷⁸ Канован М. Меч веры и щит страха: либерализм и сила нации // Логос. – 2007. – № 1(58) – С. 84.

⁷⁹ Pagden A. Imperialism, liberalism and the quest for Perpetual peace // *Deidalus*. – 2005. – Vol. 134. – Is. 2. – P. 46.

Соответствие идеям И. Канта, вероятно, единственное, у теоретиков «демократического мира» все же имеется. Их непримиримость к «нелиберальным» государствам подтверждает мысль И. Канта о необщительности и агрессивности человеческой природы. «Необщительность» и война, в понимании И. Канта, являются средствами природы в совершенствовании человечества. Мир у И. Канта находит опору не в силе, а в моральной доктрине, а если более точно – в его философии истории. Мир как результат полной реализации главного задатка человеческой природы – разума – означал бы и реализацию категорического императива в международных отношениях. У Канта применение и оправдание насилия не совместимо с совершенным обществом. Тем не менее сторонники «демократического мира» совмещают эти два тезиса.

Упрощение идей И. Канта обнаруживается в главном тезисе теории «демократического мира». Считается, что либеральные государства достигли внутреннего умиротворения и стремятся обрести мир в международной сфере. Поборники «демократического мира» упускают из вида одно обстоятельство, которое не пропустил И. Кант, а именно способность самых развитых и богатых цивилизаций, «преимущественно торговых государств», инициировать своим поведением конфликты⁸⁰. И. Кант, как и почти на сотню лет ранее него Адам Смит, отмечали, что война стала дорогим занятием, а данное обстоятельство склоняет чашу весов в пользу наций с рыночной экономикой, так как они могут больше тратить на военные нужды, чем другие страны.

Результатом идеализации миролюбия либерально-демократических государств и противопоставления их в этом плане «тоталитарным» обществам является поверхностный анализ ряда фактов применения насилия со стороны США к странам, где правительства были избраны народом – Иран (1953 г.), Гватемала (1954 г.), Индонезия (1957 г.), Бразилия (1961 г.), Чили (1973 г.), Никарагуа (1981 г.). Объясняя данные случаи, Б. Рассет

⁸⁰ Кант И. Соч.: в 4 т. – М.: Ками, 1994. – Т. 1. – С. 399.

ссылается на то, что правительства этих стран были, во-первых, недостаточно демократичными, во-вторых, это были не войны, а относительно дешевые в плане затрат операции, проведение которых сопровождалось действиями по минимизации негативного общественного мнения⁸¹. Он не видит в указанном ряде случаев аномалий, способствующих развитию его теории. Б. Рассет просто относит данные государства к «тоталитарным» и оправдывает насилие. Следовательно, можно предположить, что и дальше в случае возникновения конфликта между либерально-демократическими государствами ответом на аномалию будет тезис «это не война», а если интенсивность боевых действий окажется все же достаточно большой, то, как минимум, одно из государств будет названо «недостаточно демократическим».

Данное «объяснение» аномалий одним из корифеев «демократического мира» указывает, помимо прочего, на узкие методологические границы подхода, которые при попытке расширения эмпирического поля приводят к противоречиям. Например, если мы принимаем способ доказательства Б. Рассета, то тогда конфликт между СССР и КНР, а также силовые действия войск стран Варшавского договора во второй половине XX века в Восточной Европе могут служить доказательствами миролюбия, а не агрессивности «тоталитарного» социалистического строя, как это видят западные либералы в силу того, что это «были не войны» и правительства данных стран не были «достаточно» социалистическими. Известно, что теоретики и идеологи СССР также считали советскую политическую систему самой мирной из когда-либо существовавших систем. Некоторые авторы обосновывали этот тезис и после крушения Советского Союза⁸². Следует также отметить расплывчатость категориального аппарата в работах представителей «демократического мира». Критики, такие, как Джуан Гова, в отношении культурно-нормативного подхода указывают, что отличить поведение

⁸¹ Russet B., Antolis W., Ember C.R. et al. Op.cit. P. 123.

⁸² См., например: Серебрянников В. Социология Войны. – М.: «Ось-89», 1998. – 320 с.

государства, основанное на норме, от поведения, где определяющим является интерес, очень трудно, практически невозможно. Решение конфликта без обращения к силе, как в рамках государства, так и вне его, может быть результатом приверженности некоторой норме в выборе методов решения конфликта, а может быть результатом личных интересов вовлеченных в ситуацию партий. Невозможно дедуцировать мотивы поведения непосредственно из самого поведения⁸³.

Структурно-институциональный подход, идеализируя демократические общества, не рассматривает проблемные случаи функционирования их политической структуры, а потому обладает узкой эмпирической областью. Например, в рамках данного подхода не рассматриваются случаи рассогласования деятельности ветвей власти демократических обществ. Данное направление, как отмечает Дж. Гова, не принимает в расчет, что ошибки и неудачи рыночной политики могут «вбить клин» между принципами и практикой системы сдержек и противовесов. Кроме того, представители данного подхода игнорируют существование в недемократических странах «неофициальных заменителей» системы сдержек и противовесов. В результате «различия формальных структур ограничения разных типов режимов не столь весомы, как предполагает литература демократического мира»⁸⁴. Это положение совпадает с выводами исследований Т. Моргана и С. Кэмпбелл, которые утверждают, что степень автономии лидеров невозможно установить без учета деятельности групп влияния, при этом автономия лидеров в недемократических странах может быть гораздо ниже, чем в демократических⁸⁵.

Таким образом, апеллируя к авторитету И. Канта, представители данной парадигмы упрощают и искажают его идеи. Мысль о совершенстве

⁸³ Gowa J. Ballots and Bullets: the Elusive Democratic Peace. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1999. – P. 7– 8.

⁸⁴ Ibid. P. 9.

⁸⁵ Morgan T.C., Campbell S. Domestic structure, decisional constrains, and war: so why Kant democracies fight? // J. of Conflict Resolution. – 1991. – Vol. 35. – Is. 2. – P. 187–211.

либерально-демократического устройства общества у них сочетается с идеей необходимого насилия над обществами, имеющими иную политическую форму правления. Для И. Канта совершенство и насилие несовместимы. При желании теоретики «демократического мира» могли бы найти в работах И. Канта идеи для обоснования компромисса и сотрудничества с нелиберальными государствами, однако для этого надо видеть перспективы этического роста либерально-демократических обществ, что представители данной парадигмы не обнаруживают, несмотря на то, что в реальности либеральные государства часто взаимодействуют со своими антиподами. Теоретики демократического мира обнаруживают извечную человеческую склонность, отмеченную В.И. Красиковым, «преувеличивать свою сегодняшнюю развитость и цивилизованность»⁸⁶.

Узость методологических рамок исследуемого подхода обнаруживается при объяснении случаев военной агрессии демократических государств, направленной против стран, чьи правительства сформированы посредством института демократических выборов. Скучный методологический арсенал обусловлен философскими основаниями теорий, а именно бинарной картиной мира. Она не позволяет видеть и исследовать данные случаи как особенные, правительства просто объявляются «недостаточно демократическими», т. е. «достаточно тоталитарными», чтобы оправдать направленную на них агрессию. На серьезные методологические проблемы культурно-нормативного подхода указывают сложности в различении поведения, соответствующего некоторой общественной норме, и поведения, в основе которого лежит личный или групповой интерес. Поднимая проблему влияния внутренней политики на внешнюю, представители структурно-институционального подхода излишне упрощают модели отношений общества и государства как в демократических, так и в недемократических странах, что ведет к поверхностному анализу внутренних

⁸⁶ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Изд-во «Водолей», - 2010. – С. 104.

процессов. Следует вспомнить, что подобное упрощение, ведущее к игнорированию внутренних противоречий, было характерно для советской науки при объяснении миролюбивости социалистических и агрессивности капиталистических стран. Результаты этого известны. Опираясь на такую модель, ученый оказывается «слепым» в плане предсказания аномалий, а следовательно, и беспомощным в плане развития своей теории.

Следует отметить, что теория «демократического мира» получила в западной литературе довольно широкую поддержку и часто служит теоретическим основанием исследований, посвященных конфликтам международного уровня, внутривластным и социальным конфликтам. Примером может служить либеральная институциональная теория международных режимов Р. Кеохэна и Дж. Найя. В отличие от реалистской парадигмы международных отношений (о ней речь будет идти в следующем разделе), в которой онтологические основания (идея анархии международной системы и борьбы между государствами) обуславливают пренебрежение к вопросам международного права, роли международных институтов и организаций, указанные авторы в соответствии с позициями современного либерализма, напротив, делают акцент на проблемы сотрудничества, взаимосвязи стран и государств мира. Центральной проблемой институциональной теории международных режимов является проблема согласия между государствами. Р. Кеохэна и Дж. Найя интересует вопрос, почему государства идут на установление международных режимов и международных организаций, ограничивающих их свободу. По их мнению, государства идут на это, так как международные институты решают массу важных задач, в частности, они уменьшают затраты на создание предписаний, норм и правил, а также контроль за их исполнением⁸⁷. Данное решение, как кажется, не может вызывать возражений. Однако внимательное исследование работ Р. Кеохэна показывает узость методологических рамок

⁸⁷ Keohane R., Nye J. S. Globalization: what's new? What's not? // Foreign Policy. Spring. – 2000. – P. 104–121.

его теории и сомнительность выводов, которые он получает, прибегая к теоретическим выкладкам «демократического мира». Так, в русле парадигмы «демократического мира» Р. Кеохэн и А. Бьюкенен решают проблему предотвращения угроз терроризма. Не исследуя противоречия, порождающие конфликты, они предлагают создать космополитический союз демократических стран с особыми полномочиями и правом превентивного применения силы⁸⁸. Причину множественности проявлений антиамериканизмов в мире Р. Кеохэн совместно с П. Дж. Катзенштайном усматривает в предубеждениях и искаженной информации, а не в последствиях внешней политики США⁸⁹. Очевидно, что полученные Р. Кеохэном и его соавторами результаты не могут быть использованы как основа для глубокого научного исследования противоречий современного мира, порождающих насилие.

Притягательность теории «демократического мира» объясняется не только идеологическими предпочтениями авторов, она имеет объяснение и на уровне методологии. Дело в том, что модель взаимозависимости государств Р. Кеохэна не учитывает внутренних факторов динамики обществ. Он утверждает необходимость исследования внутренних процессов в обществах и даже критикует реализм за то, что тот, «как в своей классической форме, так и в современных разновидностях игнорирует не только роль международных организаций и институтов, норм и правил, но также роль внутренней политики и идей»⁹⁰. Однако, как признает сам Р. Кеохэн, проблемы внутренней политики не попадают и в его поле зрения⁹¹. В связи с этим отметим, что объяснительная модель теории «демократического мира», построенная по принципу «из внутреннего – внешнее», необходима

⁸⁸ Buchanan A., Keohane R. The preventive use of force: a cosmopolitan institutional proposal // *Ethics and international affairs*. – 2004. – Vol. 18. – Is. 1. – P. 1–39.

⁸⁹ Katzenstein P.J., Keohane R. Anti-americanisms // *Policy Review*. – 2006. – Is. 139. – P. 25 – 41.

⁹⁰ Keohane R. *Institutions, law and governance in a partially globalized world*. – N. Y.: Routledge, 2002. – P. 6.

⁹¹ Ibid. P. 3.

для Р. Кеохэна, так как она дополняет его модель («из внешнего – внешнее»). Это происходит в тех случаях, когда объяснение внешней политики государств требует анализа внутренних процессов в находящихся под их юрисдикцией обществах. Объединяя свою теорию с теорией «демократического мира», Р. Кеохэн стремится расширить возможности своей теории, что в действительности ведет к заимствованию огрехов содержания теории «демократического мира».

Подчеркнем основные выводы данного раздела. *Связи внешних и внутренних факторов в модели* соответствуют типу «из внутреннего - внешнее». При решении проблемы влияния внутренней политики на внешнюю связи внутренних факторов, «из внутреннего - внутреннее», излишне упрощены. Принимается бинарная картина мира «добро–зло», «свобода–несвобода» в качестве онтологического основания и устанавливается тождество между универсальными общечеловеческими ценностями и ценностями либеральных демократий, в результате чего последние абсолютизируются. В результате в исследованиях данного направления: 1) игнорируются положительные эффекты войн для развития экономик ведущих держав мира, то, что богатые нации с рыночной экономикой могут тратить и тратят на военные нужды значительно больше, чем другие страны; 2) присутствует неудовлетворительное объяснение фактов применения насилия со стороны США к странам, избравшим свои правительства. Объявление Ирана (1953 г.), Гватемалы (1954 г.), Бразилии (1961 г.), Чили (1973 г.), Никарагуа (1981 г.) «недостаточно демократичными» является признаком регрессивного сокращения эмпирического поля теории; 3) игнорируются факт того, что распространение демократических норм и институтов часто ведется при помощи военной силы и не уменьшает, а увеличивает степень насилия в обществе; 4) использование идей И. Канта в качестве основания для оправдания применения насилия к недемократическим странам со стороны «совершенных обществ», противоречит учению великого философа, для

которого применение и оправдание насилия несовместимо с совершенным обществом.

1.2. Теория модернизации и реалистская парадигма теории международных отношений: оценка познавательного потенциала

Теория модернизации (ряд работ Т. Парсонса⁹², М. Леви, Н. Смелзера) построена на основе эволюционизма. В теориях классического эволюционизма эндогенный метод «из внутреннего – внутреннее» является основным. Эволюционисты делали акцент на роль внутренних факторов в развитии общества, так как их больше интересовало само общество, а не взаимосвязи между обществами. Так, в учении о социальной динамике О. Конта главной движущей силой развития общества являются взгляды, идеи, мышление, сознание людей. Идея о вызывающем прогресс взаимовлиянии народов отсутствовала. Культурные различия народов объяснялись их принадлежностью к различным стадиям исторического прогресса. Ярким примером в этом плане являются труды Л.Г. Моргана. И хотя Л. Уайт находил в его произведении «Системы кровного и духовного родства» «богатую россыпь отсылок к процессам диффузии»⁹³, следует отметить, что у

⁹² Некоторое сочетание эндогенного и экзогенного методов свойственно теории систем Т. Парсонса. Основоположник структурного функционализма считал, что каждое общество, как система, развивается, сталкиваясь с двумя основными наборами проблем: во-первых, внутренние проблемы достижения социального порядка и интеграции; во-вторых, проблемы типа «система–окружение». Анализ первого типа проблем сводится к проблеме поддержания гомеостаза внутренней структуры, а анализ отношений «система–окружение» – к проблеме адаптации к изменяющемуся окружению. Для нашего исследования следует отметить два момента в работах Т. Парсонса. Во-первых, его теория систем – это теория порядка, в которой конфликтам должно уделяться внимание. Во-вторых, автор вводит понятие «глобальная система», но не использует его. Образовавшееся обширное проблемное поле пытается заполнить современный последователь Т. Парсонса, изучающий циклы современной мировой системы, Дж. Модельски (Модельски, 2003, с. 478).

⁹³ Уайт Л. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб.: Унив. книга, 1997. – С. 563.

Л.Г. Моргана диффузия не является существенным фактором развития общества. В эволюционизме XIX в. есть теория, в которой модель общества построена не только с опорой на эндогенный метод «из внутреннего – внутреннее», но и на экзогенный – «из внешнего – внутреннее». Таковой является эволюционная теория Г. Спенсера. Типология обществ Г. Спенсера построена с опорой на тезис о том, что в истории происходит постепенный переход от механического принуждения к органическому объединению на основе общности интересов. Используя метафору «организм» для описания общества, Г. Спенсер считал, что общество, как и любой организм, имеет внешние и внутренние органы. Внешние органы, например, у развитого общества – армия и флот – «должны быть способны к быстрым комбинациям как оборонительного, так и наступательного характера»⁹⁴. Внутренние органы, «поддерживающие питание общества», – промышленная система – не требуют деспотического управления, как внешние. «Регулятивный аппарат, благодаря которому эти промышленные органы дружно кооперируются, действует приблизительно так, как симпатическая нервная система у позвоночного животного»⁹⁵. На начальных этапах развития человечества огромную роль в выживании социальных организмов играли «внешние органы». Насилие и война сплачивали и дисциплинировали общество. Однако, когда «война перестает быть занятием каждого свободного человека, тогда начинают брать верх промышленные структуры»⁹⁶. Происходит переход от военизированных обществ к индустриальным, война и насилие уступают место внутреннему самоограничению. Подчеркнем, проблема «внешнего фактора» не является для Г. Спенсера главной в контексте анализа современных обществ. В условиях современного общества «внешний фактор» становится существенным в ситуации внешней угрозы (которую власти изобретают сами с целью

⁹⁴ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – Мн.: Современный литератор, 1999. – С. 1328.

⁹⁵ Там же. С. 1329.

⁹⁶ Там же. С. 1331.

легитимации своих режимов), во время войны, а также после ее окончания, способствующей, по мнению Г. Спенсера, консолидации общества и централизации власти⁹⁷.

После Второй мировой войны, исследуя результаты государственного вмешательства в дела экономики в СССР и причины успеха стран послевоенной Европы, получавших зарубежную помощь в рамках «Плана Маршалла», ученые приходят к мысли о том, что экономический рост наций со слабой индустриальной базой можно ускорить. В теории модернизации идея управляемого экономического роста и целенаправленных политических преобразований в «слаборазвитых» странах сочетается с идеей зарубежной помощи. В соответствии с эволюционным подходом представители теории модернизации и теории конвергенции (У. Ростоу) утверждали, что слаборазвитые страны пройдут тот же путь развития, что и страны Запада. Прогресс, считали они, достигается в результате существования движущих сил внутри общества. Иными словами, модель типа «из внутреннего – внутреннее» заимствовалась ими из исследований социальной динамики европейских стран. В результате теоретики этих направлений упрощенно трактовали, по сути, игнорировали факт существования внутри общества самобытных условий и процессов⁹⁸. Оппоненты, такие как Р. Бендикс⁹⁹, Д.С. Типпс, указывали, что представители теории модернизации и теории конвергенции недооценивают роль внешних факторов при объяснении динамики обществ. Д.С. Типпс пишет в этом отношении: «Никакое теоретическое обоснование не может рассчитывать на объяснение происхождения обществ и природы их борьбы за экономическую и политическую независимость, если оно не учитывает такие значимые

⁹⁷ Идеи Г. Спенсера относительно динамики власти в процессах взаимодействия человеческих сообществ привлекают внимание современных исследователей (см. например: (Тернер, Дольч, 2003; Carneiro, 1988).

⁹⁸ М. П. Яценко отмечает, что классическая концепция модернизации основывается на версии эволюционистского подхода, который «недостаточно чувствителен к вариативному изменению истории» (Яценко, 2009. – С. 104).

⁹⁹ См.: Bendix R. Nation-building and citizenship / R. Bendix. – Berkeley: Univ. of California Press, 1977. – 340 p.

переменные, как влияние войн, завоеваний, колониального господства, международных, политических или военных отношений, торговли и межнационального потока капиталов»¹⁰⁰. Недооценку внешних факторов развития в теории модернизации отмечали и более поздние исследователи, сторонники теории модернизации, стремившиеся преодолеть ограниченность ее теоретических рамок. Например, для преодоления недостатков теории модернизации и приспособления ее к условиям современного мира Дэвид Харрисон выбирает чрезвычайно смелый путь – синтез теории модернизации и марксизма. Он утверждает, что различия между этими подходами в трактовке истории и современности стран третьего мира только идеологические, а К. Маркс по своей сути был модернизационщиком. Дэвид Харрисон считает, что понятие несоизмеримости парадигм Т. Куна к социологии неприменимо, так как в социологии в отличие от естественных наук парадигм не существует. Идеологические разночтения исчезнут, по его мнению, при столкновении теорий с фактами, открываемыми в процессе эмпирических исследований современной социологии¹⁰¹. Следует отметить, что дальше общих деклараций и оптимистических ожиданий относительно развития социальной науки Д. Харисон не идет.

Оппоненты указывали также на несоответствие однолинейной концепции существующим в действительности фактам, отмечали ошибочность концепции последовательной стадильности в развитии, обращали внимание на игнорирование данными теориями проблемного поля девиантных отклонений и социальных конфликтов, возникающих как негативные эффекты модернизации¹⁰².

¹⁰⁰ Tipps D. Modernization theory and the comparative study of societies: a critical perspective // Comparative modernization. – N. Y.: Free Press, 1976. – P. 74.

¹⁰¹ См.: Harrison D. The sociology of modernization and development. Routledge. – London, 1991. – P. 130.

¹⁰² Например, А.Г. Франк отмечал, что «наше невежество в области истории слаборазвитых стран ведет нас к предположению, что их прошлое и настоящее напоминает более ранние стадии истории сегодняшних развитых стран. Это невежество и это предположение ведут нас к серьезным ошибочным представлениям о современной экономической отсталости и развитии ... Даже беглое знакомство с историей показывает,

Единственным внешним фактором развития стран третьего мира оказывалась зарубежная помощь¹⁰³. Однако как явление «помощь» была порождена соперничеством между двумя военно-политическими блоками. После революции 1949 г. в Китае и с началом распада колониальной системы проблема направления развития новых независимых стран становится особенно актуальной для обеих противоборствующих сторон. Теория модернизации обосновывала политику «помощи» США в отношении «слаборазвитых» стран мира¹⁰⁴. Сегодня теория модернизации неадекватна реальному положению дел в мировой системе: во-первых, противостояние двух систем ушло в прошлое, и экономическая «помощь» теперь будет носить еще менее альтруистический характер; во-вторых, политика модернизации не оправдала возлагаемых на нее надежд. Как отметил А.Г. Франк, «там, где политика модернизации становилась официальной и реформы вели к нивелированию традиционных институтов, наблюдалось не улучшение жизни и условий существования человека, а явление экономической стагнации, дезорганизации общественных отношений и обострения конфликтов внутри общества»¹⁰⁵.

Следует отметить, что теория модернизации идеологически вдохновляла отечественные реформы конца 1980–1990 гг. Успех этой теории среди отечественных политиков и многих ученых можно объяснить тем, что сама идея «помощи», но с другим идеологическим содержанием была близка общественному сознанию советской эпохи. Надеясь на «новое мышление» и «помощь Запада», они упускали из вида, что процесс социальных

что экономическая отсталость не является первоначальной или традиционной и что ни прошлое, ни настоящее слаборазвитых стран никоим образом не напоминают прошлое сегодняшних развитых стран» (Frank, 1989, p. 37).

¹⁰³ Политика помощи усилиям народов экономически отсталых регионов в области развития их ресурсов и улучшения жизни была провозглашена в 1949 г. в инаугурационной речи президента Трумэна.

¹⁰⁴ Baber Z. Modernization theory and the Cold War // *Journal of Contemporary Asia*. – 2001. – Vol. 31. – Is. 1. – P. 79.

¹⁰⁵ Frank A.G. The development of underdevelopment // *Monthly Review*. – 1989. – Vol. 41. – Is. 2. – P. 39.

трансформаций в истории России, начиная с Петровских реформ, эта теория объясняет, используя совершенно иной, «оборонительный», внешний фактор¹⁰⁶. Представители теории модернизации включали СССР в категорию стран, находящихся на стадии индустриализации, но на этом сходство с общей моделью заканчивалось.

В конце 1990-х – начале 2000 гг., когда реформы стали приносить в большинстве стран бывшего Советского блока отрицательные результаты, в отечественной науке на основе теории модернизации появляются попытки объяснения неуспеха путем проведения сравнительных исследований. В.М. Полтерович, с целью оценки перспектив стратегии современной России, использует результаты сравнения успешных случаев «догоняющего развития» имевших место в истории Англии XVII в., США XIX в., а также Японии, Южной Кореи, Тайваня в период после Второй мировой войны. Он отмечает, что подъем Англии и США сопровождался в обоих случаях политикой протекционизма и высокой степенью государственного вмешательства, которая «падала, как только страна становилась лидером»¹⁰⁷. Выводы В.М. Полтеровича несомненно имеют важное значение для оценки современной стратегии «догоняющего развития» современной России, которой свойственна не политика протекционизма, а либеральная доктрина. Однако следует обратить внимание на то, что в периоды подъема Англии и США политика протекционизма и вмешательство в экономику со стороны государства были характерны и для других стран, которые не смогли добиться подобного успеха, следовательно, данные факторы могут рассматриваться как необходимым, но недостаточные. Ограниченность теории модернизации обнаруживается, если задать вопрос, достаточным ли будет введение политики протекционизма для того, что бы современная Россия достигла такого же уровня успеха как Англия и США? Очевидно, что

¹⁰⁶См.: The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861 / Ed. by C. Black. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1960. – 695 p.

¹⁰⁷ Полтерович В.М. О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. – 2007. – №. 3. – С. 20.

этого будет не достаточно. Анализ экономического роста Японии, Южной Кореи и Тайваня позволяет сделать В.М. Полтеровичу вывод о необходимости системы стратегического (индикативного) планирования. Главную задачу данной системы В.М. Полтерович определяет как «создание регулярного механизма взаимодействия между правительствами, бизнесом, профсоюзами и потребителями с тем, чтобы способствовать укреплению взаимного доверия и координации усилий для широкомасштабного перевооружения отраслей на основе массового заимствования и адаптации западных технологий»¹⁰⁸. Если использовать наличие такой системы как фактора роста для всех случаев «догоняющего развития», то в отношении, например, Англии XVII в., данный фактор работает с большими допущениями, так формирование «механизма взаимодействия» между правительством и буржуазией здесь имело революционный характер. Как вписывается революционное движение в процесс создания «механизма взаимодействия», способствующего «укреплению взаимного доверия и координации усилий» в обществе? Существует ли опасность революции для современной России? Если политика протекционизма имеет столь очевидные преимущества, то почему, российское правительство ими пренебрегает, точно так же, как не принимает во внимание результаты исследования отечественных экономистов, доказывающих пользу политики протекционизма¹⁰⁹? Достаточным ли будет введение политики протекционизма для того, что бы современная Россия достигла такого же уровня успеха как Англия и США? Ответить на эти вопросы с позиции теории модернизации, постулирующей идею единой модели роста для всех стран независимо от их положения в мировой системе, будет проблематично.

¹⁰⁸ Там же. С. 17.

¹⁰⁹ В.М. Полтерович в статье «Стратегия–2020: перспективна ли “новая модель роста”?» отмечает факт формального участия ученых в составлении программного для развития России документа. Он указывает, что «большинство из когорты привлеченных экспертов не принимали или почти не принимали участия в написании доклада». Те замечания, которые предложил В.М. Полтерович, были, по сути дела проигнорированы составителями, были внесены, как пишет автор статьи, «лишь косметические изменения, базовая концепция осталась неизменной».

Преодолеть рамки теории модернизации обнаруживается в работе В.В. Цыганкова. Опираясь на методологию научно исследовательских программ И.Лакатоса, В.В. Цыганков осуществляет реконструкцию «твердых ядер» модернизационной парадигмы и миросистемного подхода, после чего предпринимает попытку синтеза теорий этих двух направлений. Однако В.В. Цыганков упускает из вида то, что по мысли И.Лакатоса, ученый из двух конкурирующих научно-исследовательских программ, какими являются миросистемный подход и теория модернизации, должен, после соизмерения эмпирических областей, не синтезировать их, а выбрать одну, более успешную, что не было сделано автором. В результате в работе В.В. Цыганкова присутствует лишь краткое описание двух конкурирующих парадигм, а основания для синтеза остаются неясными. В.В. Цыганков дает понять, что модернизационное направление и миросистемный подход взаимодополняют друг друга. Однако утверждение о том, что сильной стороной теории модернизации является «внимание к внутренним механизмам социальных трансформаций, тогда как для миросистемного анализа сильной стороной является представление о “мировой конъюнктуре” - внешнем стимуле трансформаций»¹¹⁰ чрезмерно упрощает теории миросистемного подхода. Внутренние процессы и противоречия не игнорируются миросистемным подходом. Внутренние и внешние факторы развития общества в миросистемном подходе связаны между собой.

Методологические недостатки теории модернизации иногда пытаются преодолеть путем ее синтеза с цивилизационным подходом¹¹¹. Данный

¹¹⁰ Цыганков В.В. Трансформации российского общества в модернизационной и миросистемной перспективе: социально-философский и макросоциологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2013. – С. 3.

¹¹¹ См., например: Шмаков В.С., Сердюкова Ю.С. Указ. соч. С. 102–107. Следует отметить, что В.С. Шмаков использует в своих работах миросистемные понятия при объяснении неравенства стран мира, так, указывая на противоречие между процессами архаизации системы социальных отношений на постсоветском пространстве и приобщения бывших советских стран к мировой экономике, он пишет: «Эта противоречивость связана, прежде всего, с неравномерностью развития не только различных стран мира, но и отдельных регионов. Мир давно поделен на “центр” и

подход имеет ряд положительных моментов. Во-первых, цивилизационный подход постулирует отказ от линейного, однообразного развития человеческих обществ. Во-вторых, модель «вызов – ответ» А. Тойнби в таких случаях дополняет отсутствующий в теории модернизации внешний фактор. Однако следует отметить, что при всех положительных результатах, полученных на основе такого синтеза, в объяснительной модели нечетко отражены системные связи, формирующие неравенство обществ. Этот недостаток отсутствует у миросистемного подхода. В этом отношении следует отметить работы Дж. Модельски, изучающего циклы современной мировой системы. Дж. Модельски использует идею «порядка» Т. Парсонса, но переносит ее с национального на глобальный уровень. Сама же глобальная система представлена у него через понятия «ядро» и «периферия».

В целом можно отметить, что модель, в которой факторы, вызывающие динамику общества усматриваются преимущественно в самом обществе, может быть адекватна для исследования доклассовых обществ или обществ в условиях государственной автаркии, которую теоретики XIX – первой половины XX вв. не исключали как перспективу развития человечества. На сегодняшний день такие модели неадекватны действительности, и их использование с целью объяснения и предсказания современных явлений и процессов весьма проблематично.

Направления реалистской парадигмы теории международных отношений (Г. Моргентау, Дж. Кенна, Г. Киссинджер, Р. Арон, К. Уолц), берущие свои философские основания в трудах Фукидида, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, могут рассматриваться как примеры, в которых теоретические модели социальной динамики построены по принципу «из внешнего – внешнее». Представители этой парадигмы принимают тезис о том, что человеческой природе свойственна жажда власти. Государство, по их

«периферию», но это не отменяет их внутреннюю неоднородность» (Шмаков, 2008, с. 204).

мнению, подчиняется этому же императиву. Поддержание и расширение власти – основной интерес любого государства. Ни одна международная организация не играет значительной роли в международных отношениях, а потому сфера глобальной политики – это сфера анархии, постоянного конфликта и войн. Ведущие державы, стремясь упрочить собственную безопасность, формируют союзы, которые, однако, имеют временный характер, и государство, считают реалисты, всегда должно относиться с высокой степенью осторожности к своим союзникам. В глобальной политике при равновесии сил между великими державами может возникнуть стабильная ситуация. Это происходит из-за взаимного сдерживания или обоюдного желания держав избежать разрушительной войны, но и эта ситуация временная. Следует отметить, что входящий в парадигму неореализм или структурный реализм (К. Уолц, Р. Гилпин) обладает бóльшим уровнем методологической сложности в анализе международной политики. Сторонники неореализма исследуют то, как структура международной политики влияет на государства. Для неореалистов государство также является первичной единицей анализа, но оно – составной элемент более широкой международной структуры, которая влияет на его поведение и действия. Здесь присутствует недооценка явлений и процессов, которые образуются и протекают внутри государств. Так, К. Уолц утверждает, что системная теория международной политики имеет дело с силами, действующими на международном, а не национальном уровне. Теория международных отношений не нуждается в совместных конструкциях с теорией внешней политики, точно также, как теория рынка указывает на силы, давящие на фирмы, но не рассматривает различия в поведении, внутренней организации и управлении этих фирм¹¹².

¹¹² См. подробнее: Waltz Kenneth N. Theory of international politics. – California: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.; Waltz Kenneth N. The origins of war in neorealist theory // The origin and prevention of major wars / Ed. Rotberg R., Rabb T. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – P. 42– 43.

За редкими исключениями – такими, как труды Дж. Н. Розенау¹¹³, – представители реалистской парадигмы международных отношений не интересовались внутренними процессами, протекающими в государстве, например, условиями его целостности. Они предпочитали объяснять динамику глобальной системы из нее самой, игнорируя внутренние процессы в ее подсистемах, национальных государствах. Следует заметить, что Фукидид, Н. Макиавелли и Т. Гоббс были гораздо более внимательны к внутренним факторам динамики общества, чем их последователи в XX в.¹¹⁴ Так, анализируя Пелопонесские войны, Фукидид утверждал, что страсти и надежды народа имеют реальную силу. Более того, в процессе анализа указанных войн он приходил к выводу, противоположному выводам представителей реалистской парадигмы: считал, что успешное применение принципов рационального в политике невозможно. Справедливости ради необходимо отметить, что при анализе текущих политических процессов представители реалистской парадигмы международных отношений часто подходят с критической точки зрения и указывают на недостаток рациональности в действиях конкретных политиков. Так, Г. Моргентау, объясняя трудности, возникшие у США на международной арене в послевоенный период, подобно Фукидиду, видевшему источник неуспеха Афин в ментальной сфере, страстях и верованиях, усматривает причины

¹¹³ Объяснительная модель эффективности внешней политики Дж. Н. Розенау содержит метод из «внутреннего-внешнее». Он определяет внешнюю политику как «продукт национальной системы» (Rosenau, 1963, p. 5). На примере американского общества он исследует процесс создания общественного мнения относительно внешней политики национальными лидерами, под которыми он понимает не только правительство и глав общественных организаций, но и административный корпус, директоров общественных учреждений, крупных бизнесменов, ученых, педагогов и др. Всего Дж. Н. Розенау выделяет шестнадцать типов деятелей, создающих общественное мнение. Определенная степень согласия в общественном мнении позволяет правительству осуществить мобилизацию общества на проведение того или иного курса внешней политики.

¹¹⁴ См. подробнее: Ahrensdoerf P.J. Thucydides' realistic critique of realism // *Polity*. – 1997. – Vol. 30. – Is. 2. – P. 231–240.

просчетов в традиционном для руководства США виденье внешней политики¹¹⁵.

Для реализма характерно игнорирование проблем, связанных с процессами внутри государства. Д.С. Мигдал отмечает следующее: «Теоретики реализма имели тенденцию игнорировать внутреннюю динамику государств, которая могла разрушить имеющиеся между ними связи, и рассматривали вместо этого конфигурации государств с целью объяснить государственную стабильность. Реалисты доказывали, что рациональность государств часто заставляет более сильные государства поддержать более слабые, чтобы объединить усилия и препятствовать другому, более сильному государству, достичь мирового господства»¹¹⁶. На узость эмпирических рамок реализма указывает также представитель неолиберального институционализма Роберт Кеохэн. Он отмечает, что реализм как в своей классической форме, так и в современных разновидностях игнорирует роль международных организаций и институтов, норм и правил, внутренней политики и идей. Реализм, утверждает он, «обширен в структуре, но неглубок в исследовании процессов»¹¹⁷. Более того, Р. Кеохэн указывает на невозможность фальсификации реалистической доктрины: «...когда государства нарушают правила, они должны быть заинтересованы в этом; когда они воздерживаются от нарушения своего слова, это тоже определено их интересами <...> такой тезис укреплен против всякого опровержения»¹¹⁸.

¹¹⁵ Основными чертами традиционного отношения к внешней политике США после Второй мировой войны, по его мнению, оставались: 1) ограничение внешней политики США Западным полушарием; 2) оказание помощи остальному миру в освобождении от злобной силовой политики; 3) принцип равенства союзников; 4) военный подход к внешней политике (Morgenthau, 1961, p. 63–71). Г. Моргентхау показывает, как менялся подход у руководства США к внешней политике в сторону реализма, какие проблемы вместе с этим были преодолены и что осталось нерешенным.

¹¹⁶ См.: Migdal J.S. *State in society: Studying how states and societies transform and constitute one another*. – Cambridge. Cambridge Univ. Press, 2001. – 139 p.

¹¹⁷ См. подробнее: Keohane R. *Institutions, law and governance in a partially globalized world*. – N. Y.: Routledge, 2002. – P. 6 – 7.

¹¹⁸ Ibid. P.120.

Конец «холодной войны», исчезновение блока стран Варшавского договора, распад Советского Союза представители реалистической парадигмы не предсказали. Более того, сделанное в 1993 г. предсказание К. Уолца о последующем скором распаде НАТО также не оправдалось¹¹⁹.

Пренебрежение анализом внутренних проблем национальных государств обусловило кризис реалистской школы. Период после Второй мировой войны¹²⁰ был «Золотым веком» реалистских исследований проблем безопасности в глобальной политике¹²¹. Однако события конца XX в. поставили под сомнение концептуальные построения и выводы реализма и неореализма. После распада Советского Союза и объединения Германии внимание к внутренним процессам в обществе стало гораздо более пристальным. Помимо этого, оказалось, что с позиции реализма трудно понять такие явления глобального масштаба, как мировая культура и процесс ее распространения¹²², заключение экономических союзов, подписание соглашений о сотрудничестве и договоренностей о запрете на ряд типов деятельности. Сосредоточенность реалистской парадигмы на военно-политической сфере и неспособность ее теорий аккумулировать результаты смежных социальных дисциплин способствовали развитию иных подходов в теории международных отношений¹²³. Широкое распространение получает

¹¹⁹ Greenberg J. Does power trump law? // *Stanford Law Review*. – 2003. – Vol. 55. – Is. 5. – P. 23.

¹²⁰ В первой половине XX в., в период, когда теория международных отношений формируется как дисциплина, либеральный подход дискредитирует себя и после Второй мировой войны уступает место реалистской доктрине. Либеральный интернационализм В. Вильсона, который предполагал, что совмещение демократии и международных организаций может победить политику власти и войны, приводит к недооценке растущего могущества фашизма. Поэтому после Второй мировой войны, как выразилась А.-М. С. Белий, «неоперившуюся дисциплину выкинули из гнезда, которое занял политический реализм, четко сформулированный и упорядоченный такими учеными, как Г. Моргентгау, Г. Шварценберг, Э.Х. Карр, Дж. Кеннан» (Burley, 1993, p. 207 – 208).

¹²¹ Baldwin D. Security studies and the end of the Cold war // *World politics*. – 1996. – Vol. 48. – Is. 1. – P. 117–141.

¹²² Campbell J. Ideas, politics and public policy // *Annual Review of Sociology*. – 2002. – P. 21–48.

¹²³ См. подробнее: Buzan B., Little R. Why international relations has failed as an intellectual project and what to do about it // *Millennium*. – 2001. – Vol. 30. – Is. 1. – P. 19 – 39.

институционализм (Р. Кеохэн, Дж. Най), конструктивистская теория (Дж. Рагги, Р. Прайс)¹²⁴, критическая теория (Р.Б. Дж. Уолкер, Дж. Дер Дериан, М. Шапиро, Д. Кэмпбелл).

После 11 сентября 2001 г. интерес к реалистской парадигме международных отношений возрастает¹²⁵. Однако возрождающийся реализм имеет новые черты: так, например, в отличие от классического реализма и неореализма, признающих значение национального интереса и суверенитета всех государств, несмотря на их неравное положение в международной системе, реалистский подход делит национальные государства по модели «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В соответствии с этой моделью интенсивно развивающийся Китай сегодня оказывается еще более

¹²⁴ Основным предметом исследования данного направления является процесс формирования идентичности у различных социальных групп. Данная теория появляется как критическая реакция на теорию рационального выбора. Конструктивисты показывали, то, во что политики верят, не менее важно, чем то, что они хотят. Ярким примером конструктивизма могут быть исследования влияния идей на выработку тактики политической элитой. Во-первых, большое внимание уделяется так называемым «когнитивным парадигмам» – познавательным идеям, которые ограничивают диапазон альтернатив действий политиков (G. Almond, V. Verba, C. Weber, A. Wildavsky). Они облегчают политической элите выработку тактики, предоставляя концепты понимания того, как устроен и функционирует мир, как должны быть организованы политические институты и бюрократические учреждения (F. Block, R. Heilbroner, W. Milberg, S. Berman, F. Dobbin, P. Hall, J. Ziegler). Открытым для исследования является вопрос, как и почему происходит смена «когнитивных парадигм» (M. Blyth). Следующим типом идей являются «нормативные структуры». Данный тип идей ограничивает диапазон действий политиков посредством ценностей, норм, верований и типа идентичности (исторически формирующихся идей, которые сообщают индивидам, кем они являются по сравнению с другими). Данные проблемы особенно ярко проявляются при исследовании явлений национализма или при попытках понять, как формируются политические интересы и предпочтения (P. Hall, R. Jepperson, A. Wendt, M. Piore, K. Thelen, S. Steinmo). Расцвет конструктивизма связан с периодом окончания «холодной войны». Для представителей реализма и политологов либерального направления окончание «холодной войны» оказалось неожиданным и вызвало серьезные проблемы при объяснении. Конструктивисты объясняли данный факт идеей М. Горбачева реконструировать внешнюю политику на основе принципа «общей безопасности» (Walt, 1998). Следует отметить, что проблема роли идеологии в обществе достаточно старая, она представлена в работах классиков марксизма, в работах В.И. Ленина, посвященных роли идеологической борьбы в развитии революции. Данная проблема поднимается и современными авторами, работающими на основе синтеза теорий марксистской и веберианской парадигм (Rueschmeyer, Skocpol, 1996).

¹²⁵ О роли 11 сентября 2001 г. для возрождения интереса к данной парадигме см.: Haque S.M. The revival of realism in international politics after September 11 and its ethical impact // International journal of politics and ethics. – 2003. – Vol. 3. – Is. 1. – P. 135–147.

опасным для Запада, чем в эпоху ортодоксального маоизма. Например, в соответствии с моделью С. Хантингтона Дж. Най в 1995 г. утверждал, что «холодная война» между Востоком и Западом не может закончиться, так как Китай и его экономическая экспансия опасны для США¹²⁶. Сегодня реализм сильно трансформирован в политической риторике и служит оправданию экспансионизма. Дж. Легро и Э. Моравчик отмечали: «Любой чиновник высшего ранга, который полагается только на „реалистское“ управление посредством военной мощи, проявляет гораздо большую веру в упрощенные теории, чем это делают сами академики»¹²⁷. Определение «оси зла» и акцент на превентивные методы борьбы с терроризмом возрождают знакомую политическую риторику периода «холодной войны» о борьбе «свободного Западного мира с деспотичным Востоком» и «цивилизации с варварством». При этом остается нерешенной одна серьезная методологическая проблема. Дело в том, что использование доктрины реализма с целью научного анализа террористических явлений весьма проблематично, так как реализм оперирует на уровне понятий «государства», а явление терроризма включает в себя структуры на уровне групп и организаций¹²⁸.

Некоторые ученые усматривают наличие признаков конвергенции реализма, либерального направления и конструктивизма и оценивают это как положительное явление. Например, Стивен М. Уолт, оценивая положительно процесс конвергенции, отмечает основу этого процесса: «Большинство реалистов признает, что национализм, милитаризм, этническая принадлежность и другие внутренние факторы важны; либералы признают, что власть является центральным фактором, определяющим международное поведение; некоторые конструктивисты признают, что идеи имеют большее

¹²⁶ Ney, J.S. The case for deep engagement // *Foreign Affairs*. – 1995. – Vol. 4. – P. 91–95.

¹²⁷ Legro J., Moravcsik A. Faux realism // *Foreign Policy*. – 2001, July. – P. 80.

¹²⁸ Необходимо отметить успешность рассмотрения феномена терроризма В.И. Красиковым, который отмечает, что используемый им «подход навеян “мир-системным” анализом И. Валлерстайна» (Красиков, 2010, с. 108).

воздействие, когда поддержаны мощными государствами и соответствующими материальными силами»¹²⁹. Другие аналитики, например Дж. В. Легро и Э. Моравчик, существующие моменты конвергенции реалистского и либерального подходов оценивают отрицательно. Для реалистской парадигмы, пишут они, сегодня характерно наличие склонности признавать, что главные тенденции мира, такие как европейская интеграция, либерализация мировой экономики, увеличение роли малых стран, возрастание значимости прав человека, проблем, связанных с экологией, не определены и слабо связаны с властью. Дж.В.Легро и Эндрю Моравчик отмечают, что «реалисты расширили определение „реализма“ в попытке охватить набор фактов, разнообразие которого напоминает шведский стол. Но следствием была концептуальная бессвязность»¹³⁰. Такие разные оценки не противоречат друг другу и на самом деле отражают сегодняшнее состояние теории международных отношений. В какой-то мере процесс развития социальных дисциплин зависит от процессов историко-эмпирического характера, содержание теорий отражает ход текущих событий¹³¹. Расцвет реалистских концепций приходится на период войн, когда власть и могущество во многом определяли выживание и статус государства. В этот период реалисты предъявляли претензии к либералам за то, что те считали военное могущество и политическую власть вторичными факторами по сравнению со значимостью анализа форм правления, преимуществ экономических взаимосвязей, функциональных выгод международных учреждений и т.д. Однако научный инструментарий реалистов становится малоприменимым после того, как мир изменился, этап обостренного конфликта сменился этапом, когда сотрудничество и взаимодействие стали играть более значительную роль. Явления,

¹²⁹ Walt S. International relations: one world, many theories // Foreign Policy. – 1998. – Is. 110. – P. 29 – 47.

¹³⁰ Legro J., Moravcsik A. Faux realism // Foreign Policy. – 2001, July. – P. 80.

¹³¹ Например, А. Н. Чумаков, описывая процесс смены парадигмы в глобалистике, отмечает зависимость роста и снижение интереса научного сообщества к глобальным проблемам от событий и раскладки реальных сил на мировой арене (Чумаков, 2005).

составлявшие предмет исследования реализма, перестают определять характер процессов в международной сфере и уходят на периферию внимания научного сообщества, а попытки адаптировать теорию к новым реалиям ведут в академической среде к «концептуальной бессвязности», а в области практической политики – к сильным упрощениям и идеологизации. Теория циклов динамики мировой политики Дж. Модельски (2003), К. Rasker, W.R. Thompson (1985, 1994, 2005) показывает наличие в мировой истории последних пяти столетий последовательной смены периодов глобальной стабильности и периодов глобальных угроз и войн. Теория геополитической динамики также содержит положение о кумулятивных циклах, которые содержат в себе периоды обостренных конфликтов между территориально обширными и могущественными державами. Если данные теории верны, то предметы исследования реализма и либерализма обретают актуальность в разных стадиях цикла, а потому конвергенция данных парадигм, а также парадигмы конструктивизма может быть вполне обоснована. При этом в теоретических построениях реализма и неолиберализма (академической версии) циклические модели отсутствуют, а если и существуют, то не являются центральными. Например, тезис анархического характера международных отношений в реализме не предполагает появления периода, где анархия сменялась бы управляемым порядком. Данное обстоятельство указывает на методологические границы данных подходов и объясняет причины затруднений, возникших у либеральной доктрины в периоды мощных международных конфликтов, а у реализма сегодня. И даже если в результате конвергенции тезис об анархическом характере международных отношений, основной в реализме, будет синтезирован с идеей управляемого порядка, но внутренние факторы развития обществ, элементов системы будут игнорироваться, получение надежного инструмента научного исследования окажется под сомнением.

Делая выводы, следует отметить, что еще в 1975 г. на собрании Ассоциации американских социологов И. Валлерстайн объявил «о смерти»

теории модернизации, а, по мнению Дж. Лего и Э. Моравчика, современная конвергенция реалистского и либерального направлений теории международных отношений ведет к «концептуальной бессвязности». Выводы И. Валлерстайна, как оказалось, были несколько преждевременными. Думается, что и «концептуальная бессвязность» реалистской и либеральной парадигм – лишь временное явление, которое будет преодолено. Процесс дальнейшей конвергенции данных направлений может привести к появлению концептуально и методологически стройной общей теории. Однако сегодня, выбирая теоретическую основу для исследования динамики общества, нет смысла латать многочисленные, как показало данное исследование, методологические дыры этих направлений. Выбор должен быть сделан в пользу тех теорий и парадигм, где внутренние и внешние факторы развития общества взаимосвязаны. В этом плане в первую очередь заслуживают внимания марксизм и неомарксизм, миросистемный анализ, геополитическая наука. Анализ этих направлений будет представлен в двух следующих разделах.

1.3. Сравнительный анализ геополитических концепций: выбор парадигмы исследования

Геополитика является относительно новым направлением в отечественной науке. Однако за прошедшие полтора десятка лет в отечественной литературе сформировалось большое разнообразие подходов в определении ее предметной области, методов исследования, целей и задач. При этом авторы статей и монографий, объясняя и предсказывая геополитические процессы, часто опираются на теории прошлого. Как правило, в публикациях на данную тематику можно встретить имя Х. Маккиндера и его концепцию «осевого региона», идею Н. Спайкмена о существовании «римленда», из трудов более поздних геополитиков привлекаются работы Зб. Бжезинского, С. Коэна и др. Среди исследований

российских ученых наибольшей популярностью пользуются работы группы ученых-эмигрантов, широко известных как «евразийцы». У неискушенного в геополитике читателя может возникнуть представление о том, что все эти концепции обладают равной научной значимостью, что они одинаково эффективны при разборе и прогнозировании конкретных геополитических ситуаций. Иными словами, мы оказались в ситуации, когда, с одной стороны, в отечественной литературе имеется большое количество моделей классической геополитики, с другой стороны, использование этих моделей для объяснения и предсказания геополитических процессов часто происходит без должного критического анализа, порой игнорируется историчность моделей, то, что в ранние периоды своего развития геополитическая теория подгонялась под современные ученым политические реалии. Необходимо ответить на ряд назревших вопросов: какие концепции наиболее эффективны и заслуживают внимания с целью их использования при анализе реальных процессов? Как из существующего многообразия теорий выбрать и наиболее плодотворную, и удовлетворяющую современным научным стандартам? Каково состояние геополитической науки в России? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящен данный раздел.

1.3.1. Эволюция метода объяснения и предсказания в геополитической науке

Анализ геополитических концепций с необходимостью должен учитывать их историчность. В отечественной литературе при исследовании истории геополитики как науки присутствуют два основных подхода. Первый подход акцентирует внимание на геополитические научные школы (немецкая, американская, французская, российская). Второй – подразделяет всю историю геополитики как науки на периоды (классический или империалистский, ревизионистский, холодной войны, нового миропорядка). Оба эти подхода имеют как положительные, так и отрицательные моменты,

но, давая им характеристику в целом, необходимо отметить, что в данных случаях мы получаем, в большей мере, геополитику как политико-культурный или историко-политический феномен, нежели геополитику как науку. Если же мы хотим исследовать геополитику как науку, то, вероятно, мы должны опираться на теорию развития науки. Такой анализ возможен на основе методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Методология И. Лакатоса более результативна при исследовании геополитики, чем два выше обозначенных подхода. Данная методология позволила решить целый ряд следующих задач: объединить геополитические теории в рамках научно-исследовательских программ; выделить конкурирующие программы; на основе анализа сдвига проблем проследить тенденции развития геополитических теорий; определить период появления геополитики как зрелой науки; выявить наиболее перспективные научно-исследовательские программы¹³².

Одним из важнейших понятий методологии И. Лакатоса является понятие «твердого ядра программы». Каждое положение, вошедшее в «твердое ядро», является постулированным суждением относительно одного или нескольких базовых понятий теоретического ряда научно-исследовательской программы и содержит в себе, как правило, онтологические и ценностные основания. Контроль над пространством (прежде всего, территорией) и соперничающие за этот контроль политический центры (в частности, государства) являются инвариантными сущностями геополитической реальности. Взаимосвязь понятий «пространство» и «государство», как правило, определяет область геополитических исследований. Онтологические основания заимствовались геополитикой наукой на протяжении всего ее существования из общенаучных концепций. В соответствии с этим можно выделить шесть основных геополитических парадигм: органистическая (в большей мере

¹³² Изгарская А.А. Социально-философская реконструкция развития геополитических концепций: автореф. ... канд.филос.наук. – Новосибирск, – 1999. –24 с.

социал-дарвинистская) – Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, А. Грабовский; мирового пространства как единого организма – А. Мэхэн, Х. Маккиндер, Н.Спайкмен; цивилизационная – В. де ля Блаш, К. Валло, Ж. Брюн, Ж. Ансель, Ж. Ж. Готман; политико-экономическая (на основе реалистской парадигмы теории международных отношений) – Г. Моргентау, Г. Киссенджер, Зб. Бжезинский; неовеберинская – Р. Коллинз; парадигма порядка (на основе работ Т. Парсонса) – Дж. Модельски, К. Раслер, В. Томпсон. На их основе сформировалось шесть научно-исследовательских программ геополитики (см. Приложение 2).

Развитие научно-исследовательских программ в геополитике происходит вследствие столкновений теорий с аномалиями. При этом происходит либо прогрессивный сдвиг проблемы, либо программа регрессирует и ее содержание сужается. Особенно ярко это проявляется на примерах органистической научно-исследовательской программы, программы мирового пространства как единого организма, научно-исследовательской программы Р.Коллинза. Приведем лишь один пример из научно-исследовательской программы мирового пространства как единого организма¹³³. Обозначим теорию А.Мэхэна как Т1 и подчеркнем, что А. Мэхэн в своих работах предсказывал рост могущества Британской империи. Географ по образованию, профессор Оксфордского университета, член английского парламента Х.Дж. Маккиндер понимал, что мировое лидерство Англии находится под угрозой, что концепция А. Мэхэна не отражает развивающуюся действительность адекватным образом. Теория А. Мэхэна столкнулась с серьезной аномалией. Преодолевая ее Х. Маккиндер в 1904 году доказывает, что в истории периодически происходит переход лидерства от континентальной власти к морской и наоборот. В наступающей новой

¹³³ Более полный анализ геополитических концепций с позиции философии науки, а именно методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса, см. в работе автора: *Изгарская А.А. Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 5–158.*

эпохе главенствующую роль будет играть пространство суши, так называемый «осевой регион», или «хартленд». Таким образом, появляется теория, которую мы можем назвать теория Т2. Но последовавшие мировые войны сделали очевидным, что страны моря и суши заключают между собой договоры и вступают в альянсы. Таким образом, появляется новая аномалия. Это явное несоответствие теории реальным фактам современности вынудило Х.Маккиндера снова внести в нее изменения. Полученную им теорию будет вполне правомерно обозначить как Т3. В ней автор, как и в 1919 году, снова расширяет границы хартленда, и, помимо этого, отказывается от дихотомии море-суша. Прогрессивного сдвига проблемы в обоих случаях не наблюдается, присутствует переинтерпретация основного понятия. Иными словами, если в начале века изучение и объяснение тенденций в мире строилось на основе модели достаточно ограниченного географического пространства, обозначаемого понятием «хартленд», то позже, когда реальные мировые процессы выходят за рамки определенного данным понятием географического пространства, ученый расширяет понятие до нужных ему размеров. В последней версии «хартленд» стал включать территорию Сахары, пустыни Центральной Азии, Арктику и субарктические земли Сибири и Северной Америки. Северная Атлантика стала «средиземным морем». Каковы же границы расширения понятия «хартленд»? Не возникнет ли прецедента, когда в него будет включено все мировое пространство? Чем обосновано широкое использование концепции «хартленд» в первоначальном ее варианте в современной отечественной литературе?

В целом следует отметить, что органистическая программа, программа мирового пространства, политико-экономическая программа теряют приоритет вследствие изменения международной обстановки, формирования новых ценностных оснований мирового сообщества, потери позиций базовых социальных теорий.

С целью систематического сравнения научно-исследовательских программ геополитики рассмотрим эволюцию методологии объяснения и

предсказания в геополитических теориях, дадим оценку современного общего состояния геополитической теории и осуществим выбор наиболее плодотворной научно-исследовательской программы.

В геополитической науке от Ф. Ратцеля до представителей американской политико-экономической школы (Г. Маргентау, Г. Киссенджер, Р. Гилпин, Зб. Бжезинский и др.) включительно использовался следующий метод объяснения политических процессов. Вначале предполагалось наличие некоторой логически последовательной, долговременной, саморазвивающейся социальной единицы. В геополитических концепциях такой единицей преимущественно является государство. Этой социальной единице приписывались общие условия существования или же выделялись некоторые внутренние процессы. Затем создавалась или использовалась уже готовая инвариантная модель этих условий, процессов. Далее осуществлялось объяснение и предсказание поведения социальной единицы на основе ее подчинения этой инвариантной модели¹³⁴. Для удобства понимания назовем этот *тип инвариантной модели ригидным*. В этом случае история становилась поставщиком фактов, подтверждающих теорию. Такой «способ проверки», подбор подтверждающих примеров для выбранной онтологии и теории долгое время был общепринятым в социальных науках. Данный подход к истории был присущ О. Шпенглеру, А. Тойнби. Такие модели могли быть представлены в виде метафоры («организма» – Ф. Ратцель, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, «руки» – Р.Челлен, «хартленда», то есть «сердца земли» – Х. Маккиндер). Применение ригидной модели для анализа исторических событий часто происходило с искажением фактов в пользу модели. Примером может служить трактовка многих исторических событий А. Мэхэном¹³⁵. Но, несмотря на это, работы Мэхэна приобрели широкую

¹³⁴ Этапы построения инвариантных моделей в политических науках были описаны Ч. Тили. См: Tilly C. To explain political process. – AJV. – V. 100. 6 May 1995. – P. 1595.

¹³⁵ Критику идей А. Мэхэна см.: Дементьев И.П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.) – М., 1973. – С. 123.

популярность, что лишний раз доказывает допустимость искажений исторических фактов в тот период развития науки об обществе и широкое использование «нежестких» моделей в объяснении и предсказании политических процессов.

Рассмотрим формирование и использование такого типа модели на примере теоретических разработок Хальфорда Маккиндера, чье имя наиболее часто можно встретить в современной отечественной литературе.

Инвариантная модель первоначальной и самой знаменитой концепции Маккиндера может быть сформулирована следующим образом: в истории существуют циклически возобновляющиеся конфликты стран моря и стран суши; лидерство перемененно принадлежит то одним, то другим. На этом основании он делит историю на три периода. Первый период – центрально-азиатский, или «доколумбова эпоха». В ней народы, принадлежащие периферии Мирового острова, например, римляне, живут под постоянной угрозой завоевания со стороны сил хартленда. Следующий период – эпоха Колумба. Это был период доминирования «мира морского». Данный этап начинается с великих географических открытий. Грядущая эпоха – период доминирования стран хартленда. В ней народы будут обречены на войну.

На основе инвариантной модели хартленда Х. Маккиндер предсказывает смену лидера (Россия или Германия), которая действительно произошла, и некоторое время Россия в лице СССР действительно была одной из двух сильнейших держав мира, но после длительного периода равновесия весы качнулись не в ее пользу. Факт лидерства США не соответствует модели мирового пространства эпохи хартленда, в связи с тем, что Х. Маккиндер усматривал расположение хартленда в Евразии.

В защиту того, что инвариантная модель Х. Маккиндера является ригидной, свидетельствует и тот факт, что данный автор длительное время избегал угроз фальсификации своей теории. Обнародовав первый вариант теории в 1904 году, он долго игнорировал реальное политическое явление, которое не вписывалось в его модель. Антанта 1904–1907 гг. – союз держав

суши и моря – противоречила его положению о постоянной конфронтации между этими блоками. Лишь в разгар Второй мировой войны, когда противоречие стало очевидно всем, им были внесены изменения. Маккиндер отказывается от дихотомии моря и суши и формулирует новый тезис о противостоянии государств хартленда державам муссонных территорий – Индии и Китаю. Столкновение теории с противоречащим ей явлением (аномалией в терминологии И. Лакатоса) разрушало модель, заставляло пересматривать онтологические основания геополитической теории. Исправление модели было значительным: полностью изменены условия и процессы существования социальной единицы. Модель, таким образом, нужно было создавать заново, на основе учета иных условий и процессов. Но и последняя модель Х. Маккиндера просуществовала недолго, так как противостояние стран в послевоенной мировой системе складывалось на совсем иных основаниях. Как показало время, предсказания Маккиндера в большей степени не сбылись (о содержании инвариантных моделей и результативности сделанных на их основе предсказаний классиков геополитической науки см. Приложение 3).

Таким образом, ригидная инвариантная модель слабо поддается развитию. При столкновении с аномалией попытка трансформации модели приводила к ее гибели. Объяснения основывались на метафорах, а не на законах. Такие объяснения, как отмечает К. Гемпель, «выражают образные и эмоциональные впечатления вместо проникновения в фактуальные связи; они подставляют смутные аналогии и интуитивную «приемлемость» на место дедукции из проверяемых утверждений и являются, следовательно, неприемлемыми в качестве научных объяснений»¹³⁶. Использование данных моделей с целью предсказания новых фактов было неэффективно. В целом развитие геополитической науки на их основе шло методом проб и ошибок.

¹³⁶ Гемпель К. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – С. 19.

Метод «охватывающих» законов. В 1960-е годы в работах многих ученых элементы геополитики начинают играть значительную, если не основную роль. Военно-центрированный подход, характерный для геополитики, получил развитие в ряде теорий: исторической антропологии (Р. Карнейро), исторической социологии (М. Манн, Ч. Тилли, В. Макнил), теории социальных революций (Т. Скочпол, Гольдстоун). Более того, в 1960–1980 гг., как отмечает Р. Коллинз, начала складываться аналитическая теория геополитики (А. Стинчкомб, Боулдинг, Модельски, ван Кревельд, П. Кеннеди)¹³⁷. Сегодня в геополитической науке существует идеологически нейтральная теория – это теория геополитической динамики Р. Коллинза. На ее основе можно объяснять изменения в динамике территориального могущества власти независимо от политической формы государства¹³⁸.

В этот же период, в 1960-е гг., в науке намечаются изменения в области методов объяснения и предсказания политических процессов, изменяется стандарт научности, предъявляемый к теориям. Особое место в этом аспекте имеют работы Имре Лакатоса и Карла Гемпеля. Современным стандартом для научной теории могут служить следующие положения: 1) теория должна быть фальсифицируема; 2) она должна предсказывать новые факты (И. Лакатос); 3) теория должна быть построена в «если-то» утверждениях, где «если-то» утверждения представляют собой «охватывающие» законы; 4) объяснение и предсказание должны опираться на информацию об условиях в начальных пунктах «если-то» утверждений (К. Гемпель). Соответствующий ему метод чисто операционально назовем *методом «охватывающих» законов*.

К данному типу может быть отнесена модель теории государственного распада, созданная Тедой Скочпол. Основной тезис этой теории заключается

¹³⁷ См.: Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // *Время мира: альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 79.

¹³⁸ О сравнительном анализе направлений геополитической науки и ряда военно-центрированных теорий см.: *Изгарская А.А.* Указ. соч. С. 5–158.

в следующем утверждении: уязвимость государства и правительства относится к проблеме кризиса ресурсов и чрезмерных государственных расходов, в том числе и на войну. Распад государства происходит в условиях кризиса государственного бюджета, когда назревает конфликт между классом административной элиты и элитой, владеющей собственностью. Этот конфликт, наряду с финансовым аспектом самого кризиса, который парализует армию и приводит к политическому распаду верхушки государства, открывает путь революционным силам снизу.

Примером такого подхода являются работы Рэндалла Коллинза о росте и распаде империй. В его трудах теоретические модели казуальных процессов сочетаются с детальными исследованиями данных об исходных условиях, объясняющих различия в результатах.

В своих работах Р. Коллинз опирается на труды М. Вебера. Диапазон исследований самого М. Вебера необычайно широк и содержит в себе как научный интерес к истории, так и озабоченность острыми проблемами современности. В его концепции типов легитимного господства, в вопросе генезиса капиталистического общества, в изучении связей религиозных установок и хозяйственной деятельности четко просматривается преобладание связей «из внутреннего – внутреннее», «из внутреннего – внешнее». Однако при внимательном прочтении работ М. Вебера наличие внешнего фактора в объяснительных моделях становятся очевидными для тех, кто его там стремится обнаружить. Например, Дж. Тернер, Н. Дольч, Р. Коллинз утверждают, что М. Вебер связывал динамику легитимности правителей с динамикой геополитического силового престижа государства на международной арене. То, что внешний конфликт (конфликт на микроуровне с внешней группой. – *А.И.*), отмечает Р. Коллинз, увеличивает внутреннюю солидарность, как некоторый принцип установили Г. Зиммель и Л. Козер. Последний также утверждал, что лидеры групп ищут внутренней поддержки своей власти и потому мотивированы искать конфликт с внешним врагом. М. Вебер применил этот принцип для объяснения взаимосвязи международного

конфликта и политической власти. Вслед за М. Вебером Р. Коллинз определяет государство как централизованную организацию легитимного насилия на определенной территории, имеющую военные формирования и социальные средства мобилизации ресурсов для ведения войны и рассматривает политиков как искателей легитимности. С расчетом на длительную перспективу, как утверждает Р. Коллинз, они проводят политику, которая делает их легитимность максимально высокой. Модель М. Вебера указывает на то, что самый сильный источник легитимности возникает там, где государство овладевает высоким престижем посредством силовых отношений с другими государствами¹³⁹. Легитимность правителей зависит от внешнего престижа и геополитической силы их государства; с потерей внешнего престижа приходит и конец легитимности правителей. Лидеры наиболее популярны, когда страна ведет успешные войны. Поражение в войне ставит под вопрос не только легитимность правительства, но и легитимность всего политического режима. Если использовать терминологию И. Лакатоса, то можно сказать, что данное определение является твердым ядром научно-исследовательской программы Р. Коллинза.

При помощи индуктивного метода Р. Коллинз формулирует в 1978 г. пять следующих геополитических принципов, которые являются центральными для его теории геополитической динамики.¹⁴⁰ 1. Размер государства и преимущество в ресурсах способствуют территориальной экспансии. 2. Окраинное географическое положение благоприятствует территориальному расширению. 3. Государства, расположенные в середине географического региона, имеют тенденцию к распаду. Результаты первых трех принципов накапливаются и взаимно усиливают друг друга; большое государство становится еще больше и сильнее, маленькое – меньше и слабее. 4.

¹³⁹ Collins Randall. *Macrohistory. Essays in sociology of the long run.* – California: Standford Univ. Press, 1999. – P. 241.

¹⁴⁰ Р. Коллинз указывает, что в своей работе он попытался обобщить, используя исторические атласы, промежутки времени, равный 3000 лет истории Ближнего Востока и Европы, отдельно истории Китая (Collins, 1992, p. 32).

Чрезмерное расширение государства приводит к истощению ресурсов и дезинтеграции. Возникает ситуация, при которой извлекаемых ресурсов становится недостаточно для осуществления контроля над территорией. Слишком растянутое государство, пытаясь влиять на удаленные от центра области, сталкивается с дороговизной осуществления управления, особенно при усиливающемся идеологическом сопротивлении иных этнических групп.¹⁴¹ 5. Кумулятивные процессы приводят к периодическим долговременным упрощениям ситуации, сопровождаемым ожесточенными войнами между несколькими государствами¹⁴². Данные утверждения по своей сути являются «охватывающими законами» или «гипотезами универсальной формы» К. Гемпеля. На их базе и на основе изучения эмпирических данных в 1980 г. Р. Коллинз предсказал распад СССР. В 1995 г. Коллинз сделал прогноз для стран бывшей Югославии. Срединное положение, смешение наций и ресурсов никому из них не дает преимущества. И до тех пор, пока Европейское сообщество не станет интегрирующей, развитой системой, принимающей под свое крыло подобные страны, Хорватию, Сербию, Боснию ждут военные потрясения с низким уровнем легитимности политической власти. Как показало время, прогноз оказался верным.

По такому же принципу осуществляет предсказание Роберт Карнейро, используя свою теорию возникновения автохтонных государств¹⁴³.

¹⁴¹ Следует отметить, что проблема дороговизны территориально обширного государства и колониальных владений – империи – поднималась еще во времена Адама Смита, а в российской научной традиции эту проблему начинают активно обсуждать после выхода в конце XIX в. работы Н.П. Яснопольского «О географическом распределении государственных доходов и расходов России».

¹⁴² Collins R. Weberian sociology theory. – N.Y.: Cambridge Univ. Press. 1986, – P. 187–190.

¹⁴³ См.: Carneiro R.L. The Circumscription theory. Challenge and response P. 497–511. Р. Карнейро высказывает интересное предположение относительно Крито-Минойской цивилизации, так называемой дворцовой культуры, которую археологи дружно именуют «мирной». Основанием для таких утверждений служило отсутствие фортификаций и других признаков войн в обнаруженных останках дворцовой культуры древнего Крита. Р. Карнейро утверждает: данное «миролюбие» объясняется тем, что археологические находки фиксируют позднюю стадию развития. Он предсказывает, что,

Научно-исследовательские программы Р. Карнейро, Р. Коллинза и Т. Скочпол в наибольшей степени удовлетворяют требованиям, предъявляемым к программам И. Лакатосом. Особенно яркой в этом отношении является теория геополитической динамики Р. Коллинза. В его научно-исследовательской программе, в теоретическом ряду, присутствует и эмпирический, и теоретический прогрессивные сдвиги проблем. Делая предсказания, он опирается и на геополитическую теорию, и на эмпирические данные о состоянии некоторого государства и его внешних противников, что делает его прогнозы успешными. Можно сказать, используя терминологию И. Лакатоса, что с появлением научно-исследовательской программы Р. Коллинза геополитика становится зрелой наукой.

Таким образом, на протяжении всей истории геополитической науки происходит смена методов объяснения и предсказания. Объяснение и предсказание осуществляются или с помощью инвариантной модели, или с опорой на теорию и исследование эмпирических данных. Наличие программ Р. Карнейро, Р. Коллинза наряду с использованием геополитических принципов в работах по макроисторической социологии М. Манна, Т. Скочпол, А. Стинчкомба и др. свидетельствует о том, что геополитика в наше время стала одним из серьезных и зрелых направлений в науке, а потому вопрос о научном статусе геополитики, длительное время существовавший в отечественной литературе, решен положительно.

Теперь отметим наличие и характер взаимосвязей внешних и внутренних факторов в теории геополитической динамики Р. Коллинза. Во-первых, геополитическая модель роста и распада государства Р. Коллинза может названа как смешанная, она содержит полный набор причинно-следственных связей. Во-вторых, единство внешних и внутренних отношений представлено на уровне онтологии базовых понятий и посредством «традиционной схемы» взаимосвязи внутреннего и внешнего,

если поиск будет вестись на большей территории, то фортификационные устройства будут обнаружены.

которая, как отметил А.Ю. Аносов, предполагает последовательность – внутренние отношения определяют внешние отношения, а последние оказывают «обратное воздействие» на внутренние отношения¹⁴⁴.

В геополитических принципах внешнее и внутреннее представлено в единстве посредством таких понятий, как «преимущество в размере территории», «преимущество в ресурсах», «геополитическое положение» (окраинное или центральное), «чрезмерное расширение», «кумулятивные процессы». Каждое из понятий обозначает совокупность внутренних и внешних факторов. Так, с одной стороны, «преимущество в размере территории» включает внутреннюю характеристику обширности подконтрольного государству пространства, с другой стороны, указывает на то, что у внешнего, но подобного ему, субъекта международных отношений территория меньше. «Преимущество в ресурсах», с одной стороны, указывает на наличие ресурсов на подконтрольной государству территории и способность государства их аккумулировать, с другой стороны фиксирует то, что размер аккумулированных ресурсов у других государств меньше. Как результат территориальная экспансия становится, не просто следствием внутренних явлений («из внутреннего – внешнее»), вызревающих в рамках одного государства и подконтрольного ему общества, а результатом сочетания внешних и внутренних условий развития противоречий в отношениях как минимум двух государств. «Окраинное геополитическое положение» также содержит как внутреннюю, так и внешнюю характеристики, стимулирующие, по мнению Р.Коллинза, государство к действию, направленному во вне – к экспансии. С одной стороны, «окраинность» предполагает отсутствие внешних противников на большем протяжении своих границ, а с другой стороны – благоприятные условия для

¹⁴⁴ Аносов Ю.А. Внутренние и внешние отношения (субстанционально-акцидентальный аспект: автореф. дис. ... канд.филос. наук / Ю.А. Аносов. – СПб. СПбГУ, 1994. – С. 20. Некорректность данной схемы Ю.А. Аносов усматривает в «разделённости внутренних и внешних отношений», также он отмечает, что «отношения ... не воздействуют непосредственно изменяющим образом на процессы, а через взаимоотносящиеся противоречивые предметы».

мобилизации внутренних ресурсов для дальнейшего нанесения направленного удара. «Центральное геополитическое положение», напротив, указывает, с одной стороны, на наличие внешних противников на большем протяжении границ государства, а с другой стороны, на то, что внутренние ресурсы государства расходуются на оборону. Внешние и внутренние геополитические условия обретают связь и в процессах распада государств. «Чрезмерное расширение» понятие, отражающее ситуацию, когда аккумулированных государством внутренних ресурсов оказывается недостаточно, для контроля над отдаленными территориями, как правило, внешними и не приносящими положительного экономического эффекта. Понятие «кумулятивный процесс» в своем содержании отражает результат накопления геополитических внешних и внутренних преимуществ, а также неудобств, выражающейся в переходе внешних территорий во внутренние при расширении контролируемого пространства, а при распаде, наоборот, в превращении внутренних территорий во внешние. Как результат причины «ожесточенных войн между несколькими государствами» находятся как во внутренних, так и во внешних факторах. «Традиционная схема» связи внешнего и внутреннего, когда внутренние отношения определяют внешние отношения, а последние оказывают «обратное воздействие» на внутренние отношения, в теории Р. Коллинза присутствует в объяснении динамики легитимности правительства (заимствованного им, по утверждению самого Р. Коллинза у М. Вебера). Легитимность, понимаемая как уровень доверия населения к правительству, следует за геополитикой, иными словами, правительства, добивающегося признания на международной арене, обладают внутри страны высокой степенью легитимности. Высокий уровень легитимности позволяет мобилизовать ресурсы и усилия общества, в том числе проводить непопулярные реформы, для достижения государством новых успехов в международной сфере.

1.3.2. Критический анализ геополитических концепций в современной отечественной литературе

Теперь проведем анализ геополитических концепций в современной отечественной научной литературе. После того, как геополитическая наука у нас в стране была реабилитирована, наблюдается непрерывный рост публикаций по ее проблематике. Развивается дискуссия о научности геополитики, о предмете ее познания, о месте геополитики в системе знания, о перспективах ее развития¹⁴⁵. Предпринимаются попытки построения категориальной системы геополитики, моделирования геополитических объектов. Исследуются теоретические проблемы международных конфликтов и войн. Большое внимание уделяется истории развития геополитических учений и анализу их содержания. Изучается роль технологических аспектов в геополитических теориях. Проводится анализ геополитического состояния различных регионов России и мира. Существует множество работ, посвященных анализу перспектив развития геополитической ситуации в России, странах СНГ, их взаимосвязи с политикой зарубежных стран Востока и Запада. Делаются попытки переосмысления истории России с геополитической точки зрения, путем исследования причин изменения ее территории. В течение последних лет появились большое количество книг, претендующих на статус учебников и учебных пособий по геополитике¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Ряд ученых отмечает изменение современной геополитики и геополитической науки, расширения предметного поля последней. Например, А.Д. Урсул отмечает, что геополитика, как и многие другие научные направления, под влиянием глобалистики обретает «свое глобальное измерение, включаясь в предметное поле глобальных исследований и расширяя его» (Урсул, 2012, с. 63). И. В. Ильин указывает, что геополитика в «своем планетарном аспекте сталкивается с глобально-экологическими проблемами, и они начинают оказывать на нее воздействие, по сути, подготавливая новое видение будущего и международных отношений, и проблем глобализации в постбиполярных условиях» (Ильин, 2010, с. 114). М.П. Яценко отмечает факт появления «геополитики глобализма» (Яценко, 2009, с. 109).

¹⁴⁶ См., например, Тихонравов Ю.В. Геополитика. Учеб. пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа “Интел-Синтез”», 1998. – 368 с.; Нартов Н.В. Геополитика: учеб. для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 359 с.; Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учеб. для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2005.– 479 с.; Нартов Н.,

Однако и сегодня, когда геополитическая проблематика уже не является новой для нашего научного сообщества, когда геополитика становится дисциплиной, преподаваемой в высших учебных заведениях, поводов для оптимистического восприятия ситуации, сложившейся вокруг геополитики как науки, немного.

Проведенный выше анализ зарубежных концепций установил наличие различных уровней геополитической науки относительно методов объяснения и предсказания. Было показано, что стандарт научности геополитики изменялся со временем, что верхняя планка в развитии геополитики сегодня установлена научно-исследовательской программой Р. Коллинза. Поэтому, чтобы выявить ключевые трудности, определить основные перспективы развития данной дисциплины у нас в стране, сравним уровень отечественных теоретических разработок в области геополитики с этой верхней планкой.

Начнем с анализа понятий. Ключевыми понятиями геополитической науки в западной традиции являются «пространство» и «центр политической власти» (как правило, «государство»). В современных макросоциологии и геополитической науке государство как таковое рассматривается лишь как одна из нескольких исторических стадий развития территориальной власти, в основе которых лежит военная сила. Механизмом образования государства (Р. Карнейро), а также циклическим механизмом выбора мирового лидера и принятия решений на мировом уровне является война¹⁴⁷.

В большинстве отечественных концепций категориями геополитики называют только элементы взаимосвязи понятий «пространство» и «государство». Например, Ю.В.Тихонравов выделяет такие категории

Нартов В. Геополитика. Серия: Золотой фонд российских учебников. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 528 с.; Горбачев В.Т. Геополитика: учебно-методический материал. – М.: МИЭМП, 2009. – 60 с. и др.

¹⁴⁷ Modelski G. A system model of the long cycle // Exploring long cycle / By Lynne Rienner Publishers. 1987. – P.113–128; Rasler K., Thompson W. The great powers and global struggle, 1490-1990. – Univ. Press of Kentucky, 1994; Melko M. The Cycle Theory of General War. – N.Y.: Harcourt Brace, 1995.

геополитических теорий прошлого, как сфера влияния, баланс мощи, буферная зона, страны-сателлиты, маргинальный пояс. Среди новых категорий он упоминает следующие понятия: интеграция – дезинтеграция, национальные интересы, динамическое равновесие интересов. Особо он уделяет внимание геостратегии и границе¹⁴⁸. Границу как важнейшую категорию геополитики выделяет и Э.А. Поздняков¹⁴⁹. Н.А. Нартов как категории геополитики называет контроль над пространством, баланс сил, политическое пространство, интерес, механизм реализации государственных интересов, экспансию¹⁵⁰. Даже там, где признается, что государство является важнейшей составляющей геополитики как науки, нет ясного ответа на вопрос о его природе. Например, В.В. Карпов выделяет следующие основные категории геополитики: «геостратегический регион, геополитический регион, блок государств, государство, буферное государство, геополитические союзники, сверхдержава, центры силы, геополитические линии, фронтальное соперничество и др.», но в содержании работы понятие государства не дается. Более того, здесь присутствует очень характерная «неаккуратность» в обозначении «основных категорий»¹⁵¹. Список категорий автор оставил открытым, и нельзя даже определить, где основные категории науки геополитики, а где вторичные, или промежуточные. А теория, как известно, должна обладать замкнутой системой понятий.

Все перечисленные категории можно принять, но возникает вопрос, почему государство не представлено как базовая категория геополитики? Мы найдем ответ, если рассмотрим, как происходит выделение области геополитического исследования, выяснение места геополитики среди других научных дисциплин.

В отечественной науке существует тенденция вычленять область исследования геополитики, что само по себе правомерно, потому что только

¹⁴⁸ См.: Тихонравов Ю.В. Указ. соч. С. 33.

¹⁴⁹ Поздняков Э.А. Геополитика. – М.: «Прогресс», 1995. – С. 42.

¹⁵⁰ См.: Нартов Н.А. Указ. соч. С. 24–30.

¹⁵¹ Карпов В.В. Геополитика: конспект лекций. – СПб., 2000. – С. 8.

так любая наука может обрести самостоятельность. Примером может послужить утверждение Ю.Т. Тихонравова, для которого геополитика – это «отрасль знания на стыке географии и политологии»¹⁵². Ю.Т. Тихонравов отмечает, что каждая из этих наук уже давно и прочно обрела свое место в системе образования. Геополитике же это еще только предстоит сделать. Для этого ей нужно, как минимум, синтезировать некоторые положения, уже разработанные в политологии и географии (в случае Ю.Т. Тихонравова – «экзистенциальной географии»), с некоторыми общими принципами геополитической науки, выявленными на ее «классическом» этапе и развивавшимися в последующие периоды. Государство же, надо полагать, объект исследования политологии; вероятно, именно поэтому в преобладающем большинстве публикаций по геополитике проблема государства не поднимается. Процесс выделения области геополитического исследования в отечественной науке в данном разделе изложен схематически, не полно; существуют мнения, рассматривающие геополитику как раздел современной политологии, но все это не меняет сути – геополитике отказано быть наукой, изучающей природу государства, проблему его возникновения, его функций, смены власти и т.д.

В современных исследованиях есть примеры, где с целью «системного изучения прошлого, настоящего и будущего страны» геополитический параметр используется в сочетании с другими параметрами, но онтологические основания понятия «государство» не раскрываются. Б.Н. Кузык в монографии «Россия и мир в XXI веке» разрабатывает «многофакторную модель исторической динамики» и на ее основе исследует факторы динамики развития российского государства (управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, геополитическая среда). Однако связи между факторами имеют слишком общий характер. Например, Б.Н. Кузык по

¹⁵² Тихонравов Ю.В. Указ. соч. С. 6.

поводу демографических факторов отмечает следующее: «Демографические факторы оказывают значительное влияние на темпы технологического, экономического и социокультурного прогресса, происходящие циклические колебания и периодически возникающие кризисы в обществе, на перспективы его развития»¹⁵³. В результате факторы больше выглядят как параметры, позволяющие автору при помощи богатого статистического материала констатировать рост или упадок, а не выявлять их причины. Причины происходящих в истории России колебаний оказываются не раскрытыми, если, конечно, не принимать в расчет такие движущие силы, как «запуск механизмов пассионарного подъема нации», «социальная энергия», «пульсация жизни страны». Динамика каждого из девяти факторов в будущем России представлена в 4 – 5 вариантах, однако динамики слабо соотносятся между собой. Так, Б.Н. Кузык предлагает пять разных по своим результатам вариантов развития демографической ситуации в России¹⁵⁴ и пять вариантов развития сферы ее государственного управления¹⁵⁵. При этом пятый вариант демографической ситуации – успешный, это путь «формирования долгосрочных социальных программ, нацеленных на поощрение рождаемости», «повышения социального оптимизма», а пятый вариант развития сферы государственного управления ведет общество к стагнации, нарастанию противоречий в социальной жизни страны и опасности.

Теперь обратимся к анализу методов построения теорий. Построение геополитических теорий в отечественной науке происходит или как попытка систематизации и синтеза наиболее рациональных положений предшествующих концепций¹⁵⁶, или на основе тезиса о появлении новых

¹⁵³ Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – С. 63.

¹⁵⁴ Там же. С. 96–97.

¹⁵⁵ Там же. С. 524–525.

¹⁵⁶ См., например: Поздняков Э. Указ. соч.; Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия // Политические исследования. – 1995. – № 1. – С. 7–27; Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997.

объектов исследования, нового содержания дисциплины. Суть последнего утверждения заключается в том, что мир уже не европоцентричен, мировая система приобрела всепланетарный характер, и поэтому, как считает К.С. Гаджиев, «геополитика призвана исследовать, как, с помощью каких механизмов и на каких принципах эта система живет и функционирует»¹⁵⁷. О смене предметного содержания геополитики как науки в связи с изменившейся ситуацией в мире пишет также А. Дергачев. Оба подхода имеют серьезные недостатки. Попытка построения геополитической теории на основе особенностей современной ситуации в мире приведет к сильному сужению области исторических исследований. Далеко не все события в истории, которые могут быть изучены геополитической наукой, связаны с процессом формирования единого мирового сообщества. Теории, появившиеся на основе синтеза, тоже имеют серьезный недостаток. Не поднимая проблему возможности такого синтеза, отмечу, что в результате данного подхода ученый, сознательно или нет, попадает под влияние парадигм прошлого, и предсказание происходит на основе инвариантной модели. За всю историю геополитической науки было сделано множество инвариантных моделей, удачных и не совсем удачных предсказаний, и при желании, хорошо зная источники, несложно найти модель, при помощи которой можно было бы так или иначе объяснить любую ситуацию в современной политике и указать вариант ее развития. Если предсказание не сбудется, можно отказаться от ранее избранной модели и взять другую. Однако, оставаясь на уровне проб и ошибок, нельзя утверждать, что мы занимаемся зрелой наукой.

В нашей литературе есть попытки критического анализа отдельных теорий. Критический подход к исследованию геополитических концепций проявляется чаще всего в обнаружении аномалий. Ярким примером этого может послужить критика теории С. Хантингтона К.С. Гаджиевым (1997).

¹⁵⁷ Гаджиев К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Политические исследования. – 1996. – №. 2. – С. 169–183.

Однако такие попытки критического анализа встречаются чрезвычайно редко, и в лучшем случае критика касается только содержания теории, а не метода ее построения.

В отечественной литературе существуют также примеры создания новых инвариантных моделей. Работы В.Л. Цымбурского – одни из немногих, в которых делается попытка переосмысления отечественной истории с точки зрения геополитики. В.Л. Цымбурский, отвергая модель хартленда Х. Маккиндера и ее вариацию в работах П.Н. Савицкого, предлагает использовать для анализа российской истории и текущих процессов иную модель. Он формулирует модель «остров Россия». При всей новизне и привлекательности данная модель является инвариантной и обладает всеми недостатками, которые присущи моделям данного типа. Она создает образные эмоциональные впечатления, место дедукции занимают смутные аналогии. Объяснение строится на основе метафоры, а не на законе, как требует современная наука. Более того, работа В.Л. Цымбурского является примером теории территориальной динамики государства, которая создана только на примере истории России, и применима, соответственно, только к ней.

Возникает вопрос, почему большинство геополитических построений в отечественной науке производится по принципу инвариантной модели? Скорее всего, это происходит не из-за боязни ученых, создающих «романтизированные версии геополитики», «привыкнуть к унылой регистрации фактов влияния географии на политику и к убогим обобщениям этих фактов» позитивизмом, о чем пишет Ю.В. Тихонравов¹⁵⁸. Ситуация гораздо серьезней. Все геополитические теории формируются на базе доминирующей в научном сообществе социальной теории, которая содержит в себе некоторое решение проблемы государства. Именно из таких, более общих теорий, геополитика заимствует онтологию и объяснительные метафоры.

¹⁵⁸ Тихонравов Ю.В. Указ. соч. С. 332.

В отечественной политической науке еще совсем недавно была широко распространена либеральная теория государства. Марксистская традиция трактовки государства встречается крайне редко, в основном в виде попыток синтеза с либеральной теорией. Вероятно, данные подходы к изучению государства возможны и даже необходимы, но к чему они приводят в случае, когда ученый пытается создать на такой основе геополитическую концепцию? Примером того может послужить статья М.Е. Панова «К вопросу о методологических основах оценки безопасности». Рассматривая проблемы безопасности, автор не мог пройти мимо такой категории, как государство. Отмечая его двойственный характер, М.Е. Панов использует как либеральную, так и марксистскую концепции: «С одной стороны, как форма организации общества, оно (государство. – *А.И.*) является выразителем интересов всего общества. С другой стороны, применительно к конкретным историческим условиям государство явно или неявно соблюдает в первую очередь интересы определенных слоев и сил, а потому является одновременно ареной и предметом борьбы». Пытаясь сформулировать некоторое рабочее определение, М.Е. Панов пишет: «Следовательно, при определенных условиях государство может стоять выше групповых интересов и обеспечивать безопасность всего общества. Но нередко оно оказывается выразителем интересов именно отдельных социальных групп и, заботясь о них, может разрушать общество. В этом случае безопасность государства противоречит его интересам. Очевидно, что государство должно быть лишь инструментом в руках общества и потому не может быть наделено какой-то собственной безопасностью». Не указывая на условия, при которых государство выражает «групповые» интересы или интересы всего общества, М.Е. Панов определяет его лишь как «инструмент обеспечения безопасности». В результате в исследовании «структуры общенациональной безопасности и ее факторного пространства» государству не нашлось места. Иными словами, в данном случае анализ государства с использованием

синтеза марксистской и либеральной точек зрения был проделан для того, чтобы изъять эту категорию из области исследования.

Можно ли на этой основе создать достаточно действенную теорию оценки безопасности? Вероятно, нет. Такой подход резко сужает эмпирическую область теории. На этой основе нельзя объяснить, почему в истории происходили войны, которые не только не способствовали созданию безопасности общества, но, наоборот, приводили его к поражению и распаду. Феномен захватнических войн, а также войн, где не наблюдается заинтересованность общества, нельзя объяснить, исключив государство как категорию. Распад государства, а именно Советского Союза, М.Е. Панов объясняет наличием «дефицита жизнеспособности системы» и предлагает с целью преодоления сложившейся ситуации «сделать упор на достижении устойчивости общества, способности обеспечить самое широкое удовлетворение его интересов»¹⁵⁹. Несостоятельность данного тезиса обнаруживается сразу, как только мы попытаемся ответить на вопрос: зависит ли безопасность общества от полноты удовлетворения интересов его членов? И если мы обратимся к истории, то означает ли это, что страны, стремящиеся к этому, всегда находились в более безопасной ситуации и имели преимущество перед другими странами? Очевидно, нет. Таким образом, отсутствие в теории понятия государства как относительно автономной социальной единицы, имеющей свои интересы, приводит к поверхностному взгляду на глубинные геополитические процессы.

После краха либерального проекта в отечественной политике либеральная теория уступила место направлениям, которые в совокупности можно назвать как державно-почвеннические¹⁶⁰. Представители этих направлений (А.С. Панарин, Н. Нарочницкая, Н. Слонов, С. Кургинян и др.) –

¹⁵⁹ Панов М.Е. К вопросу о методологических основах оценки безопасности // Геополитика и безопасность. – М., 1995. – № 3. – С. 33.

¹⁶⁰ Яркая критика этого направления, объединяющего в себе течения с разной методологией – от цивилизационной до органистической, – дана в работе В. Дубовцева (2008, с. 34–55).

«государственники», однако в своем обосновании идеи сильной российской государственности они настаивают на единстве, порой мистическом, государства и общества. Как правило, в таких работах обнаруживается приписывание российской государственности положительных черт и их абсолютизация. Например, А.С. Панарин заявлял о том, что российское государство «есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных», при этом «кротость перед лицом государства» у россиян есть результат наличия у них «живого ощущения присутствия высших принципов и высших парадоксов, таинственно сопутствующих государевой миссии»¹⁶¹. Русский народ по своей сути, считают многие авторы, является имперским народом, служение государству во все века являлось высшим нравственным долгом для каждого россиянина.

В отечественной литературе широкое распространение получила также органистическая и политико-экономическая парадигмы. Большую роль в распространении этих парадигм сыграл журнал «Элементы». Как правило, в статьях этого журнала отсутствует критический подход, какой-либо анализ геополитических теорий прошлого. Это относится и ко многим другим публикациям. Например, Н.А. Нартов в разделе «Основные законы геополитики» называет «закон фундаментального дуализма», под которым традиционно понимает противостояние моря и суши¹⁶². Он подчеркивает в этом отношении значение работ А. Мэхэна и Х. Маккиндера, но абсолютно игнорирует то, что в конце Второй мировой войны сам Х. Маккиндер отказался от дихотомии суши и моря и предсказывал возникновение противоречий между странами хартленда и государствами «муссонных территорий».

Примером подобного использования модели хартленда Х. Маккиндера может быть и публикация О.В. Плотниковой. Объясняя, почему геополитическое положение России имеет на сегодняшний день уникальный

¹⁶¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2004. – С. 242–243.

¹⁶² Нартов Н.А. Указ. соч. С. 22–23.

характер, автор пишет: «...на географической карте Россия занимает центральную позицию, или, пользуясь терминологией геополитики, сердцевинную землю (хартленд), ограниченную Каспием и Байкалом с юга, арктическими морями – с севера и достаточно подвижными границами – с запада и востока. Поэтому ходом истории России отведена роль держателя как мирового цивилизационного, так и стратегического баланса сил»¹⁶³. Х. Маккиндер понимал под «хартлендом», или «осевым регионом», конкретную область поверхности земного шара, контроль над которым позволяет контролировать весь мир. Современная Россия не может претендовать на столь значимое место, поэтому в интерпретации теории Маккиндера О.В. Плотниковой мы обнаруживаем сужение эмпирического поля теории. Что касается «центральной позиции» России на географической карте, необходимо отметить следующее обстоятельство. Все очень относительно. Существуют, например, современные американские карты мира, где материк Евразия, потеряв свою целостность, занимает диаметрально противоположные стороны карты, в центре же располагается великое открытие Колумба. Средневековый китаец тоже видел свою страну в центре мира. Не потеряла своей актуальности идея «евроцентризма», в том числе и для науки, которая стремится преодолеть ее как некоторую ценностную установку, идеологическую зашоренность. Так, может быть, столь высокая популярность в отечественной литературе идеи «Россия – хартленд» объясняется лишь нашим ущемленным национальным самолюбием и отсутствием современной теории?

Концепт «хартленд» на сегодняшний день является удачной метафорой для политических идеологий, но не для современной науки. Так «Россия – хартленд» с позиции идеологии предполагает очень выгодную трактовку города Москва. Например, В.Т. Горбачев в глоссарии к учебно-

¹⁶³ Плотникова О.В. Россия в геополитической картине современного мира // Россия и Восток. Проблемы взаимодействия: тезисы докладов V междунар. конф. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 1999. – С. 23–24.

методическому материалу дает следующее определение: «Москва – естественная стратегическая столица Евразии. Основа осей всякой континентальной интеграции»¹⁶⁴. Некто не оспаривает значение Москвы как столицы государства, международного политического центра, но следует задать вопрос, что скрывается за понятием «естественное»? Следует напомнить, что в органицизме используется метод редукции сложного социального к биологическому, что приводит к чрезмерно упрощенному пониманию социально-политических явлений.

В современных отечественных геополитических исследованиях в качестве методологического основания часто используются концепции Евразийства (П.Н.Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, Л.Н. Карсавин и др.). Особенно интересные результаты данное направление представляет в области исследования ментальных установок российского народа и русской интеллигенции¹⁶⁵. Однако, как правило, в таких случаях наблюдается недооценка средств насилия со стороны государства в формировании Евразийского пространства. Например, А.В. Иванов считает, что «Россия представляет собой уникальный культурно-географический МИР-МАТЕРИК, соборно и ненасильственно единящий различные народы и народные традиции. Россия – это Святая Земля людей, единящихся в Духе и Жизни, а не по крови и генам и не на основе призрачных государственно-территориальных границ. Бывший Советский Союз – наследник тысячелетней истории наднациональной российской государственности – представлял и до сих пор представляет собой (вопреки преступному беловежскому сговору) потенциальный геополитический центр кристаллизации Евразийского континентального союза».

¹⁶⁴ Горбачев В.Т. Геополитика: учебно-методический материал. – М.: МИЭМП, 2009. – С. 47.

¹⁶⁵ См., например: Дубовцев В. Векторы развития России: конфликт идеологий и перспективы согласия. – Екатеринбург: Издат. дом «Сократ», 2008. – 304 с.; *Иванов А.В.* Бытие на границе как геополитическая и культурная константа Евразии // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – С. 77–84.

Результаты, имеющие сильную идеологическую составляющую, достигаются при использовании модели евразийства с целью объяснения интеграционного процесса на постсоветском пространстве. Н.А. Нартов считает, что возрождение России требует возрождения Евразийской державы, путем сплочения «тех стран СНГ, которые этого хотят»¹⁶⁶. Вне рамок анализа остается вопрос о том, если сплочение было возможно в условиях советской системы, которая, по мнению представителей евразийства, была близка к состоянию автаркии, то возможно ли возрождение евразийско-азиатского союза в условиях включенности его членов в мировой рынок, главным принципом которого является конкуренция? Следует также задать вопрос, если «самой историей России отведена роль атланта мирового цивилизованного равновесия между Западом и Востоком»¹⁶⁷, то почему же страны Запада и Востока делали и делают все, чтобы ослабить этого «атланта», чему сам Н.А. Нартов приводит бесчисленное количество примеров. Логическим выводом этого и подобных рассуждений может быть только то, что данным странам неизвестна определенная Н.А. Нартовым историческая миссия России. Такое объяснение нельзя назвать удовлетворительным, и причина такого состояния находится в используемой Н.А. Нартовым сомнительной метафизической конструкции как основы для понимания российской истории.

Увлеченность отечественных авторов геополитическими теориями первой половины XX века с акцентом на евразийство при объяснении процессов в России часто приводит к мистицизму. Мистицизм является тяжелой проблемой отечественной геополитики. Дуализм модели А.Мэхэна и Х. Маккиндера «суша–море» часто трансформируется в теологическую модель противостояния «добро–зло». Так А.Дугин начинает описывать противостояние России и США в терминах классической геополитической науки, но приходит к следующему выводу в конце седьмой

¹⁶⁶ Нартов Н.А. Геополитика: учеб. для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 137.

¹⁶⁷ Там же. – С. 137.

главы своей книги «Геополитика постмодерна»: «Евразийство – это михаэлические (имеется в виду архангел Михаил – *А.И.*) световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смыслы и значение. Евразийство – это переоценка всех ценностей, “передача весов из рук творца в руки Архангела”, “Пурпурного Архангела” (Сохраварди)». Примечательными в этом плане являются также геополитические труды Т.В. Грачевой. Противопоставление Святой Руси Хазарии строится на дихотомии «добро - зло». Распад Российской империи и СССР объясняется Т.В. Грачевой тем, что «православная вера в народе оскудела», «антихристов дух Хазарии оказался сильнее»¹⁶⁸. Если подобные объяснения все-таки считать научными, то предсказательную функцию геополитической науки можно искать в наследии ясновидящей Ванги. Распад государственности претерпевали многие народы, следовательно, должны быть общая теория.

Марксизм, еще недавно господствовавший в нашей социальной науке, на сегодняшний день в качестве научного основания при построении геополитических концепций практически не используется. Даже в геополитических работах лидера КПРФ Г.А. Зюганова работы классиков марксизма лишь упоминаются, а теоретическим основанием является модель хартленда¹⁶⁹. Более того на протяжении длительного периода наблюдается отказ от марксизма, который не является результатом соизмерения марксизма с конкурирующими программами, его, скорее, можно объяснить сменой идеологических приоритетов в нашем обществе. Кроме того, с первого взгляда кажется, что марксизм не предоставлял необходимой теоретической основы для построения геополитической теории. Так, рост и распад государства объяснялись им на основе изменений, происходящих внутри самого государства, при этом оно рассматривалось как социальная надстройка, инструмент классового насилия. Геополитическая наука

¹⁶⁸ Грачева Т.В. Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. – Рязань: Зерно-Слово, 2010. – 304 с.

¹⁶⁹ Зюганов Г.А. География победы: основы российской геополитики. – М.: Изд-во – партийная печать КПРФ, 1997. – 304 с.

ориентируется на межгосударственные связи, утверждая зависимость внутренней политики государства от внешних по отношению к нему структур. Однако более внимательное изучение научной литературы по данной теме приводит к выводу о том, что значение марксизма и неомарксизма в геополитической проблематике не только не уменьшается, но и возрастает. На сегодняшний день в западной литературе есть попытки развития теории Маркса и формирования на ее основе геополитической теории¹⁷⁰.

Синтез марксизма, органицизма и цивилизационного подхода (концепция «вызова и ответа» А. Тойнби) обнаруживают работы Н. Слонова. Развитие общества представлено через возникновение противоречий в развитии «живой ткани» общества (одухотворенной жизни и деятельности), образующей со временем защищающий, но сдерживающий ее развитие «панцирь» (авторитарные формы политического устройства). Панцирь ломается под воздействием внутреннего напряжения «живой ткани», в обществе происходят восстания и революции, и цикл возобновляется. В соответствии с этими метафорами он объясняет распад Советского Союза: «„Люди панциря“, объективно переставшие быть нужными стране, остались у власти. Но они управляли страной уже не в ее интересах, которые перестали понимать, а „под себя“, то есть чтобы и далее оставаться у власти, продолжая оставаться несущим каркасом советского общества, коммунистический „панцирь“ стал препятствием в развитии „живого тела“ российской цивилизации в ее советизированной форме. Чем дальше, тем все большим количеством людей „панцирь“ стал восприниматься как „несвобода“, как искусственное и ненужное принуждение и ограничение в деятельности. Постепенно недовольство существующим режимом становилось определяющим настроением в обществе, захватывая сами

¹⁷⁰ См., например: Blackburn R.J. The vampire of reason: an essay in the philosophy of history. – London: Verso, 1990. – 222 p.

властные структуры и правящую партию, проникая в ее руководство»¹⁷¹. Следует отметить, что результат данного синтеза искажает и упрощает, вульгаризирует как марксистскую теорию, так и цивилизационный подход. Марксистская идея снятия противоречия в результате социального конфликта представлена здесь через метафору причудливого существа с хитиновым покровом.

Интересная попытка развития некоторых положений теории К. Маркса была предпринята и в отечественной литературе, а именно И. Дьяконовым в книге «Пути истории» (1994), где устанавливается зависимость эволюции человеческого общества от развития не средств производства, а средств ведения войны, военных технологий. Однако подобные попытки являлись, скорее, исключениями из правил.

В западной литературе анализ работ К. Маркса и М. Вебера привел ученых к пониманию неполноты обеих концепций (Т. Скочпол, М. Манн, Р. Коллинз). Отсутствие внешнего фактора при построении теоретической модели государства в марксизме затрудняет объяснение деятельности государства на международной арене. На основе же геополитической теории невозможно проследить сам процесс социальных трансформаций внутри государства. Как показали исследования Т.Скочпол, М. Манна, Ч. Тилли, Р. Коллинза, марксистский и геополитический подходы могут рассматриваться как взаимодополняющие. Проблема решается путем объединения данных теорий таким образом, что в теории государства становится возможным рассмотрение как внутренних – экономических, идеологических – проблем, так и внешних.

В отечественной литературе тоже есть попытки объединения теории государства К. Маркса и М. Вебера. Так, Л. Гринин, указывая на то, что различных определений государства очень много, останавливается на двух: если «для современности, вероятно, прав Макс Вебер, считающий, что в

¹⁷¹ Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Стратегия России. – 2005. – № 10. – С. 90.

основе понятия государства лежит необходимость монополии на законное использование насилия, то для древних – скорее, Маркс». Он утверждает, что Маркс и Вебер делали акценты на различные функции государства, и предполагает, что в процессе развития общества эти функции сменяли друг друга в доминирующей позиции. Но означает ли это, что власть у древних народов была менее легитимной, чем у современных, а государства современных обществ являются менее классовыми?

При этом следует отметить явные достоинства работы Л. Гринина. Во-первых, он развивает мысль об относительной автономности государства от общества, что свойственно ученым, исследующих проблемы власти с геополитической точки зрения. Во-вторых, он стремится обозначить роль войны в процессе появления государства. Л. Гринин очень осторожно обосновывает свое мнение, он пишет, что вариант, предложенный К. Марксом, «возможно... где-то имел место». И далее продолжает: «Но если рассматривать государство как организацию, с помощью которой высший слой (класс, группа) могут навязать обществу свою волю и эксплуатировать его, то, скорее всего, государства и возникают в результате насилия – завоевания. Рождение государства должно было оплодотворяться насилием. Иногда вождь с дружиною мог отделиться от своего народа и, в конце концов, принудить его к покорности. Но, вероятнее, еще чаще – такие дружины либо племена во главе с вождем завоевывали другие народы и племена»¹⁷². Попытка найти компромисс приводит к логической ошибке, а именно, возникновение явлений одного типа автор пытается объяснить различными причинами.

Возникает вопрос, почему использование определения государства М. Вебера в нашей литературе столь разнится с тем, которое имеет место в современных зарубежных публикациях. Ответ очевиден: на Западе работы М. Вебера были переведены на многие языки и осмыслены примерно в 1960-

¹⁷² Гринин Л. Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества: Опыт философского и социологического анализа всемирно-исторического процесса. – Волгоград, 1995. – Ч. 2. – С. 60–61.

е годы, и как раз вслед за этим периодом начинается формирование «неовеберовской» парадигмы в макросоциологии, теоретической истории. Обнаружение модели государства, пригодной для построения геополитической теории в работах М. Вебера, – это заслуга западной науки. В нашем же научном сообществе известны имена тех ученых, кого традиционно принято называть геополитиками, чьи работы были запрещены и поэтому очень притягательны. Поэтому сегодня, когда появилась возможность изучать геополитику, основное внимание устремлено на труды (переведенные и непереведенные) «классиков» и работы представителей политико-экономической парадигмы, например, статьи, книги и интервью Зб. Бжезинского, одного из главных антисоветчиков. Бесспорно, их произведения значимы для исследования развития геополитической мысли, но теоретическому уровню этих работ далеко до уровня теоретических построений Р. Карнейро, А. Стинчкомба, Т. Скочпол, М. Манна, А. Макнила и Р. Коллинза. Ссылки на их труды встречаются в отечественных геополитических изысканиях редко, что объясняет недоверие к геополитике как науке¹⁷³.

Таким образом, интерес к теории К. Маркса потерян, а либеральная теория государства, популярная в обществе сегодня, не предоставляет теоретической базы для геополитических концепций. Поэтому в современных отечественных концепциях геополитики наблюдается недостаточная разработанность категории государства. Отсутствие базовой теории и толкает исследователя к тем геополитическим концепциям классиков, где такая теория есть – милитаристская теория государства. Но сами классические концепции построены по стандарту науки начала XX в., и ученый оказывается в замкнутом круге проб и ошибок, создаваемом инвариантной моделью. В результате и появляется целый ряд перечисленных

¹⁷³ См., например: Фомичев П.Н. Проблема предсказания в социальных науках: сводный реферат // Россия и современный мир. – М., 1997. – №1 (14). – С. 196–211; Сафронов А.П. Периферийная зависимость в индустриальном мире. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 14.

выше проблем, игнорирование которых может привести к повторному отказу от исследований в данном научном направлении.

На сегодняшний день актуальным является вопрос не о том, быть или не быть геополитике как науке, – она уже есть, а вопрос о том, какой она будет. Иными словами, сегодня нужна уже не просто апология геополитики, а нужна «хорошая» геополитика, чтобы оправдать ее как полноценную науку. И очевидно, что попытки провести синтез «положительного» знания различных геополитических концепций без их критического анализа и сравнения их эмпирических полей отбрасывают нас назад, заставляя плестись за идеологемами и метафорами начала XX в. и периода холодной войны.

Теперь, помня, что реальное всегда отличается от должного, попробуем тем не менее суммировать полученные выше результаты и обозначим уже сегодня просматриваемые параметры геополитической науки.

Первым критерием является фальсифицируемость теории. Понимая теорию как дедуктивно организованную совокупность суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий, отметим, что подлинно научная геополитическая теория должна быть открыта для фальсификации. При этом сама теория должна быть представлена в форме «если-то» утверждений. Иными словами, она должна иметь высокую степень формализации своих основных положений. Это позволит не только более эффективно выводить из теории путем дедукции эмпирические суждения о фактах, подтверждающих ее, но также предугадывать эмпирические данные, которые ей противоречат. В случае фиксации противоречащих фактов, или, в терминах И. Лакатоса, аномалий процесс их адаптации – выдвижения ряда гипотез и применения правила положительной эвристики – приводит к развитию теории, превращению ее в научно-исследовательскую программу. В исследованиях Р. Коллинза и Р. Карнейро мы находим именно такой подход при решении конкретных научных задач. Строгая формализация основных теоретических положений не только открывает их теории процессу

фальсификации со стороны оппонентов, но и позволяет им самим вести успешный поиск аномалий, а значит, и развивать свои научно-исследовательские программы.¹⁷⁴ А наличие научно-исследовательской программы – это, как известно, свидетельство зрелости науки.

Следующий параметр – теория должна стремиться объяснять и предсказывать. Способность предсказывать новые факты выделяется И. Лакатосом как одна из важнейших черт прогрессивной научно-исследовательской программы. Считается, что для социальных наук этот параметр практически недостижим. Но имеющиеся в науке примеры современных теорий показывают, что не все так безнадежно. Как было показано выше, успех предсказания во многом зависит от структуры самой теории. Она должна представлять собой совокупность «универсальных гипотез» (К. Гемпель). При этом теория заслуживает доверия, если она объясняет не одно явление, а все явления данного типа. Нельзя построить действительно достоверную научную теорию, которая будет объяснять, например, только территориальную динамику Российской/Советской империи. Такое требование создает, помимо прочего, и некоторую методологическую базу для преодоления явлений, подобных евроцентризму. Представленный здесь подход к исследованию геополитических процессов требует еще одного компонента, а именно – учета успешности и неуспешности предсказаний, что в геополитике – науке, изначально претендующей на способность предсказывать, – встречается пока крайне редко.

Здесь не утверждается, что это единственно возможный путь развития отечественной геополитической науки. Но именно этот путь убережет геополитику от множества ошибок. Для развития геополитической науки необходимо установление жестких научных стандартов, без которых она неизбежно будет скатываться на уровень проб и ошибок или идеологием.

¹⁷⁴ В качестве примера осуществления строгой формализации геополитической теории в отечественной науке можно привести исследование И.Ф. Кефели и О.А. Малкова «Математические начала глобальной геополитики» (2013).

1.4. Миросистемный анализ и геополитическая теория: ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА

Философские и научные основания центральных работ миросистемного подхода (труды И. Валлерстайна, А.Г. Франка, С. Амина, Дж. Арриги) принадлежат парадигме марксизма. Прежде чем мы перейдем к решению основной задачи раздела, а именно попытаемся вскрыть проблемы современного состояния миросистемного подхода и показать, как эти проблемы могут быть решены при помощи синтеза с теорией геополитической динамики, рассмотрим взаимосвязи внешних и внутренних факторов в марксизме.

В марксизме внешние и внутренние факторы одинаково важны для объяснения развития общества. Так, в произведениях классиков марксизма присутствуют элементы, присущие эволюционизму и его моделям, построенных на основе причинно-следственных связей «из внутреннего – внутреннее». На них указывает то, как К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» (1859) выделил этапы развития человеческого общества¹⁷⁵, и увлеченность Ф. Энгельса Л.Г. Морганом при написании произведения «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако механизм перехода от стадии к стадии в марксизме совершенно иной, отличный от механизма эволюционного. Это механизм вызревания внутри общества экономических и социальных противоречий и их снятия через конфликт, войны или революции¹⁷⁶.

Внешний фактор в работах К. Маркса ярко представлен в анализе результатов колониальной экспансии. У К. Маркса поднимается проблема не только ее результатов, но и причин, которые он видит в сфере растущего,

¹⁷⁵ В основе каждого этапа лежит соответствующая форма собственности на средства производства: «азиатская», «античная», «феодалная», «современная буржуазная».

¹⁷⁶ Марксистская традиция не отрицает факт существования эволюции. Эволюция и революция – два качественно различных этапа одного процесса, процесса развития. Эволюция – долговременное накопление изменений, а революция – качественный переход.

расширяющегося капиталистического производства. И если у К. Маркса лишь констатируется международный характер капитализма, то в работах В.И. Ленина указывается на процесс перерастания капитализма в международную систему империализма¹⁷⁷. Помимо этого, в работах К. Маркса и В.И. Ленина содержится мысль о разрушительном и одновременно прогрессивном характере внешнего воздействия на традиционный уклад обществ со стороны более развитого социума. Описывая трагическое по своему характеру разрушение экономического базиса «полуварварских», «получивилизованных» общин Индии в результате английского вмешательства, К. Маркс отмечает созидательные моменты вмешательства извне. Он пишет об изменениях в «лишенной достоинства, неподвижной, растительной жизни» и что «Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории»¹⁷⁸. Рост концентрации производства и финансового капитала, свертывание конкуренции и образование монополий, вывоз капитала и образование международных финансовых сетей и картелей, углубление развития капитализма во всем мире и территориальный раздел земли между крупнейшими державами – все это способствует национальному гнету, пробуждает у народов национальное самосознание и сопротивление против пришельцев. «Сам капитализм мало-помалу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям

¹⁷⁷ Расширяясь, капитализм, с одной стороны, уничтожает ремесленные, кустарные производства в отсталых странах, а с другой – одновременно ориентирует их на производство сырья для своей промышленности, что становится основой международного разделения труда. Давая характеристику британскому владычеству в Индии, он отмечает, что «британцы были первыми завоевателями, стоявшими на более высокой ступени развития, и поэтому оказались недоступными воздействию индийской цивилизации. Они уничтожили ее, разрушив местные общины, искоренив местную промышленность и нивелировав все великое и возвышенное в индийском обществе» (Маркс, 1980, с. 525). В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин показывает, что мир капитализма «перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» (Ленин, 1985, с. 331).

¹⁷⁸ Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 1. – С. 522–523.

наивысшую: создание единого национального государства как орудия экономической и культурной свободы»¹⁷⁹.

Внешний фактор в объяснительных моделях классиков марксизма присутствует не только при анализе влияния метрополий на колонии, но и при анализе процессов в самой Европе. В произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса уделено значительное внимание проблемам стратегии и войн. Особый интерес к проблемам войн и их роли в истории человечества обнаруживается в статьях Ф. Энгельса. Он был хорошо знаком с произведениями военных теоретиков своей эпохи и, в частности, с произведениями Клаузевица. Работы самого Ф. Энгельса вызывали интерес и были признаны в среде профессиональных военных (так, Ф. Энгельс был приглашен для написания статей по вопросам военного искусства в «Новую американскую энциклопедию»). Энгельс не только отчетливо понимал, что победа в войне зависит от «состояния народного хозяйства», «от материальных средств, находящихся в распоряжении силы», от «развития производства и средств сообщения», но также указывал, что развитие военных технологий может оказывать влияние на изменение политической составляющей в обществе¹⁸⁰.

Война в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса могла выполнять роль катализатора социальной революции. Изучение революции 1848 года помогает им выявить закономерности мятежа будущего. Написанная Ф. Энгельсом и отредактированная К. Марксом серия статей об этом была опубликована в «New York Tribune» в 1851–1852 гг. После спада революции Маркс и Энгельс обратили внимание на то, что попытки игры в революцию

¹⁷⁹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10 т.– М.: Политиздат, 1985. – Т. 6. – С. 433.

¹⁸⁰ Так, относительно процесса образования централизованного государства в Европе он писал: «Введение же огнестрельного оружия подействовало преобразующим образом не на одно собственно военное дело, но также на политические отношения подчинения и господства. Для приобретения пороха и огнестрельного оружия требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владели горожане. Поэтому огнестрельное оружие стало оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства» (см. подробнее: Энгельс, 2003, с. 396–397).

тщетны и бесполезны. Терпение и ожидание подходящего момента стали условием правильной стратегии. Новая революция возможна только как последствие нового кризиса. Они очень восторженно приняли известие о начале Крымской войны и последовавшей экономической депрессии, так как были полны надежд, что во время войны освободятся силы революции и возникнет необходимая для революции расстановка социальных сил. Война, считали они, существует в интересах правящих классов до тех пор, пока ее наличие не начнет слишком напрягать поддерживающий ее хрупкий социальный строй¹⁸¹. Окончание Крымской войны в 1856 году разрушило надежды К. Маркса и Ф. Энгельса на мощный революционный подъем в Европе. Однако идея о том, что война может сыграть роль катализатора революции, осталась. Вот, например, как Ф. Энгельс характеризует Франко-прусскую войну 1870–1871 гг. и развитие дальнейшей ситуации: «...война принудила все большие континентальные державы ввести у себя усиленную систему прусского ландвера и тем самым взвалить на свои плечи такую тяжесть милитаризма, которая раздавит их в самое непродолжительное время. Армия стала главнейшей и самостоятельной целью государства; народы продолжают существовать лишь для того, чтобы поставлять и кормить солдат Соперничество между отдельными государствами вынуждает их, с одной стороны, затрачивать с каждым годом все больше денег на армию, флот, артиллерию и т. д., а следовательно, все более и более приближаться к финансовому кризису; с другой стороны, оно вынуждает знакомить путем всеобщей воинской повинности все большее и большее число подданных с употреблением оружия ...»¹⁸².

Следует отметить, что пример Парижской Коммуны (1871), возникшей во время Франко-прусской войны, был показательным для социалистов

¹⁸¹ См. подробнее: Neumann S., Hagen M. Engels and Marx on revolution, war, and the army in society // *Makers of modern strategy, from Machiavelli to the Nuclear age* / Ed. by P. Paret. – New Jersey. Princeton: Princeton university Press, 1986. – P. 262–280.

¹⁸² См. подробнее: Энгельс Ф. Историческая публицистика: О военном искусстве. О теории насилия. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 400.

конца XX века. Программные документы социалистов, например, Штутгартская резолюция, Базельский манифест (1912), о которых упоминает В.И. Ленин в своей работе «Социализм и война» (1915), содержали положения о том, что «в случае наступления войны социалисты должны использовать создаваемый ею „экономический и политический кризис“ для „ускорения падения капитализма“»¹⁸³. Его призыв обратить войну империалистическую в войну гражданскую был реализован на практике¹⁸⁴. Намного позже, в 70-е годы XX века, гипотеза о роли непомерных военных затрат для складывания революционной ситуации получит развитие в разработке теории социальных революций Т. Скочпол.

В отечественной литературе идея войны как катализатора революционного процесса не получила развития по нескольким причинам¹⁸⁵. Во-первых, идеи, посвященные данной тематике, в произведениях классиков представлены разрозненно. В их трудах нет крупного теоретического произведения, посвященного исключительно роли войны и армии в обществе. Во-вторых, идея роли войны казалась чуждой духу произведений этих авторов. Ненависть к милитаристской машине, государству и военному сословию, а также предвосхищение новой, качественно иной, мирной эпохи сыграло свою роль при интерпретации их текстов. Данная интерпретация поддерживалась существующей идеологией. Советский Союз в силу того, что он являлся социалистическим государством, объявлялся оплотом мира. Такие явные аномалии, как военный конфликт СССР с социалистическим Китаем, в большинстве случаев не получали объяснения. В-третьих, как

¹⁸³ См.: Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10 т.– М.: Политиздат, 1985. – XXIV. – Т. 6. – С. 277.

¹⁸⁴ См.: Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10 т.– М.: Политиздат, 1985. – XXIV. – Т. 6. – С. 511. В.И. Ленин, разоблачая империалистский характер Первой мировой войны, писал в работе «Военная программа пролетарской революции», что пролетариат «должен желать поражения „своего“ правительства в таких войнах и использовать его для революционного восстания».

¹⁸⁵ Необходимо отметить, что попытку внесения внешнего фактора на уровень теории в отечественной традиции во второй половине XX века предприняли историки И.Б. Греков (1963, 1984), Б.Ф. Поршнев (1970, 1976), И. Дьяконов (1994).

отмечает Т. Рокмор, часто с идеями К. Маркса и Ф.Энгельса знакомились по работам марксистов, а это вело к искаженному восприятию их произведений¹⁸⁶.

Большое значение военного фактора в развитии стран мира, в частности России, отмечал Л. Троцкий. Его идеи близки основоположникам миросистемного подхода. Например, Л. Троцкий также считал, что нации развиваются не изолированно, а в соответствии с разными нормами, которые им диктует мировая система. Однако государство, по мысли Л. Троцкого, является важнейшим субъектом социальной динамики. При этом отсталость общества сказывается не только на его социальной структуре, но также определяет роль государства в обществе. Россия отставала от Западной Европы в развитии, более того она развивалась в условиях военного и экономического давления со стороны Запада. Российское государство, реагируя на это давление, стремится повысить свою военную эффективность и берет на себя инициативу в индустриализации страны, предпринимает меры, направленные на ее социальную и административную модернизацию. В результате в сравнении с Западной Европой влияние государства в обществе оказывается чрезмерным, а роль буржуазии незначительной.

Таким образом, война или за передел мира, или национально-освободительная в марксистском понимании оказывается необходимым свойством системы, своеобразным переходным временным промежутком из одного состояния общества в качественно иное.

Высокий уровень идеологической нагруженности марксизма и геополитической науки также может вызывать опасения и стать причиной сомнений в правомерности их использования в качестве научных оснований исследования социальной динамики. Однако сегодня идеологии, сформировавшиеся на основе этих парадигм, становятся историческими феноменами, в связи с чем появляются условия, позволяющие более

¹⁸⁶ Rockmore T. Marx after marxism. The philosophy of Karl Marx. – Oxford: Blackwell Publishers, 2002. – P. 14.

объективно оценивать эвристическую значимость теоретических построений этих научных парадигм. Как показал опыт геополитической науки, крах идеологии может вести к освобождению научной теории и росту ее эвристических возможностей.

Из многообразия теорий парадигмы марксизма особое внимание заслуживает теория зависимости (А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин), направление, наряду с работами Ф. Броделя, заложившее основы миросистемного подхода, а также его антитеза – теория зависимого развития (Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос). Критики миросистемного направления отмечают, что главное преимущество теории зависимости перед теорией модернизации заключается в том, что она предполагает исследование экономического развития и отсталости в контексте роста капитализма как мировой системы¹⁸⁷. Помимо этого, следует отметить, что в отличие от теории модернизации, игнорирующей особенности внутренних процессов в развивающихся обществах, и парадигмы реализма, игнорирующей внутренние процессы в целом, представители миросистемного подхода говорят о необходимости и перспективности исследований, которые будут включать не только теоретические модели глобального масштаба, но и объяснения особенностей развития разных обществ в рамках миросистемы. Так, внимание представителей теории зависимости направлено не только на отношения между нациями, но и на проблемы «внутреннего колониализма»¹⁸⁸, проблемы региональных неравенств внутри страны. Существенной чертой данного подхода является также то, что в отличие от теории модернизации и неолиберализма здесь видное место занимают проблемы внутренних и внешних социальных конфликтов. Одним из достоинств миросистемного анализа является также его способность

¹⁸⁷ См., например: Veltmeyer H.C. A central issue in dependency theory // *Canadian review of sociology and anthropology*. – 1980. – Vol. 17. – P. 209.

¹⁸⁸ Идея «внутреннего колониализма» была введена в оборот В.И. Лениным, А. Грамши, Н. Бухариным и во второй половине XX века заимствована представителями миросистемного подхода.

аккумулировать разные подходы и смежные дисциплины. Если процесс конвергенции реализма, либеральной теории и конструктивизма в рамках теории международных отношений происходит стихийно¹⁸⁹, то под маркой «истории мировых систем» происходит сознательный процесс поиска методов исследования социальной динамики и соотнесения транснациональных моделей социума представителями разных научных направлений. В 1995 г. в шведском университете Лунда проходила конференция по проблемам исследования истории мировых систем. По результатам конференции в 2000 г. в Лондоне была выпущена книга «World system history: the social science of long-term change». Ее авторы (Р.А. Денемарк, Дж. Фридман, Б. Гиллс, Дж. Модельски, А.Г. Франк, Д. Уилкинсон, К. Чейз-Данн, Т. Холл, С. Сандерсон, В. Макнил, У. Томпсон и др.) уверены, что их подход способен аккумулировать смежные дисциплины, т. е. он трансдисциплинарный¹⁹⁰. Таким образом, данный подход нашел поддержку не только в рамках марксистской парадигмы, например, у представителей теории зависимости и теории зависимого развития, но и в эволюционизме (К. Чейз-Данн, Т. Холл), цивилизационном подходе (Д. Уилкинсон), в теории циклов мировой власти (Дж. Модельски, К. Раслер, У. Томпсон). Идею о возможности синтеза миросистемного подхода и геополитической теории высказал Р. Коллинз¹⁹¹.

Синтезу должен предшествовать анализ. Поэтому, прежде всего, определим границы этих двух подходов и обозначим современное состояние их теоретических моделей.

Р. Коллинз сам указывает на рамки современного состояния своей теории. В ней он, в первую очередь, уделяет внимание ведущим государствам,

¹⁸⁹ О процессе конвергенции указанных направлений см.: Walt S. International relations: one world, many theories // Foreign Policy. – 1998. – Is. 110. – P. 29– 47; Legro J., Moravcsik A. Op. cit. P. 80–85.

¹⁹⁰ World system history: the social science of long-term change / Editors: R. Denemark, J. Friedman, B. Gills, G. Modelski. – London: Routledge, 2000. – P. XV.

¹⁹¹ Р. Коллинз использует миросистемный подход и геополитическую теорию для объяснения динамики основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ (Коллинз, 2001, с. 462– 476).

которые сильнее своих противников и ведут имперскую экспансию. В его модели именно такое государство является инициатором войны¹⁹². Данные упрощения, отмечает Р. Коллинз, вынуждали его рассматривать динамику общества в константной окружающей среде, т. е. военная мощь врагов одинакова и постоянна. Наличие константной и гомогенной внешней среды как недостаток модели Р. Коллинза отмечал П.В. Турчин¹⁹³. Признавая познавательный потенциал теории Р. Коллинза, П.В. Турчин утверждал, что геополитические модели недостаточны для объяснения упадка некогда мощных и обширных государств. В соответствии с теорией Р. Коллинза чрезмерное расширение территории влияния ведет к формированию чрезмерного груза контроля и распаду государства. В отношении этого тезиса П.В. Турчин отмечает, что данный фактор «содействует установлению пределов дальнейшей территориальной экспансии. Если государство переступает эти пределы, то его способность защищать дополнительную территорию немедленно уменьшается. Эта территория может быть завоевана соседями или государство может отказаться от нее (как Римская империя поступила с Декуманскими полями и Дакией). Такое сокращение территории восстанавливает способность государства к обороне, и значит, мы должны обращаться к другим переменным, чтобы понять наблюдаемые примеры упадка»¹⁹⁴. Следует согласиться с П.В. Турчиным относительно коллинзовского механизма «геополитический успех – легитимность», который также не объясняет распада, т.к. в данном случае работает быстрая обратная причинно-следственная связь, а «упадок империй часто происходит во временном масштабе десятилетий или даже столетий»¹⁹⁵. П.В. Турчин,

¹⁹² См.: Collins Randall. *Macrohistory. Essays in sociology of the long run*. – California: Stanford Univ. Press, 1999. – P. 247.

¹⁹³ См.: Турчин П.В. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории* / пер. с англ.; под общ. ред. Г.Г. Маленецкого, А.В. Подлазова, С.А. Боринской. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 56.

¹⁹⁴ Турчин П.В. Указ. соч. С. 46.

¹⁹⁵ Там же. С 67. Следует отметить, что легитимность правительства, по мнению Р. Коллинза, резко снижается при проигранных войнах, а при наличии чрезмерного груза контроля поражение в войне может вести государство к распаду.

несомненно, прав в своей критике теории Р. Коллинза и его вывод о том, что следует искать другие – не геополитические переменные, имеющие экзогенный характер, должен быть принят. «Когда динамика системы имеет противоположную направленность (и рост, и упадок) для тех же самых значений переменных в рассматриваемом списке, это означает, что имеется другая скрытая переменная, которая определяет направление изменения и которую мы еще не включили в список»¹⁹⁶. Однако следует задать вопрос, поиск «скрытой переменной» обязательно должен сопровождаться отказом от геополитической теории Р. Коллинза? Необходимые переменные есть в теориях миросистемного подхода¹⁹⁷.

Далее Коллинз указывает еще на одну существующую границу своей теории, в его теоретической модели успешный конфликт с внешним противником и достижение силового престижа в мировом порядке является решающим в легитимации правителя внутри страны. Данная версия теории не уточняет, что легитимность правителя возрастает под влиянием многих факторов, а не только в результате успешной внешней политики, поэтому примеры высокой легитимности правителей стран, у которых в силу различного рода обстоятельств отсутствует имперская экспансия, остаются пока за рамками теории. Р. Коллинз считает, что более реалистичский подход должен вести к моделям со сложной структурой множественных политических обществ¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Там же. С. 63.

¹⁹⁷ П.В. Турчин, указывая на существование «поразительных параллелей» между миросистемным подходом, в частности теорией К. Чейз-Данна, и теорией метаэтнического пограничья, автором которой он является и которая не вполне подходит для исследования современных обществ, упускает из вида, что Р. Коллинз предлагал синтез теорий миросистемного подхода и геополитической теории. Переменная «способность к коллективному действию» (П.В. Турчин делает акцент на добровольное поведение этнических групп с учетом возможного применения насилия со стороны репрессивных органов) для современных обществ может быть понята как «мобилизационные способности государства по отношению к идеологически разнородному населению», а это соотносится с проблемой геополитических ресурсов в теории Р. Коллинза.

¹⁹⁸ См.: Collins R. *Macrohistory. Essays in sociology of the long run.* – California: Stanford Univ. Press, 1999. – P. 254–556.

Таким образом, Р. Коллинз указывает на два типа фактов, не вошедших в эмпирическое поле его теории. Во-первых, агрессия государств, которые не могут быть отнесены к геополитически могущественным государствам. Этот вопрос заслуживает внимания еще и потому, что его решение в рамках либеральной теории демократического мира, как было показано в первом разделе, нельзя назвать удовлетворительным. Во-вторых, остается без внимания динамика легитимности правительств, не ведущих экспансионистскую политику, но чьи страны, напротив, могут быть объектом экспансии.

Важнейшими понятиями миросистемного подхода являются понятия «центр (ядро)», «периферия» и «полупериферия». При помощи этих понятий производится деление миросистемы на пространственные области, различные по своим ролям, функциям и статусу. Набор и содержание понятий «ядро», «центр», «периферия», «хинтерленд» в разных концепциях не идентичны. Имеющиеся различия трактовок определяются аналитическими предпочтениями авторов концепций. Так, сущность центра/ядра у И. Валлерстайна, А.Г. Франка и Б. Гиллса связана с процессом эксплуатации и накопления; у Дж. Модельски и У. Томпсона – с производством и монополией инноваций в экономике; у К. Чейз-Данна и Т. Холла – с интенсивным развитием технологий и сложностью социальной структуры; у Д. Уилкинсона – с военно-политическим доминированием. Названные характеристики центра не противоречат друг другу, однако общего понятия «центра», видимо, пока не существует. Анализ понятий «периферия», «полупериферия», «хинтерленд» показывает, что разные понятия могут совпадать по содержанию. Так, например, то, что Дж. Модельски называет «хинтерленд», в концепции А. Г. Франка является «периферией».

Далее, все представленные теории миросистемного подхода так или иначе говорят о существовании некоторой зависимости полупериферии и периферии от центра. А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Ф.Э. Кардозо и Б. Гиллс используют понятие эксплуатации. Д. Уилкинсон указывает на

существование военно-политической зависимости. К. Чейз-Данн и Т. Холл отмечают, что в процессе формирования системы участвуют действующие лица, обладающие разными возможностями и способностями, что и создает отношения взаимозависимости. Дж. Модельски, К. Раслер, У. Томпсон указывают на зависимость периферии от деятельности центра в инновационной сфере и принятия центром решений, устанавливающих мировой порядок после мирового конфликта. При всей разнице трактовок зависимости они мало противоречат друг другу. Так, даже идея взаимозависимости в эволюционной концепции К. Чейз-Данна и Т. Холла не исключает явления эксплуатации как однонаправленного процесса в неравном обмене между периферией и центром, что описано в концепции А.Г. Франка и Б. Гиллса. Однако остается открытым вопрос о том, что такое зависимость в миросистеме.

Ситуация осложняется также тем, что критерии отнесения государств на разные ступени миросистемы не вполне ясны, и это, как отмечает У. Бек, в отношении миросистемной теории И. Валлерстайна «порождает трудноразрешимые историко-эмпирические контroversы»¹⁹⁹. Проблема критериев тесно связана с частым отсутствием ясного определения ключевых терминов. Э. Брувэр, один из критиков миросистемного подхода, отмечает, что основоположники миросистемного подхода (А.Г. Франк, И. Валлерстайн) оставляют читателю выводение значений ключевых понятий из сущности наглядных исторических примеров. Часто термины имеют целый спектр значений, «размывая логику некоторых самых важных утверждений»²⁰⁰.

Данный подход раскрывает обширную панораму, где ярко прорисованы противоречия мировой системы. Но эвристическая ценность модели снижается сразу же, как только мы переходим к детальному изучению отдельных элементов системы. Первое, что обращает на себя

¹⁹⁹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 64.

²⁰⁰ Brewer Anthony. Marxist theories of imperialism. – London; N. Y.: Taylor Francis e-Library, 2001. – P. 176.

внимание, так это то, что огромное разнообразие государств сводится к трем, а то и двум (например, у Дж. Модельски) типам пространства. Вероятно, этого достаточно, чтобы описывать систему целиком и указать на существующие в ней противоречия, но все же слишком мало для детального анализа ситуации и перспектив конкретной подсистемы, принадлежащей к одному из трех уровней пространства. Очевидно, что структуры «центр – полупериферия – периферия» являются теоретическими упрощениями, необходимыми для исследования общих свойств динамики миросистемы. Однако, внося положительные моменты в исследования, данные упрощения с необходимостью ведут к сужению предметной, проблемной областей истории мировых систем, а также концептуальной расплывчатости миросистемного подхода.

Ярким примером перечисленных недостатков может быть понятие «полупериферия» у И. Валлерстайна. Данное понятие обозначает некоторые промежуточные государства миросистемы, благодаря которым, по мысли И. Валлерстайна, в системе устраняется опасность резкой поляризации между периферией и ядром, что снижает риск возникновения и разрастания конфликта между представителями этих двух областей миросистемы. Такая трактовка создает ложное впечатление, что полупериферия намеренно создается ядром. Очевидно, что такое определение полупериферии нельзя назвать исчерпывающим.

Возникает ощущение, что понятие «полупериферия» лишь удобный концепт, при помощи которого миросистемщики относительно легко объясняют динамику переходов стран из полупериферии в ядро, а в случае неуспеха в обратном направлении – из ядра в полупериферию. При этом само объяснение может оказаться объяснением *ad hoc*. Например, государствам ядра в миросистемном подходе приписывается успешная динамика, на этом основании любое государство ядра, испытывающее серьезные трудности, может быть отнесено к полупериферии, по мере

преодоления этих трудностей оно может быть повторно описано уже как государство ядра.

Очевидно, что размытость понятий должна быть преодолена. Но преодолеть ее в рамках, по сути, бинарной модели миросистемы не представляется возможным. Трехуровневая (ядро-полупериферия-периферия), а тем более двухуровневая (ядро – периферия) система при наличии строгих определений ключевых терминов не позволит эффективно интерпретировать исторический материал и реалии современности. Отсутствие четких понятий и скудность теоретического инструментария объясняет то, что за пределами, несомненно, верного главного утверждения И. Валлерстайна – «мировая система должна исследоваться как целое» – в его работах обнаруживается масса исторического материала, который часто, как кажется, имеет слабую связь с имеющимися у него обобщениями. Как отметил Э. Брувер, чего недостает работам И. Валлерстайна, «так это теории, которая бы соединила эти два уровня»²⁰¹.

Такие обвинения нельзя назвать необоснованными. Отсутствие прочной теоретической базы объясняется тем, что сегодня миросистемный подход представляет собой лишь широко признанную в области социальных исследований парадигму, на основе которой (в терминах И. Лакатоса) пока только начинают формироваться научно-исследовательские программы²⁰². Прогресс в этом направлении будет проходить длительно и не просто. Дело в том, что миросистемный анализ – это трансдисциплинарный подход. В этом, с одной стороны, заключены его преимущества, с другой – серьезнее трудности, которые невозможно будет быстро преодолеть. Так, миросистемный подход, несомненно, является эконоцентрированным направлением, однако экономическая теория, которая позволяла бы

²⁰¹ Brewer Anthony. Marxist theories of imperialism. – London; N. Y.: Taylor Francis e-Library, 2001. – P. 178.

²⁰² Относительно миросистемного подхода П.В. Турчин отмечал: «В настоящее время это, скорее, исследовательская программа, чем отдельная теория» (2007, с. 107). Хотелось обратить внимание на то, что П.В. Турчин указывает лишь на вероятностный характер наличия в миросистемном подходе исследовательской программы.

исследовать развитие стран разных уровней миросистемы, отсутствует. Несовершенство имеющегося теоретического инструментария осознается не только критиками миросистемного подхода, но также его основоположниками и сторонниками. Потребность в дальнейшей разработке теоретического инструментария констатирует сам И. Валлерстайн: «Мы наметили в качестве основной единицы наблюдения понятие миросистемы, у которой есть составные части и стадии развития. И именно в этих рамках, доказываю я, мы можем проводить плодотворный сравнительный анализ – между целым и его составными частями. Концепции предваряют измерения и направляют их. Я полностью за детальнейшие и изощренные количественные показатели. Я полностью за детальнейшие и усердные архивные изыскания, которые позволят проследить конкретные исторические серии событий во всей их непосредственной сложности. Но проблема в том, как дать нам возможность лучше увидеть то, что происходило и что происходит. Для этого нам нужны оптические инструменты, с которыми мы могли бы распознать измерения отличий, нам нужны модели, с помощью которых мы могли бы взвесить значения, нам нужны обобщающие концепции, с помощью которых мы создадим знания, которыми мы затем будем пытаться обмениваться друг с другом»²⁰³. Более того, предпринимаются настойчивые коллективные попытки по преодолению теоретической недостаточности. Так, последнее десятилетие XX в. было ознаменовано работой двух групп ученых центра Фернана Броделя над проектом «Hegemony and rivalry in the world-system: trends and prospective consequences of geopolitical realignments, 1500–2025». Результаты исследований были опубликованы в виде двух книг. Первую часть проекта возглавляли Т.К. Хопкинс и И. Валлерстайн. В 1996 г. под их редакцией в свет вышла книга «The age of transition: trajectory of the world-system 1945–2025», которая посвящена в первую очередь динамике подъема и спада гегемона миросистемы начиная с 1945 г. Вторая часть

²⁰³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: «Университетская книга», 2001. – С. 25.

проекта осуществлялась группой ученых, среди которых ведущую роль играли Дж. Арриги и Б. Дж. Сильвер. Предметом исследования этой группы стали периоды глобальной нестабильности на протяжении всей истории современной миросистемы. Книга вышла в 1999 г. и получила название «Chaos and governance in the modern world system: contradictions of modernity». При этом у авторов последней книги теоретический аспект исследования представлен более ярко. Вполне вероятно, что эти исследования вместе с уже упомянутой ранее книгой «World system history: the social science of long-term change» могут стать той основой, которая позволит миросистемному подходу из парадигмального, а если более строго (т.к. споры по ключевым вопросам не прекращаются и по сей день) из предпарадигмального состояния, перейти к «зрелому» этапу, этапу научно-исследовательских программ.

Следует подчеркнуть, что теоретический инструментарий миросистемного подхода должен быть изменен, например, дополнен геополитическим, таким образом, чтобы наличие четкой терминологии соответствовало их общей цели – исследованию сложной структуры множественных современных обществ.

Далее, отчетливый акцент в миросистемных исследованиях делается на динамику центра или ядра. Об этом говорит, например, тот факт, что при выделении государств центра или ядра данные концепции имеют некоторую согласованность, а при обозначении государств периферии и полупериферии единодушия нет. Интерес научного сообщества к ведущим державам понятен, он объясняется ключевой ролью, которую эти державы выполняют в системе. Как отмечает Д.С. Мигдал, «центры в первую очередь вызывают интерес у социологов. Это происходит в силу того, что центры обладают последовательностью, единством, урегулированной повесткой дня, т.е. теми качествами, которые менее всего присущи периферии»²⁰⁴. Примечательно то,

²⁰⁴ Migdal J.S. State in society: studying how states and societies transform and constitute one another. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – P. 45.

что какая-либо дифференциация государств внутри понятий «периферия» и «полупериферия» отсутствует. Чаще всего периферия рассматривается как некоторая совокупная сфера элементов системы с одинаковыми характеристиками. Действительно, при анализе динамики центра периферия в рамках теоретической модели может выступать как некоторая внешняя для центра целостность, обладающая одинаковыми свойствами, однако исследование динамики некоторого государства периферии требует более детального теоретического инструментария, так как внешним для государства периферии будет не только ядро, но и государства периферии – подобные ему самому и от него отличные. Иными словами, ни периферия, ни полупериферия не являются целостным образованием, и игнорирование этого при построении модели затрудняет исследование динамики государств данного уровня. Относительно центра следует отметить, что с позиций экономической теории он, несомненно, может выступать как некоторое целостное образование, но это не исключает того обстоятельства, что в центре существуют области, где общества, как отметил представитель конструктивизма С.Н. Айзенштадт, имеют различные культурные программы, которые влияют на динамику развития общественных институтов и идеологии, на формирование коллективных идентичностей этих обществ²⁰⁵.

В целом, можно заключить, миросистемные теории пока остаются довольно грубым средством описания современных реалий. Вслед за теоретическими упрощениями «ядро (центр) – полупериферия – периферия» мы сталкиваемся с затруднением в применении анализа текущих ситуаций и перспектив для стран, которые не находятся в центре внимания теоретиков транснационального подхода. Необходимо отметить, что это обстоятельство вполне осознается теоретиками, так, А.Г. Франк отмечает, что система

²⁰⁵ Eisenstadt S. Modernity and construction of collective identities // International Journal of Comparative Sociology. – 1998. – Vol. 39. – Is. 1. – P. 138.

отношений «ядро – периферия» еще недостаточно изучена²⁰⁶, а Дж. Модельски считает, что «то, что выигрывается в перспективе и широте обзора, теряется с точки зрения соприкосновения с повседневными „реалиями“. Необходимо пройти через уровни национальной и региональной организации перед тем, как достичь твердой почвы на местном уровне»²⁰⁷.

Следует также подчеркнуть, что недостатки теоретических моделей и концептов в работах основоположников миросистемного подхода не мешают его оппонентам, как марксистам, так и ученым, не принадлежащим к марксистской парадигме, признавать эвристическую силу данного направления. Например, Энтони Бреввер, отмечая обоснованность замечаний одного из критиков миросистемного подхода Э. Лакло, указывает, что более успешной теории объяснения экономической отсталости на сегодняшний день не существует. Объяснение экономической отсталости и устойчивости докапиталистических способов производства в странах Третьего мира, данное самим Э. Лакло, по мнению Э. Бревера, гораздо менее убедительно²⁰⁸.

Главный момент критики заключается в том, что А.Г. Франк, как и И. Валлерстайн, понимает под капитализмом отношения обмена товарами, продуктами, произведенными для рынка, тогда как К. Маркс расценивал капитализм как способ производства. В интерпретации капитализма А.Г. Франком и И. Валлерстайном капиталистическими оказываются и те страны, чей способ производства остается докапиталистическим, но они втянуты в систему обмена с ядром капиталистической мир-экономики или полупериферией, например Латинская Америка в период Конкисы. Э. Лакло обвиняет А.Г. Франка в смешивании понятий «капиталистический способ производства» и «участие в мировой капиталистической экономической

²⁰⁶ Frank A.G. A plea for world system history // J. of World History. – 1991. – Vol. 2. – Is. 1. – P. 19.

²⁰⁷ Модельски Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия // Время мира: альманах. Вып. 3: Война и геополитика / под общ. ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 457.

²⁰⁸ Brewer Anthony. Op. cit. P. 181.

системе»²⁰⁹. Э. Лакло упускает из вида, что единицей анализа в работах А.Г. Франка и И. Валлерстайна является не страна, а миро-система. Франк и его коллеги, по мнению самого И. Валлерстайна, «лучше следуют духу, если не букве Маркса»²¹⁰.

Среди отечественных критиков работ И. Валлерстайна следует отметить представителей цивилизационного направления исторической глобалистики – И.Н. Ионова, В.М. Хачатуряна²¹¹. Они утверждают, что миросистемному подходу не удалось отразить две объективные тенденции, существующие в новейшей историографии: во-первых, тенденцию к универсализации и глобализации и, во-вторых, тенденцию к дифференциации, к осознанию разными народами своих культурных особенностей и стремлению сохранить их как свое главное богатство. И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян утверждают, что разрабатываемое ими направление, призванное объединить теории локальных цивилизаций и общемировой цивилизации, справляется с этой задачей. С данной критикой миросистемного подхода нельзя согласиться. Миросистема в своем развитии претерпевает смену периодов интеграции и дезинтеграции. Периоды интеграции ознаменованы подъемом мирового гегемона и, как это не раз будет отмечено в следующих разделах, распространением либеральных ценностей, приобретающих универсальный характер. Периоды упадка гегемона миросистемы, напротив, ведут порой к крайне враждебному отказу от универсальных ценностей и утверждению национальных и этнических. Миросистемный подход, таким образом, может составить основу исследования динамики ценностей. А вот идея существования единой универсальной цивилизации, наличие которой постулируют И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян (методологическое основание исследований этих

²⁰⁹ См.: Laclau Ernesto. Feudalism and capitalism in Latin America // New Left Review. – 1971. – Vol. 67, May-June. – P. 123–135; Laclau E., Mouffe Chantal. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. – London; New-York: Verso, 2001. – 198 p.

²¹⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем ... – С. 11–12.

²¹¹ Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизации от античности до конца XIX века. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2002. – 384 с.

ученых предполагает совмещение теории локальных цивилизаций с теорией универсальной цивилизации), чрезвычайно сомнительна, особенно в периоды, когда дезинтеграционные процессы в мире берут верх²¹².

Синтез теории геополитической динамики и теорий миросистемного подхода с целью создания инструментария для анализа множественных современных политических обществ позволит усилить эти два направления современной социальной науки. Так, в теории геополитической динамики «ресурсы» и «ресурсное преимущество» представлены лишь как общие параметры территориальной динамики государства. Данная теория не акцентирует внимание на вопросе о том, что определяет уровень ресурсов. Синтез с миросистемным подходом усилит теорию геополитической динамики возможностями более детального исследования процессов аккумуляции и распределения ресурсов, а также образования ресурсного преимущества у государств ядра.

В миросистемном подходе также имеются пробелы, которые можно восполнить через его синтез с теорией геополитической динамики. Наиболее ярким примером здесь могут служить работы И. Валлерстайна. Динамика миросистемы объясняется И. Валлерстайном с привлечением модели длинных экономических циклов Н. Кондратьева, которая имеет в кризисных точках корреляции с системными войнами и подъемом мирового лидера. В соответствии с этой основой в концепции И. Валлерстайна движущими силами происходящего в конце второй стадии (понижательной стадии) и начале новой волны (повышательной стадии) процесса смены государства–гегемона являются экономические причины, а именно – расширение или сокращение

²¹² Заслуживает внимания также критика работ И.Н. Ионова, В.М. Хачатуряна, сделанная отечественным ученым Б.Г. Могильницким. Он пишет: «Соглашаясь с общепринятым определением цивилизации как социокультурной общности людей, объединенных общей духовной традицией, подразумевающим определенную иерархию социокультурных ценностей, заметим, однако, что каждую цивилизацию характеризует также известная система социально-экономических отношений, включающая не только достигнутый в ней уровень материальной культуры, но и отношения собственности, социально-классовую структуру, уровень экономического развития, формы организации производства, потребления и обмена, так как все это влияет на духовную оснастку данной цивилизации» (Могильницкий, 2008, с. 469).

мирового производства и распределения. Такое рассмотрение мира как единой системы с позиций экономического редукционизма вызывало серьезную критику со стороны представителей теорий конкурирующих парадигм. Например, К. Уолц отмечает, что «И. Валлерстайн интересно и разными способами показывает, как мировая экономика воздействует на национальную и международную политику. Но утверждение, что экономика воздействует на политику, не опровергает утверждение о том, что политика воздействует на экономику и что некоторые политические следствия имеют политические причины Международная политическая теория служит преимущественно объяснению последствий международной политики. Она также сообщает нам нечто о внешней политике государств и об их экономике и их взаимодействиях. Однако мысль о том, что теория о международной экономике сообщает нам нечто о политике, а теория о международной политике сообщает нам нечто об экономике, не означает, что одна теория может заменить другую»²¹³. Замечание К. Уолца справедливо. Попытка синтеза миросистемного подхода и геополитической теории (как разновидности теории межгосударственных отношений) преследует цель, которая позволит в какой-то степени преодолеть указанный недостаток. Концепция международной политики самого К. Уолца была отвергнута на том основании, что он не просто осознанно отказывается от исследования внутренних процессов, протекающих в государствах, он настаивает на этом. Как было показано ранее, именно недооценка внутренних явлений и процессов приводит реалистскую парадигму теории международных отношений к кризису.

Идеи И. Валлерстайна подвергались критике представителями миросистемного подхода. Так, Дж. Арриги отмечал, что Кондратьевские циклы, лежащие в основе работ И. Валлерстайна, представляют собой

²¹³ Waltz Kenneth N. Theory of international politics. – California: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – P. 38.

эмпирические конструкции с неясным теоретическим значением, выводимые из наблюдений долгосрочных колебаний в товарных ценах²¹⁴.

На узость методологии И. Валлерстайна указывала Т. Скочпол. Она отмечала, что классовые структуры и конфликты не могут быть сведены к позициям наций и регионов в международной торговле. Методологическая сосредоточенность И. Валлерстайна на «мир-экономической системе» как на единственной единице анализа в исторической социологии делает слабо различимыми, по сути дела, исключает из поля зрения проблемы государств как «административных и военных организаций, встроенных в международную геополитическую систему военного соперничества»²¹⁵. Действительно, если миросистема создана и поддерживается странами ядра для достижения определенных целей, то политическая роль стран ядра, кумулятивные процессы и процессы распада государств не менее важны, чем формирование сетей неравного обмена, для объяснения динамики современных обществ.

Существует еще одна серьезная методологическая проблема, которая может быть решена через синтез теорий миросистемного подхода и теории геополитической динамики. Модель миросистемы иерархична и предполагает наличие одного постоянного ядра – Запада. Бесконечная экспансия Запада была встроена в цикл, в котором европейская военная, экономическая и политическая экспансии поддерживали друг друга за счет других областей и регионов земли²¹⁶. Однако сегодня становится очевидным то, что данный цикл в XX веке был сломан. Джанет Абу-Луход (будучи представителем миросистемного подхода) отмечала в этом плане следующий момент: миросистемщики, указывала она, так сосредоточены на изучении эволюции «современной миросистемы», что оказываются неготовыми понять

²¹⁴ Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: «Территория будущего», 2006. – С. 45.

²¹⁵ Skocpol T. Social revolutions in the modern world. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – P. 12.

²¹⁶ McNeill William. The pursuit of power: technology, armed force, and society since A. D. 1000. – Chicago: Chicago Univ. press, 1982. – P. 143.

ее возможный слом или, по крайней мере, ее радикальную трансформацию. Методологические основания миросистемного подхода не позволяют увидеть происходящий переход к системе с множественными центрами²¹⁷. Теория геополитической динамики, напротив, сосредотачивается на кумулятивных процессах подъема и образования мощных военно-политических центров. Для синтеза миросистемного подхода и теории геополитической динамики следует попытаться ответить на вопрос, будут ли подъемы военно-политических центров сопровождаться одновременным формированием на их основе систем неравного обмена? Если да, то как будут складываться отношения между этими конкурирующими центрами?

У представителей миросистемного подхода проблема территориального роста и упадка государства не вызывает специального интереса. Сосредоточившись на процессах экспансии капитала, они рассматривают расширение территории влияния как сопутствующее этим процессам явление. Сокращение территории влияния оказывается результатом антисистемных движений на полупериферии и периферии миросистемы. Относительно территориальной динамики страны-гегемона и стран ядра такая позиция является оправданной и плодотворной. Границы методологии миросистемного подхода становятся ощутимыми, когда речь заходит о случаях территориальной динамики стран других уровней миросистемы. Примером может послужить объяснение И. Валлерстайном войны за Мальвинские острова между Аргентиной и Великобританией. Стремясь подтвердить свои слова об устойчивости военно-политического могущества страны-гегемона, он пишет: «Упадок Великобритании начался в

²¹⁷ Основным предметом исследования Дж. Абу-Луход являются системы мировой торговли XIII в. Давая оценку современным процессам, таким как снижение военного могущества Запада и одновременный рост экономической мощи стран Восточной Азии, она предполагает, что в XX веке обозначился возврат к балансу множественных центров, к ситуации, характерной, например, для миросистемы XIII в. (Абу-Луход Дж., 2001, с. 449–461).

1873 г., но только в 1982 г. Аргентина смогла бросить ей открытый вызов»²¹⁸. Следует ли из слов И. Валлерстайна, что Аргентина проявила свои антисистемные настроения с некоторым запозданием? Если это не было антисистемным движением, то тогда как на основе миросистемной теории можно объяснить причины этой войны?

Синтез теории геополитической динамики и теорий миросистемного подхода позволит подойти к решению проблемы конкуренции внутри групп стран периферии и полупериферии. Вслед за отечественными исследователями В.Н. Сыровым и Е.В. Агафоновой следует отметить наличие в системе двух типов конкурентности, это «либо соперничество разных вариантов достижения одинаковой цели, либо столкновение различных (альтернативных) целей»²¹⁹. Соперничество за территорию и конкуренция за капитал не ограничены областью отношений между государствами разных уровней иерархии миросистемы. Ожесточенная борьба за пространство и капитал имеет место также между государствами, принадлежащими к одной и той же миросистемной группе. В отличие от достаточно хорошо исследованных процессов конкуренции стран за доминирование и установления нового порядка в ядре миросистемы²²⁰ (столкновение альтернативных целей или «соствязание проектов возможного будущего») соперничество государств за улучшение своих позиций внутри периферийных и полупериферийных групп (первый тип конкурентности) предметом исследования становилось крайне редко, как правило, на уровне взаимодействия конкретных обществ. Периферийные и полупериферийные государства составляли и продолжают составлять большую часть государств мира, а потому недостаток теоретической базы для исследования процессов

²¹⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: «Университетская книга», 2001. – С. 48.

²¹⁹ Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Когнитивный менеджмент в структуре образования и науки: философско-методологический аспект // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 370. – С. 47.

²²⁰ Эта проблема тесно связана с проблемой роста мировой гегемонии. На сегодняшний день в рамках миросистемного подхода имеется несколько вариантов объяснения динамики мировой гегемонии (см. 2.4.).

соперничества между государствами данных уровней особенно ощутим. Теория геополитической динамики может частично восполнить данный недостаток.

«Ахиллесовой пятой» теоретических построений миросистемной парадигмы следует назвать явление государственного распада. Так, И. Валлерстайн дает запоздалое объяснение распаду СССР в предисловии к книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире». Он пишет, что «события 1989–1991 гг. не явились чем-то неожиданным для приверженцев миросистемного анализа», так как они всегда относили Советский Союз к странам периферии и предполагали, «что раньше или позже стоящие у власти коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего „отклоняющегося“ поведения и стать более похожими на режимы, существующие повсюду в миросистеме»²²¹. Однако это запоздалое утверждение расходится с выводами его статей, вошедшими в данное издание и написанными раньше распада СССР: «Социализм предполагает создание нового типа миросистемы, которая не была бы ни перераспределительным миром-империей, ни капиталистическим миром-экономикой, но социалистическим миром-правительством. Я не рассматриваю этот прогноз как нечто утопическое, но и не чувствую, чтобы такая организация общества была бы неизбежной. Она станет результатом длительной борьбы в формах, которые могут быть знакомыми, и, пожалуй, в очень небольшом количестве форм, борьба, которая будет происходить во всех зонах мироэкономики»²²². Вопросы возникают также относительно сделанного И. Валлерстайном объяснения краха СССР. Он считает, что причиной этого являлось постепенное включение Советского Союза в капиталистическую мир-экономику. Почему не наоборот? Ведь далеко не все государства, прошедшие процесс включения, претерпели крах, а тем более территориальный распад.

²²¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: «Университетская книга», 2001. – С. 6.

²²² Там же. С. 24.

В результате экономического редуционизма явления геополитического характера объясняются от ad hoc. Примером может быть предсказание упадка гегемона, сделанное И. Валлерстайном. В 1997 г. он отмечал, что окончание холодной войны делает архаичными все институты, которые появляются в период холодной войны, в том числе и НАТО. Поэтому грядущее ослабление США он видит не в результате роста непомерного груза военных затрат, а лишь «в результате упадка внутренней финансовой основы и внутренней легитимности»²²³. Как показало время, НАТО не только выжило, но упрочилось и расширяет территорию своего влияния. В связи с этим с позиций теории геополитической динамики возможное ослабление США как современного гегемона следует ожидать, прежде всего, от чрезмерного расширения территории влияния и непомерных затрат на военные нужды, которые, в свою очередь, могут вызвать упадок финансовой системы.

И. Валлерстайн в своих выводах использует геополитические понятия. Так, он отмечает, что имеющиеся в истории современной миросистемы немногочисленные переходы из ядра в периферию и, наоборот, из периферии в ядро происходят «в результате изменения геополитики расширяющейся мир-экономики»²²⁴. Однако геополитическая компонента не входит в основу его теоретических построений. В результате слабым местом миросистемного подхода является то, что наличие ядра и гегемона просто постулируется в системе. За рамками остается ответ на вопрос, почему из существующего множества претендентов на этот статус одни государства его достигают, а другие нет²²⁵.

²²³ Wallerstein I. The global possibilities, 1990–2025 // The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Т.К. Hopkins, I. Wallerstein, J. Casparis [et al.]. Zed Books. – London: UK.; New Jersey, USA; Pluto Press Australia, 1997. – P. 229.

²²⁴ Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N. Y.: Academic Press, 2007. – P. 349.

²²⁵ Collins R., Waller D. Prediction of geopolitical theory and the modern world system // Questioning geopolitics: political projects in a changing world-system / Ed. by Derluquian G.M., Greer S.L. Preager. Westport. CT. 2000. P. 59.

Поиски ответов на эти вопросы будут гораздо более эффективными, если опереться не только на миросистемную, но и на теорию геополитической динамики.

В заключении следует отметить наличие и характер взаимосвязей внешних и внутренних факторов в миросистемном подходе. Как и геополитические миросистемные модели являются смешанными, внутренние и внешние факторы имеют образуют причинно-следственные связи. В миросистемном подходе базовые понятия «ядро», «полупериферия», «периферия» обозначают совокупность внутренних и внешних отношений стран трех уровней миросистемы. Можно также сказать, что совокупность внешних и внутренних отношений указывает на онтологические характеристики (а соответственно и различия) стран ядра, полупериферии и периферии. При этом внутренние факторы развития стран одного уровня, могут быть внешними факторами для стран других уровней. Например, крупнейшие центры накопления капитала, наличие механизмов и институтов для его концентрации, передовые центры развития технологий являются внутренними характеристиками и факторами развития стран ядра, для стран периферии и, часто, полупериферии эти же факторы являются внешними. С другой стороны такие факторы как дешевая рабочая сила, дешевое сырье являются внутренними реалиями периферии, но внешними факторами (до определенного момента, до начала освоения) для экономик стран ядра. Отношения между странами уровней «ядро», «полупериферия», «периферия» выстраиваются в соответствии с «традиционной схемой» взаимосвязи внутреннего и внешнего, когда внутренние отношения определяют внешние отношения, а последние оказывают «обратное воздействие» на внутренние отношения (Ю.А. Аносов²²⁶). Например, при исследовании динамики общества ядра рост свободного капитала и ожидание низкого уровня прибыли в экономике стран ядра ведет к росту внешних инвестиций, формированию в странах периферии узкоспециализированных отраслей,

²²⁶ Аносов Ю.А. Указ. соч. С. 20.

снижению себестоимости производства и увеличению прибыли инвесторов стран ядра. Трудности миросистемного подхода при анализе процессов внутри групп составляющих ядро, полупериферию и периферию (например отношений на постсоветском пространстве) объясняется отсутствием соответствующей онтологии. Синтез геополитической теории Р.Коллинза и миросистемного подхода восполняет ее отсутствие. Геополитическое понимание государств как субъектов международной политики соперничающих за контроль над территорией, как стратегическим и материальным ресурсом, дополняет миросистемную онтологию субъектом, способным выстраивать «вертикальные» отношения, т.е. между группами иерархии миросистемы, так и «горизонтальные» – внутри группы.

Подчеркнем главные выводы, полученные в первой главе исследования.

Первая задача исследования заключалась в обосновании выбора геополитической теории и концепций миросистемного подхода как основы исследования динамики разных типов обществ современного мира. Для решения данной задачи было проведено систематическое сравнение данных теорий с теориями конкурирующих парадигм (теорией модернизации, реалистской и либеральной традициями теории международных отношений, либеральной концепцией «демократического мира») посредством анализа характера взаимосвязей внутренних и внешних факторов в моделях социальной динамики. Решение данной задачи позволило сделать следующий вывод, преимущества геополитики как науки и миросистемного подхода в сравнении с теориями конкурирующих парадигм заключаются в том, что их объяснительные модели развития современных обществ построены с учетом взаимосвязей внешних и внутренних факторов (типы причинно-следственные связей: «из внутреннего-внутреннее», «из внутреннего-внешнее», «из внешнего-внутреннее») и факторов развития включающей общества системы (тип причинно-следственные связи «из внешнего-внешнее»). В теории геополитической динамики Р. Коллинза и

миросистемном подходе связи внешних и внутренних факторов в объяснительных моделях динамики общества являются ключевыми и закреплены на уровне онтологии. Взаимосвязь внешнего и внутреннего присутствует в онтологии таких базовых понятий как «преимущество в размере территории», «преимущество в ресурсах», «геополитическое окраинное положение», «геополитическое центральное положение», «чрезмерное расширение», «кумулятивные процессы» в геополитической теории; «ядро», «полупериферия», «периферия» – в миросистемном подходе.

Решение *второй задачи* исследования позволило дать оценку современного состояния геополитики и концепций миросистемного подхода, выявить основные трудности этих теорий и определить перспективы развития. Из существующего разнообразия направлений в геополитической науке геополитическая теория Р.Коллинза была выбрана как наиболее перспективное теоретическое основание для исследования процессов межгосударственной конкуренции за территории. Выбор был осуществлен посредством анализа эволюции методологии объяснения и предсказания в геополитических теориях. В результате решения данной задачи было получено два основных вывода. *Во-первых*, в геополитической науке в парадигме органицизма, мирового пространства как единого организма, в цивилизационной и политико-экономической парадигмах, объяснение и предсказание осуществляется на основе «ригидных» инвариантных моделей: предполагается наличие некоторой логически-последовательной, долговременной, саморазвивающейся социальной единицы, как правило, государства, которой приписываются общие условия существования и выделяются типовые внутренние процессы. Такие модели могли быть представлены в виде метафоры («организма» – Ф. Ратцель, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, «руки» – Р.Челлен, «хартленда», то есть «сердца земли» – Х. Маккиндер, «Россия – остров» – В.Л. Цымбурский). Объяснение и предсказание поведения социальной единицы осуществлялось путем ее подчинения инвариантной модели. При столкновении теории с

противоречащими ей фактами условия и характер существования изучаемой социальной единицы изменяются, что приводит теории к регрессу. Теория геополитической динамики Р. Коллинза соответствует стандарту научной теории сформулированному в работах И. Лакатоса и К. Гемпеля и имеет ряд преимуществ. Теория Р. Коллинза идеологически нейтральная, на ее основе объясняются изменения в динамике территориального могущества власти независимо от ее политической формы, построена в виде «если-то» утверждений, доступна процессу фальсификации. Она послужила основой успешных предсказаний новых фактов, которые вели к развитию теории. Объяснение и предсказание социальных явлений осуществляется Р.Коллинзом с опорой на «охватывающие» законы (принципы) и исследование условий в начальных пунктах «если-то» утверждений.

Во-вторых, современное состояние миросистемного подхода является предпарадигмальным. Набор и содержание базовых понятий «ядро», «центр», «периферия» в разных концепциях миросистемного подхода не идентичны. В миросистемном подходе отсутствует единое представление о характере зависимости полупериферии и периферии от ядра. Критерии отнесения государств на разные ступени миросистемы различны. В результате экономического редукционизма явления геополитического характера объясняются И. Валлерстайном от ad hoc. Акцент исследований (прежде всего, И.Валлерстайна) на динамику ядра как единственного центра в иерархии миросистемы приводит к трудности объяснения формирующейся многополюсной мировой системы. Трудности миросистемного подхода, возникающие при анализе процессов между обществами внутри групп, объясняются отсутствием необходимой онтологии. Внешними для государства и подконтрольного ему общества являются не только представители иных групп иерархии миросистемы, но и той, к которой отнесено оно само.

ГЛАВА 2. ГЕОПОЛИТИКО-МИРОСИСТЕМНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

В предыдущем разделе был проведен сравнительный анализ ряда научных парадигм, объясняющих динамику современных обществ. Было показано преимущество миросистемного подхода и современной геополитической науки, а также обоснована необходимость синтеза ряда теорий этих двух направлений.

Для синтеза геополитической и миросистемной теорий необходим общий понятийный аппарат, основные положения «твердого ядра научно-исследовательской программы» (в терминологии И. Лакатоса). Понятие «пространство социальных отношений» позволяет рассмотреть геополитические и миросистемные теоретические конструкции в едином концептуальном ключе. В первом разделе выделяются уровни пространства социальных отношений в миросистеме. Главный акцент сделан на уровень национального государства, поскольку оно является своеобразным «медиатором» между процессами глобального (регионального) масштаба и процессами в территориальных образованиях, находящихся под его властью. Обосновывается тезис о том, что пространства социальных отношений современных обществ, включая внешнюю и внутреннюю политику их государств, формируются структурой геополитико-мирорсистемных преимуществ/неудобств. Различия в структуре преимуществ/неудобств позволяют выявлять основные характеристики и сравнивать пространства социальных отношений разных государств и находящихся под их юрисдикцией обществ. В первом разделе предлагается типология пространств социальных отношений, вводится понятие «геополитико-мирорсистемное неравенство». Во втором и третьем разделах уточняются базовые понятия, характеризующие геополитические и мирорсистемные преимущества и неудобства развития современных обществ. В четвертом

разделе представлена геополитико-миросистемная модель циклов мировой гегемонии стран ядра. В пятом разделе раскрывается проблема критериев отнесения стран к разным уровням миросистемы.

Основной акцент в данной главе делается на анализе теории геополитической динамики и теорий миросистемной парадигмы. Необходимость такого акцента обусловлена недостаточностью теоретического инструментария для анализа неравенств пространств социальных отношений субъектов современного мира. Эмпирическое содержание теорий обширно и представлено во множестве работ классиков миросистемного подхода, например, четырехтомник И. Валлерстайна «The Modern World-system» содержит обзор истории миросистемы с XVII в. до середины XIX в. Обширный исторический материал использован в трудах Ф. Броделя, события второй половины XIX–XX вв., помимо статей самого И. Валлерстайна, нашли отражение в исследованиях С. Амина, Дж. Арриги, Д. Широ, А.Г. Франка и др. Отдельные факты из истории миросистемы и современного состояния отдельных обществ и государств использовались для пояснения эмпирического содержания теоретических положений и обоснования получаемых в процессе настоящего исследования выводов.

Следует предварительно подчеркнуть, что понятие «социальное» понимается в работе в самом широком смысле, не как рядоположенное с такими понятиями как «экономическое», «политическое», «культурное», а как включающее их.

2.1. Миросистемные и геополитические основания типологии пространств социальных отношений

Пространство социальных отношений является совокупностью многообразных связей, возникающих в процессе экономической, социальной, политической и культурной жизни человеческих обществ и групп. Субъекты социальных отношений многочисленны, ими могут быть отдельные

личности, социальные группы, государства, нации. Субъекты одного типа могут иметь пространства социальных отношений относительно одинаковые или разные по своим характеристикам. Характеристики пространства социальных отношений субъекта указывают на место и роль этого субъекта в системе, дают представление о границах и уровнях его деятельности. Пространство социальных отношений может изменяться в процессе деятельности субъектов в сторону усложнения или упрощения (например, архаизации) его качественных, а также расширения или сжатия его количественных параметров.

Современная миросистема представляет собой организованное особым образом многоуровневое пространство социальных отношений. Условием ее существования является обширное, как отмечает И. Валлерстайн, «не просто функциональное, т.е. профессиональное, а географическое разделение труда»²²⁷. Оно возникает частично под воздействием экологических факторов, но в большей мере в результате функционирования системы организации труда, которая «составляет своего рода внешнее принуждение, определяющее пределы выживания»²²⁸, и выражается в поляризации системы отношений, принимающей структуру «ядро – полупериферия – периферия».

В соответствии с идеями И. Валлерстайна история человечества знает три формы социальных систем: мини-системы, мир-империи, мир-экономика. Наиболее ранняя форма – мини-системы. Это крайне неустойчивые социальные образования досельскохозяйственной эры. Примерно с 800 г. н.э. ведущей формой становится мир-империя. Эту форму И. Валлерстайн называет сильной, так как, расширяясь, она поглощала мини-системы и «слабые формы» – мир-экономики. Основной характеристикой мир-империи является то, что совокупность территорий с разнородными в

²²⁷ Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N. Y.: Academic Press, 2007. – P. 348.

²²⁸ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера; Ессе Номо, 2003. – С. 262.

культурном плане субъектами оказывается подчиненной единой политической системе социальных отношений.

Современная форма миросистемы характеризуется как «мир-экономика»²²⁹. Мир-экономика, в отличие от мир-империи, характеризуется отсутствием единой политической системы. До 1500 г. мир-экономики были чрезвычайно неустойчивыми структурами, они имели тенденцию превращаться в мир-империю или распадались. Особенность современной миросистемы заключается в том, что возникшая примерно в 1500 г. н.э. мир-экономика не распалась и не превратилась в мир-империю. «Тайной силой», обеспечившей современной мир-экономике долголетие, стала взаимосвязь капитализма с национальным государством. Устойчивость системы была обусловлена, с одной стороны, стремлением ее главных *субъектов* – капиталистических групп – мобилизовать силы государств на цели укрепления своих собственных позиций в мир-экономике, а с другой стороны, их заинтересованностью в сегментации политического пространства²³⁰. Указанные предпочтения капиталистических групп объясняются тем, что экономическая деятельность, осуществляемая на пространстве большем, чем пространство одной политической силы, включает цепочки присвоения прибавочной стоимости, пересекающие государственные границы. Вмешательство государственных организаций позволяет буржуазии (той, которая выступает как группа влияния) обрести дополнительные, политические, рычаги в борьбе за долю прибавочной стоимости на мировом рынке, а сегментация мирового политического

²²⁹ И. Валлерстайн отмечает, что термин «мир-экономика» был взят им из-за отсутствия более удобного термина (Wallerstein, 2007, p. 348). Он проводит довольно четкое разграничение понятий «мир-экономика» и «мировая экономика». «Мировая экономика» подразумевает существование некоторого множества отдельных «экономик» в «национальных» рамках, которые при определенных условиях вступают в торговые отношения друг с другом и в XX веке образуют «глобальную систему». И. Валлерстайн считает, что «национальные экономики» больше существуют в риторике политиков, чем в реальности. Капиталистическая мир-экономика существует, по мнению И. Валлерстайна, по крайней мере, с XVI в. (Wallerstein, 1991, p. 13).

²³⁰ И. Валлерстайн отмечает: «Капитализм смог расцвести именно потому, что мир-экономика включала в себя не одну, а множество политических систем» (2007, p. 348).

пространства обеспечивает крупному капиталу область для маневра в случае появления попыток чрезмерного контроля и опеки со стороны государства.

Сегментация мирового политического пространства и способность буржуазии оказывать влияние на государства приводят к тому, что «столкновения внутри буржуазного класса принимают форму межгосударственных столкновений»²³¹. В результате межгосударственная система оказывается элементом системы жизнеобеспечения мир-экономики. Включая в себя множество структур, например, дипломатию, правила, протоколы, различные надгосударственные институты, межгосударственная система образует матрицу взаимных ограничений суверенитетов государств мира, матрицу, которая «предписана сильными слабым и сильными друг для друга»²³². Иными словами, межгосударственная система является политическим выражением пространства социальных отношений расширяющейся мир-экономики. Она закрепляет экономическую поляризацию мира на «ядро – полупериферия – периферия», возникающую в результате разделения труда, которое увеличивает способность некоторых конкурирующих между собой субъектов системы получать большую долю прибыли в цепочке неравного обмена.

Государства в лице политических элит также являются ведущими *субъектами* миросистемы. В историческом плане логику действия политической элиты на международной арене во многом определял тип миросистемы. В мир-империи власть отождествлялась с обширностью и населенностью областей, а богатство/капитал рассматривались как средство или побочный продукт в ходе осуществления территориальной экспансии. Формирование империи было вопросом завоевания соседних стран, в том числе стран ядра. Мир-экономика предполагает наличие у правящей власти иной логики. Представители правящей элиты отождествляли власть «со

²³¹ Wallerstein I. The politics of the world-economy: the states, the movements and the civilizations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – P. 4.

²³² Hopkins T.K., Wallerstein I. Commodity chains in the world economy prior to 1800 // Review. – 1986. – Is. 10. – Vol. 1. – P. 2.

степенью своего контроля над скудными ресурсами и рассматривали территориальные приобретения как средство или побочный продукт накопления капитала»²³³. Эти две логики предстают у И. Валлерстайна, а вслед за ним у К. Чейз-Данна, Т. Холла и Дж. Арриги как противоположные. Однако если И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн и Т. Холл утверждают, что территориалистская и капиталистическая логики поочередно просматриваются на разных этапах европейской истории²³⁴, то Дж. Арриги показывает их одновременное наличие у политических элит разных стран Европы, но только в XVI–XVII вв.²³⁵ На последующих этапах территориалистская и капиталистическая логики власти, доказывает Дж. Арриги, «подпитывали и поддерживали друг друга»²³⁶. Образование британской гегемонии в XIX в. и гегемония США в XX в. являются яркими тому примерами²³⁷. Война и территориальная экспансия в данных случаях уже не были главными источниками обогащения (открытого грабежа и увеличения налоговых поступлений в казну), однако их значение в подъеме мировой власти было и остается по-прежнему высоким. Война и территориальная экспансия продолжают и сегодня оставаться серьезными рычагами, позволяющими странам ядра поддерживать мировое разделение

²³³ Арриги Дж. Три гегемонии исторического капитализма // *Время мира: альманах*. Вып. 3: Война и геополитика. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 508.

²³⁴ Подъем современного гегемона, отмечают К. Чейз-Данн и Т. Холл, происходит иными способами, современный гегемон не завоевывает смежные государства ядра с целью извлечения налогов и дани, скорее, он стремится управлять международной торговлей, особенно океанской, связывающей ядро с перифериями (Chase-Dunn, Hall, 1995, p. 120).

²³⁵ Города северной Италии – Венеция, Флоренция, Генуя, Милан – и Нидерланды, с одной стороны, и Испания, Франция – с другой.

²³⁶ См.: Арриги Дж. *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. – М.: «Территория будущего», 2006. – С. 98.

²³⁷ Создание в XIX в., как отмечает Дж. Арриги, «частично капиталистической, а частично территориалистской имперской структуры, обладавшей невиданным прежде влиянием, показывает, что формирование и экспансия капиталистического мира-экономики означали не столько замену, сколько продолжение другими, более действенными средствами имперской экспансии досовременной эпохи ... капиталистический мир-экономика, воссозданный при британской гегемонии в XIX в., был не просто «мир-экономикой», но и «мировой империей», пусть и в совершенно новом виде» (Арриги Дж. *Долгий двадцатый век...* С. 103).

труда. «Нацеленность на приобретение территории» и «нацеленность на приобретение дополнительных средств платежа», обозначенные Дж. Арриги, будем рассматривать далее как, соответственно, геополитическую и экономическую переменные, характеризующие политику современного государства.

Исторически мир-экономика меняла свои границы. Территориальный размер мир-экономики, как отмечает И. Валлерстайн, всегда зависел от технологических возможностей в области транспорта и коммуникаций. Поскольку исторически эти возможности изменялись, и не всегда в лучшую сторону, границы мир-экономики были подвижными – область миросистемы то расширялась, то сжималась. Сегодня говорить о внешнем по отношению к миросистеме социальном пространстве сложно, более правильно говорить о низком уровне включения в миросистему некоторых стран мира, как это делает К.П. Терлоу²³⁸.

Основных уровней пространств социальных отношений миросистемы выделим четыре. Первый уровень – супермакро – уровень глобальных процессов (функционирование международной системы разделения труда, межгосударственной политической системы, подъем и упадок мирового лидерства, обширные военно-политические конфликты и т.д.). Сюда относится деятельность транснациональных корпораций, крупнейших международных политических и экономических институтов, международных социальных и политических движений, правительств ведущих (кумулятивный процесс) стран мира. Сегментация мирового политического пространства, проявляющаяся в форме национальных государств, является основанием для выделения следующего уровня пространства социальных отношений – макроуровня. В международной системе государства выступают своеобразными «медиаторами» между явлениями и процессами

²³⁸ К.П. Терлоу, исследуя уровни включения современных стран в миросистему, отмечает, что в 1985 г. уровень инкорпорации стран Восточной Африки (таких, как Эфиопия, Кения, Танзания и Замбия) сомнителен. (См. подробнее: Terlouw C.P., 1992, p. 140 – 141).

наднациональных, а также межгосударственных макросистем и обществами, находящимися под их юрисдикцией – субъектами мезо- и микроуровня (соответственного, третьего и четвертого уровней пространства социальных отношений). В данной работе исследуются два первых уровня, а именно сделан акцент на международных отношениях и их связях с внутренней политикой государств как субъектов миросистемы.

Стремительный рост транснациональных корпораций последних десятилетий, создавших мировую систему производства, обмена и накопления, не подчиняющуюся ни одному государству и способную подчинить своим «законам» любого члена межгосударственной системы, позволяет увидеть многим исследователям признаки начала отмирания государства²³⁹, а вместе с тем и отмирания мировой системы, совмещающей две указанные логики. Однако на современном этапе такой вывод может показаться излишне оптимистичным и не вполне обоснованным. Если следовать мысли И. Валлерстайна, то начало процесса глобализации мирового пространства социальных отношений должно быть отнесено как минимум к XIX в. Тактика поведения крупного капитала с тех пор практически не изменилась. В периоды подъема крупный капитал действительно стремится обрести «свободу» от давления на него национального государства. Однако в периоды кризисов финансовая аристократия, как правило, чрезвычайно нуждается в поддержке сильных государств. Отношения государства и капитала не изменились качественно. Факт «ослабления национальных государств в результате образования ТНК и наднациональных финансовых институтов глобализации» является результатом либеральной установки в умах ученых, которые хотят выдать желаемое за действительное. Государства становятся сильнее, и пока ни одно из них не сложило своих полномочий. Следует согласиться с И.Ф. Кефели, что «человечество пока ещё не придумало ничего лучшего для социальной

²³⁹ В отечественной литературе тезис о «размывании» государств и снижении роли национальных интересов в международной политике подвергался критике многих ученых. (См., например: Богатуров, 2001; Панарин, 2004).

структуры общества, обеспечения общественного порядка и процветания людей, чем государство»²⁴⁰. Примечателен также тот факт, что в распространении идеи «современной глобализации», появившейся под эгидой неолиберальных доктрин минимизации участия государства в экономической жизни, активно участвовали самые могущественные государства ядра – Великобритания и США. «Слабые» государства – это, как правило, государства периферийных стран. Поскольку государство продолжает оставаться ведущим субъектом международной системы, анализу динамики пространства социальных отношений обществ и больших групп, действующих на локальном уровне (мезоуровне), а также малых групп и отдельных индивидов (микроуровне) должен предшествовать анализ характеристик пространства социальных отношений разных государств как субъектов деятельности во внутренней и внешней политике.

Утверждение о том, что на современном этапе среди субъектов социальных отношений особое место принадлежит национальному государству, характерно как для миросистемного подхода, так и для геополитической науки. Следует отметить, что в марксизме часто государство трактуется как орудие насилия господствующего класса, а в веберовской традиции государство предстает как монополия легитимного насилия над территорией. Основное расхождение данных трактовок кроется в вопросе о том, обладает ли государство какой-либо степенью автономии от других слоев общества, всегда ли государство лишь инструмент в руках господствующего класса? Маркс в отличие от своих последователей предполагал существование некоторой степени автономии государства от общества. В своей работе «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» он указывал на то, что когда классы еще не выражают четко свои интересы, государство имеет возможность ими манипулировать, лавировать на противоречиях. Иными словами, уровень автономии государства от слоев

²⁴⁰ Кефели И.Ф. Философия геополитики. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2007. – С. 140.

общества может меняться и данное замечание К. Маркса чрезвычайно важно для понимания особенностей полупериферийных, территориально обширных государств, там, где буржуазный класс не обладает достаточной силой, чтобы превратить государство в орудие своего господства. С учетом данных замечаний сформулируем определение понятия «государства» как положение «твердого ядра» (в терминах И. Лакатоса). *Государство – относительно автономный от общества субъект пространства социальных отношений, обладающий монополией легитимного насилия над некоторой территорией.*

Для геополитической науки понятие «государство» является центральным, а в миросистемном подходе оно тесно связано с макроэкономическими понятиями «система международного разделения труда», «система международного обмена» и «доля прибыли от неравного обмена»²⁴¹. При этом оба направления достаточно четко указывают на существование определенных условий, создающих неравенства между государствами как субъектами мировой международной системы. Геополитические и миросистемные неравенства между государствами задают направленность стратегий государства во внешней и внутренней политике, определяют свойства и широту пространства социальных отношений находящихся под их юрисдикцией обществ. Сочетание разных характеристик геополитического и миросистемного неравенства позволяет создать типологию пространств социальных отношений, необходимую базу для последующего сравнения динамики современных обществ. Для решения данной задачи заимствуем из теории геополитической динамики базовые для военно-политической сферы пространственные характеристики преимуществ и неудобств, а именно: окраинность – центральность; большая территория влияния – малая территория влияния, а в миросистемном подходе – базовые политэкономические характеристики социальных отношений – «ядро –

²⁴¹ И. Валлерстайн пишет: «Фундаментальной задачей государства как института в мировой экономике является приумножение преимуществ одних по сравнению с другими на рынке, иными словами, – уменьшить поле „свободы“ на рынке». О роли государства в капитализме см. подробнее: Балибар Э., Валлерстайн И. Указ. соч. С. 142–143.

полупериферия – периферия», – которые также представляют набор преимуществ и неудобств и определяют пределы выживания и развития субъектов социальных отношений²⁴².

Результатом синтеза миросистемных и геополитических положений о преимуществах и неудобствах стало выделение двенадцати идеальных типов (аттракторов) пространств социальных отношений в миросистеме (табл.). Каждый тип задан набором геополитических и миросистемных преимуществ / неудобств, которые ограничивают возможности государств и определяют их стратегии во внутренней и внешней политики. Несомненно, здесь присутствует упрощение реальности, но это упрощение необходимо для выделения основных свойств и различий пространств социальных отношений, которые определяют характеристики и соотношение геополитических сил в миросистеме. Идея построения типологии для исследования миросистемной динамики находила место еще в работах Ф. Броделя. Однако, назвав базовые элементы «типологии вековых периодов», он предпочитает остаться «в рамках общих положений» и «упрощать без излишних угрызений совести». Представленная в данном исследовании типология менее грандиозна по своему содержанию и преследует гораздо более скромные цели, чем типология, предложенная, но нереализованная Ф. Броделем²⁴³. Его типология позволяла бы ответить на вопрос о том, что происходит с «социальными множествами» обществ разных уровней миросистемы на определенном этапе миросистемного цикла. На основе

²⁴² Идею о том, что внешние опасности и попытки обществ им противостоять с течением длительного времени создают специфические пространства и особые характеристики функционирующих в их рамках обществ, высказывал Ф. Бродель (2008, с. 305). Описывая процесс формирования пространства европейской цивилизации, для которой проблема свободы и свобод часто оказывалась центральной, он отмечал: «Разумеется, вопрос о свободах встал только тогда, когда Европа сформировалась как однородное, защищенное пространство. Свободы невозможны там, где нет защищенности. Обе проблемы составляют единое целое».

²⁴³ Бродель отказывается от построения типологии, так как она включала бы в себя тридцать шесть случаев динамики (три периода – подъем, кризис и спад – миросистемы в соотношении с тремя уровнями миросистемы И. Валлерстайна и четырьмя «социальными множествами» – экономикой, политикой, культурой, социальной иерархией). См. подробнее: Бродель Ф., 1992, с. 81.

нашей типологии можно ответить на вопрос о том, что происходит с властью и обществом при определенных миросистемных и геополитических условиях (табл.).

Таблица

Типы пространств социальных отношений в миросистеме

Геополитические параметры			Статус государства в миросистеме		
Территория влияния	Положение в системе	№	ядро А	полупериферия Б	периферия В
Большая	Окраинное	1	А 1	Б 1	В 1
	Центральное	2	А 2	Б 2	В 2
Малая	Окраинное	3	А 3	Б 3	В 3
	Центральное	4	А 4	Б 4	В 4

Типология не претендует на то, что с ее помощью можно описать все возможные пути развития конкретных обществ. Она лишь устанавливает тот факт, что не все возможности являются одинаково доступными для обществ, относящихся к разным типам²⁴⁴. Геополитико-миросистемные детерминанты делают некоторые события для одних обществ более вероятными, чем для других. Каждый тип пространства обеспечивает некоторые геополитические и миросистемные преимущества или создает ряд неудобств для развития включенных в эти пространства социальных субъектов.

Следует также отметить, что объединенные в таблице параметры можно понимать как крайние параметры переменных. Переменная

²⁴⁴ Стоит подчеркнуть, что данные типы можно понимать как аттракторы, как «зоны притяжения и устойчивости в условном параметрическом пространстве ... «лунки», между которыми простираются зоны бифуркации» (Розов, 2002, с. 189). При этом, в синергетическом подходе присутствует тенденция выделения в социальной среде центра и периферии. Так, например, В.В. Тузов отмечает: «Как бы мы того не хотели, но борьба за первенство есть суть неравновесного состояния социальной среды. На среде выделяется центр и периферия. В центре находятся наиболее развитые в экономическом и военном отношениях страны и регионы, которые и ведут основную борьбу за первенство» (Тузов, 2010, с. 197). Наличие в среде множества аттракторов «приводит к разным по характеру процессам. С одной стороны, имеют место конкуренция и отбор, с другой – кооперация подобных структур, поглощение одним аттрактором других более «слабых»» (Тузов, 2009, с.13).

«территория влияния» имеет два уровня: «большая» и «малая». Переменная «положение в системе» содержит тоже только два уровня: «окраинное» и «центральное». Для анализа межгосударственных явлений следует учитывать то, что территория влияния государств может быть больше или меньше, окраиннее или центральнее относительно друг друга. При исследовании статусных переходов общества понятия «ядро», «полупериферия» и «периферия» также могут быть представлены в качестве взаимосвязанных переменных, которые указывают на долю прибыли, получаемую обществом от неравного обмена, а также на уровень в системе разделения труда и статус, которые данное общество занимает в миросистеме.

Первый геополитический принцип теории Р. Коллинза предполагает сочетание двух переменных – размера территории и количества ресурсов – и сравнительный анализ их показателей у противоборствующих государств. Государство, имеющее территориальное и ресурсное преимущество, расширяется за счет менее обширных и ресурсно бедных государств. В представленной выше таблице эти параметры, как может показаться, разведены. Параметр «территория влияния» (малая / большая) представлен в геополитических параметрах, а ресурсы – в миросистемных. Это действительно так, но лишь отчасти. Миросистемная теория так же, как геополитическая, содержит принцип ресурсного преимущества. Предполагается, что богатое ресурсами государство ядра будет иметь преимущества в геополитическом доминировании перед странами периферии. Но ресурсы в таком понимании – это ресурсы не потенциальные, а уже *активизированные, собранные и распределенные в соответствии с иерархией уровней субъектов миросистемы*. Поэтому, когда речь будет идти о большой или малой территориях влияния, то подразумеваться будет не только общая площадь влияния, а *потенциал* этой территории.

Для того, чтобы устранить подобные проблемы, подчеркнем, что пространство социальных отношений в данной работе рассматривается, как это отражено в названии, в двух измерениях: геополитическом и

миросистемном (геоэкономическом). Геополитическое измерение включает все, что сопряжено с военно-политическим контролем над территориями и борьбой за этот контроль. Миросистемное или геоэкономическое измерение включает все, что касается производства капитала, пересечения капитала в том или ином виде политических границ.

Используя общую модель роста и упадка государства Р. Коллинза и Т. Скочпол, обозначим связи основных геополитических и миросистемных переменных при помощи тренд-структуры (см. Рисунок 2). Следует сразу отметить, что модель неполная. Здесь указаны лишь взаимосвязи геополитических переменных (точнее, переменных общей модели роста и упадка государства Р. Коллинза и Т. Скочпол) с основными миросистемными переменными. Показатели доли прибыли от неравного обмена и статус в миросистеме, как будет показано далее, зависят от ряда переменных, не связанных напрямую с геополитикой.

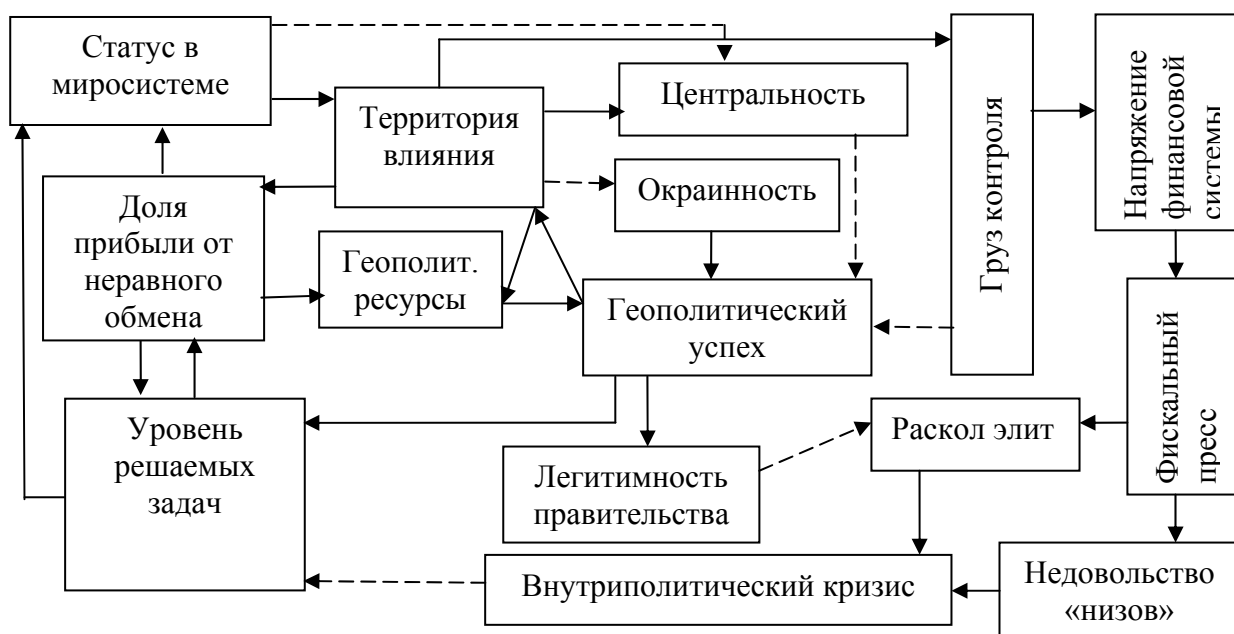

Рис. 2. Базовая модель роста и упадка геополитического могущества государства в миросистеме (—> положительная связь, - - -> отрицательная связь)

Правая часть модели объясняет то, что Арриги называет «нацеленностью на приобретение территории», геополитическую

переменную активности государства (Р. Коллинз, Т. Скочпол), а левая часть – экономическую переменную этой активности, «нацеленность на приобретение дополнительных средств платежа» (миросистемный подход).

Статус общества, зависящий от уровня задач, решаемых этим обществом в миросистеме, и уровня извлекаемой прибавочной стоимости посредством неравного обмена, положительно взаимосвязаны. Чем больше общество может извлечь прибавочной стоимости из сети неравного обмена в мир-экономике, тем больше государство может получить в свое распоряжение геополитических ресурсов и направить их на расширение территории влияния, а также на активизацию с этих территорий ресурсов, что, в свою очередь, содействует росту уровня доли прибыли от неравного обмена в миросистеме. Окраинное положение государства будет способствовать геополитическому успеху и расширению его территории, чего нельзя сказать в случае государства, находящегося в центральном положении, когда его границы блокированы границами государств – потенциальных противников. Чрезмерное расширение территории, ведущее к росту груза контроля, также не будет способствовать геополитическому успеху. Чем выше геополитический успех, тем выше статус в миросистеме.

Синтез позволил преодолеть ограниченность эвристических рамок каждой модели и заполнить существующие в них пробелы. Подчеркнем некоторые из них. Так, геополитическая теория использует понятие «ресурсы», но не ставит проблему их распределения. Миросистемный подход, напротив, решает проблему источников и распределения ресурсов, но, указывая на важность состояния ресурсной базы для роста и упадка могущества страны, не раскрывает самого механизма упадка, который тесно связан с геополитическими процессами. Теория Т. Скочпол объясняет разрастание внутривнутриполитического кризиса (и перетекания его в социальную революцию) в результате непомерных затрат на военные нужды, но она не объясняет причин, способствующих расширению военной экспансии, это решается при помощи синтеза данной теории с геополитической теорией Р.

Коллинза, которая, в свою очередь, дополняется моделью протекания внутрисполитического кризиса. Следует также отметить, что последующие уточнения модели в соответствии с некоторым типом пространства социальных отношений сделает модель более эффективной для решения более узких и специфических проблем. Например, теория Т. Скочпол не объясняет, почему в одних случаях внутрисполитический кризис (вплоть до социальной революции) влечет потери внутренних периферийных территорий, а в других случаях – нет. На основе теории Р. Коллинза это сделать также довольно затруднительно. Проблема решается через синтез этих теорий с миросистемной теорией развития полупериферии Дж. Арриги. Помимо этого, было преодолено условие константной и однородной окружающей среды объяснительной геополитической модели Р. Коллинза.

Теперь подчеркнем основные выводы данного раздела. Пространство социальных отношений состоит из многообразных связей, возникающих в процессе экономической, социальной, политической и культурной жизни человеческих обществ. Национальные государства как субъекты социальных отношений выступают «медиаторами» между явлениями и процессами наднациональных макросистем и обществами, находящимися под их юрисдикциями. Пространства социальных отношений разных государств и находящихся под их юрисдикцией обществ различаются по геополитическим и миросистемным характеристикам – преимуществам/неудобствам развития. Основные различия геополитических преимуществ/неудобства пространства социальных отношений задают такие характеристики, как размер территории влияния, а именно большая территория и малая территория влияния, а также характер границ – окраинная территория, центральная/блокированная территория. Миросистемные различия преимуществ/неудобств определяются местом государства и общества в системе производства и распределения капитала и выражены в моделях ядра, полупериферии, периферии. Сформулируем соответствующие данным выводам положения «твердого ядра» (в терминологии И. Лакатоса):

пространства социальных отношений разных по миросистемным и геополитическим параметрам государств и подконтрольных им обществ взаимосвязаны, но модели их развития различны; государство – относительно автономный от общества субъект пространства социальных отношений, обладающий монополией легитимного насилия над некоторой территорией.

В следующих разделах уточним содержание основных геополитических и миросистемных понятий, используемых как основания типологии пространств социальных отношений. Уточним имеющиеся в литературе модели развития обществ разных уровней миросистемы и объединим их с геополитической моделью роста и распада государства Р. Коллинза, Т. Скочпол.

2.2. Геополитические характеристики пространств социальных отношений

Размер территории влияния. Еще во времена Платона и Аристотеля территория, ее размер, положение и границы, а также ее отношение к другим частям земной поверхности, была значимым элементом оценки жизнеспособности и защищенности государства. Данная проблема находит свое отражение в XVIII в. в работах Монтескье, в концепциях географического детерминизма. Основоположники геополитической науки (Ф. Ратцель, Р. Челлен, А. Мэхэн, К. Хаусхофер и др.) обосновывали зависимость могущества государства от величины подконтрольной ему территории. Территория как источник ресурсов представлена в работах современных ученых, изучающих проблемы возникновения и развития государства. Среди последних следует выделить работы антрополога Р. Карнейро, макросоциологов К. Чейз-Данна, Т.Д. Холла, А. Стинчкомба. Событием в геополитической науке стали работы Рэндалла Коллинза. В его концепции территория предстает двуликим Янусом, она – не только

источник силы государства, но может стать и источником его распада. Подконтрольная государству территория – это база для извлечения ресурсов. Под ресурсами Р. Коллинз понимает не только полезные ископаемые, но также производственный комплекс, население – все то, что может быть привлечено государством для ведения войны. Захватнические войны служат расширению территории и укреплению государства. Государства, имеющие преимущества в размере и ресурсах, как правило, выигрывают войны, ведя их с меньшими и бедными обществами. Но это происходит лишь до тех пор, пока количество ресурсов, извлекаемых с территории, системы коммуникаций и этнические характеристики населения позволяют осуществлять контроль над пространством. С появлением признаков чрезмерного расширения пространство становится источником слабости и дезинтеграции государства²⁴⁵.

Р. Коллинз делает акцент на процессы супермакро- и макроуровня. Его интересуют расширение территории государства и процессы, подготавливающие распад, но рассмотрение процессов, происходящих внутри общества на мезо- и микроуровнях, например, вызревание социально-политических условий конфликта, образование противоборствующих групп и то, как происходит распад, по замечанию самого Р. Коллинза, требуют дополнительных теоретических оснований, которые он предлагает искать в исследованиях социальных революций Т. Скочпол и Ж. Голдстоуна²⁴⁶. Дополнительные теоретические основания потребуются нам также, если мы попытаемся установить зависимости между размером подконтрольной

²⁴⁵ Р. Коллинз отмечает относительно построенной им теоретической модели и ее проверки: «Общая модель... была основана на обобщении предшествующей литературы по геополитической теории, а также на исследовании, использующим исторические атласы Ближнего Востока и Европы, охватывающие период 3 000 лет, плюс независимой серии, охватывающей Китай. Эта база шире, чем та, которая используется в большей части литературы по международным отношениям и геополитике, где привлекаются данные, относящиеся в первую очередь к Европе после 1500 г. и во вторую очередь к классическому периоду греко-римской Античности» (Коллинз, 2000, с. 237).

²⁴⁶ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 247–249.

государству территории и тенденциями развития общества. Акцент на эту проблематику обнаруживают работы экономистов А. Алесины и Э. Спалаоре. Их выводы не противоречат, а во многом дополняют идеи Р. Коллинза, поэтому, устанавливая свойства «большой» и «малой» территорий влияния, будем использовать результаты их исследований²⁴⁷.

Территория влияния государства – это совокупность территорий, находящихся под военно-политическим протекторатом данного государства. Основным признаком того, что территория находится под влиянием некоторого государства, является нахождение на ней его военных баз и объектов. Территорию влияния государства в рамках политических границ данного государства будем называть «базовой территорией влияния». Территория влияния может превышать базовую территорию.

Вначале обозначим свойства большой территории влияния, которые оказывают благотворное воздействие на состояние общества и государства.

Во-первых, большая территория, как правило, предполагает если не наличие, то потенциальную возможность жизнедеятельности большего количества населения, чем малая территория. Территория с большим населением обладает внушительным трудовым ресурсом и военным, в плане возможности призыва, потенциалом. Большому количеству населения базовой территории влияния легче оплачивать систему общественных благ, например, внешнюю и внутреннюю безопасность, судебную систему, инфраструктурные средства связи, посольства, здравоохранение, образование и т.д.

Во-вторых, большой размер базовой территории, территории страны, предполагает наличие или возможность образования в перспективе большого внутреннего рынка. Если предположить ситуацию автаркии, отмечают А. Алесина и Э. Спалаоре, то тогда размер рынка будет совпадать с размером

²⁴⁷ Следует отметить, что проблемам отношений между размером территории, экономики и расходами на военные нужды посвящены многие статьи современных экономистов, см., например: Handbook of defense economics / Ed. by T. Sandler, K. Hartley. – North Holland, 1995. – Vol. 1. – 600 p.; 2007. – Vol. 2. – 626 p.

страны, а большие страны будут иметь очевидное преимущество. Роль размера внутреннего рынка снижается по мере интеграции страны в мировую экономическую систему. Вместе с тем снижается и роль обширной территории в экономике страны²⁴⁸. Большая территория и большой размер внутреннего рынка могут оказаться важнейшими звеньями выживания страны в случае, когда отношения между государствами и взаимосвязи их национальных экономик частично или полностью нарушены, например, в ситуации войны, экономической блокады или глобального экономического кризиса.

В-третьих, территориальное могущество государства положительно влияет на позиции его граждан в международных отношениях. Пространство социальных отношений граждан обширных стран будет шире и безопаснее, чем граждан, чьи государства меньше и слабее. А. Алесина и Э. Сполоре приводят пример, показывающий, что гражданин США будет более защищен в международных контактах, чем гражданин Панамы²⁴⁹.

В-четвертых, в процессе освоения государство с большой территорией влияния может получить набор природных ресурсов, необходимый для самостоятельного производства вооружения. Малая территория, напротив, чаще всего предполагает недостаточный набор (или его полное отсутствие) необходимых для самостоятельного производства вооружения природных ресурсов. А. Алесина и Э. Сполоре, как и Р. Коллинз, утверждают, что маленькие страны вынуждены вступать в военные союзы²⁵⁰. Однако это характерно для ситуации международной напряженности, когда обширные страны, обладающие военным потенциалом, имеют преимущества перед меньшими и менее могущественными странами, но снижение необходимости

²⁴⁸ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2003. – P. 82.

²⁴⁹ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2003. – P. 97.

²⁵⁰ Ibid. P. 3.

использовать военную силу в масштабах мира делает малые страны более независимыми²⁵¹.

В-пятых, страны с большими «базовыми территориями» имеют сложную, иерархичную систему районирования. Такая система позволяет осуществлять так называемое «региональное страхование» (например, распределение нагрузки при ликвидации результатов стихийных бедствий и войн в одном из регионов страны между непострадавшими регионами) и перераспределение дохода между богатыми и бедными регионами. Поэтому, как отмечают А. Алесина и Э. Сполаоре, бедные регионы стремятся сформировать союзы с богатыми областями, в то время как последние могут предпочесть независимость²⁵².

Идея о том, что недостаток ресурсов при наличии внешней опасности ведет территориально-обширное политическое образование к распаду, есть в работах Ф. Броделя. Описывая средневековую Европу, он отмечал: «Будучи лишена рынков сбыта своей продукции, представляя собой „осажденную или, лучше сказать, захваченную крепость“, с разрушенной экономикой, несчастная Европа не могла „выдержать веса“ крупных государств. Едва появившись, они тут же разрушались или клонились к упадку. Империя Карла Великого создавалась быстрыми темпами, но ненадолго пережила своего основателя. Священная Римская империя также быстро обветшала. Западная Европа разделилась на множество мелких и мельчайших княжеств». Однако следует отметить, что у Ф. Броделя эта идея не представлена как общее теоретическое положение и относится к определенному историческому случаю²⁵³. *Отрицательный эффект большой территории* в виде теоретического обобщения представлен Р. Коллинзом в положении о «чрезмерном расширении территории». Чрезмерное расширение территории вызывает эффект чрезмерного груза контроля. В

²⁵¹ Ibid. P. 96.

²⁵² Ibid. P. 4.

²⁵³ См.: Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.*: в 3 т. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3. – С. 309.

силу естественного отставания от темпов территориального расширения процессов активизации в экономику страны средств с новых территорий образуется дефицит ресурсов для поддержания декларируемого порядка. Чрезмерное расширение имеет два аспекта. Во-первых, имеются в виду издержки обеспечения, или издержки логистики, когда расходы на транспортировку поглощают все возрастающую долю военных ресурсов. Во-вторых, растет идеологическое или культурное сопротивление, которое проявляется в этнической враждебности²⁵⁴. Непомерные затраты на военные нужды ведут к мощному фискальному прессу, вызывая раскол между правящей и имущей элитой, что позволяет недовольству масс прорваться и смести политический режим в стране.

А. Алесина и Э. Сполоре также отмечают отрицательный эффект большой территории на целостность страны. Обширные страны предполагают существование разнородностей в идеологии и культуре населения. Практически так же, как Р. Коллинз, они утверждают, что уровень разнородности возрастает вместе с расширением страны. Правительство может попробовать уменьшить разнородность, более или менее искусственно создавая идею «Единения». В концепции Р. Коллинза такая возможность открывается перед правительством, когда оно достигает ореола доверия у населения, уверенного в высоком уровне международного престижа своей страны (будь это, например, победа в войне, а в мирный период – победа в международном футбольном чемпионате). Возращивая патриотизм, правительство может преуспеть в сокращении затрат по предотвращению процессов дезинтеграции²⁵⁵. Но в отличие от Р. Коллинза эти исследователи обращают внимание на зависимость территориальной обширности страны и неравномерности распределения общественных благ. Чем обширнее страна, тем больше неравномерность в распределения общественных благ между гражданами, тем выше уровень идеологической и культурной разнородности.

²⁵⁴ См.: Коллинз Р. Указ. соч. 2000. – С. 255.

²⁵⁵ Alesina A., Spolaore E. Op. cit. P. 70.

Преимущества в доступе часто обеспечивают такие факторы, как близость к столице, центральным аэропортам, узлам скоростных магистралей и т.д. При этом, чем выше уровень централизации власти, тем отчетливей данная зависимость²⁵⁶.

Следует отметить, что культурная разнородность в обширных странах полупериферии и периферии будет сильнее проявляться в дезинтеграционных процессах, чем в странах ядра. Во-первых, для ядра характерен высокий уровень гомогенизации идеологии. Относительно высокого уровня гомогенизации идеологии и культуры стран ядра И. Валлерстайн отмечает: «В мир-экономике политическая структура имеет тенденцию связывать культуру не с родом занятий (occupation), как это происходит в мир-империях, а с особенностями местожительства. Причина состоит в том, что первой точкой политического давления, доступной группам, является местный государственный строй. Культурная гомогенизация имеет тенденцию отвечать интересам ключевых групп, и давления наращиваются, чтобы создать культурно-национальную идентичность. Это особенно имеет место в областях, имеющих в мир-экономике преимущества и которые мы называем государствами ядра. В таких областях создание сильных государственных машин вместе с национальной культурой ... служит и как механизм защиты различий, которые возникают в пределах мировой системы, и как идеологическая маска для их оправдания»²⁵⁷. Во-вторых, наличие богатых ресурсов позволяет относительно легко покрывать затраты логистики. Достаточное для относительного «выравнивания» бедных и богатых регионов количество ресурсов будет способствовать снижению социальной напряженности.

Как и Р. Коллинз, А. Алесина и Э. Споллаоре отмечают склонность государств с большой подконтрольной территорией к международному

²⁵⁶ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – London; Cambridge: The MIT Press, 2003. – P. 19.

²⁵⁷ Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N. Y.: Academic Press, 2007. – P. 349.

конфликту. Следует отметить, акцент на роль внешнего конфликта для единения общества Р. Коллинз заимствует в трудах социологов Г. Зиммеля, Л. Козера и М. Вебера. А. Алесина и Э. Сполоаре, помимо ссылки на М. Вебера, указывают и современных экономистов (W. Riker, K. Hartley, T. Sandler), исследующих данную проблему на эмпирическом материале. Преимущество большой страны в ресурсах, обширный внутренний рынок и потребность сплотить разнородное население в единую нацию составляют основание этой склонности. Следовательно, можно предположить, что государства, чье пространство социальных отношений имеет характеристику «А 2», «А 1», «Б 2», «Б 1», особенно склонны по сравнению с другими типами к частым международным конфликтам.

А. Алесина и Э. Сполоаре поднимают также особо актуальный для современности вопрос об оптимальном размере контролируемой территории²⁵⁸. Оптимальный размер, по их мнению, этот тот размер, который способствует максимальному благосостоянию среднего слоя населения, основного налогоплательщика, однако такой критерий довольно просто применить к странам ядра. В странах же периферии средний класс может быть немногочисленным или отсутствовать вовсе. Государство может иметь иные источники существования, например, монополия на ресурсы, востребованные на мировом рынке, или зарубежные займы. Поэтому под критерием оптимального размера подконтрольной территории следует понимать критерий, данный Р. Коллинзом, – размер контролируемой территории не должен загонять государство в состояние чрезмерного груза контроля. Иными словами, если в угоду территориальной экспансии политическая элита государства перестает преумножать и/или начинает разорять источники поступления ресурсов, то такая экспансия разорительна для общества. Критерий А. Алесины и Э. Сполоаре не противоречит теории геополитической динамики Р. Коллинза, они делают лишь больший акцент

²⁵⁸ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. – P. 11.

на стабильное развитие и благополучие основного источника ресурса для устойчивости государства и излишне конкретизируют этот источник.

Таким образом, большая территория влияния – это характеристика, свойственная ряду пространств социальных отношений, которая обозначает то, что контролируемая государством часть поверхности земного пространства имеет: большой потенциал для увеличения численности населения; широкий набор стратегических сырьевых ресурсов; возможность формирования обширного внутреннего рынка; возможность создания сложной системы районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами, а также осуществлять процессы «регионального страхования». Соединим полученные факторы в виде тренд-структуры (см. Рисунок 3).

Государство с малой территорией влияния («А 3», «А 4», «Б 3», «Б 4», «В 3», «В 4»), напротив, стремится интегрироваться с обладающим большей территорией влияния, более сильным и богатым субъектом международной политики. Оно испытывает недостаток в собственных стратегических сырьевых ресурсах. Заключая военно-политический союз с могущественным государством, такая страна, как правило, допускается к участию в рынках, которые ранее ей были недоступны, снижает свои расходы на оборону и повышает свой статус в мировой системе. Внешний рынок для такого субъекта международной политики жизненно необходим²⁵⁹. Внешние конфликты уменьшают торговлю²⁶⁰, поэтому в мире

²⁵⁹ Довольно интересными в этом плане являются крупнейший город Ганзейского союза – Любек, итальянские города – Венеция, Генуя, Флоренция. В отношении их Ф. Бродель отмечал: «Нет сомнения в том, что экономика городов преуспевала только потому, что она выходила за узко местные рамки» (2008, с. 316). Торговые города Италии и Любек являлись субъектами мировой политики, чье пространство социальных отношений следует отнести к «А 3» (малые, окраинные субъекты ядра). Лидирующие позиции в миросистеме они, а позже Нидерланды занимали до тех пор, пока в Европе в XV в. не сформировались государства-монархии нового типа (прежде всего, в Испании, Франции, Англии), которые позже (XVII–XVIII вв.) смогли совместить «территориалистскую» и «капиталистическую» логику развития.

²⁶⁰ Это относится к тем случаям, когда государства сами принимают активное участие в военных действиях. Война может благотворно сказаться на экономике, если

маленьких стран больше торговли и меньше конфликтов. Маленькая страна, отмечают А. Алесина и Э. Сполаоре, не может существовать в мире торговых барьеров, но она может стать богатой в мире свободного рынка и глобальной торговли²⁶¹. Инициация внешнего конфликта страной с малой территорией свидетельствует о ее слабой интеграции в мировые торговые сети и/или наличии влияния военно-политической доктрины ее «большого брата».

Рис. 3. Обширная территория как фактор развития общества
(Р. Коллинз, А. Алесина, Э. Сполаоре)

В случае экономического разорения, геофизической или экологической катастрофы в одной из областей страны выход из кризиса за счет собственных ресурсов будет проблематичным. Распространение влияния за рамки собственных границ свойственен государствам, имеющим территориальное и ресурсное преимущества. Влияние стран периферии и

государство не принимает в ней активного участия, но берет на себя функции снабженца воюющих государств. Подъем могущества крупнейших городов Нидерландов в XVI в. начинается именно в такой ситуации.

²⁶¹ Alesina A., Spolaore E. The size of nations. P. 82.

небольших государств полупериферии, как правило, в лучшем случае ограничивается их «базовой территорией». Государства с характеристиками пространства социальных отношений «А 1», «А 2» и «А 3» (в процессе территориального роста) способны инициировать и поддерживать длительное влияние над различными по удаленности и по обширности территорий государствами мировой системы. Государства «А 4» практически никогда самостоятельно не осуществляют контроль над территорией вне собственных границ, но делают это в союзе с более могущественными государствами, а также со странами полупериферии (в период войны, раскалывающей страны ядра). Государства с характеристиками пространства социальных отношений «Б 1» и «Б 2», имея территориальное преимущество по отношению к государствам «Б 3», «Б 4», ресурсное по отношению к «В 1», «В 2», территориально-ресурсное к «В 3», «В 4», могут оказывать на них влияние как мирным путем, так и путем завоевания (см. Рисунок 4).

Характер границ. Важными характеристиками пространства в теории геополитической динамики выступают *характер границ государства и общее положение государства в регионе по отношению к другим странам.*

Главное геополитическое преимущество выражено Р. Коллинзом в понятии «окраинное положение» (marchlend). Окраинное положение – это стратегическая позиция государства (табл., группа № 1 и № 3), когда его границы защищены от границ потенциальных противников некоторым географическим фактором (например, обширное водное пространство, горные цепи) или оно располагается на границе «вакуума мощи». Такие государства требуют меньше затрат на оборону. Аккумулируя ресурсы, государство обретает тенденцию добиваться геополитического успеха и расширять свою территорию за счет центральных, территориально меньших и менее богатых стран.

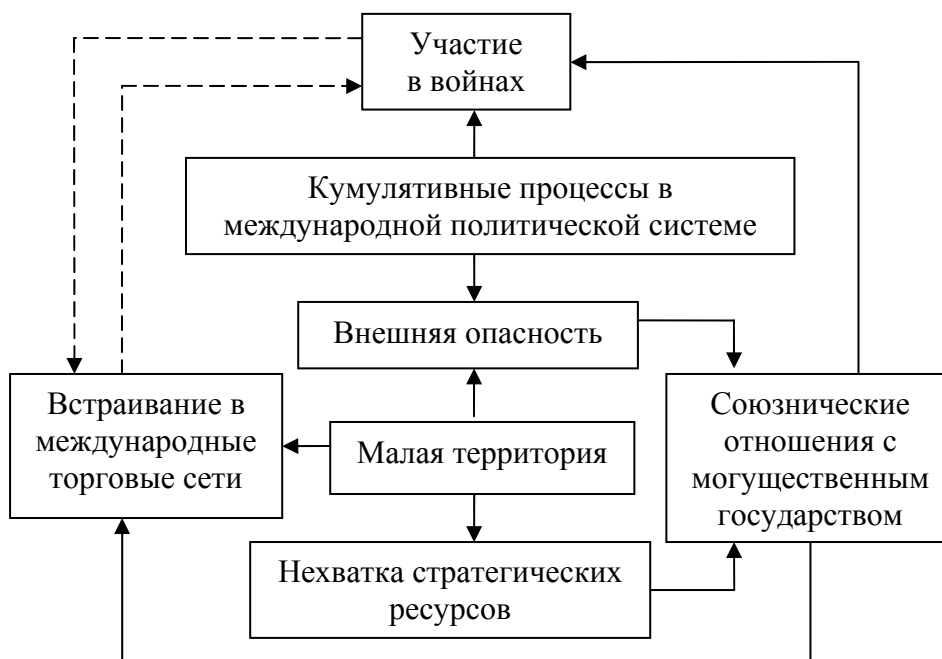

Рис. 4. Малая территория как фактор развития общества
(Р. Коллинз, А. Алесина, Э. Сполаоре)

Центральное положение – стратегически невыгодная позиция государства, когда его границы блокированы границами государств, являющихся потенциальными противниками (табл., группа № 2 и № 4). Центральные государства имеют тенденцию заключать добровольные или принудительные союзы с более могущественными государствами и/или дробиться с течением времени (в ситуации чрезмерного груза контроля).

Негативный эффект центрального положения и положительный эффект окраинного положения государства для развития отмечается не только в теории геополитической динамики²⁶². В экономической науке также предпринимаются попытки исследования издержек существования блокированных, не имеющих выхода к морю (landlocked), стран и преимуществ стран, которые имеют морские порты²⁶³. Полностью

²⁶² В отечественной геополитической науке большую протяженность сухопутных границ как недостаток геополитического характера отмечал И.Ф. Кефели при сравнении положения США и СССР (Кефели, 2007, с. 144).

²⁶³ См., например: Sachs J. Interlocking economics: unlocking the mysteries of globalization // Foreign policy. – Is. 110. – Spring 1998. – P. 97; Sachs J. Resolving the debt

блокированными государствами считаются: Афганистан, Бутан, Лаос, Монголия, Непал, Таджикистан, Киргизия – в Азии; Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Центрально-Африканская Республика, Чад, Эфиопия, Лесото, Малави, Мали, Нигер, Руанда, Свазиленд, Уганда, Замбия, Зимбабве – в Африке; Боливия, Парагвай – в Латинской Америке; Андорра, Армения, Австрия, Белоруссия, Чехия, Ватикан, Венгрия, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Молдова, Сан-Марино, Словакия, Швейцария – в Европе. Блокированным государствам подобны «государства с ограниченным доступом». Эти государства имеют маленькое побережье с чрезвычайно узким морским «коридором», который не имеет значения для использования его в международной торговле²⁶⁴. Таковыми являются Азербайджан, Босния-Герцеговина, Демократическая Республика Конго, Ирак, Иордания, Казахстан, Туркмения, Узбекистан.

Из сорока шести перечисленных государств на современном этапе только четыре государства Европы можно уверенно отнести к уровню ядра миросистемы – Швейцарию, Лихтенштейн, Люксембург и Австрию²⁶⁵.

Горные страны в соответствии с теорией Р. Коллинза относятся к окраинным, и указанные страны, в частности Швейцария, как может показаться, не могут быть отнесены к центральным государствам. Здесь следует сделать пояснение. Окраинность, в понимании Р. Коллинза, это чисто стратегическое преимущество, которое проявляется в период войны. При этом даже в рамках теории Р. Коллинза данное преимущество

crisis of low-income countries // *Brookings papers on economic activity*. – 2002. – P. 257; Sachs J., Warner A. Economic reform and the process of economic integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 1995. – Is. 1. – P. 1–117; Sachs J, Mellinger A.D., Gallup J.L. The geography of poverty and wealth // *Scientific American*. – 2001. – Vol. 284. – P. 70–74; Uprety K. The transit regime for landlocked states: international law and development perspectives. The World Bank. – Washington, D.C. 2006. – 205 p.

²⁶⁴ См.: Uprety K. The transit regime for landlocked states... P. 3–5.

²⁶⁵ Если в качестве критерия ядра брать только способность общества присваивать прибавочный продукт, произведенный другими обществами миросистемы, то государство-город Ватикан можно отнести к государствам ядра. Ватикан является крупнейшим мировым идеолого-культурным центром, обильность главного источника его доходов, пожертвований обусловлена успехом в сфере эксплуатации идей религиозного мировоззрения католиков всего мира, периферии, полупериферии и ядра.

реализуется в том случае, если противник примерно равен по силам. Если же речь идет о государстве-противнике, которое имеет окраинное положение, то преимущества определяются другими факторами, а именно: величиной контролируемой территории, ресурсным богатством, степенью согласованности целей экономической и политической элит. В этом плане стоит упомянуть, что ни горные области решили судьбу Австро-Венгрии. Горные области Швейцарии, которая еще далека была от статуса государства ядра, не помешали Наполеону успешно ее оккупировать. Даже Швейцарию, достигшую уровня ядра, как показала история XX в., защищали не горы, а ее роль в экономико-финансовой системе Европы и мира, ее крупнейшие банки. В какой-то мере отказ фашистской Германии от оккупации Швейцарии является аномалией для теории Р. Коллинза. Эта аномалия легко преодолевается посредством синтеза с теориями миросистемного подхода. Политическая элита стран ядра признает сегментацию политического пространства, если в этом сегменте пространства заинтересованы влиятельные экономические элиты. Поскольку окраинность отмеченных государств, как имеющих горные массивы, невелируется в военное время, а в мирное время они существуют как заблокированные государства, то правильно будет отнести их к центральным.

В табл. пространства социальных отношений этих стран относятся к группе «А 4». Успех этих центральных стран с малой территорией обеспечивается существующей у них системой экономических, военно-политических и социальных связей с передовыми государствами и экономической элитой стран Европы и мира. Подобные государства ядра «А 4» не могут соперничать и зависят в военно-политической и экономической сферах от могущественных государств ядра типа «А 1», «А 2». Центральная геополитическая позиция государств с малой территорией влияния *позволяет достигать им статуса ядра в миросистеме*, если, во-первых, эти государства находятся в непосредственной близости к экономическим центрам стран ядра; во-вторых, держатели крупного капитала

покровительствующего общества заинтересованы в имеющейся сегментации политического пространства и способны эту сегментацию обеспечивать при взаимодействии с политическими элитами стран ядра²⁶⁶.

Однако, если для Р. Коллинза в первую очередь важны военно-стратегические последствия центральности и окраинности, то экономисты делают акцент на возможность ведения обширной торговли странами, имеющими морскую береговую линию в качестве границы, и затрудненности в этом отношении блокированных стран. Как отмечает Дж. Сачс, если экономика страны развивается на географически изолированной территории, как, например, не имеющие выхода к морю области в высокогорных Андах, Гималаях или государства Центральной Африки – Боливия, Непал, Руанда, то возможности для обширной торговли чрезвычайно ограничены²⁶⁷. Международная торговля и состояние внутренней экономики блокированных в центре государств зависит от государств, осуществляющих транзит товаров к портам. Поэтому, как правило, прибрежные области более успешны в развитии, чем центральные, а последние более уязвимы не только в стратегическом, но и экономическом планах. Стремление упрочить свои позиции движет блокированными государствами, когда они заключают союзы или договора с более развитыми и стратегически удачливыми государствами. Как отмечает Кишор Апрети, блокированные государства

²⁶⁶ Тот факт, что Швейцария, Лихтенштейн и Люксембург (а также Бельгия и Андорра) были включены Организацией экономического сотрудничества и развития в «черный список» стран «оффшорной зоны» (см. Татаркова, 2009), подчеркивает их роль в миросистеме и пресечение попыток буржуазии, заинтересованной в политической сегментации мир-экономики, «уходить от налогов». Границы княжеств Лихтенштейн и Люксембург, даже по меркам Европы чрезвычайно малых в плане территории государств, блокированы границами других государств ядра: Швейцарии и Австрии – в первом случае и Бельгией, Германией, а также Францией – во втором. Связи с соседями влияют на экономические и социально-политические основы княжеств Лихтенштейн и Люксембург. Например, после Первой мировой войны Швейцария представляет дипломатические и консульские интересы княжества в большинстве стран мира, а в результате заключения в 1924 г. таможенного союза между этими странами валютой Лихтенштейна становится швейцарский франк.

²⁶⁷ Sachs J. Interlocking economics: unlocking the mysteries of globalization // Foreign policy. – Is. 110. – Spring 1998. – P. 97.

имеют тенденцию принимать идеологию больших соседей, от которых они ощущают экономическую зависимость²⁶⁸.

Следует отметить, что на важную роль морских портов в экономике страны указывал еще в конце XIX в. А. Мэхэн. Но в отличие от него современные экономисты сосредотачивают свое внимание не на могущественных державах, а на странах, которым угрожает нищета. Такая опасность особенно актуальна для стран, которые имеют небольшой внутренний рынок и чьи границы блокированы. Блокированность, потребность транзита увеличивают стоимость импорта и экспорта, временные затраты, риск потерь (повреждений и воровства). Блокированность требует затраты на средства транспортировки товаров (железные дороги, вагоны, грузовики и т.д.), а также для поддержания их эксплуатации и развития. Наличие портов – одно из необходимых условий для поступательного развития небольшой и небогатой страны. Дж. Сачс отмечает, если бедная страна имеет порты, позволяющие ей быть ближе к мировым рынкам, благоприятные географические и экологические факторы (плодородные почвы, обильный полив, отсутствие тяжелых тропических болезней), большой внутренний рынок, побуждающий владельцев внутреннего и иностранного капитала осуществлять инвестиции, правительство, способствующее инвестициям в частный сектор и развитию социальной сферы, а также отсутствие большого иностранного долга, то риск попасть в западню бедности будет не так велик²⁶⁹. Выводы зарубежных экономистов подтверждаются исследованиями отечественных ученых. Л.А. Безруков выделяет четыре зоны транспортно-географической удаленности (в

²⁶⁸ См. об этом подробнее: Uprety K. The transit regime for landlocked states: international law and development perspectives. The World Bank. – Washington, D.C. 2006. – P. 7.

²⁶⁹ Современные экономисты сосредотачивают свое внимание на обществах последней половины XX в., но их выводы не противоречат историческим данным. Для иллюстрации приведем пример из истории стран Латинской Америки XIX в. Развитие капитализма наиболее быстро происходило в прибрежных провинциях Аргентины, Южной Бразилии, Уругвая, которые были более интегрированы в сети неравного обмена с ядром, чем внутренние области этих стран и стран, расположенных внутри континента.

соответствии с расстоянием от океанов, морей, морских портов): приморские (0–200 км.); континентальные (200–1000 км.); ультраконтинентальные (свыше 1000 км.); ядра ультраконтинентальных зон (свыше 2000 км.). Страны с высоким уровнем континентальности оказываются в проигрыше и как экспортеры, и как импортеры. Л.А. Безруков доказывает, что «при доставке продукции на мировой рынок из континентальных стран подавляющая доля совокупных транспортных издержек приходится на их же продавцов (производителей). Именно они оплачивают самую дорогостоящую часть пути, т.е. расходы по сухопутной перевозке грузов в пределах своей территории до морских портов и границ. При прочих равных условиях это неминуемо ведет к снижению доходов внутриконтинентальных производителей от экспорта в сравнении с доходами от него приморских товаропроизводителей... Потребители импортных товаров оплачивают наиболее дорогостоящую часть пути, т.е. расходы на сухопутную перевозку от морских портов во внутриматериковые районы страны, что существенно повышает конечные цены импортных товаров»²⁷⁰. Будем учитывать данный экономический аспект при анализе характера границ государства и его общего положения в регионе по отношению к другим государствам.

Выводы современных экономистов не противоречат теории геополитической динамики, но уточняют ее. Однако, если сравнить понятие центральности Р. Коллинза и понятие блокированности в работах по международной экономике, то оказывается, что понятие Р. Коллинза шире. На современном этапе блокированные (не имеющие выхода к морю) государства – это государства с маленькой территорией. Как отмечает Кишор Апрети, их нельзя отнести к большим государствам. Монголия, наибольшая из блокированных государств, занимает 1 567 000 км². Помимо таких, *полностью блокированных* границами потенциальных противников

²⁷⁰ Л.А. Безруков приводит пример экспорта в 2004 г. каменного энергетического угля в Нидерланды (Роттердам) из континентальной России (Кузбасс) и океанических стран ЮАР, Австралии, Колумбии (см.: Безруков, 2006, с.16 – 17).

государств, понятие центральности Р. Коллинза включает государства, чьи границы на большом протяжении соприкасаются с границами потенциальных противников, т.е. речь идет о государствах с большой территорией, которые могут иметь несколько портов, имеющих выход в мировой океан (табл, группа № 2). Понятия «полная блокированность» и «соприкосновение на большом протяжении границ» можно понимать как уровни стратегического неудобства центральных государств. Теперь проиллюстрируем основные связи исследуемых в данном разделе понятий, используя тренд-структуру (см. Рисунок 5).

Рис. 5. Центральность и окраинность как факторы развития страны

Преимущества окраинности не одинаково проявляются на разных уровнях миросистемы. Государства ядра эффективнее будут пользоваться этим преимуществом (например, уровень защиты территории с моря и возможность ведения морской торговли и активных действий военно-морского флота у государств ядра будет выше). При этом окраинные государства с большей территорией в силу большей обеспеченности внутренними ресурсами в этом плане будут успешнее входящих в эту же миросистемную группу окраинных государств, но с малой территорией влияния.

Таким образом, исследование геополитических факторов показывает, что существующее неравенство стран в стратегическом и геоэкономическом измерениях их пространств социальных отношений оказывает значительное влияние на развитие этих стран. Однако геополитический инструментарий, предложенный в данном разделе, позволяет получить лишь самые общие и довольно грубые рамки для анализа динамики современных обществ. Размер подконтрольной территории и геостратегические характеристики указывают лишь на ряд преимуществ и неудобств пространства социальных отношений, которые или способствуют развитию общества, или сдерживают его рост. Полученных четырех групп пространств социальных отношений явно недостаточно для анализа динамики современных обществ. В рамках каждой группы оказываются государства и общества, чье богатство и военно-политическое могущество различны.

Для того, чтобы объяснить причины формирования этих различий, а также обозначить порождаемые ими последствия для развития обществ, следует обратиться к анализу миросистемных преимуществ и неудобств, которые являются важнейшими характеристиками пространства социальных отношений всякого субъекта международной системы. Именно этой задаче посвящен следующий раздел.

2.3. Объяснительные модели развития основных структурных элементов миросистемы

Ядро (группа «А»), полупериферия (группа «Б») и периферия (группа «В») – основные структурные элементы миросистемы. Миросистемный подход в отличие от теории модернизации, содержащей также три уровня развития стран (развитые, развивающиеся, неразвитые), не подразумевает наличия плавного перехода страны с одного уровня на другой. Каждый элемент включает достаточно устойчивую группу государств и находящихся под их юрисдикцией обществ. Считается, что переходы в иную группу крайне редки и приравниваются к аномалиям. Поэтому структура «ядро – периферия» отражает лишь иерархическое устройство миросистемы, самовоспроизводимое неравенство ее элементов, а не уровни одной общей переменной, как это обнаруживается в теории модернизации. Модели развития стран ядра, полупериферии и периферии, а следовательно, и переменные, отвечающие за динамику стран внутри каждой группы, взаимосвязаны, но *различны*. Далее попытаемся реконструировать модели развития ядра, полупериферии и периферии.

2.3.1. Периферия – группа стран «В»

Миросистемный подход, в отличие от классического марксизма, особо пристальное внимание уделяет периферии. Внутри данной парадигмы можно выделить два направления, имеющих разные объяснительные модели формирования механизма зависимости периферии от ядра и как результат – по-разному трактующих последствия этой зависимости: теорию развития экономической отсталости (И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин) и теорию зависимого развития (Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос).

В теории развития экономической отсталости формулируется тезис о стагнации периферийных стран, участвующих в неравном обмене. Может показаться, что ее главный тезис – в результате адаптации марксизма А.Г. Франком и И. Валлерстайном к условиям современных неевропейских стран

– противоречит теории К. Маркса. Представители этого направления утверждают, что монополистический капитализм блокирует и замедляет развитие периферии, способствует консервации ее недоразвитого состояния. В отличие от современных авторов К. Маркс, например, в работах, посвященных колониальному господству Англии в Индии, а также в «Манифесте Коммунистической партии», написанном совместно с Ф. Энгельсом, утверждал обратное, а именно то, что расширение капитализма посредством торговли и инвестиций разрушает докапиталистические производственные отношения и способствует созданию условий для экономического роста. В этом отношении важно подчеркнуть, что противоречия работам классиков марксизма нет, теорией зависимости не отрицается наличие изменений в экономике периферии, но устанавливается наличие устойчивых структурных границ развития периферии, полупериферии и ядра. Экономика таких стран внешне ориентирована и сверхспециализирована. В результате высокого уровня концентрации капитала и искаженного распределения доходов процветает бедность, образуется широкий слой деклассированных групп населения, которые не связаны с динамически развивающимся сектором, производящим товары на экспорт. А.Г. Франк и И. Валлерстайн в своих работах определили условия формирования экономической и политической зависимости, однако механизм экспроприации излишка, произведенного в странах периферии, у А.Г. Франка (инвестиции) и у И. Валлерстайна (торговые отношения в рамках системы мирового разделения труда) различны, анализ их проведен лишь на уровне системы. Анализ самого механизма изъятия и передачи прибавочной стоимости осуществлен в работах С. Амина.

С. Амин опирается на теорию неравного обмена Е. Аргири (Emmanuel Arghiri)²⁷¹ и его основные идеи заключены в следующих моментах. Торговый

²⁷¹ Эта теория содержит три главных положения: 1) международная подвижность капитала; 2) различия в уровнях реальной заработной платы на периферии и центре; 3) при одинаковом уровне развития техники в капиталистическом секторе и при одинаковой норме прибыли в мировом масштабе присутствует падение цен на продукцию,

капитал, проникая в экономику страны, ломает уже существующие там производства путем, например, ввоза дешевых товаров на рынок. В результате высвобождается огромное количество свободной дешевой рабочей силы. Большая часть населения, что особенно заметно в сельскохозяйственных районах, нищает. В период падения нормы прибыли в ядре рынки стран периферии с дешевой рабочей силой становятся привлекательными для промышленного и инвестиционного капитала. При определенных условиях запас рабочей силы может стать основой капиталистической промышленности, но не в условиях неравного обмена, когда в результате скрытой передачи прибавочной стоимости с периферии в страны ядра процесс развития промышленных отраслей периферии блокируется. Развитие экспортных секторов экономики не в состоянии интегрировать огромные запасы рабочей силы, обрекая людей на нищету. Демократические институты в таком обществе если и существуют, то непродолжительное время.

В странах Европы и США в XIX–XX вв. процесс модернизации производства и принципы конкуренции в экономике произвели современное богатое, урбанизированное, постиндустриальное общество с современным сельским хозяйством, способным накормить нацию и обеспечить экспорт продовольствия. Однако для современных стран периферии развитие по европейскому образцу невозможно. С. Амин указывает на две причины неуспеха периферии. Во-первых, европейская модель развивалась в течение полутора столетий наряду с трудоемкими индустриальными технологиями. Современные технологии, которые принимают страны периферии с целью произвести конкурентный продукт на мировой рынок, требуют гораздо меньше затрат рабочей силы. Во-вторых, длительный процесс модернизации в Европе сопровождался миграцией избыточной рабочей силы в Америку. В современных условиях подобная массовая миграция для населения стран

произведенную на периферии относительно цен на изделия в метрополии. Для периферии падение цен сказывается на ухудшении условий торговли (Arghiri, 1972).

периферии невозможна²⁷². Сторонники либерализации не учитывают эти два условия, поэтому процесс модернизации экономик стран третьего мира ведет их общества к деструктивным тенденциям.

Ф. Кардозо и Т. Дос Сантос вопреки идеям И. Валлерстайна, А.Г. Франка и С. Амина обращают внимание не на условия, ведущие к экономической отсталости, а на условия, обеспечивающие рост периферии. Ф. Кардозо утверждает, что в современном мире зависимость и развитие не противоречат друг другу. Иностранные инвестиции, по его мнению, больше не являются игрой с нулевой суммой, как это было в условиях классического империализма. Современный капитализм характеризуется новым типом международного разделения труда. Движущей силой происходящих изменений является транснациональные корпорации. До некоторой степени интересы ТНК оказываются совместимыми с экономическим ростом и внутренним процветанием зависимых стран. Массовые инвестиции иностранного капитала нацелены на производство и продажу продуктов потребления растущего городского сектора и высших слоев общества, что обеспечивает довольно быстрый рост, по крайней мере, некоторым отраслям экономики²⁷³. Источником корпоративной силы, как считает Т. Дос Сантос, является не финансовый капитал, а контроль над технологиями. Местные промышленники с целью получения доступа к технологиям связывают себя с транснациональными корпорациями и таким образом начинают процесс денационализации промышленности. Этот процесс может не базироваться на иностранном капитале. Филиалы ТНК, как показал в своих исследованиях Ф. Кардозо, имеют тенденцию опираться на местный капитал для финансирования совместных предприятий. Экспорт капитала и в этом случае имеет множество форм (например, лицензионные платежи, технологические патенты и др.), однако это не снижает благотворного воздействия

²⁷²См. подробнее: Amin S. World poverty, pauperization and capital accumulation // *Monthly Review*. – 2003. – Vol. 55. – Is. 5. – P. 1–9.

²⁷³ Cardoso F. Industrialization, dependency and power in Latin America // *Berkeley Journal of Sociology*. – 1973. – Vol. XVII. – P. 79–95.

транснациональных корпораций на развитие внутренней экономики периферийных стран. Таким образом, при определенных условиях ТНК разрывают сети передачи прибавочной стоимости от периферии к лидирующим экономикам.

При всех положительных моментах влияния ТНК на экономику стран периферии существуют внутренние факторы, которые сдерживают развитие этих стран. Во-первых, если образцы потребления элиты периферии копируются с образцов элиты ядра, то появляется уклон спроса на импортные товары или продукты. Ориентация на образцы потребления ядра требует ввоза импортных средств производства, импортных материалов, что усиливает зависимость экономики от внешних источников и способствует вывозу прибыли из страны. Как отмечает В.Н. Сыров: «Культурные установки сами начинают задавать шаблоны производства»²⁷⁴. Во-вторых, при определенных условиях, например, при широком распространении внеэкономических средств принуждения, низком уровне покупательной способности населения буржуазия, обслуживающая внутренний рынок, оказывается слишком слабой, чтобы выдержать конкуренцию импортных товаров широкого потребления.

В-третьих, попытка формирования многоотраслевой конкурентоспособной экономики (ситуация перехода на уровень полупериферии) ведет к образованию больших рабочих коллективов, а в условиях низкой оплаты труда, требуемой для снижения себестоимости товара, это может вести к росту недовольств и социальных конфликтов. В-четвертых, при наличии дешевой рабочей силы появление фактора «развитие технологий посредством связи с ТНК», с одной стороны, увеличивает пользу неравного обмена для ядра, так как происходит дальнейшее снижение себестоимости продуктов производства на периферии, а с другой стороны,

²⁷⁴ Сыров В.Н. О культурных различиях в современную эпоху // <http://любомудр.рф/index.php/stati/132-o-kulturnykh-razlichiyakh-v-sovremennuyu-epokhu>

внедрение новых технологий в ситуации специализированной экономики стимулирует рост безработицы.

Давая оценку существующему между двумя направлениями миросистемного подхода противоречию, следует отметить, что в его основе лежат различия акцентов на внутренние и внешние результаты развития периферийного общества и оно может быть снято. Ф. Кардозо и Т. Дос Сантос подчеркивают наличие развития, хотя и зависимого, И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин акцентируют его недостаточность для перехода общества в другую группу миросистемы.

Представим эти положения теории зависимости в виде модели (Рисунок 6). Общая модель состоит из двух фаз. Фаза «А» обозначает период проникновения внешнего капитала в экономику страны, формирование экспортных секторов экономики. Фаза «Б» включает этап формирования внутреннего рынка товаров потребления и рост внутреннего капитала. Важнейшими внешними факторами развития, которое само понимается в терминах «роста внутреннего рынка» и «внутреннего капитала», оказываются «развитие технологий посредством связи с ТНК» и «ожидание высокого уровня нормы прибыли на периферии», что не только привлекает иностранный капитал, но снижает «утечку» капитала, которым распоряжается местная буржуазия.

Но что же отсутствует в данной модели? Во-первых, отсутствует идея конкуренции между периферийными, а также периферийными и полупериферийными государствами. Развитие экспортных секторов экономики происходит в условиях жесткой конкуренции между этими странами миросистемы. Уровень ожидаемой прибыли в разных странах периферии, имеющих одинаковые экспортные сектора экономики, различен и может меняться. Изменение в уровне ожидаемой прибыли вызовет не только снижение внешних инвестиций, но и отток внутреннего капитала, сформировавшегося частично за счет разрушения традиционных способов производства и разорения населения, в экономику ядра или более успешного

конкурента. Во-вторых, в данной модели экономические факторы являются определяющими, что соответствует установкам экономического детерминизма. У данной группы государств есть способы увеличить свое военное могущество, мировой престиж и укрепить стабильность торговых отношений, но они больше геополитические по своему характеру.

2.3.2. Полупериферия – группа стран «Б»

«Полупериферия» уже как понятие вызывает серьезные проблемы. В миросистемном подходе полупериферийные государства, как правило, понимают как государства, занимающие промежуточную позицию в сети неравного обмена. Считается, что эти государства получают незначительную прибыль, вступая в процессы обмена товарами с государствами ядра, но выигрывают в прибыли, участвуя в обмене со странами периферии. Такое понимание полупериферии в силу того, что определение термина «полупериферия» дается через смесь характеристик «ядра» и «периферии», приводит к возникновению множественных, часто противоположных классификаций государств данного уровня. Так, например, Д. Штраусфогель (Strausfogel), а вслед за ним Дж. Бартон, Р. Гвайнн, В. Мари полагают, что наиболее развитые страны полупериферии можно понимать как «полу-центры»²⁷⁵. Несомненно, к группе «полупериферия» относятся страны, экономическое благополучие которых различно, точно так же, как и в группах стран «ядра» и «периферии». Однако понимание полупериферии через смесь качеств и свойств ядра и периферии ведет, как отмечает У. Мартин, к расхождению понимания сущности и динамики стран данной зоны²⁷⁶.

То, что полупериферия – это не просто страны, занимающие «промежуточное место» в миросистеме, или страны, имеющие средние показатели благосостояния, военной мощи и международного престижа,

²⁷⁵ См.: Barton J.R., Gwynne R.N., Murray W.E. Op. cit. P. 224–241.

²⁷⁶ Martin W.G. The place of the semiperiphery in the Modern world-system. Introduction: the challenge of the Semiperiphery // Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by Martin W.G., Wallerstein I. – N. Y.: American Sociological Association. Greenwood Press, 1990. – P. 5.

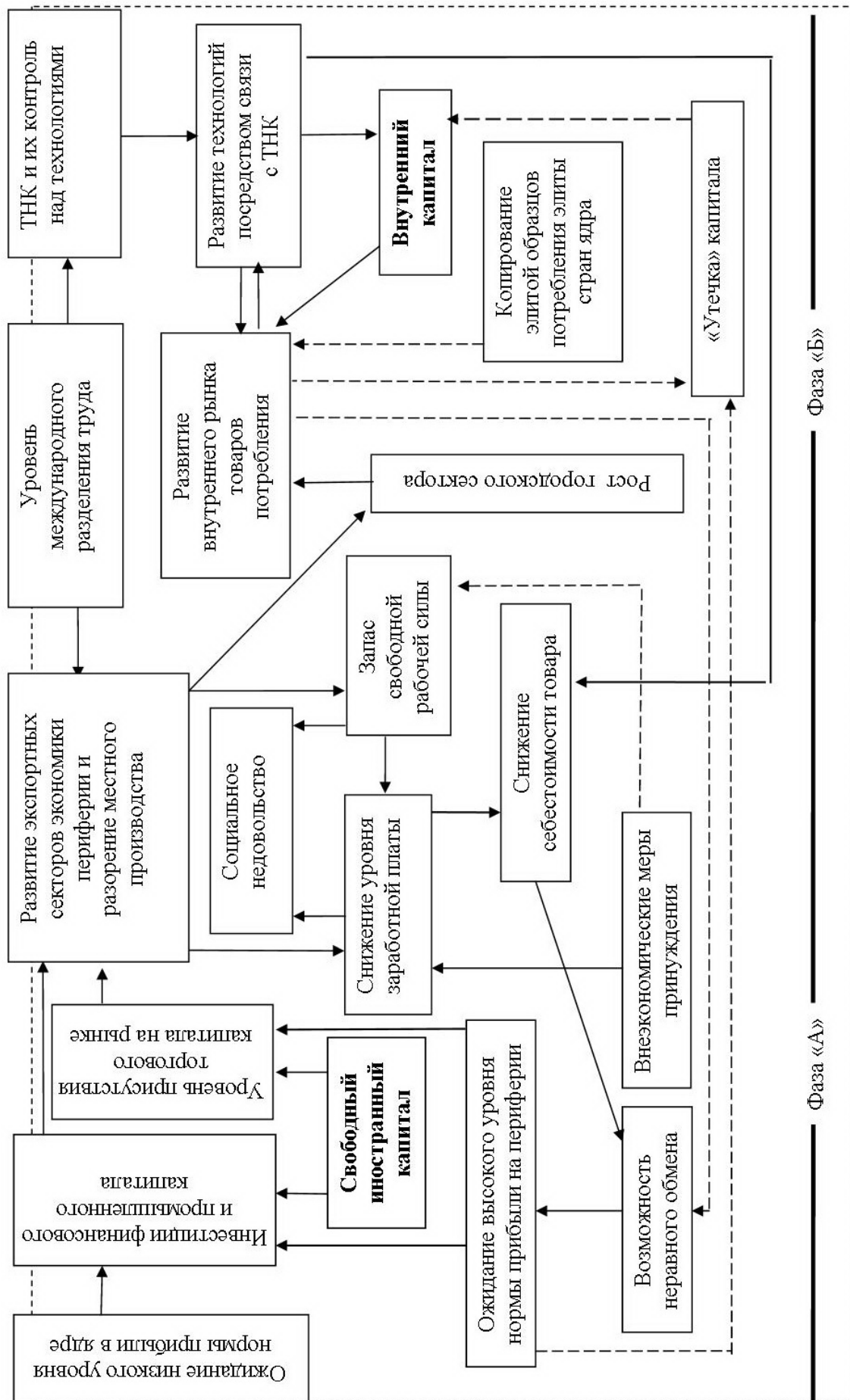

Рис. 6. Общая модель экономической динамики стран периферии (А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос)

отмечает сам И. Валлерстайн: «...полупериферия – это не статистически установленная отдельная точка и не остаточная категория. Полупериферия – необходимый элемент мир-экономики»²⁷⁷. Однако в определении полупериферии, которое он формулирует, отражена ее *роль* в миросистеме, но не ее сущностные черты. Для него полупериферия является стабилизирующей структурой в отношениях между ядром и периферией, эксплуатирующим и эксплуатируемым²⁷⁸. Может возникнуть ошибочная идея о том, что полупериферия создана, исходя из потребности ядра поддерживать политическую стабильность в миросистеме. Понимание роли полупериферии в миросистеме И. Валлерстайна расходится с ее оценкой у другого авторитетного представителя миросистемного подхода К. Чейз-Данна, который делает бóльший акцент на способность полупериферии порождать антисистемные процессы. По сути дела, И. Валлерстайн и К. Чейз-Данн делают разные акценты при анализе полупериферии. Она может порождать как явления антисистемного, так и просистемного характера. Идея о том, что полупериферия обладает способностью то встраиваться в миросистему, то разрывать с ней связи, сформулирована Дж. Арриги.

В отличие от стран ядра, формирующих миросистему и аккумулирующих бóльшую часть мировых богатств, полупериферийные общества, утверждает Дж. Арриги, вынуждены постоянно сопротивляться эксплуатации или исключению из системы со стороны стран ядра. Борьба против исключения и борьба против эксплуатации – это два разных типа борьбы, две разные стратегии поведения полупериферийного общества на международной арене (рис. 7). Борьба против исключения – это борьба за

²⁷⁷ Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N. Y.: Academic Press, 2007. – P. 349.

²⁷⁸ Он пишет: «...вполне можно доказать, что мироэкономика с экономической точки зрения работала бы ничуть не хуже, если бы полупериферии не существовало. Но она была бы куда менее политически стабильна, потому что отсутствие полупериферии означало бы поляризованную миросистему. Существование третьей категории означает именно то, что верхний слой не сталкивается с объединенной оппозицией всех остальных, потому что средний слой является одновременно эксплуатируемым и эксплуатирующим» (Валлерстайн, 2001, с. 19).

сравнительно безопасную нишу в мировом разделении труда. Успех этой стратегии зависит, во-первых, от уровня специализации той деятельности общества, которая поможет ему приобрести некоторое преимущество и, соответственно, устойчивое место в мировом разделении труда. Во-вторых, такое общество будет успешно реализовывать свою стратегию, если оно активно включится в процессы неравного обмена со странами ядра. Помимо этого, любое полупериферийное общество всегда испытывает конкуренцию со стороны как себе подобных, полупериферийных, так и периферийных государств. Поэтому успех встраивания в миросистему и получение преимуществ у полупериферийного государства будет зависеть от того, насколько более полно оно сможет исключить конкурентов из области своей специализации. Данная стратегия имеет свой предел: во-первых, она ведет к интенсивной и обширной эксплуатации полупериферийных государств со стороны ядра, что чревато процессами периферизации пространства социальных отношений; во-вторых, ядро по мере роста специализации полупериферии увеличивает свою способность исключать полупериферию из различных областей деятельности и социальных отношений на мировом уровне, контролировать ее доступ к источникам недостающих ей ресурсов; в-третьих, проявление полупериферийным государством в условиях стратегии «борьбы против исключения» геополитической «нацеленности на приобретение территорий» может вести к разрыву экономических связей (сетей неравного обмена) со стороны стран ядра. Со временем стратегия «против исключения» начинает оказывать негативное, сдерживающее воздействие на рост общества полупериферии, и, если к власти приходят силы общества, способные противостоять внешнему давлению, стратегия может смениться на противоположную.

С целью закрепить свои позиции в межгосударственной системе в момент экспансии мир-экономики, как отмечает И. Валлерстайн, «полупериферийные государства ведут себя как сателлиты того или иного государства ядра и служат, в некоторой степени, экономическим приводным

ремнем и политическим агентом имперских сил»²⁷⁹. С другой стороны, полупериферийная позиция при наличии у государства имперских претензий открывает широкие перспективы. В период образования трудностей в накоплении капитала у стран ядра несколько стран полупериферии получают шанс изменить свое положение в системе. Возрастающее соперничество стран внутри ядра позволяет некоторым странам полупериферии, играя на противоречиях, усилиться. Однако полупериферия ощущает недостаток источников дохода, капитала, новых технологий, что отбрасывает большинство из

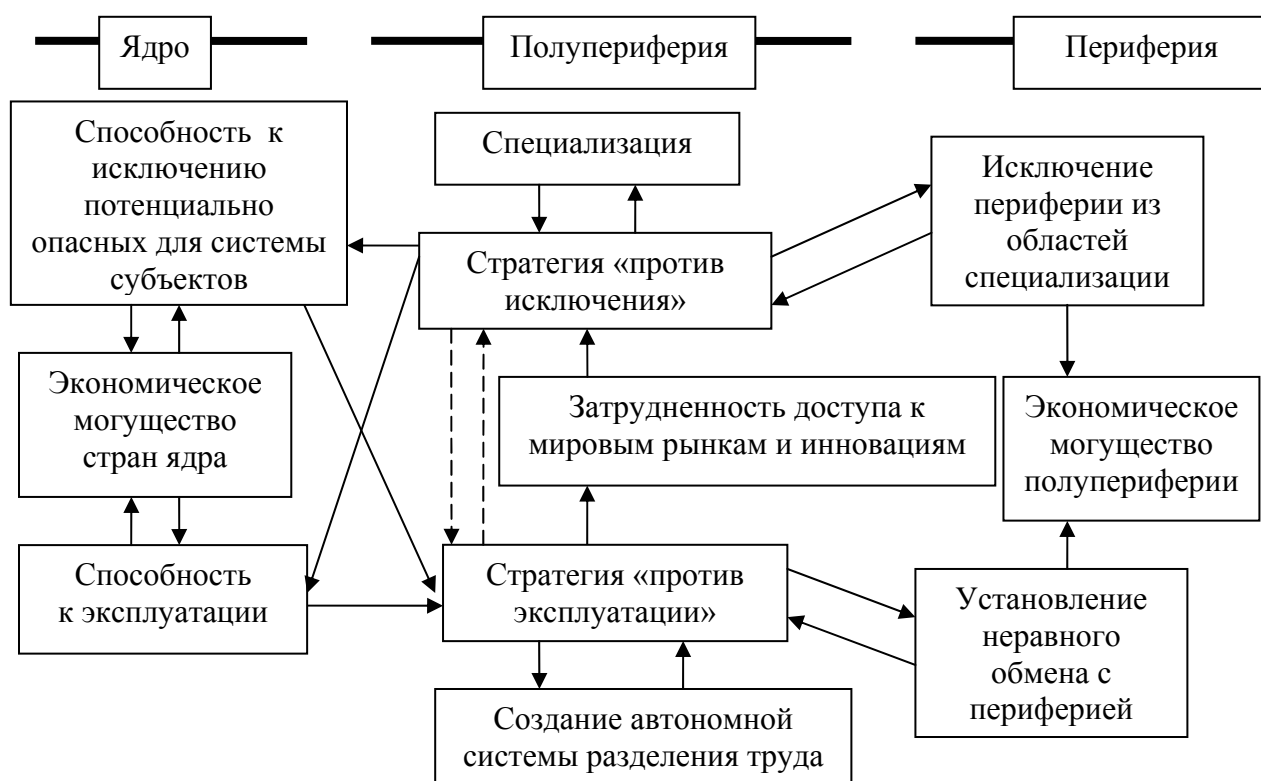

Рис. 7. Динамика полупериферии

них в прежнюю нишу. Только у некоторых хватает сил, чтобы предъявить себя как новую мировую силу²⁸⁰. В истории это, как правило, были окраинные государства, которые или обладали достаточно обширной базой

²⁷⁹ Wallerstein I. The politics of the world-economy: the states, the movements, and the civilizations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – P. 7.

²⁸⁰ Wallerstein I. A world-system perspective on the social sciences // British journal of sociology. – 1976. – Vol. 2. – Is. 27. – P. 343– 352.

территорией (США), или были способны ее расширить (Нидерланды, Англия).

Вторая стратегия – борьба против эксплуатации – противоположна первой. Основным средством этой борьбы становится создание относительно автономной от капиталистической мир-экономики структуры разделения труда. Успех стратегии зависит, во-первых, от широты диапазона действий, которое может взять на себя общество. Во-вторых, успех зависит от самоисключения полупериферии из системы неравного обмена со странами ядра. Третьим условием является активное вовлечение в отношения неравного обмена периферии. И четвертое условие успеха, необходимое для выполнения второго и третьего условий, нестабильная и/или оспариваемая власть гегемона миросистемы. Данная стратегия дает мощный импульс для развития в обществе широкого спектра типов деятельности. Однако успех в этой стратегии также имеет свои пределы. По мере укрепления мирового гегемона и активизации им структурной экспансии, влекущей вслед за собой кумулятивные процессы, стратегия начинает обнаруживать свои недостатки. Во-первых, в результате того, что страна не имеет доступа к самым богатым рынкам и источникам инноваций, она начинает терять накопленные преимущества и появляются тенденции к встраиванию в мировую систему. Во-вторых, смена политики государства в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации» с «нацеленности на приобретение территории» в сторону «нацеленности на приобретение дополнительных средств платежа» способствует формированию сетей неравного обмена с ядром.

При переходе от одной стратегии к другой, а также при многократном их циклическом чередовании в истории страны накопленный капитал и позиционные преимущества каждый раз утрачиваются в результате затрат на внутреннее переустройство общества. Следует отметить, что проблема издержек переустройства общества является слабоизученной областью для миросистемного подхода. Однако идея о существовании трансформационных

издержек была изложена именно в миросистемном подходе, и что особенно важно, это произошло до распада Советского Союза, а в экономических доктринах, ставшими научными основаниями реформ, существование таких издержек перестали игнорировать только когда результаты реформ на постсоветском пространстве стали очевидны. В конце 1990 гг. отечественный экономист, сторонника теории модернизации, В.М. Полтерович констатирует, что «Старая теория игнорировала издержки институциональной трансформации, не допуская мысли о том, что строительство новой конструкции хозяйственного механизма может оказаться обществу не по карману»²⁸¹. В.М. Полтерович давая оценку результатам реформ в странах на постсоветском пространстве, обобщил факторы трансформационных издержек. Он назвал следующие факторы: 1) отвлечение ресурсов из традиционных сфер инвестирования на создание новых институтов; 2) издержки дезорганизации; 3) издержки перераспределения переходной ренты²⁸². Результаты, полученные В.М. Полтеровичем не противоречат миросистемному подходу.

Изменение стратегии включает в себя изменения характера связи с периферией. Так, стратегия «против эксплуатации» требует увеличения степени автономности, формирования обширной системы разделения труда и налаживания процессов неравного обмена с периферией. Все это обуславливает заинтересованность полупериферии в развитии различных отраслей промышленности и инфраструктуры в подконтрольных ей периферийных областях, которые при переходе от стратегии «против эксплуатации» к стратегии «против исключения», требующей специализации производства в соответствии со структурой мирового разделения труда,

²⁸¹ Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука в современной России. – 1999. – № 3. – С.35.

²⁸² Полтерович В.М. отметил, что в экономиках советского типа важнейшими источниками переходной ренты были «различия между оптовыми и розничными, а также между внутренними и мировыми ценами. Основная часть ренты шла государству и перераспределялась, остальное присваивалось чиновниками и агентами черного рынка ... В переходном режиме частные фирмы получают рентные доходы, от которых отказалось государство» (Полтерович, 1999, с. 37).

оказываются ее конкурентами. Переход к стратегии «против исключения» ведет к периоду трансформации пространства социальных отношений, сокращению и преобразованию социальных ниш и социальным недовольствам. Так, например, государства в условиях разных стратегий оказывают поддержку разным группам буржуазии. На стадии «борьбы с эксплуатацией» поддержку получает близкая центру и ориентированная на внутренний рынок буржуазия, по отношению к ней буржуазия подчиненной периферии поставлена в условия, ведущие к неравному обмену. На стадии «борьбы с исключением», напротив, приветствуется внешний инвестор, а также поддержку ощущает местная немногочисленная «крупная», ориентированная на экспорт буржуазия центра, а по отношению к буржуазии подчиненных периферийных территорий проводится политика поглощения или исключения из профильных отраслей.

Если стратегия «борьбы против исключения» ведет к обширным заимствованиям полупериферийными обществами культурных образцов обществ ядра, то стратегия «борьба против эксплуатации» инициируется под лозунгами защиты от внешнего конкурента и отрицанием его базовых ценностей. Отечественный исследователь В.Н. Сыров обобщая результаты влияния глобализации²⁸³ последних десятилетий на культуру отмечает, что «стратегия и тактика, ориентированная на уничтожение своего культурно-исторического своеобразия в стремлении уподобиться т.н. передовым обществам, ...обрекает на равнодушие со стороны окружающих, а значит и отсталость, в том числе и экономическую... Там, где разнообразие культурных ценностей становится условием конституирования сообщества, там открываются возможности для фрагментации и дифференциации. Эта тенденция параллельна

²⁸³ Следует отметить, что под глобализацией, как правило, понимают интеграционные процессы, наблюдаемые в мире последние десятилетия. В миросистемном подходе начало интеграции мирового пространства относят к XVI веку, существование экономически интегрированного единого пространства относят к XIX веку, интеграционные процессы последних десятилетий понимаются в данной работе как стадия расширения влияния стран ядра в цикле гегемонии США.

альтернативной тенденции к глобализации. И мы можем увидеть в ней возможные перспективы и пути сопротивления негативным сторонам глоболизирующих процессов. Сопротивляться им можно, либо создавая институты, столь же глобальные по радиусу действия ..., либо выстраивая формы жизни, которые не зависят от воздействия глоболизирующих процессов»²⁸⁴. В обществе в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации» декларируется, что действия конкурента не позволяют стране полноценно развиваться, лишая ее «жизненного пространства», «порабощая» и т.д. Однако, по сути, такая политика государства, если использовать терминологию К. Поланьи, это «побег из институционального тупика», который «был создан либеральным капитализмом»²⁸⁵. Государство в данной ситуации выступает в роли защитника общества от мирового рынка, служащего интересам самых могущественных стран ядра. Такой «побег» совершили США (1776 г.) в ситуации противостояния Франции и Англии. Революция 1789 г. в разоренной через противостояние с Англией Франции и империя Наполеона также были «побегом» от господствующего мирового порядка. Россия совершает (1917 г.) «побег» в период Первой мировой, а Китай (1911–1949 гг.) после Второй мировой войн. Германия, понесшая полный крах всех государственных институтов, утратившая приоритеты в экономическом развитии после Первой мировой войны, предпринимает попытку «побега» в форме фашизма (именно так описывает распространение фашизма в странах Европы К. Поланьи). Отечественный исследователь В.И. Красиков называет подобные случаи «отклонением от магистрали» и использует метафору «партизаны» для объяснения случаев всякого антисистемного движения. Он отмечает, что «Государство» и «партизан», ..., это функциональные роли в любой системе отсчета»²⁸⁶.

²⁸⁴ Сыров В.Н. О культурных различиях в современную эпоху // Любомудр. – URL: <http://любомудр.рф/index.php/stati/132-o-kulturnykh-razlichiyakh-v-sovremennuyu-epokhu>

²⁸⁵ Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. – Boston: Beacon Press, 2001. – P. 245.

²⁸⁶ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Изд-во «Водолей», 2010. – С. 128.

Если переход к стратегии «встраивания» вызывает протесты со стороны ранее организованных государством «низов», то политический режим сразу или в своем развитии будет стремиться к диктатуре, примерами могут служить приход к власти Пиночета в Чили, военная диктатура в Аргентине после правления Перона.

Полупериферийные государства могут не только делать акцент на одну из стратегий, они могут их комбинировать. Результаты такого комбинирования неоднозначны. В таких случаях наиболее доходные отрасли становятся донорами для отраслей, успех которых на международном рынке проблематичен. Так, например, сельское хозяйство Аргентины, всегда служившее главным внешним источником ее дохода, превращается в первой половине 1950-х гг. в донора индустриализации. С целью сохранения уже полученных результатов индустриализации правительство вводит высокие пошлины на импортные товары и превращает в донора индустриализации сельское хозяйство. С 1949 г., после периода относительного подъема экономики, Аргентина переживает экономическую депрессию. Политика борьбы за «экономическую независимость» теряет свою актуальность и остроту. Правительство Х.Д. Перона в сентябре 1954 г. принимает закон о национальности (все иностранцы, прожившие в стране пять лет, получали права гражданства), а в январе 1955 г. подписывает соглашение с американской компанией «Стандард ойл оф Калифорния» о передачи ей площади в 498 000 км² на юге Аргентины, где располагалась четверть нефтяных месторождений страны. Затормозившиеся экономические реформы обернулись геополитическим проигрышем.

Следует отметить, что Дж. Арриги, указывая на существование колебательных процессов в развитии полупериферий, обходит стороной проблему разнообразия. В связи с этим остается нераскрытым вопрос о том, каждая ли полупериферия способна испытывать такие колебания? Стратегия «против эксплуатации» чрезвычайно затруднительна, вероятно, в принципе невозможна для государств с маленькими территориями, как для окраинных «Б

3», так и для центральных «Б 4», так как они не могут существовать в мире торговых барьеров, их внутренний рынок будет слишком мал для обеспечения потребностей государства и населения. Такая стратегия больше свойственна государствам с большой территорией влияния «Б 1», «Б 2» со всеми их плюсами и минусами, подробно разобранными в первом разделе данной главы. Развитие территориально больших полупериферий происходит по принципу маятника, который движется от стратегии «против исключения» к стратегии «против эксплуатации» и наоборот, вызывая изменения в геополитической динамике (Рисунок 8).

Маленькие окраинные страны полупериферии «Б 3», особенно если они поставляют на международный рынок одинаковую продукцию, являются конкурентами. Но в своих попытках защитить внутренний рынок и экспортно ориентированную экономику от негативных последствий глобализации они могут заключать между собой экономические соглашения, делающие их внутренние рынки более доступными для участников соглашения. Помимо снижения стоимости импорта внутри общего рынка стран-участниц, они используют соглашение как «опорный камень» при переходе на рынки стран периферии, уже связанных отношениями с их партнерами по соглашению, а также осуществляют обмен в области новых технологий, в сфере науки и культуры. Они служат своеобразными «воротами» к рынку региона. Данное явление легко проиллюстрировать на примере «Trans-Pacific Strategic Economic Partnership» (TPSEP), получившего также название «Р 4» по количеству стран-участниц, создавших объединение – Бруней, Сингапур, Новая Зеландия, Чили. Сингапур для членов объединения играет роль «ворот» в Азию, а Чили – в Латинскую Америку²⁸⁷.

В отличие от динамических моделей периферии и ядра, которые могут служить основанием для отнесения конкретных стран к соответствующим уровням миросистемы, модель полупериферии таких оснований не

²⁸⁷ См.: Barton J.R., Gwynne R.N., Murray W.E. Op. cit. P. 224–241.

предоставляет. Наличие описанных выше колебательных процессов даже в истории страны с территориальным преимуществом может служить основанием для отнесения ее к группе стран полупериферии лишь в отношении прошлого и не может служить критерием ее оценки на современном этапе. Выделение устойчивого критерия принадлежности страны к уровню полупериферии вызывает ряд трудностей. Основная проблема заключается в том, что характеристики, свойственные странам ядра, могут становиться характеристиками полупериферии и даже периферии в следующем цикле существования миросистемы. Так, например, высокий уровень индустриализации в XIX в. был характеристикой исключительно стран ядра, но во второй половине XX в. этот критерий перестает работать, так как большинство стран полупериферии и многие страны периферии проводят индустриализацию своих экономик. Если мы попытаемся выделить уровень полупериферии исходя из соотношения военно-стратегического могущества различных стран мира, то окажется, что страны полупериферии могут превосходить по некоторым показателям ряд стран ядра. В этом плане стоит вспомнить пример СССР, который все миросистемщики дружно относят к полупериферии и который по ряду показателей превосходил многие страны ядра.

Устойчивым критерием полупериферийного общества в отношении группы стран периферии может служить наличие у этого общества сильного государства²⁸⁸. Признаком сильного государства может быть его способность осуществлять переход от одной стратегии к другой, используем здесь понятия «переход» и «трансформация», которые предложила Т.И. Заславская. Переход, в понимании Т.И. Заславской «предполагает наличие субъекта, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном направлении. Применительно к обществу это

²⁸⁸ В первом томе «The Modern World-system» И. Валлерстайн использует термин не «периферийные государства», а «периферийные области» и обосновывает это тем, что эти государства слабы, как в рамках своего небытия (т.е. в колониальной ситуации), так и в рамках низкой степени автономии (т.е. в неоколониальной ситуации) (Wallerstein, 2007, p. 349).

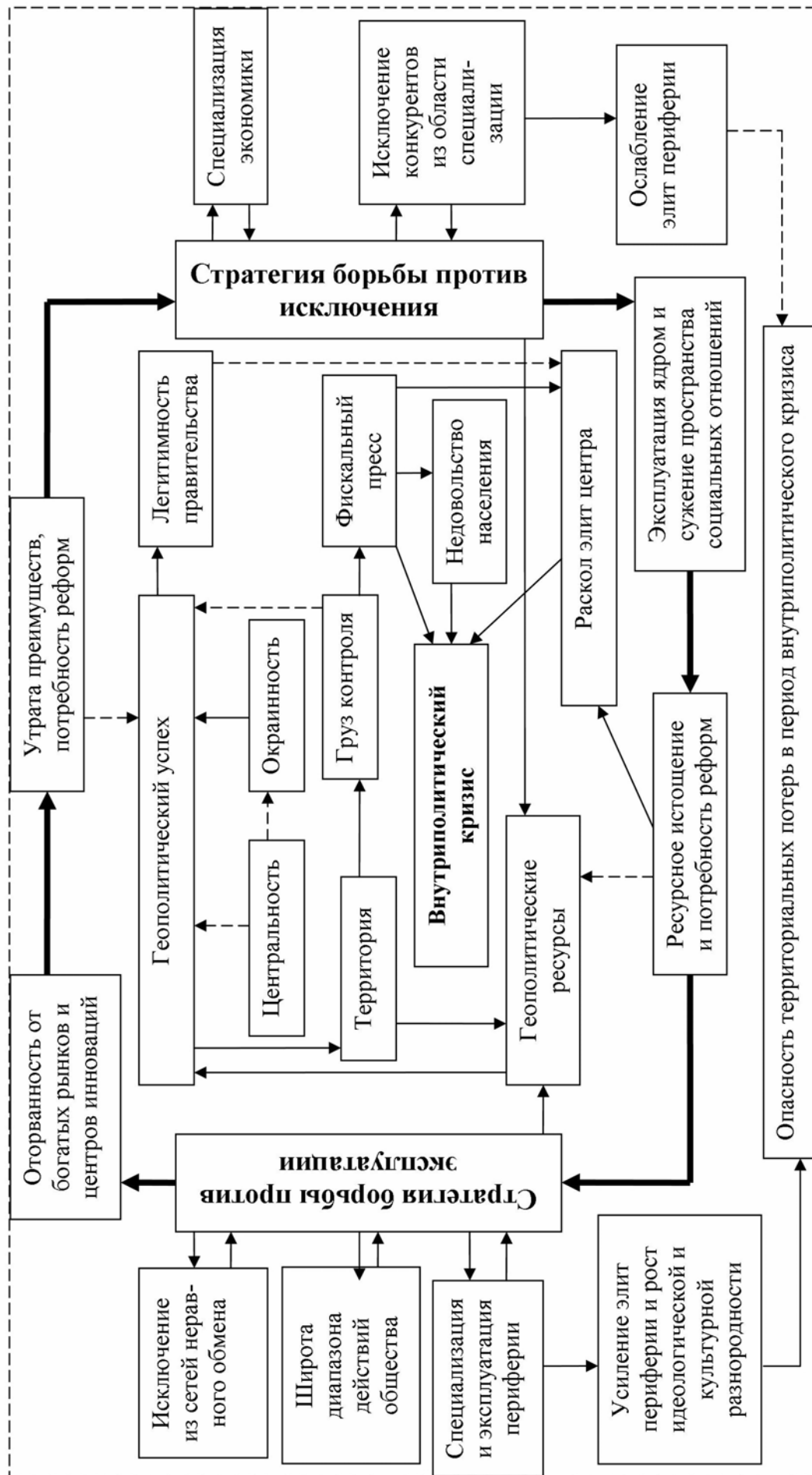

Рис.8. Геополитика двух стратегий территориально обширной периферии

предполагает наличие сильной власти, руководствующейся конкретной идеей, а также авторитетной команды, преследующей ясную и реалистичную цель, опирающейся на обоснованную программу действий и пользующейся широкой поддержкой граждан. При этом важно, чтобы цели команды соответствовали интересам общества, а программа – имеющимся возможностям»²⁸⁹. Следовательно, опираясь на идеи Т.И. Заславской, можно заключить, что *переход* от стратегии «встраивания» к стратегии «разрыва» и обратный *переход* невозможны без активного участия сильной политической власти. Отсутствие же сильного государства в ситуации, требующей смены стратегии развития, ведет страну к углублению процесса ее периферизации посредством трансформации. Т.И. Заславская указывает, что трансформация имеет стихийный характер. Трансформация «исключает характерную для перехода презумпцию движения в заранее заданном направлении»²⁹⁰. Поэтому сильное государство, способное успешно противостоять экспансии ядра, регулировать силу воздействия сетей неравного обмена, имеющее внутреннюю или внешнюю периферию для успешной экспансии, пользующееся доверием большей части граждан (обладающее высоким уровнем легитимности), может служить критерием полупериферийного общества, каким, например, стали США в борьбе за независимость, Индия периода Махатма Ганди.

Сильное государство невозможно без наличия в его распоряжении достаточного количества ресурсов. Основных способов получения средств на содержание государства три. Во-первых, государство, если оно не в состоянии аккумулировать необходимые ресурсы для своих нужд внутри страны, может прибегнуть к внешней финансовой помощи, что поможет решению насущной проблемы, но увеличит его внешнюю зависимость. Как правило, это *слабые государства* и до недавнего времени они практически не знали демократии. «В нашем мире, – отмечает Ч. Тилли, – где одни

²⁸⁹ Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 7.

²⁹⁰ Там же. С. 8.

постоянно завоевывали других, слабым государствам отводилась участь добычи могущественных захватчиков. Однако после Второй мировой войны покровительство великих держав и международных организаций в сочетании с практикой урегулирования международных конфликтов повысило выживаемость слабых государств, ранее бывших колониями или сателлитами великих держав»²⁹¹. При этом сочетание демократии и слабого государства чревато внутренними конфликтами, опасностью гражданских войн.

Во-вторых, государство может установить монополии на какие-то ценные источники ресурсов. В таком случае государство приобретает средства, обеспечивающие его функционирование, через монопольную продажу этих ценных ресурсов. Данный путь препятствует демократизации, т.е. широким, равноправным, защищенным и обязывающим возможностям волеизъявления, так как государство мало зависит от согласия граждан и не стремится вести с гражданским населением переговоры²⁹².

В-третьих, государство может получить ресурсы в подконтрольном ему обществе. Выделяют три исторических способа аккумуляции государством ресурсов в самом обществе: патримониальный (на основе личных связей), бюрократический (на основе обширного специализированного аппарата власти, способного осуществлять контроль за доходами и налогами каждого гражданина) и бюрократико-патримониальный (на основе такой организации власти, когда правило личных связей повторно появляется в структуре бюрократии). Следует отметить, Р. Коллинз, выделяя три типа аккумуляции государством ресурсов в обществе, следует представителям неовебериянского направления в исторической социологии Ч. Тилли, М. Манну, Г. Паркеру²⁹³. Под патримониальной понимают форму организации

²⁹¹ Тилли Ч. Демократия. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. – С. 197.

²⁹² Тилли Ч. Экстракция, или способы получения средств на содержание государства, и демократия // Русские чтения: сборник материалов. – М., 2007. – Вып. 4. – С. 382–383.

²⁹³ Collins R. Geopolitics in an era of internationalism // Social evolution & history. Studies in evolution of human societies. – 2002. – Vol. 1. – № 1, July. – P. 130–135.

власти, в которой господствует правило личных связей. Переход от патримониального к бюрократическому государству в Европе начинается примерно в 1500 г., в период военной революции, которая кардинально увеличивает размер вооруженных сил и затраты на их содержание. Увеличение затрат на содержание регулярных армий оборачивается изъятием у общества ресурсов растущим государственным аппаратом. Глубокое проникновение государства в общество оказывает мощное воздействие на сферы экономики, политики и культуры. Как показал М. Манн, государство, аккумулируя ресурсы, порождало новые коллективные идентичности и массовые социальные движения. Там, где эти движения добивались успеха, они закрепляли свою победу написанием новых законов, которые подлежали ведению бюрократического государства. В современном мире существуют все три исторические формы. Так, Р. Коллинз отмечает, что в современном противостоянии Афганистана и стран НАТО обнаруживается столкновение бюрократических государств с государством, где очень сильны патримониальные властные связи. Опираясь на миросистемный подход, для более глубокого понимания процесса следует добавить, что столкновение происходит не просто между государствами с разными типами организации власти, но между странами, которые принадлежат к разным уровням миросистемы – ядру и периферии. Победа стран НАТО (которую Коллинз не исключает ввиду колоссального ресурсного перевеса, но которая также маловероятна в результате чрезмерной отдаленности области боевых действий от основной базы) принесет не только изменение типа властных связей и институтов, как это предвидит Р. Коллинз, но и защиту отношениям неравного обмена со стороны стран ядра, что может стать определяющим в развитии Афганистана на многие десятилетия.

Наиболее эффективный способ аккумуляции ресурсов в обществе – бюрократический. Однако, проникая в глубь общества с целью аккумуляции ресурсов посредством налогообложения, бюрократическое государство не

гарантирует, но создает условия для его демократизации. Взимание налогов, по мнению Ч. Тилли, часто порождало циклы «интервенция – сопротивление – репрессии – договор», в результате которых население вырабатывает модель переговоров с государством и активизируются механизмы подчинения государства публичной политике. Именно этот путь прошла европейская демократия. Ч. Тилли, как и задолго до него К. Маркс и Ф. Энгельс, а потом Т. Скочпол, устанавливает зависимость активных периодов демократизации обществ от международных конфликтов. У К. Маркса и Ф. Энгельса война является катализатором социальной революции, Т. Скочпол уточняет, что социальным революциям предшествуют чрезмерные траты на военные нужды и попытка правительства провести реформы. Ч. Тилли делает иной акцент (он не марксист), он рассматривает не столько революции, сколько развитие способности общества вести диалог с государством в отстаивании своих интересов, его интересуют больше инновации, которые государство соглашается ввести в общественную жизнь. Это, по его мнению, происходило в истории европейских государств, когда «граждане (в том числе женщины), перенесшие значительные тяготы войны, требовали у истощенных войной государств прав, которых они прежде не имели и которые они определенно заслужили своей военной и гражданской службой»²⁹⁴. Теперь отобразим способы получения ресурсов на затраты содержания бюрократического государства при помощи тренд-структуры (рис. 9).

Современные государства ядра – это бюрократические государства, пополняющие свои бюджеты главным образом посредством налогообложения. Полупериферийные государства также являются бюрократическими, но в отличие от государств ядра они аккумулируют ресурсы не только в обществе, но и за счет обширной государственной собственности в сфере производства и, что особенно важно, за счет

²⁹⁴ См. об этом подробнее: Тилли Ч. Демократия. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. – С. 85.

государственных монополий на природные ресурсы. Периферийные государства – это слабые государства, они широко используют внешнюю финансовую помощь, управленческий класс формируется или патримониальным или бюрократико-патримониальным способом.

2.3.3. Ядро – группа стран «А»

В своем историческом становлении современная миросистема имела

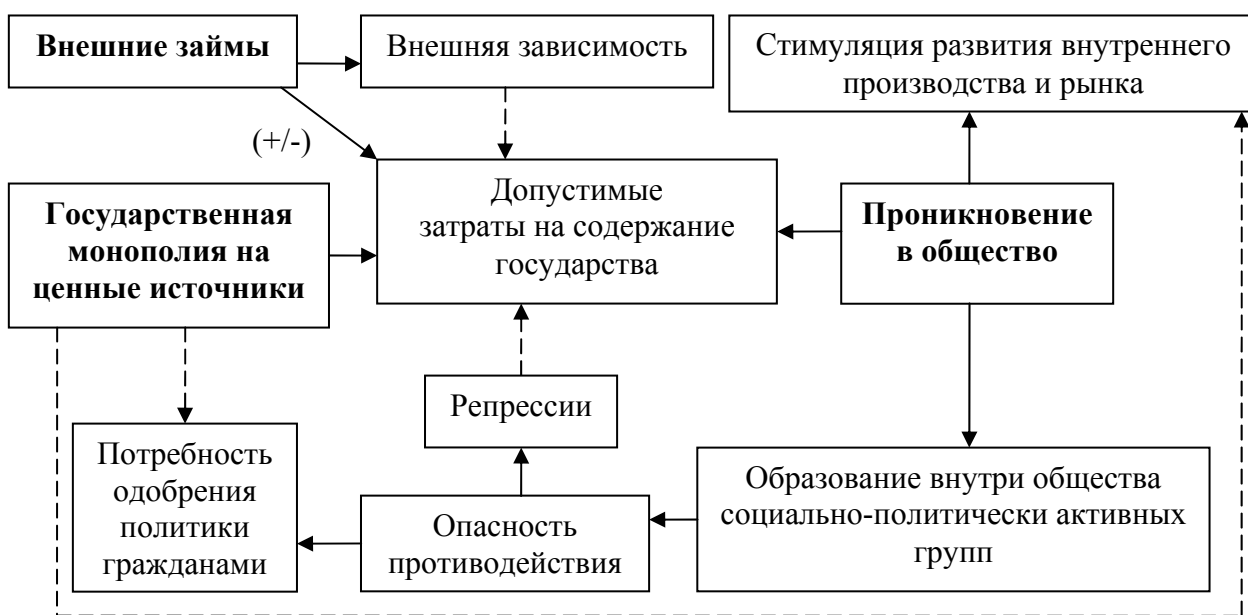

Рис. 9. Способы получения ресурсов на затраты содержания бюрократического государства

шесть различных, но взаимосвязанных векторов развития: межгосударственная система, структура мирового производства, структура мировых трудовых ресурсов, образцы мирового социального обеспечения, внутренняя социальная сплоченность государств, структура знания²⁹⁵. Направление этим векторам с начала XVI в., по И. Валлерстайну, с XIII в., по Дж. Арриги, задавали страны ядра. Втягивая через процесс экспансии капитала все новые и новые общества и страны в сеть неравного обмена, они преобразовали мир и изменялись сами.

Капитализм (или капиталистическая мир-экономика) – социальная система, основанная на производстве прибыли и бесконечного накопления

²⁹⁵ См.: Hopkins T. K., Wallerstein I. Commodity chains in the world economy prior to 1800. P. 2.

капитала. Функционирование и расширение капиталистической мир-экономики зависит от исторических условий, которые помогают обеспечивать высокую норму прибыли экономическим субъектам стран ядра. Важнейшими условиями в этом плане являются *дешевая рабочая сила, наличие источников дешевого сырья и низкий уровень налогообложения в окружающей ядро среде*. Основой экономического и военно-политического могущества ядра является успех в процессе накопления капитала. Первоначальное накопление капитала, как это отмечал К. Маркс, не было капиталистическим. Таковым оно становится вместе с возникновением способа производства, основанного на свободном наемном труде и изъятии прибавочной стоимости. Дальнейший рост накопления, помимо факторов, связанных с развитием производства, обусловлен экспансией капитала. В XIX – первой трети XX вв. это происходило путем экспорта капитала в колонии с целью обеспечения источников дешевого сырья и рынков сбыта товаров. Экспансия капитала на сегодняшний день, по мнению И. Валлерстайна, поддерживается рядом факторов: снижением издержек производства продукции стран ядра при помощи дальнейшей механизации процесса и/или перемещения этих производств в зоны с низкой заработной платой; внедрением «инноваций», которые обещают высокий начальный уровень дохода и открывают новые сферы для инвестиций; перераспределением мирового прибавочного продукта в результате конфликтов в пользу рабочих зон ядра и буржуазии полупериферии и периферии, что ведет к росту мирового платежеспособного спроса; обнаружением за пределами мир-экономики новой большой массы людей, способных выступить в роли прямых производителей за низкую заработную плату²⁹⁶.

Процесс подъема ядра не был линейным, система пережила несколько циклов, каждый раз возрождаясь после войн на более широком пространстве и

²⁹⁶ См.: Wallerstein I. The politics of the world-economy: the states, the movements, and the civilizations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – P. 16–17.

с более сложной межгосударственной структурой. Циклы мир-экономики объясняли многие авторы и существует несколько интерпретаций этих циклов. И. Валлерстайн, опираясь на концепцию волн Кондратьева, усматривает в экспансии капитала две фазы: «А» – экспансии и «Б» – стагнации. Дж. Арриги, перефразируя общую формулу капитала К. Маркса (Д–Т–Д'), отмечает, что формула отражает не только логику индивидуальных капиталистических инвестиций, но и повторяющиеся закономерности исторического капитализма как системы. По его мнению, основной особенностью этой закономерности является чередование эпох материальной экспансии (Д–Т – этапов накопления капитала) с фазами финансового возрождения и экспансии (Т–Д'). На фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы, а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле К. Маркса: Д–Д'. Вместе эти две эпохи, или фазы, составляют полный *системный цикл накопления* (Д–Т–Д'). При этом фазы материальной экспансии (Д–Т) соответствуют фазам непрерывных изменений, «в течение которых капиталистическая мировая экономика растет в одном направлении». Фазы финансовой экспансии (Т–Д') соответствуют фазам прерывистого развития, в течение которых рост в определенном направлении приближается и достигает своего предела, и капиталистическая мировая экономика вследствие радикальной реструктуризации и реорганизации «переходит» в другое направление²⁹⁷.

Экономическая поляризация капиталистической миросистемы шла рука об руку с политической поляризацией в межгосударственной системе, так как наивысший, мировой уровень накопления капитала стал возможен только в результате взаимосвязи капитала с национальными

²⁹⁷ См.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век... С. 44–48.

государствами²⁹⁸. Страны ядра начали этот процесс, и сегодня они обладают наиболее могущественными государственными машинами и наиболее влиятельной буржуазией. Назовем основные моменты этой взаимосвязи.

Национальное государство испытывает потребность в капитале, оно стремится контролировать его источники и всячески поддерживает его рост. Само возникновение национального государства в процессе военной революции было обусловлено поиском источников капитала правителями в глубинах попадавших под их юрисдикции обществ с целью покрытия расходов на содержание профессиональных армий, армий нового типа. Потребность государства в капитале и потребность капитала в государственной поддержке ведут к формированию блока правительственных и деловых сил, происходит сращивание их стратегий и взаимное усиление. Их общие организационные возможности резко возрастают. Капиталисты осваивают новые производства, выходят на новые рынки, инвестируют новые доходные сферы деятельности. Государство усиливает свои позиции на международной арене, укрепляя армию и флот, поднимает свой престиж в глазах международного сообщества, решая конфликты или развязывая их с последующим расширением территории своего влияния.

На самом деле любое государство в мир-экономике оказывает покровительство буржуазии в изъятии прибавочной стоимости, так, например, оно вмешивается в отношения между буржуазией и пролетариатом (непосредственным производителем прибавочной стоимости). Однако полупериферийные и периферийные страны вынуждены специализироваться и бороться за создание на некоторых рынках или

²⁹⁸ «Ключевой факт состоял в том, что в северо-западной Европе изначально заданные легкие отличия совпали с интересами различных местных групп, приведя к развитию сильного государственного механизма, а в периферийных районах они остро разошлись, приведя к ослаблению государственного механизма. Как только мы получили разницу в силе государственных машин, в действие вступил «неравный обмен», навязываемый сильными государствами слабым, государствами сердцевины – периферийным регионам. Таким образом, капитализм использует не только присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом» (Валлерстайн, 2001, с. 16).

территориях квази-монополий, обеспечивающих их относительное благосостояние. Благосостояние буржуазии и государств ядра, напротив, требует минимизации таких квази-монополий и усиления доктрины свободной торговли. Государства ядра – это «буржуазные государства». Буржуазия этих стран первая провела индустриализацию, коллективно накопила существенный капитал и при помощи национальных государств осуществила последовательное расширение мир-экономики. При этом буржуазия стран ядра более разнообразна, чем в полупериферийных и периферийных странах.

Растущие организационные возможности увеличивают затраты государства, а следовательно, и его потребность в капитале. До некоторого момента государство и капитал подпитывают друг друга. Однако со временем в игру вступают новые факторы, порожденные предшествующим этапом развития. Проведенные ранее перемещения производств в зоны с низкой стоимостью труда стимулируют развитие этих зон и в первую очередь в области технологий²⁹⁹. Все это увеличивает межгосударственную борьбу за свободный капитал. Вследствие того, что норма прибыли на периферии и в полупериферии обещает быть выше, чем в ядре, инвестиции в производственную сферу стран ядра снижаются, широкое распространение получают финансовые спекуляции. По мнению И. Валлерстайна, это период, когда система «дает трещину».

Войны, в понимании И. Валлерстайна, не являются причиной упадка ядра, напротив, они предшествуют восхождению гегемона³⁰⁰. Он недооценивает войну как фактор снижения могущества стран ядра. Это отчетливо видно в его объяснении потребности лидера ядра – гегемона – вести наземные войны. В длинном восхождении к своему могуществу, объясняет И.

²⁹⁹ Как отмечает И. Валлерстайн, со временем оказывается, что страны, пришедшие к активным действиям в миросистеме, вступают в более доходные рынки и имеют существенные технологические преимущества (1991, р. 45).

³⁰⁰ И. Валлерстайн называет следующие соответствия: Тридцатилетняя война (1618–1648) предшествовала гегемонии Нидерландов, наполеоновские войны (1792–1815) – Великобритании, Первая и Вторая мировые войны (1914–1945) – США.

Валлерсайдн, гегемоны, кажется, неохотно развивают свои армии, открытое обсуждение о возможности ослабления доходов связывает их возможности ведения наземных войн. И только сталкиваясь с силой, имеющей мощные наземные военные формирования, силой, которая стремится трансформировать мир-экономику в мир-империю, политическая элита обнаруживает, что развитие наземных армий необходимо. Данное объяснение И. Валлерстайна неожиданно половинчато и неубедительно. Такой вариант объяснения тенденции усилить военное могущество не объясняет того, почему тенденция остается, когда реальной угрозы превращения мир-экономики в мир-империю не существует (современное НАТО). Интересно также то, что в объяснении И. Валлерстайна указан лишь процесс и некоторые причины гонки вооружений, но отсутствуют сам механизм и экономические основания укрепления военной сферы на фазе спада, когда система «дает трещину».

Объяснение гонки вооружений в фазе спада с обозначением основных моментов механизма экономической подпитки этого явления дают Р. Коллинз и Д. Валлер. Ухудшение результатов из-за роста конкуренции за мобильный капитал мотивирует владельцев капитала инвестировать его не только в финансовые спекуляции, но и в военную сферу. Наличие экономических ресурсов, которые могут быть направлены на поддержание военного господства, меняется со стадией цикла. Указанные авторы считают вполне вероятным, что фаза «Б» ведет к большей склонности наращивания государством военного потенциала³⁰¹. В отличие от И. Валлерстайна эти ученые видят упадок могущества не в экономических неудачах могущественной страны, а в геополитическом ее сверхрасширении, в чрезмерных затратах на военные нужды, обусловленные стремлением сохранить и преумножить свою территориальную мощь. В их работах обнаруживается подтверждение идеи Дж. Арриги о том, что современные

³⁰¹ Collins R., Waller D. Prediction of geopolitical theory and the modern world system // Questioning geopolitics: political projects in a changing world-system / Ed. by Derluguian G.M., Greer S.L. – Preager. Westport. CT, 2000. – P. 60.

Фаза «Б» – это период, когда противоречия развития системы становятся очевидными. Появляются ранее отсутствовавшие силы, которые смогли, участвуя в системе неравного обмена фазы «А», добиться преимуществ за счет сокращения преимуществ ядра и эксплуатации периферии. Эти силы включаются в борьбу за пересмотр сфер влияния, что в конечном итоге ведет к потере миросистемных и геополитических преимуществ и системный цикл накопления начинается снова.

Подведем предварительные итоги. *Во-первых*, полученные динамические модели основных структурных элементов миросистемы, а также модели воздействия геополитических факторов (обширность территории влияния, окраинность и центральность) дополняют и детализируют базовую модель роста и упадка государства (см. Рисунок 8). Полученный таким образом теоретический инструментарий позволяет более обоснованно выявлять тенденции развития конкретных государств и обществ. *Во-вторых*, устанавливая геополитические характеристики государств и свойственные им миросистемные модели развития, мы не только определяем типы пространства социальных отношений, находящихся под юрисдикцией их обществ, но также получаем возможность проведения сравнительного анализа существующих между ними неравенств. Были реконструированы динамические модели ядра, полупериферии и периферии и показано, что различия между странами, находящимися на разных уровнях иерархии миросистемы, обнаруживаются уже в содержании их моделей развития. Для того, чтобы отнести некоторое современное общество к одному из уровней миросистемной иерархии, достаточно определить, в соответствии с какой моделью происходило его развитие в текущем миросистемном цикле. Установив принадлежность общества к одному из уровней миросистемы, мы можем далее осуществлять анализ преимуществ и неудобств, которые данное общество имеет по отношению к обществам, вошедшим в группы других уровней. Однако для исследования процессов конкуренции между государствами внутри каждой группы этого оказывается

недостаточно. *В-третьих*, в теории геополитической динамики Р. Коллинза отсутствуют связи между переменной «ресурсное преимущество» и переменными «окраинный», «центральный». Иными словами, делается допущение, что преимущества «окраинности» и недостатки «центральности» проявляются в одинаковой степени у обществ миросистемы, имеющих разный ресурсный потенциал. Даже поверхностный взгляд на историю миросистемы позволяет усомниться в правильности такого допущения. *В-четвертых*, реконструированные выше геополитические и миросистемные динамические модели ограничены рамками отдельных обществ разных типов пространств социальных отношений; для того, чтобы установить синхронность и связи указанных моделей, необходимо исследовать динамику миросистемы как целостного образования, провести сравнительный анализ и синтез имеющихся в теории геополитической динамики Р. Коллинза и концепциях миросистемного подхода положений относительно цикла подъема и упадка центров могущества в международной сфере (см. следующий раздел).

2.4. Геополитико-миросистемная модель циклов мировой гегемонии

В рамках миросистемного подхода господствует представление о том, что три группы стран – ядро, полупериферия, периферия – являются относительно устойчивыми. И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин утверждают, что развитие периферий и полупериферий лишь «иллюзорно». Изменения, происходящие в периферии и полупериферии, не приближают эти общества к уровню ядра, так как граница ядра каждый раз отступает. На статистическом материале существование эффекта «иллюзорного» развития, иными словами, факта устойчивости основных групп стран ядра, полупериферии и периферии, было доказано Дж. Арриги и Дж. Дрангель, исследовавших динамику 98 государств разных уровней миросистемы за

период 1938–1983 гг. Они разбили этот промежуток времени на малые периоды (1936–1955 гг., 1960–1970 гг., 1980–1983 гг.), которые подвергли сравнению. Дж. Арриги и Дж. Дрангель обнаружили, что малые периоды характеризуются большей подвижностью в распределении доходов мировой экономики, чем период в целом³⁰³. Опираясь на полученные результаты, они показали, что распределение мирового богатства (т.е. долгосрочного дохода) более устойчиво, чем распределение краткосрочного дохода³⁰⁴. Дж. Арриги и Дж. Дрангель установили, что 95% государств, которые классифицировались в границах одной из трех зон миросистемы в 1938–1950 гг., были в той же самой зоне в период 1975–1983 гг. Среди немногих исключительных случаев перехода вверх были Япония и Италия, которые переместились из полупериферии в ядро, Южная Корея и Тайвань, продвинувшиеся из периферии в полупериферию, и Гана, которая двигалась вниз из полупериферии к периферии. Выводы авторов подтверждаются более поздними исследованиями М. Манна и Д. Рилей. Изучая неравенство доходов во второй половине XX в., они выделяют и сравнивают шесть региональных групп государств (англо-, скандинавские, западноевропейские континентальные, латиноамериканские, восточноазиатские, южноазиатские), имеющих отличительные траектории динамики неравенства. М. Манн и Д. Рилей приходят к выводу, что внутрорегиональные изменения в неравенстве доходов были меньше, чем межрегиональные изменения³⁰⁵.

³⁰³ Довольно часто в зарубежной литературе можно обнаружить утверждения о том, что бурное развитие таких стран, как Южная Корея и Тайвань, опровергают теорию зависимости, делают ее нерелевантной современным реалиям (Barrett, Whyte, 1982; Gold, 1985, p. 13–14). Такие утверждения, как правило, строятся на чрезмерном упрощении основных положений теории зависимости. Как отмечают Г. Джереффи и М. Корзеневикс, эти исключения не опровергают, «а укрепляют правило, что подвижность между тремя зонами в мир-экономике является чрезвычайно затрудненной в значительной степени потому, что граница развития, представленная деятельностью передовых зон ядра, непрерывно отстывает» (Gereffi, Korzeniewicz, 1990, p. 48).

³⁰⁴ Arrighi G., Drangel J. The stratification of the world-economy: an exploration of the semi-peripheral zone // Review. – 1986. – Is. 10. – Vol. 1. – P. 9–74.

³⁰⁵ См.: Mann M., Riley D. Explaining macro-regional trends in global income inequalities, 1950–2000 // Socio-Economic Review. – 2007. – № 5. – P. 82.

Следует отметить, что М. Манн и Д. Рилей являются не сторонниками, а критиками миросистемного подхода. Они считают, что единицей анализа должны стать не национальные государства и не мир как система, а макрорегионы – группы стран, занимающие определенные геополитические ниши, обладающие подобными политическими учреждениями, подобными культурами и подобными экономиками. Однако выделение макрорегионов вынуждает авторов делать очень грубые допущения. Например, они считают, что государства группы «англо-» перед Первой мировой войной имели относительно равное распределение доходов среди населения, если не считать «главного расового различия в США»³⁰⁶. Помимо этого, анализу не были подвергнуты Китай, государства Восточной Европы и Африканского континента. СССР и Китай упоминаются только как внешний фактор, способствующий объединению стратегий противостояния различных государств. Положительные моменты исследования могут быть наиболее ярко проинтерпретированы не вне рамок, а, напротив, в рамках миросистемного подхода. Так, макрорегионы можно понимать как структуры промежуточного уровня между национальными государствами и миросистемой.

Полученные Дж. Арриги и Дж. Дрангель, а также М. Манном и Д. Рилей результаты, несомненно, свидетельствуют о существовании относительно стабильных групп обществ в плане получения ими доли мирового богатства. Однако необходимо отметить, что временные рамки исследований довольно узки. Они охватывают лишь часть одного цикла, а именно – существование миросистемы в условиях упрочения лидерства США. Период смены лидера и весь предыдущий цикл остаются за пределами внимания этих ученых. Иными словами, они доказали лишь существование устойчивых групп в цикле, но исторический материал позволяет утверждать, что состав групп существенно меняется от цикла к циклу. Следовательно, если «неиллюзорное» развитие общества периферии или полупериферии

³⁰⁶ Ibid. P. 103.

действительно существует, то оно связано с циклами гегемонии в миросистеме.

Переход общества на более высокий уровень миросистемы, как доказали Дж. Арриги и Д. Дрангель, является редким событием. Если же выйти за рамки одного миросистемного цикла и взглянуть на динамику обществ на протяжении двух-трех циклов, то переходы обществ с одного уровня на другой становятся гораздо более очевидным фактом. Следует вспомнить, что США совершили переход на уровень полупериферии в период появления нового мирового гегемона – Великобритании. Социальные революции в претерпевающих мощные процессы периферизации России и Китае происходят в период смены мировой гегемонии. В результате социальной революции Россия/СССР не просто закрепляется на уровне полупериферии, но способна осуществлять мощное антисистемное движение и предлагать новый мировой порядок. Китай переходит на уровень полупериферии и также инициирует антисистемное движение, которое было направлено как против капиталистической миросистемы, так и системы, формируемой СССР, но несколько позже. Япония входит в состав ядра, а Германия закрепляет свой статус в ядре также после обретения устойчивых позиций нового лидера – США. Необходимо отметить, что наличие такого перехода отмечено в работах И. Валлерстайна, но даже в разделах, посвященных теоретическим выводам, он или констатирует его существование, или рассматривает его на уровне метафоры³⁰⁷. Следовательно, для исследования динамики обществ следует проследить изменения, происходящие с ними в течение нескольких циклов мировой гегемонии, а поиск причин переходов должен сопровождаться анализом стадий цикла. В разделе уточнено понятие «мировая гегемония», проведен анализ моделей подъема и упадка мировой гегемонии (И. Валлерстайн, Р. Коллинз, Дж.

³⁰⁷ Так, например, в первом томе «The Modern World-System» он считает, что «государства ядра могут стать полупериферийными, а полупериферийные – периферийными» и сравнивает страны мира с гончими собаками, которые преследуют зайца. Страны ядра возглавляют эту гонку, и их позиция постоянно оспаривается (Wallerstein, 2007, p. 350).

Модельски, Дж. Арриги), показаны границы моделей и их взаимодополняемость, предложена общая модель.

Концепция мировой гегемонии должна содержать три обязательных положения, во-первых, идею о существовании лидирующего субъекта международных отношений – гегемона; во-вторых, мысль о системных трансформациях, которые ему сопутствуют; в-третьих, тезис о реорганизации системы в периоды перехода от одного лидерства к другому. Придерживаясь этих трех базовых положений, реконструируем модель восхождения и упадка гегемонии в миросистеме.

Важным вопросом является вопрос о критериях отнесения государства к статусу гегемона. И. Валлерстайн считает, что первоочередным является *экономический критерий*, а именно – концентрация аграрно-производственных, торговых, финансовых преимуществ государства. Дж. Модельски на основании сравнительного анализа пяти гегемоний выделяет четыре основных условия, способствующих, по его мнению, установлению гегемонии государства: 1) географическое местонахождение – островное или полуостровное; 2) высокий экономический статус; 3) открытое, способное к временным союзам и партийно-организованное общество; 4) глобальный уровень военно-политических возможностей, которые в первых четырех циклах глобального лидерства обеспечивались военно-морскими силами, а в пятом, современном цикле, – военно-морскими, воздушными и космическими силами³⁰⁸. Для Дж. Арриги важны как экономический, торгово-финансовый, так и военно-политический критерии. Современное государство, чтобы достичь статуса гегемона, должно успешно совмещать капиталистическую и территориалистскую стратегии поведения в системе. Критерии и факторы успеха в достижении статуса мирового лидера были

³⁰⁸ См.: Modelski G.A. System model of the long cycle // Exploring long cycle / Ed. by Lynne Rienner Publishers, 1987. – P.113–128. Дж. Модельски вычленяет пять циклов мировой власти, которые соответствуют периодам доминирования пяти государств-лидеров: Португалия (1516–1609); Нидерланды (1609–1714); Великобритания I (1714–1815); Великобритания II (1815–1945); США (1945-).

главным предметом исследования геополитической науки с момента ее возникновения. В теории геополитической динамики гегемон, помимо военно-стратегического преимущества в системе, с необходимостью должен быть экономическим лидером. Государство-гегемон обладает выраженным ресурсным преимуществом и контролирует обширное пространство. Р. Коллинз считает, что окраинное географическое положение должно способствовать формированию гегемона, так как в этом случае государство имеет меньше границ с соседними государствами, а значит и потенциальных фронтов. Высокий уровень способности мобилизации ресурсов и преобразования их в экономическую мощь также, по его мнению, необходимы для успеха государства³⁰⁹.

В связи с различием критериев гегемонии наблюдается и различие в перечнях мировых гегемонов. Так, из всех перечисленных авторов только Дж. Модельски, К. Раслер, У. Томпсон усматривают наличие статуса гегемона за Португалией в XVI в., Р. Коллинз отвергает идею существования гегемонии Нидерландов, которая, по мнению И. Валлерстайна и Дж. Арриги, существовала в XVII в.

Пытаясь примерить разные позиции относительно критерия выделения гегемона, следует отметить, что в системе на протяжении всей ее истории происходит усложнение набора средств, необходимых для достижения статуса гегемона. Несомненно, критерий передового уровня экономического развития просматривается в случае подавляющего большинства государств-гегемонов (за исключением Португалии XVI в. у Дж. Модельски), но было бы неверно ограничиться этим критерием при анализе развития миросистемы. Так, великие торговые итальянские города-государства свое экономическое превосходство поддерживали, опираясь на искусство дипломатии. Нидерланды, используя ситуацию противоборства европейских

³⁰⁹ Р. Коллинз раскрывает это, описывая срединные государства, которые вынуждены вкладывать средства в развитие вооружений и обороноспособности страны, а не в экономику, вследствие чего происходит стагнация и возникает опасность поглощения территории соседними государствами.

держав за Испанское наследство, играли роль поставщиков финансов и необходимых товаров для воюющих государств, что невозможно без образования стабильных торговых отношений. При этом Нидерланды гораздо в меньшей степени, чем его преемники – Великобритания и позже США – использовали военные способы утверждения и поддержания своей гегемонии в системе. Великобритания в прошлом, а США по сегодняшний день, помимо всех уже указанных рычагов доминирования, активно использовали военное преимущество в продвижении своих гегемонистских интересов. Современные государства совмещают экономические, торговые и военно-политические средства для того, чтобы добиться преимуществ в миросистеме. Поэтому вполне закономерно предположить, что гегемон миросистемы будет обладать преимуществами в области параметров развития внутренней экономики и обширных внешнеторговых связей, в сфере дипломатии и вооруженных сил.

Отличие гегемона от стран ядра фиксируется учеными не только в количественном, но и на качественном уровне. Термин «гегемон» употребляется для обозначения государства ядра, которое, во-первых, служит моделью для подражания другим государствам, во-вторых, ведет систему государств ядра в направлении роста экономического богатства и военно-политического могущества. Следуя за А. Грамши, разделявшего «доминирование» и «интеллектуальное и моральное лидерство», миросистемщики приписывают гегемону функции не только экономического, военно-политического, но и интеллектуального лидера³¹⁰. Предполагается, что государство-гегемон способно направлять систему на создание новых форм межгосударственных объединений и системы разделения труда, которые способствуют частичному отказу государств от узко-национальных интересов в пользу участия в системе, сулящей им

³¹⁰ Дж. Модельски пишет: «Глобальное лидерство – это не просто надзор или управление. Существенные элементы глобального лидерства являются творческими: ответ на новые проблемы и осуществление инноваций отчасти напоминают роль учителя, роль, связанную с увеличением способности справиться с новыми ситуациями и накоплением этой способности для будущего» (2003, с. 482).

большие выгоды и перспективы за счет территориальной и/или финансовой экспансии. При этом гегемония не постоянное, а циклически возобновляемое³¹¹ и относительно непродолжительное явление системы (И. Валлерстайн).

Опираясь на идеи представителей миросистемного подхода и теории геополитической динамики сформулируем рабочее понятие «гегемон». *Гегемон* – это окраинное государство ядра, обладающее экономическим и финансовым превосходством, служащее образцом развития для государств и обществ миросистемы, способное поддерживать финансовую и территориальную экспансии на глобальном уровне. При этом в истории гегемонии наблюдается не только усиление военно-политического могущества страны-гегемона от цикла к циклу, но и обширности его территории. Так, Голландия соответствует «А 3» (малое, окраинное), Великобритания в период подъема как гегемон трансформируется из «А 3» в «А 1», США соответствуют типу пространства социальных отношений «А 1» (большое, окраинное)³¹².

Если сравнивать динамические модели циклического развития миросистемы разных авторов, то очевидным оказывается тот факт, что теория И. Валлерстайна содержит лишь логику воспроизводства системы, логика трансформации системы в ней отсутствует. Системный цикл, по И. Валлерстайну, состоит из трех основных этапов: конкуренции, гегемонии, утраты гегемонии. Первый этап является периодом жесткой конкуренции

³¹¹ Как правило, разные авторы дают разные названия глобальным циклическим процессам, например, у И. Валлерстайна это «системный цикл», у Дж. Модельского – «долгий цикл». Однако указываемые авторами характеристики не исключают друг друга, а подчеркивают некоторый аспект одного и того же явления.

³¹² Относительно роли окраинности в восхождении гегемона следует отметить результаты исследования отечественного ученого Л.А. Безрукого. Он обращает внимание на то, что все три случая гегемонии являются случаями приморских стран. Л.А. Безруков заключает, что «мировое хозяйство и мировой рынок сложились во многом благодаря преимуществам и совершенствованию морского транспорта, который обеспечивал развитие международного разделения труда и в ширь, и в глубь, т.е. вовлекал в процесс обмена все новые и более дальние территории и страны, с одной стороны, и все более громоздкие, массовые товары, - с другой» (Безруков, 2006, с. 24).

между элитами разных стран. Второй этап начинается, когда отдельное государство достигает высокого уровня концентрации аграрно-производственных, торговых и финансовых преимуществ. Приоритет этой державы над другими упрочивается в результате войны, вовлекающей в столкновение почти все основные военные державы эпохи. Вслед за войной открывается эпоха «глобального либерализма», которая, с одной стороны, ведет к распространению технологического и делового опыта за пределы сферы, подконтрольной государству-гегемону. По И. Валлерстайну, «державы в период своей гегемонии имеют тенденцию выступать как адепты глобального «либерализма». Они выступают защитниками принципов свободного движения факторов производства (товаров, капиталов и труда) по всему миру-экономике»³¹³. С другой стороны, происходит чрезвычайный рост доходов населения внутри страны-гегемона. Оба последних момента ведут гегемона к утрате преимуществ. В результате распространения технологических знаний предприниматели, вышедшие на мировой рынок позже, осваивают наиболее прибыльные рынки, используя самые передовые технологии, уменьшая, таким образом, материальную основу производственных преимуществ державы-гегемона. Распространение опыта способствует не только подъему конкурентных сил, но и разрушению сети союзов, «терпеливо созданных державой-гегемоном». Рост доходов сказывается на увеличении стоимости рабочей силы и с течением времени это снижает конкурентоспособность предприятий государства-гегемона.

Дж. Модельски³¹⁴, напротив, настаивает на мысли о том, что гегемон дает системе новое направление и изменяет ее. Различие моделей наводит на мысль о том, что модель воспроизводства системы И. Валлерстайна может

³¹³ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: «Университетская книга», 2001. – С. 44.

³¹⁴ Власть лидера распространяется по мере проникновения инновации и установления нового порядка в других государствах. Дж. Модельски отмечает, что «Португалия делала это с помощью инициатив в открытии новых земель, Нидерланды – в формировании протестантской этики, образовании мировой системы и развитии капитализма, Британия – в промышленной революции и изобретении либерального государства и США – в знаниях и информационной революции» (Modelski, 1990, p. 12).

быть дополнена моделью ее трансформации Дж. Модельски, перехода системы к иному порядку.

Логика воспроизводства системы свойственна не только И. Валлерстайну, но и теоретическим построениям Р. Коллинза. В геополитической модели империалистской экспансии могущественного капиталистического государства Р. Коллинза не находят отражения изменения, происходящие в системе в целом (см. Приложение 4). Помимо этого, если у Дж. Модельски система содержит, по крайней мере, уровни ядра и периферии, то Р. Коллинз исключает эту проблематику совсем³¹⁵. Однако именно теория Р. Коллинза обладает необходимым теоретическим инструментарием для описания явлений геополитики. Понятия «геополитика», «геополитический» в своих исследованиях используют как И. Валлерстайн, так и Дж. Арриги, однако их модели роста и упадка государства, в том числе гегемона, остаются экономико-центрированными. У модели Р. Коллинза есть еще одно достоинство, отсутствующее у представителей миросистемного подхода, он предполагает наличие в системе нескольких конкурирующих центров, которые лишь по мере приближения этапа «решающих войн» объединяются в два враждующих блока. Концепции миросистемного подхода И.Валлерстайна, Дж. Арриги, Дж. Модельски и теория геополитической динамики Р. Коллинза дополняют друг друга. Синтез позволяет преодолеть методологические рамки теории И. Валлерстайна, на которые указывали Т. Скочпол (игнорирование «административных и военных организаций, встроенных в международную геополитическую систему военного соперничества») и Дж. Абу-Луход

³¹⁵ В работах Р. Коллинза отсутствует, кроме того, интерпретация исторических событий, связанных с подъемом и упадком государств ядра. Такая историческая интерпретация, с использованием геополитического принципа «чрезмерного расширения» подконтрольной территории, есть в книге «Подъем и упадок великих держав» П. Кеннеди (Kennedy, 1989), являющегося автором этого принципа и чьи теоретические разработки легли в основу геополитической теории Р. Коллинза.

(неготовность объяснить переход к системе с множественными центрами в период упадка)³¹⁶.

Относительно модели Дж. Модельски следует сделать несколько критических замечаний. Во-первых, его теория не обладает идеологической нейтральностью. Ценностным основанием концепции является международный порядок на основе демократии. У государства-гегемона, по мнению Дж. Модельски, имеется цель более высокого уровня, чем доминирование. Такой целью, по его мнению, является демократия как основа взаимоотношений в международной системе, как условие порядка в глобальной системе и возможного отказа от войн между государствами. В какой-то мере здесь у Дж. Модельски проявились философские основания либеральной парадигмы демократического мира. В этом же ценностном ключе работают К. Растлер и У. Томпсон.

Во-вторых, цикл лидерства, согласно Дж. Модельски, составляет примерно 100 лет. Такие жесткие рамки вызывают сомнение, например, неочевидным является факт гегемонии Англии XVIII века, так как экономическая система Англии финансово зависела от Нидерландов. Если все же мы согласимся с тем, что Англия XVIII в. являлась гегемоном и это время не было длительным периодом перехода от лидерства Нидерландов к лидерству Англии, то следует задать вопрос, как соотносятся английская гегемония XVIII в. и XIX в., когда Англия действительно неоспоримо занимала лидирующие позиции в системе, это был какой-то особый тип или уровень гегемонии? Предсказание упадка современного гегемона также происходит путем обычного распространения 100-летнего цикла на будущее.

В-третьих, Дж. Модельски противопоставляет глобальному лидеру «челленджера», государство, которое предлагает новый порядок и стремится стать лидером с помощью силовых методов, накапливая вооружение и подрывая установленный гегемоном порядок в системе. Однако Дж. Модельски, скорее, назначает государствам роль гегемона (как и

³¹⁶ См. стр. 144–145 данного диссертационного исследования.

«челленджера»), а не обосновывает этот статус как результат борьбы за лидирующие позиции в системе порою равных по силам обществ.

Синтез моделей миросистемного подхода и теории геополитической динамики позволил получить более полную модель подъема и упадка гегемона (см. Рисунок 11).

Три основных этапа системного цикла И. Валлерстайна (конкуренция, гегемония, утраты гегемонии), как уже отмечалось, не отражают появление в системе новаций, обеспечивающих логику последующего цикла. Введение данного компонента, потребовало изменения модели И.Валлерстайна, было выделено четыре основные стадии системного цикла подъема и упадка гегемона, а именно: 1) благоприятного для восхождения новой гегемонии баланса сил; 2) системной экспансии и кумулятивных процессов (глобального либерализма, финансовой экспансии, распространения технологического и делового опыта, образования сетей неравного обмена, военной экспансии); 3) укрепления новых центров и конфигураций силы; 4) предложения новых форм порядка и разрыва сетей неравного обмена. Данная модель объясняет рост и распад системы, созданной гегемоном. Важно подчеркнуть, что в данной модели (в отличие от модели И. Валлерстайна) находит отражение, во-первых, тот факт, что вместе с подъемом и упадком гегемона соответственно изменяется размер контролируемого им пространства. Во-вторых, модель предполагает, что в период обострения конкуренции между центрами миру предлагаются различные проекты будущего. По мере распространения в пространстве декларируемого гегемоном порядка происходит укрепление новых центров системы, которые приняли данный порядок и заняли благоприятную для роста нишу в пространстве социальных отношений миросистемы. Среди формирующихся новых центров появляются субъекты, развитие которых тормозится условиями господствующего в системе порядка, формируются предложения о новых формах устройства миросистемы. Упадок могущества гегемона, появление новаций в системе происходит в ситуации кумулятивных

процессов в системе и втягивания государств в глобальный конфликт. При этом, как показывает история становления современной миросистемы, гегемону на стадии упадка в отличие от стран полупериферии не свойственны социальные революции или внутригосударственный распад³¹⁷.

Существование в мировой системе мегатенденций интеграции, дезинтеграции и формирования множественных центров отмечают многие отечественные ученые. Так, В.И. Пантин и В.В. Лапкин исследуют глобальные ритмы интеграции и дифференциации на основе переосмысленной ими концепции понижательных и повышательных волн Н. Кондратьева³¹⁸. Данные авторы выделяют четыре основные фазы эволюции международной системы: фазу технологического переворота, фазу великих потрясений в мировой экономике и политике, фазу революции международного рынка и фазу структурного кризиса. Представленная ниже модель в отличие от теоретических построений указанных авторов большее внимание уделяет механизму подъема и упадка гегемона, стадии цикла имеют причинно-следственные связи, модель включает в себя как миросистемные, так и геополитические категории. Далее, Н.С. Розов выделяет три Мегатенденции мирового развития – «вестернизацию», «протестную или изоляционистскую» и «многополюсного партнерства»³¹⁹. Он рассматривает три мегатенденции как сосуществующие в одном времени процессы свойственные разным субъектам мирового пространства, указывает на их возможные «сбои», «закаты», «витки развития». Н.С. Розов отмечает на существование взаимосвязей трех Мегатенденций. Так он указывает, что при углублении кризиса в Мегатенденции I – «вестернизации», получают

³¹⁷ Это факт наблюдается еще с периода экономического лидерства итальянских городов в системе. Межсословная борьба не являлась причиной их упадка. Ф. Бродель отмечает: «Что касается простонародья, людей бедных, то они неоднократно пытались изменить положение вещей, но чаще безрезультатно» (2008, с. 316).

³¹⁸ Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: Феникс+, 2006. – С. 242–332.

³¹⁹ См., подробнее, Розов Н.С. Колея или перевал: макросоциологические основания стратегии России в XXI веке. – М.: РОСПЭН, 2011. – С.526–527.

импульс развития Мегатенденция II – «изоляционистская», и Мегатенденция III – «многополюсного партнерства»³²⁰. В представленной ниже модели на историческом материале показаны процессы циклического расширения миросистемы, которые, несомненно, последние пятьсот лет, вели систему к вестернизации.

В соответствии с миросистемным подходом на протяжении последних пяти столетий происходил подъем и спад трех гегемонистских сил – Нидерландов (XVII в.), Великобритании (XIX в.) и США (XX в.).

Стадия 1. Баланс сил, благоприятный для восхождения новой гегемонии, – это ситуация нарушения равновесия между главными соперничающими сегментами миросистемы (государств или межгосударственных коалиций), ведущая к открытому военному противостоянию и взаимному истощению.

Нидерланды. Подъем гегемонии Нидерландов происходит, когда территориальные государства Европы сталкиваются с опасностью, угрожающей их суверенитету со стороны Испанской империи. Баланс сил был благоприятен для подъема Нидерландов, так как в таких условиях было достаточно легко использовать свои деньги и дипломатические связи. В военном плане Нидерланды никогда не была гегемоном, подобным Англии и США, их могущества хватало только для того, чтобы отстоять независимость. В то время, как другие государства стремились мобилизовать свои усилия для войны на суше, Нидерланды концентрировали свои усилия на море и стремились стать финансовым и торговым посредником для стран всей Европы³²¹.

³²⁰ Там же. Розов Н.С. 2011. – С. 506–505.

³²¹ В 1609 г. был учрежден вексельный банк Амстердама, вскоре ставший центром европейского депозита и обмена. Здесь находили прибежище капиталы Европы, безопасность которых на родине вызывала тревогу их собственников. В результате Амстердам стал центром международной платежной системы. С помощью векселей на Амстердамский банк можно было оплачивать любую торговую сделку в любом уголке Европы. Низкий банковский процент сделал Амстердам центром кредита и вывоза капитала за рубеж. Основной формой использования денежных резервов становится

Рис. 11. Системный цикл подъема и упадка гегемона
(И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, Р. Коллинз)

вложение денег в государственный долг как самой Голландии, так и других стран (Барг, 1994, с. 97).

Великобритания. Семилетняя война (1756–1763) и война с Наполеоном создали баланс сил, благоприятный для подъема Англии как нового гегемона. В то время, когда большинство европейских держав были скованы Семилетней войной с Пруссией, Англия, будучи ее союзником, успешно воевала в колониях. Ей удалось захватить Канаду, часть Луизианы, Флориду, но, что особенно важно, она захватила большую часть Индии. После окончания войны Англия обретает великолепную возможность, грабя Индию, закрыть свои внешние долги и стать финансово независимой перед встряхнувшими всю Европу наполеоновскими войнами. К концу наполеоновских войн Англия, во-первых, еще больше расширила свои и без того обширные колониальные владения; во-вторых, добилась устранения своего главного соперника – Франции; в-третьих, заставила «другие страны признать установленное ею же самой грабительское по существу «морское право», т.е. «право» останавливать в открытом море и осматривать торговые корабли нейтральных стран с целью конфискации направляемых в неприятельские гавани товаров»³²²; в-четвертых, развитая во время войны черная металлургия стала источником дешевого продукта для новой фазы индустриальной революции. Как отмечал У. Макнил, на общий объем производства и ассортимент продукции британских фабрик и кузниц в 1793–1815 гг. оказывали сильное влияние государственные расходы на военные нужды. Спрос государства стимулировал развитие черной металлургии, которая, как покажет послевоенная депрессия 1816–1820 гг., будет перекрывать потребности мирного времени. Однако это также создавало условия для дальнейшего роста, поскольку британские металлурги получили стимул для поиска новых сфер применения своего дешевого продукта. Военные потребности британской экономики опережали время и формировали последующую фазу индустриальной революции, позволяя

³²² История дипломатии: в 5 т. – М.: Политическая литература, 1959. – Т. 1. – С. 500.

улучшить паровой двигатель и осуществить такие решающие инновации, как железные дороги и железные суда³²³.

США. Первая мировая война дезинтегрировала мировую систему, построенную в XIX в., а затем Великая депрессия 1930 г. и Вторая мировая война окончательно разрушили ее остатки. С окончанием Второй мировой войны США оказались самой могущественной страной мира³²⁴. Складывается баланс сил, благоприятный для подъема нового гегемона. Все индустриальные страны, кроме США, были в разной степени разрушены, а экономические связи внутри Европы оказались разбалансированы. Помимо этого, в конце войны проходит волна восстаний в колониальном мире. Великобритания, Франция, Бельгия, Португалия и Нидерланды не имели средств восстановить и поддерживать влияние на территориях, ранее им подконтрольных. США получили возможность проникновения на рынки, которые ранее им были недоступны.

Давая характеристику этим трем гегемониям в соответствии с типологией пространств социальных отношений, следует отметить, что Голландия и Англия в процессе своего восхождения в статус гегемона претерпели следующие изменения: «А 3» (окраинное государство ядра с малой территорией влияния) – «А 1» (окраинное государство ядра с большой территорией влияния) – «А 2» (центральное государство ядра с большой территорией влияния) – «А3» (окраинное государство ядра с малой территорией влияния) (табл.). США к гегемонии шли несколько иначе. После Войны за независимость в статусе полупериферии США обладали окраинной и относительно небольшой территорией влияния (иными словами, соответствовали «Б 3»), примерно 2149 000 км². Расширение территории

³²³ См.: McNeill W. The pursuit of power: technology, armed force and society since A. D. 1000. – Chicago: Chicago Univ. press, 1982. – P. 211–212.

³²⁴ Внутренний валовой продукт увеличился (в ценах 1958 г.) с 209, 4 млрд в 1938 г. до 355,2 млрд долл. в 1945 г., что составляло половину мирового производства товаров и услуг. Имея 6% мирового населения, Соединенные Штаты обеспечивали 46% мирового производства электричества, 48% радиол, 54% – телефонов, а американские компании контролировали 59% разведанных запасов нефти (Лундестад, 2002, с. 22).

(последовательный переход к «Б 1») вело к сокращению границ, сопредельных с границами потенциальных противников, – колониальных государств Европы, а одновременный экономический рост вел к изменению миросистемного статуса из полупериферии в ядро. Еще задолго до того, как США начинают претендовать на ведущее место в миросистеме, они уже контролировали внушительную территорию, но эта территория была «базовой» (кроме Филиппин). Преодолев тенденции изоляционизма, характерного для полупериферии на этапе «борьбы с эксплуатацией», США в начале XX в. стремительно, хотя и с переменным успехом, увеличивают территорию влияния в мире. Иными словами, восхождение США к гегемонии и сегодняшнее состояние можно охарактеризовать следующим образом: «А 1 (базовая)» – «А 1».

Статус гегемона страна обретает на стадии «А 1» – окраинное государство ядра с большой территорией влияния.

Стадия 2. Системная реорганизация подразумевает последовательное формирование новой мировой системы разделения труда внутри ядра и между другими структурными единицами миросистемы. В каком-то смысле это процесс выстраивания новой структуры миросистемы. Начинается он после мировых войн и идет в направлении предложенного гегемоном и принятого субъектами системы порядка. Государство-гегемон выступает для государств ядра как образец для подражания. *Подражание гегемону* следует понимать как объективацию его международного престижа, обусловленного экономическим успехом. Подражая гегемону, субъекты мобилизуют ресурсы для реализации проектов, связанных с модернизацией сфер производства и управления, а также с созданием общей с ним системы разделения труда³²⁵.

³²⁵ Так, итальянские города Венеция, Генуя, Флоренция служили примером для городов Европы, которые боролись за «хартии вольностей», а именно: «за право на самоуправление, на контроль за собственными финансами, на собственное судопроизводство, на приобретаемые ими земли» (Бродель, 2008, с. 316).

Системная реорганизация и подражание гегемону обуславливают процесс расширения мирового пространства, структура которого подчинена определенному порядку. Иными словами, наблюдается *процесс структурной экспансии*, которая включает в себя такие необходимые элементы, как: глобальный либерализм и религиозная терпимость³²⁶; финансовая экспансия (вызванная, с одной стороны, перенакоплением капитала в стране-гегемоне, а с другой стороны, ростом потребности в свободном капитале у других стран системы); распространение технологического и делового опыта (в том числе и в сфере военного сотрудничества); образование сетей неравного обмена; военная экспансия. Системная экспансия выгодна как политической, так и экономической элите страны-гегемона. Рост подконтрольной территории, а также подчинение мировых рынков потребностям и конъюнктуре крупного капитала благотворно сказывается на консолидации главных интересов экономической и политической элиты гегемона и ядра. Процесс структурной экспансии в последних двух циклах отмечен отсутствием войн между странами ядра.

Нидерланды. Успех Голландии в XVII в. в морской торговле и захвате новых территорий втягивал на ее путь развития могущественные европейские государства. Особенно явно этот процесс начинается после устранения испанской опасности для государств Европы³²⁷. Страна с населением в два миллиона человек достигла высочайшего уровня развития в области производства, сельского хозяйства и финансов того времени. Либерализм служил идеологическим основанием политики Голландии. «Либерализм в международной торговле, выраженный в тезисе Гуго Гроция „Свободное море“, разумеется, вытекал из склоняющейся в сторону

³²⁶ Как отмечал Ф. Бродель, великие торговые города, каждый из которых был «Ноевым ковчегом» для своего пестрого космополитического населения, обязательно предполагал существование религиозной терпимости (Бродель, 1992, с. 23).

³²⁷ Arrighi G., Po-keung Hui, Krishnendu Ray, Reifer Thomas Ehrlich. *Geopolitics and high finance // Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity / Ed. by G. Arrighi, B. J. Silver and all. – Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1999. – P.45.*

Голландии чаши весов в международной торговле и был направлен против Испании, проводившей в жизнь политику, противоположную – „Закрытого моря“»³²⁸.

Великобритания. Голландия уступает статус гегемона Великобритании. В XVIII в., опираясь на свое промышленное превосходство, Лондон начинает борьбу за торговое и колониальное господство, за статус гегемона в миро-системе³²⁹. В отличие от Голландии Англия была мощным индустриальным центром, «мастерской мира», а в XIX в. она становится к тому же интегрированной системой механизированного транспорта. Развитие капитализма подстегивало расширение территориальной экспансии. В XIX в. Англия становится образцом могущественного и богатого государства, образцом для подражания. Возможность колониальных завоеваний и рост мирового разделения труда усиливали интерес европейских стран в защите мировой торговой системы, центром которой являлась Англия. Британия была главным организатором и главным бенефициарием системы мировой взаимозависимости, в рамках которой она исполняла функции центральной расчетной палаты и регулятора. При этом, если функция главной расчетной палаты была неотделима от Британии как мастерской мира, функция центрального регулятора была неотделима от ее роли лидирующего строителя империи в неевропейском мире. Дж. Арриги с соавторами указывает на ряд отличий в ситуациях баланса сил, поднявших к вершине мирового могущества Нидерланды и Англию. Во-первых, в отличие от анархичной, не имевшей центра управления международной системы, возникшей после Вестфальского мирного договора, международная система, установленная в Вене, являлась системой, в которой баланс сил становился инструментом неформального господства Англии. Во-вторых, оба случая

³²⁸ Барг М.А. Социальная структура европейской экономики второй половины XVII в. // История Европы. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII вв.). – М.: Наука, 1994. – С. 97.

³²⁹ К. Маркс отмечал в этом отношении: «История падения Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу» (Маркс, 1955, с. 345).

гегемонии – это случаи, когда метрополия играла роль центра транзитной торговли. Но торговая система Голландии, едва установившись, была подорвана соперничающими центрами силы. Будучи центром мировой торговли, Англия использовала рычаг баланса сил с целью достижения мира, который снижал шанс, что какое-либо государство сделает с Англией то же, что она сделала с Голландией после Вестфальского мира, а именно демонтировала ее торговую систему³³⁰.

США выступали как защитник мирового порядка, основанного на демократии и либерализме³³¹. Противостояние двух систем усиливало в мире кумулятивные процессы и питало структурную трансформацию капиталистической миросистемы. При этом государство, кроме исполнения роли регулятора внутренней экономики и субъекта международных отношений, занимается проблемами социального обеспечения, перераспределения доходов, что снижало внутренние противоречия в странах ядра и делало привлекательным «западный» образ жизни во многих странах мира. Посредством доктрин Трумэна и «Плана Маршалла» США выстраивали систему отношений со своими союзниками таким образом, что последние оказывались в зависимости от политики США в области глобальной безопасности, контроля над потоком нефтяных и сельскохозяйственных товаров. Послевоенная либерализация движения

³³⁰ Arrighi G., Po-keung Hui, Krishnendu Ray, Reifer Thomas Ehrlich. Geopolitics and high finance // Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity / Ed. by G. Arrighi, B. J. Silver and all. – Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1999. – P. 60–62.

³³¹ Анализ различий европейского и американского либерализма, а также критику последнего осуществил Самир Амин в книге «Вирус либерализма». Американский либерализм восходит корнями к европейскому либерализму, в котором со времен Французской революции проявлялась связь идей свободы и равенства. Американский вариант либерализма, считает С. Амин, исключает идею равенства и «признает только одну ценность – личную свободу», которая в сочетании с идеей «избранного народа», возникшей из недр «протестантского фундаментализма», оправдывает подчиненную логике накопления капитала империалистическую экспансию и порождаемое ею насилие. Помимо этого, С. Амин утверждает, что британцы и французы обладали интеллектуальными средствами, позволявшими им «размышлять об Империи в долгосрочной перспективе». В отличие от них Вашингтон в своей политике пользуется политикой «скорого обогащения» (Амин, 2007, с. 117).

товаров, финансов и услуг при лидирующих позициях США использовалась «в значительной степени для того, чтобы создать благоприятную окружающую среду для американских предприятий. Условия соглашения были, конечно, приемлемы для других государств ядра, однако последовательность мероприятий внутри ядра была такова, чтобы открыть большие возможности для американских предприятий. Эти меры включали «План Маршалла», который обеспечил для США экспорт в Европу; либерализацию торговли (1950–1960 гг.); либерализацию иностранных прямых инвестиций (1960-е гг.); либерализацию международных финансовых операций (1970–1980 гг.), либерализацию в сфере услуг, информации и сельского хозяйства» (1980–1990 гг)³³².

Стадия 3. Укрепление новых центров и конфигураций силы. Системная экспансия вызывает эффекты, которые со временем подтачивают силы гегемона, разрушая столь необходимое для экспансии единодушие элит ядра. Так, важнейший элемент структурной экспансии гегемона – финансовая экспансия – со временем порождает противоречия в развитии системы. С одной стороны, она поддерживает силы гегемона³³³, с другой – финансовая экспансия расширяет и углубляет рамки межгосударственной конкуренции³³⁴ и социальных конфликтов. Распространение технологий и делового опыта, приток свободного капитала, налаживание сетей неравного обмена с периферией приводят к тому, что государства ядра (и некоторые государства полупериферии) усиливают свои позиции. При этом потребность в свободном капитале, которого по мере расширения системной экспансии становится меньше, как правило, сочетается с межгосударственной

³³² См. об этом подробнее: The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Hopkins T.K., Wallerstein I., Casparis J. [et al.]. Zed Books. – London. UK.; New Jersey, USA; Pluto Press Australia, 1997. – P.64.

³³³ Гегемон пользуется преимуществами своего лидерства в форме привилегированного доступа к избыточной ликвидности, аккумулируемой на финансовых рынках. Этот доступ позволяет падающему гегемону удерживать, по крайней мере некоторое время, силы, которые ставят под вопрос его дальнейшее доминирование.

³³⁴ В результате перераспределения капитала в системе образуются структуры, которые обещают капиталу большую безопасность и больший рост, чем доминирующая структура.

конкуренцией за свободный капитал. Все это подготавливает условия для появления новых центров и конфигураций сил как в ядре, так и на полупериферии³³⁵. В результате кумулятивных процессов в системе начинаются «уравнивающие» войны, в результате которых государство-гегемон становится первым среди равных.

Нидерланды. Как только испанская угроза была нейтрализована, а государственный суверенитет упрочился, интересы территориальных государств устремились в сферу оборота капитала и торговых сетей, в сферу, которая была основой могущества и богатства Нидерландов. Территориальные государства стремились достичь успеха, подражали Голландии в морской торговле и захвате новых земель, вставали на путь, реорганизуя систему в целом³³⁶. Формирование соперничающих центров приводит к ослаблению Нидерландов, к условиям, способствующим разрыву построенных и контролируемых голландскими купцами цепочек неравного обмена между колониями и европейскими государствами. Три англо-голландские войны ускорили падение торгового могущества и миросистемы, ядром которой являлась Голландия. Первая англо-голландская война (1652–

³³⁵ «Умножение числа центров – свидетельство либо о некой форме молодости, либо же о какой-то форме вырождения или перерождения» (Бродель, 1992, с. 18).

³³⁶ Представление о том, какой была в пространственном отношении европейская миросистема, можно получить из характеристики стран этого региона второй половины XVII в., данной М.А. Баргом. Он отметил наличие в Европе четырех регионов, каждый из которых оказывался в специфическом общественно-экономическом положении в рамках системы общеевропейского взаимодействия: 1) регион, в котором господствовал раннекапиталистический уклад (Голландия и Англия); 2) регион, где фаза мануфактурного производства воплощалась лишь в укладе, остававшемся подчиненным в господствующей феодальной структуре (Франция, ряд регионов Германии, Швеция); 3) регион, в котором в XVII в. отмечался общественно-экономический регресс, попятное движение в сравнении в XVI в. (Испания, Португалия, Северная Италия, Юго-Западная Германия); 4) регион крепостничества (Заэльбия, Чехия, Венгрия, Польша, Прибалтика, Россия) (1994, с. 95–96). Первые два региона – это страны ядра, при этом Голландия и Англия являлись странами, поочередно игравшими роль гегемона в системе. Третий регион – это страны полупериферии. Четвертый регион – европейская периферия. Россия, правомерно отнесенная М.А. Баргом к региону крепостничества, в XVI в. еще не вошла в структуру европейской миросистемы. Формирование крепостничества в России шло, как это отмечает Н.М. Дружинин, через стремление сдержать отток крестьян с поместных земель на обширные свободные территории (Дружинин, 1972). Вхождение России в капиталистическую мир-экономику Европы в последующем обернется усилением крепостного права.

1654 г.) заканчивается признанием Генеральными штатами Навигационного акта Кромвеля, документа являвшегося типичным продуктом меркантилизма XVII в. По большому счету вся система европейского меркантилизма XVII в. была направлена на укрощение могущества Нидерландов в морской торговле. Согласно Навигационному акту Кромвеля (1651) в Англию позволялось ввозить иностранные товары только на английских кораблях, находившихся под началом англичан и чьи команды составляли бы не менее 3/4 английских матросов. При этом товары следовало везти из тех регионов и стран, где они были произведены. Вторая англо-голландская война (1665–1667 гг.) обнаружила высокий уровень уязвимости колониальных владений Голландии³³⁷. Третья англо-голландская война (1672–1674 гг.) показала уязвимость самой Голландской республики и ее торговой системы со стороны преследующих свои интересы соседних государств. Стратегическое положение Голландии все более отчетливо становится центральным³³⁸ – «А 4». Голландия оказалась зажатой с моря английским флотом, с юга – французскими сухопутными войсками, с востока ей угрожала армия немецких князей. Только крайняя непопулярность внешней политики Карла II в среде английской буржуазии, которая опасалась захвата испанских Нидерландов французами и усиления Франции больше, чем соперничества Голландии, а также образование антифранцузской коалиции вынудили английское правительство выйти из войны. В последовавшем далее обострении отношений между Францией и Англией³³⁹ Голландия, выбрав

³³⁷ Война шла с переменным успехом, на стороне Голландии выступили Франция и Дания. Несмотря на успехи голландской эскадры в конце войны (эскадра, уничтожив часть английского флота, блокировала устье Темзы и угрожала непосредственно Лондону), заключенный в июле 1667 г. в Бреда мирный договор лишил Голландию Нового Амстердама – колонии в Северной Америки – в пользу Англии. Голландия вернула себе захваченный ранее Англией Суринам (Нидерландская Гвиана) и добилась права возить на своих судах в Англию германские товары.

³³⁸ Война была спровоцирована Францией и Англией, к которым присоединилась Швеция и княжества Кёльн и Мюнстер.

³³⁹ В результате «Славной революции» (1688 г.) в Англии на английский престол восходит штатгальтер Голландии Вильгельм III Оранский (муж Марии, дочери английского короля Якова II). Организаторы переворота, приглашая его на престол,

меньшее из двух зол, становится союзницей Англии, и вплоть до войны за независимость Соединенных Штатов она будет способствовать сдерживанию роста французского могущества и играть в международной политике вторые роли. Поэтому конец XVII века является переломным этапом существования гегемонии Голландии в европейской мир-экономике. Однако сам процесс упадка происходит постепенно, в течение длительного времени. Утрата Голландией лидирующих позиций в мире становится очевидной во второй половине XVIII в.

Великобритания. Важную роль в процессе образования конкурирующих с Великобританией центров сыграла «индустриализация войны» (У. Макнил). Начатая Великобританией и подхваченная другими великими державами мира «индустриализация войны» ведет к подъему мощных центров силы, в первую очередь Франции и России. Военно-индустриальный комплекс конкурентов становится столь сильным, что Великобритания теряет возможность поддерживать необходимый баланс сил. Королевский военно-морской консерватизм создал благоприятный шанс для соперников, которые могли строить технологически более современные корабли. Причины консерватизма У. Макнил описывает следующим образом: «...главный центр паровых судов находился в Великобритании, но мировое превосходство британского флота, неоспоримое после Трафальгарской баталии (1805 г.), покоилось на парусах и навыках, требующих вести бой на судах, модель которых кардинально не изменилась с 1670-х годов. При таких обстоятельствах застойное положение Британского Адмиралтейства было совершенно обоснованным. Поставки корабельного леса, оборудование морских верфей для строительства и ремонта военных судов, для литья артиллерийских орудий и консервации провианта: в двух словах все, что было необходимо для сохранения военно-морского верховенства Британии, было решительно на своем месте и

рассчитывали, что он не будет претендовать на верховенство над парламентом, обеспечит личную унию и союз Англии и Голландии против Франции.

функционировало. К чему тогда принимать неиспытанные аппараты? Зачем, действительно? Часто упоминаемый меморандум Адмиралтейства от 1828 г., хотя абсолютно совершенно ложный в своем взгляде на будущее, и тем не менее выражал чисто рациональную оценку обстоятельствам, которым Великобритания противостояла». Считалось, что введение в военно-морской флот судов с паровым двигателем «нанесет удар по военно-морскому превосходству Империи»³⁴⁰. Абсолютная уязвимость деревянных судов была продемонстрирована в 1853 г. в Синопской битве, когда впервые в военной практике были применены крупнокалиберные корабельные пушки и русские ядра быстро уничтожили турецкую флотилию. Русская победа ускорила вступление Великобритании в Крымскую войну (1854–1856 гг.). Несмотря на союз Великобритании и Франции, эта война показала наличие в Европе центров сил, способных эффективно применить в своих целях военный арсенал.

Стремительный рост Германии и США также ставит под вопрос политическое могущество Великобритании. Затраты на защиту удаленных колоний возросли. Германия развивается более быстрыми темпами, чем США, в силу своей тесной связи с экономиками стран Европы и заинтересована в переделе мирового пространства. Оставаясь главным финансовым центром мира, Великобритания больше уже не являлась его мастерской.

США. До конца 1960-х гг. США обладали экономическим преимуществом перед остальными странами мира. В последующие годы доля американского производства по отношению к мировому стала заметно сокращаться, так как американские фирмы стали ощущать мощную конкуренцию со стороны европейских и азиатских фирм. Примером может быть структура «Триады» из Северной Америки, Европы и Восточной Азии. В 1987 г. странам «Триады» принадлежало 65% мирового ВВП, в 1989 г. –

³⁴⁰ См., подробнее, McNeill William. The pursuit of power: technology, armed force and society since A. D. 1000. – Chicago: Chicago Univ. press, 1982. – P. 125–126.

50% мировой торговли и почти 100% финансовых потоков³⁴¹. Интенсивный процесс экономической и финансовой интеграции между этими центрами, наблюдаемый в течение нескольких десятилетий, сопровождался процессами конкуренции, ведущей к разделению мирового пространства между разными группами ТНК. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн считают, что в структурной трансформации миросистемы с американской гегемонией важнейшую роль сыграли ТНК. Соревнование ТНК внутри ядра в 1970-1980 гг. вовлекло в транснациональную сеть различные регионы, что вело к образованию различных периферий и полупериферий, интегрированных с разными группами ТНК. Японские сети были развиты главным образом в Восточной и Юго-Восточной Азии, сети ЕС – в Центральной и Восточной Европе, а американские – в Латинской Америке. Поскольку США потеряли свое превосходство в производстве и торговле в 1970-е гг., основной областью деятельности ТНК США стали секторы обслуживания типа банковского дела, финансирования, деловых услуг, транспортировки, телекоммуникаций. С течением времени, когда японские и европейские ТНК догнали США в этой области, мировой рынок обслуживания оказался во власти небольшого количества ТНК стран ядра – «Триады».

Ст а д и я 4. Предложение новых форм миропорядка и разрыв сетей неравного обмена. Формирование в процессе финансовой экспансии новых центров силы в ядре и могущественных, враждебно настроенных к существующему порядку территориально обширных полупериферий, которые функционируют в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации», ведет к увеличению протяженности сопредельных границ гегемона с границами потенциальных противников. В миросистеме появляются государства, предлагающие «новый порядок». Наиболее могущественное государство, способное бросить «старому порядку» вызов, Дж. Модельски называет «челленджером». Постепенно складывается

³⁴¹ The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Hopkins T.K., Wallerstein I., Casparis J. [et al.]. Zed Books. – London. UK.; New Jersey, USA; Pluto Press Australia, 1997. – P. 50–51.

ситуация системного хаоса – ситуация отсутствия мирового порядка и стягивания государств в глобальный конфликт.

Голландия являлась центром мировой торговли XVII в. Однако успех политики меркантилизма в странах Балтийского региона подорвал мировую торговую систему и соответственно источник обогащения Голландии. Война за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) временно изменила ситуацию в пользу Голландии. Борьба за мобильный капитал между воюющими странами Европы создавала благоприятные условия для финансовой экспансии, Голландия снова оказалась главным мировым заемщиком капитала, это временно укрепило ее пошатнувшееся влияние. Однако отток капитала и целая череда кризисов, которые испытала финансовая система Амстердама в последующие несколько десятилетий, способствовали формированию новых мировых финансовых центров. Уже во второй половине XVIII в. складывается ситуация, когда зажатая между двумя великими державами Европы Голландия (пространство социальных отношений – «А 4» – малое, центральное) перестает оказывать влияние на финансовую систему Англии. В результате того, что богатства Индии заменили в экономике Англии голландские деньги, один из самых богатых рынков мира для Голландии был закрыт. Франция, оказывавшая поддержку борющейся за независимость Америке, нуждалась в голландских деньгах. Деньги Голландии стали перетекать во французские банки. Это шло в разрез с планами Лондона, который стремился стать крупнейшим финансовым центром и не мог позволить голландским деньгам работать на пользу стратегического противника, что и спровоцировало Англо-голландскую войну (1781–1784 гг.). Дальнейшее экономическое разорение Франции погубило финансовое могущество Голландии окончательно, а наполеоновские войны поставили точку в истории ее восхождения и утраты статуса гегемона. Рожденный в революционной Франции вариант мирового порядка был отвергнут государствами Европы. Порядок голландской миросистемы покоился на механизме финансовой экспансии и обнаружил

свою слабость в столкновении с территориалистскими государствами. Совмещение механизмов экспансии капитала и механизмов территориальной экспансии стало основой мирового порядка, утверждаемого Великобританией.

Великобритания. Начало упадка Великобритании как гегемона следует отнести ко времени Великой депрессии 1873–1896 гг. Являясь следствием распространения запущенных Англией и принятых другими великими державами стратегий индустриализации и колониальной экспансии, Великая депрессия 1873–1896 гг. активизировала ее молодых соперников – Германию в Европе, Японию в Восточной Азии, США в Новом Свете. Сделавшая Великобританию равной среди великих держав Первая мировая война, Великая депрессия 1930-х гг., а затем Вторая мировая война создают условия для формирования новых вариантов мирового порядка. В результате Первой мировой войны появляется новый тип мироустройства в революционной России, в 1930-е гг. переживает подъем национал-социализм в Германии. Результаты Второй мировой войны для Англии сравнимы с поражением. После войны у Англии не было ресурсов на восстановление и поддержание старого порядка на огромных территориях своих колоний и в первую очередь в Индии.

США. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн ограничивают гегемонию США временными рамками с 1945 г. по 1973 г. Последовавший далее бурный подъем конкурирующих с гегемоном центров в Европе и Восточной Азии позволяет им сделать вывод об утрате США лидирующих позиций³⁴². Сегодня сложно согласиться с идеей о том, что уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. США перестали выполнять в системе функции гегемона. Указанный Т. Хопкинсом и И. Валлерстайном период – это период формирования после Второй мировой войны и распада колониальной системы новых центров, которые позже активно конкурировали с США, но

³⁴² The age of transition... P. 9.

поддерживали формируемый ими порядок в системе. Угрозы порядку со стороны этих центров не существовало.

Носителем нового миропорядка выступал СССР, и И. Валлерстайн не исключал возможность господства этого порядка в мировом масштабе³⁴³. Но победа этого порядка означало бы, по мысли И. Валлерстайна, гибель капиталистической миросистемы вообще. Помимо этого, следует отметить, что все предыдущие гегемоны вызревали внутри порядка, установленного гегемоном-предшественником. Альтернативный порядок, предложенный революционной Россией, так же, как и порядок, установленный после Второй мировой войны США, вызревает в ситуации, сложившейся в период упадка гегемонии Великобритании. Близость идей В.И. Ленина и Рузвельта о национальном самоопределении объясняется именно тем, что они были реакцией на почве этого упадка.

В 1990-е гг. для И. Валлерстайна упадок гегемонии США является очевидным фактом. Он предсказывал, что произошедшая на фоне спада производства и финансовых трудностей потеря противников – СССР и стран Варшавского блока (цементирующих военно-политические стратегии стран капитализма) – должна вести НАТО к распаду и образованию новых экономических, финансовых и силовых центров³⁴⁴. Сегодня такое решение уже не кажется вполне обоснованным. В очередной раз предсказание И. Валлерстайна об упадке гегемона сталкивается с аномалией, НАТО продолжает существовать и сориентировано на решение несколько иных задач, а США остаются самой могущественной державой и в военно-политической, и в экономической сферах. Проблемным остается вопрос и о преемнике современного гегемона. По мнению Дж. Арриги и Б. Сильвер, преемником может стать один из ныне существующих финансовых центров Восточной Азии. В своем предсказании упадка США как мирового гегемона

³⁴³ И. Валлерстайн в первом томе «The Modern World-system», вышедшем в 1974 г., называет его «третья возможная форма миросистемы, социалистического мирового правительства» (р. 348).

³⁴⁴ См., например: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2004. – С. 65 – 66.

и объяснении смены гегемонии Дж. Арриги и Б. Сильвер обращают внимание на формирование крупных финансовых центров в Восточной Азии. Азиатский финансовый кризис 1990-х гг., по их мнению, не следует воспринимать как доказательство долговременной слабости и независимо от того, как и насколько США смогут восстановить свои силы, они не смогут остановить ротацию глобального экономического центра³⁴⁵. Формирование крупного финансового центра, несомненно, является главным необходимым фактором, наличие которого позволяет государству претендовать на статус гегемона, однако нельзя сказать, что этот фактор является достаточным. Как показало время, глобальный финансовый кризис потряс не только американскую финансовую систему, он не оставил в стороне и финансовые центры Восточной Азии.

Некоторые отечественные исследователи предсказывают территориальный распад США. Например, И. Панарин в 2009 г. называл три главные причины грядущего, по его мнению, скорого территориального распада: 1) «морально-психологический кризис» («постоянные вспышки насилия, все эти расстрелы в школах»; «напряженность между этническими группами», «крах американской мечты»); 2) «финансово-экономическая» (рост внешнего долга); 3) «юридическая дезинтеграция США»³⁴⁶. Теория геополитической динамики Р. Коллинза, теория социальных революций Т. Скочпол и теории миросистемного подхода, представленные в базовой модели роста и упадка геополитического могущества государства в миросистеме (рис. 2), позволяют назвать такие прогнозы слабо обоснованными. На основе геополитической теории Р. Коллинза можно было бы предполагать, что упадок лидерства США следует ожидать в связи с эффектом чрезмерного расширения. Грандиозные затраты правительства США на военные нужды при сомнительности успеха операций в Ираке и

³⁴⁵ Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity / Ed. by G. Arrighi, B. J. Silver and all. –Minneapolis, London: Univer. of Minnesota Press, 1999. – P. 275.

³⁴⁶ Панарин И. США развалится через год, как СССР // <http://russianews.ru/press/22778>

Афганистане на фоне финансового кризиса могли бы свидетельствовать о формировании чрезмерного груза контроля. Однако данный путь упадка, в соответствии с дальнейшей логикой теории Р. Коллинза, предполагающей синтез с теорией социальных революций Т. Скочпол, должен вызвать к жизни силы, разрывающие США изнутри. Развитие событий по такому сценарию маловероятно, так как, во-первых, в теории Т. Скочпол достаточно четко показано, что социальные революции происходят в случаях столкновения государства на международной арене с более развитым и могущественным противником, а таковых для США пока не наблюдается; во-вторых, утрата США лидирующих позиций как результат дезинтеграционных процессов внутри американского общества кажется маловероятной уже потому, что этого не происходило в предыдущих случаях упадка гегемонии (Нидерланды XVII в., Англия XIX в.). Предсказание И. Панарина относится к типу предсказаний от ad hoc.

Ни глобальный финансовый, ни экономический кризисы не могут быть названы достаточными причинами для утраты США статуса гегемона. Как показывает история, одним из необходимых факторов падения гегемона являются особо затратные войны. Рассмотрим этот фактор подробнее.

Будем понимать войну как фазу социетального конфликта, в которой происходит организованное обоюдное массовое насилие или разрушение, ведущееся двумя или более политическими сообществами или же коалициями таких сообществ³⁴⁷. Остановившись на этом определении войны, добавим, что *война* как фактор роста и упадка могущества гегемона может иметь несколько уровней. На основе рассмотренных выше циклов гегемонии можно выделить три уровня войн: 1) это «вскармливающие» гегемона войны (Голландия – война за испанское наследство; Великобритания – Семилетняя война, войны антинаполеоновской коалиции; США – Вторая мировая война); 2)

³⁴⁷ Розов Н.С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // *Время мира: альманах*. Вып. 3: Война и геополитика. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 78.

«уравнивающие» (Нидерланды – Англо-голландские войны; Англия – Первая мировая война; США – ?); 3) «разоряющие» (Нидерланды – Северная война (1756–1763 гг.), Англо-голландская война (1781–1784 гг.); Англия – Вторая мировая война; США – ?).

«Уравнивающие» войны, после которых территория влияния государства сокращается, происходят на стадии расширения «А 2» (большая, центральная территория). США, несущие основную нагрузку в военных проектах и операциях НАТО, могут быть отнесены к «А 2», афганская и иракская войны могут быть названы «уравнивающими», но их масштаб недостаточен в сравнении с Англо-Голландской и Первой мировой войнами. Сегодня США – крупнейший экономический, финансовый и военно-политический лидер мировой системы.

В целом можно заключить, что финансовый кризис, явление периодически возникающее в капиталистической экономике, при наличии сильного государства, каковым являются США, не может оказаться фатальным для гегемона. Во-первых, негативные последствия глобального финансового кризиса наиболее четко проявляются в странах периферии и полупериферии, так как наблюдаются массовый отток капиталов в страны ядра, сокращение иностранных инвестиций в производство, сворачивание ранее открытых производств (рис. 6). Стремление владельцев крупного капитала, в том числе и отчасти Российского государства, спасти свои сбережения посредством покупки гособлигаций США подчеркивают готовность мировой элиты поддерживать порядок и его трансформацию, которые будут зависеть от внутренней и внешней политики США. ТНК, которые еще недавно понимали как некоторый противовес национальным государствам, ищут у них поддержки. Во-вторых, конкуренты, способные предложить и отстаивать новый «мировой порядок», отсутствуют,

необходимые для этого кумулятивные процессы не наблюдаются³⁴⁸. В-третьих, упадок США как гегемона возможен только в случае, если финансовый кризис будет сопровождаться войнами, которые уравниют силы гегемона с другими силовыми центрами мир-экономики, а затем разорят его.

Следует также отметить, как показывает выше обзор случаев гегемонии, периоды «отсутствия» войн в так называемой «демократической системе государств» – лишь временное состояние миросистемы, а если точнее – это период ее структурного расширения под руководством лидирующего государства – гегемона. Уровень международной напряженности усиливается по мере перехода системы от этапа структурной экспансии к этапу конкуренции с новыми окрепшими центрами миросистемы и далее – к этапу структурного хаоса.

2.5. Ядро, полупериферия, периферия: проблема критериев выделения структурных элементов миросистемы

В научном сообществе не достигнуто договоренности относительно критериев выделения структурных элементов миросистемы. При этом в силу того, что исследователи больше внимания уделяли странам ядра и периферии, критерии для соответствующих уровней миросистемы оказались более разработанными, чем критерии для полупериферии. Промежуточное положение вызывает серьезные трудности на пути решения данной задачи.

Если рассматривать понятия «периферия» и «полупериферия» как разные уровни одной переменной – периферизации, то страны уровня полупериферии являются странами, которые смогли достичь некоторого преимущества в сравнении с теми, кто эти преимущества им уступил. Преимуществ добиваются те общества, чьи государства могут минимизировать отрицательные эффекты связей с ядром и способны

³⁴⁸ Необходимо отметить, что идея «нового миропорядка» присутствует в политической риторике лидеров таких стран, как Венесуэла, Россия, Китай, являющихся территориально обширными полуперифериями.

использовать эти связи в интересах внутреннего роста страны и повышения ее конкурентоспособности в международных сферах.

Для того, чтобы подойти к определению критериев полупериферийных обществ, рассмотрим, как общая проблема критериев выделения структурных элементов миросистемы решается в работах разных авторов, и обобщим полученные результаты.

1. *Степень зависимости от ядра и уровни специализации национальной экономики.* В миросистемном подходе выделяют по крайней мере три капиталистических типа зависимости: примитивная зависимость периода первоначального накопления капитала, когда путем неравной торговли осуществляется изъятие из колоний прибавочного продукта, а именно: золота, специй, сельхоз-продукции (1500–1880 гг.); ранняя монополистическая индустриально-финансовая зависимость (1880–1945 гг.), основанная на экспорте капитала в колонии с целью обеспечения источников дешевого сырья и рынка для произведенных товаров; после Второй мировой войны монополистическая технолого-индустриальная зависимость, основанная на прямых инвестициях многонациональных корпораций в экономику стран периферий и полупериферий. Присутствие значительных иностранных инвестиций в экономике страны в миросистемном подходе, как правило, оценивается негативно. Считается, что большой объем иностранных инвестиций приносит позитивные экономические изменения в краткосрочной перспективе (рост ВВП, формирование новых рабочих мест), но в долгосрочной перспективе он формирует негативные тенденции, например, возникает опасность установления контроля за экономикой страны со стороны иностранного капитала, бесконтрольной эксплуатации ресурсов и населения в пользу иностранного инвестора, ослабления или разорения национальной буржуазии и т.д. В странах периферии зависимость вызывает перекосы экономики в сторону немногочисленных интенсивно развивающихся отраслей, а именно в сторону тех, куда поступают иностранные инвестиции. Как отмечал Д. Широ, инвестируются в первую

очередь: продукция, которую можно экспортировать в экономики ядра; сети транспортировки, доставляющие продукцию в порты; правительственные структуры, поддерживающие порядок и административные механизмы, необходимые экспортным секторам³⁴⁹. При этом интенсивно развивающиеся отрасли не могут выполнять роль доноров для подъема отраслей, не задействованных в производстве товаров на экспорт, и те, как правило, оказываются технологически застойными с низким уровнем производительности труда. Инвестиционная зависимость может не порождать бедность, но чем более богатой становится экономика страны-периферии, тем более она становится специализированной. И даже в этой ситуации благополучие общества оказывается зависимым от экспорта некоторых ценных ресурсов или конечных товаров, что делает их чрезвычайно уязвимыми от изменений в потребностях экономик ядра. Преимуществом обладает та страна, которая имеет отраслевое разнообразие экономики и способна это разнообразие поддерживать и развивать.

Сегодня, в отличие, например, от ситуаций XVI–XVIII вв. «наличие крупных иностранных инвестиций в экономике страны» не может служить критерием для отнесения страны к группе «периферии»³⁵⁰. Несмотря на существующие долговременные опасности, иностранные инвестиции являются одним из источников развития стран мира, в том числе и стран ядра. Наличие у современных государств институтов по регулированию и анализу процессов поступления иностранных инвестиций в экономику

³⁴⁹ См.: Chiot D. *Social Change in the Twentieth Century*. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. – P. 34.

³⁵⁰ Следует уточнить, данный критерий не может рассматриваться как достаточный, так как на стадии «укрепление новых центров и конфигураций сил» экономическая элита, а также государства периферий и полупериферий обладают ресурсами, но часто предпочитают делать инвестиции не в свои, а в более надежные экономики стран ядра. Иными словами, внешние инвестиции не имеют четкой направленности «из ядра в периферию», существует обратное направление – «из периферии в ядро».

позволяет предотвращать риск нанесения от урона национальной безопасности в условиях глобализации³⁵¹.

Способность осуществлять инвестирование зарубежных экономик может быть использована как критерий выявления гегемона и ядра только на первых этапах миросистемного цикла (см. 2.4). На заключительных этапах миросистемного цикла способность делать инвестиции за рубежом проявляется у стран различных уровней. При этом инвестиции в страны ядра поступают не только из стран с благополучной экономикой, где есть избыток свободного капитала, но также из стран периферии, где держатели крупного капитала чувствует себя неуютно. Они предпочитают вкладывать капитал в более устойчивые экономики.

2. *Доля прибыли от неравного обмена.* Капиталистический способ производства основан на изъятии прибавочной стоимости, неравном ее распределении и вкладывании ее части в рост производства. В мировом масштабе это ведет систему к поляризации «ядро – периферия». Впервые появившаяся в 1974 г. в работе И. Валлерстайна эта концепция получила широкое распространение. Большинство миросистемщиков, вслед за И. Валлерстайном, полагают, что структура капиталистической мир-экономики состоит из сетей неравного обмена, при котором некоторые государства мира, «страны ядра», изымают непропорционально большую долю прибыли, получаемую от мирового разделения труда. Мировое разделение труда, как считает И. Валлерстайн, подразумевает наличие иерархии профессиональных задач. Задачи, требующие более высокого уровня навыков и уровня капитализации, выполняются в странах ядра. Неравномерное разделение труда и неравный обмен между ядром и периферией приводит последнюю к состоянию стагнации (И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амир) или зависимому развитию, порождающему внутри общества масштабные социальные конфликты (Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос).

³⁵¹ См. анализ проблемы в работах следующих авторов: Брагина Е., 2002.; Дмитриев С., 2002; Потапов М., Салицкий А., 2002; Чеклина Т., 2002; Graham E.M., Marchick D.M., 2006.

Роль критерия отнесения стран на разные уровни миросистемы может выполнять величина стоимости рабочей силы, заложенной в товаре, произведенном для международного обмена. Стоимость необходимого для производства товара труда будет выше в ядре и ниже на периферии.

Следует отметить, что сегодня неравный обмен, несомненно, сыгравший решающую роль в создании и воспроизводстве структуры «ядро – периферия», обнаруживает границы функционирования. Страна, которая на мировом рынке предлагает товары, содержащие в себе стоимость высокооплачиваемой рабочей силы, в обмен на товары стран периферии, где стоимость труда гораздо ниже, будет получать выгоду только в том случае, если это взаимозависимые в области производства и потребления товары, а не конкурирующие. Если складываются обстоятельства, когда взаимозависимость товаров уменьшается, а конкуренция возрастает, то, как отмечает Дж. Арриги, «неравный обмен становится оружием „эксплуатируемой“ страны в получении богатства, власти и благосостояния»³⁵². Таким образом, неравный обмен создает возможности как поляризации, так и деполяризации системы, а страна, которая получает преимущества от неравного обмена, совсем не обязательно будет входить в группу стран ядра.

3. Односторонние перемещения рабочей силы и капитала.

Исторически неравный обмен был единственным механизмом исторической поляризации структуры «ядро – периферия». Как отметил Дж. Арриги, помимо механизма неравного обмена, для процесса поляризации были одинаково важны механизм одностороннего перемещения рабочей силы и механизм одностороннего перемещения капитала. Эти механизмы в отличие от неравного обмена не требуют для своего функционирования торговых отношений и торговых сетей. При этом каждый механизм периферизации связан со специфическим видом социальной структуры и социального

³⁵² Arrighi Giovanni. The developmentalist illusion: a reconceptualization of the semiperiphery // *Semiperipheral states in the world-economy* / Ed. by W.G. Martin., I. Wallerstein. – N. Y.: American sociological association. Greenwood Press, 1990. – P. 13.

конфликта³⁵³. Исторически односторонние перемещения рабочей силы и капитала были как насильственными, так и добровольными. Насильственные перемещения – это перемещения, вызванные при помощи применения угроз и силы со стороны аккумулирующего ресурсы государства или субъектов, использующих его покровительство. Работоторговля, труд военнопленных могут быть примерами насильственной односторонней передачи рабочей силы. Грабеж колоний, военные репарации, полученные от побежденного противника, являются примерами насильственной односторонней передачи капитала. Добровольные передачи, наоборот, основаны исключительно на заинтересованности владельцев передаваемых ресурсов, яркими примерами здесь могут служить иммиграция и явление, получившее название «утечка капитала». Направление одностороннего перемещения рабочей силы и капитала может указывать на положение стран в иерархии миросистемы.

4. *Место в товарной цепи* – еще один критерий, который часто используется в миросистемном подходе. Он применяется, как правило, для сопоставления позиций стран в отношении производства и реализации отдельных типов товаров (например, обуви, продуктов питания, автомобилей и т.д.), а не экономик стран в целом. Оценка уровня развития некоторой отрасли экономики страны осуществляется путем выявления ее места в цепи производства и реализации экспортно ориентированных товаров. И. Валлерстайн, Т.К. Хопкинс, исследуя товарные сети, дают определение этому явлению. «Товарные сети (commodity chains) – это сети рабочей силы и процессов производства, конечный результат которых – готовый товар»³⁵⁴. Товарная сеть имеет ряд узлов: добыча и поставка сырья, производство готового для реализации продукта, экспорт, сбыт. Наиболее трудоемкими и затратными являются два первых уровня цепи. Основную прибыль получают на уровне экспорта и особенно сбыта. Периферии и близкие к их состоянию в

³⁵³ Arrighi G., Piselli Fortunata. Capitalist development in hostile environments: feuds, class struggles, and migrations in a peripheral region of southern Italy // Review. – 1987. – Vol. 4. – Is. 10. – P. 648–751.

³⁵⁴ Hopkins T. K., Wallerstein I. Commodity chains in the world economy prior to 1800 // Review. – 1986. – Is. 10. – Vol. 1. – P. 159.

этих отраслях полупериферии, как правило, осуществляют добычу и поставку сырья. В XVIII–XIX вв. не только экспорт и сбыт, но и производство осуществлялись компаниями капиталистического ядра. Во второй половине XX в. производство частично сместилось в страны полупериферии, которые ведут между собой жесткую конкуренцию за долю на мировом рынке³⁵⁵. Капитал ядра играет существенную роль, однако сегодня в большей мере на стадии маркетинга. Фирмы ядра, организующие производство товара со своим рекламным знаком на периферии и полупериферии, как правило, держат в своих руках экспорт и сбыт товара, т.е. контролируют всю товарную цепь или выступают в роли субподрядчика и покупателя. Г. Джереффи и М. Корзенайвикс в этом плане отмечают, что в Японии и Европе цена обуви от фабрики к потребителю приблизительно удваивается. Цена последовательно увеличивается: выпуск с фабрики – 55%, оптовая торговля – 70%, розничная торговля – 100%. Экономический излишек, который накапливается сбытчиками обуви и розничными продавцами в странах ядра, несомненно, намного выше, когда производство организовано за границей, а не внутри страны³⁵⁶.

В некоторой степени «место в товарной цепи» уточняет критерий «доля прибыли от неравного обмена», т.к. показывает, что даже выпуск не дополняющего, а конкурирующего товара на периферии и полупериферии не будут приносить прибыли, сокращающей разрыв с ядром, если сети сбыта контролируются капиталом ядра.

³⁵⁵ Г. Джереффи и М. Корзенайвикс провели анализ конкуренции за долю рынка обуви США между восточноазиатскими (Тайванем, Тайландом, Индией, Китаем, Южной Кореей), латиноамериканскими (Бразилией) и европейскими (Италией) странами. Они пришли к выводу, что стратификация национальных экспортеров обуви в пределах американского рынка копирует структуру миросистемы. Италия преуспела в завоевании верхнего ценового сектора рынка обуви в Соединенных Штатах с акцентом на дорогих кожаных ботинках. Южная Корея, Тайвань и Бразилия находятся в средней страте. Низкооплачиваемые страны, подобно Китаю, Индии и Таиланду, становятся главными экспортерами недорогих ботинок в более низком секторе рынка (Gereffi, Korzeniewicz, 1990, p. 65).

³⁵⁶ Gereffi G., Korzeniewicz M. Commodity chains and footwear exports in the semiperiphery // *Semiperipheral states in the world-economy*. – N. Y.: American sociological association. Greenwood Press, 1990. – P. 55.

5. *Объем ВВП.* Ряд ученых (Дж. Арриги, Д. Дрангель, Р. Корзенявикс, В. Мартин)³⁵⁷ предложили использовать в качестве критерия для установления места страны в миросистеме объем ее ВВП на душу населения (GNP per capita). Однако это вызывает ряд трудностей при анализе положения ряда стран в миросистемной иерархии. Например, Катар, Кувейт, Сингапур имеют очень высокие показатели ВВП на душу населения, а по показателям ВВП на душу населения Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты превосходят США. Означает ли это, что данные страны могут быть отнесены к странам ядра? Более яркий пример получения неадекватной оценки положения страны в миросистемной иерархии приводят Кристофер Чейз-Данн и Питер Граймс. Так, признавая вклад Джованни Арриги и Джессики Дрангель в проблему развития обществ разных уровней миросистемы, они отмечали, что использование показателя ВВП на душу населения вело этих исследователей «к страным заключениям, типа включения в ядро Латвии из-за ее высоких доходов от нефтяных ресурсов»³⁵⁸. Несомненно, уровень ВВП является важным показателем состояния экономики страны, но в отрыве от других показателей он не позволяет получить адекватного представления о месте страны в миросистемной иерархии.

6. *Роль государства в международной политической системе.* Помимо экономических критериев, в миросистемном подходе существует политический критерий для различения стран ядра и периферии. Считается, что самые влиятельные международные политические институты создаются по инициативе стран ядра, они защищают их интересы и закрепляют за ними позицию лидеров на международной арене.

7. *Многомерный критерий.* К. Чейз-Данн и П. Граймс пришли к выводу о том, что измерение по одному критерию влечет за собой ошибки при

³⁵⁷ См. работы следующих авторов: Arrighi G., Drangel J. (1986); Korzeniewicz R., Martin W. (1994).

³⁵⁸ Chase-Dunn C., Grimes P. World-Systems Analysis // Annual Review of Sociology. – 1995. – Vol. 21. – P. 387.

отнесении различных стран мира к той или иной сфере миросистемы, необходим многомерный критерий. Как возможный вариант они предлагают использовать в этом плане многомерный критерий Терлоу³⁵⁹. Данный критерий включает шесть переменных: 1) валовой внутренний продукт на душу населения (GDP per capita) как процент от мирового валового продукта на душу населения; 2) процент от мировой торговли; 3) стабильность торговых отношений; 4) число иностранных посольств (как своих на чужих территориях, так и чужих на своей); 5) число иностранных дипломатов (как чужих, так и своих); 6) военный корпус и расходы на его содержание.

Установим взаимосвязи между критериями К. П. Терлоу и уже отмеченными ранее критериями из миросистемного подхода (Рисунок 12).

Два первых критерия отражают экономические параметры – уровень богатства страны и уровень успеха ее активности на мировом рынке. На основе показателей этих критериев можно судить о ресурсном преимуществе, которым та или иная страна обладает. Помимо этого, они создают базу для последующего анализа источников того, что в геополитической науке обозначается термином «ресурсное преимущество государства», а в миросистемном – «экономическое могущество». Геополитическое понятие «ресурсное преимущество» очень близко по содержанию понятию «экономическое могущество» в миросистемном подходе, оба понятия предполагают наличие у государства некоторой способности находить и аккумулировать ресурсы.

Третий, четвертый и пятый критерии являются критериями включенности страны в международную систему. Стабильность торговых

³⁵⁹ До Терлоу многомерный критерий использовали Д. Шнайдер и И.Л. Кик (1979). Они первыми провели классификацию государств в соответствии с трехуровневой структурой миросистемы. С этой целью Д. Шнайдер и И.Л. Кик выявляли образцы межгосударственного взаимодействия в четырех сетях: внешнеторговых потоках, военных интервенциях, дипломатических обменах и участии в совместных договорах. Серьезный изъян Терлоу усматривает в бинарности анализа исследования Шнайдера и Кика. Так, например, их интересовало, существуют или нет торговые отношения между государствами, но объем торговли они не рассматривали, иными словами, Шнайдер и Кик игнорировали интенсивность отношений между государствами.

отношений, политико-экономический критерий, отражает, с одной стороны, экономическую включенность общества в процессы обмена; с другой стороны, стабильные торговые отношения, как правило, складываются с теми странами, которые рассматриваются как потенциальные союзники, а не потенциальные противники. Чем выше уровень кумулятивных процессов в международной системе, тем отчетливее политика благоприятствования для торговых сделок с союзниками и стремление навязать потенциальным противникам невыгодные условия обмена или исключить их из торговых отношений, вплоть до эмбарго и блокады³⁶⁰.

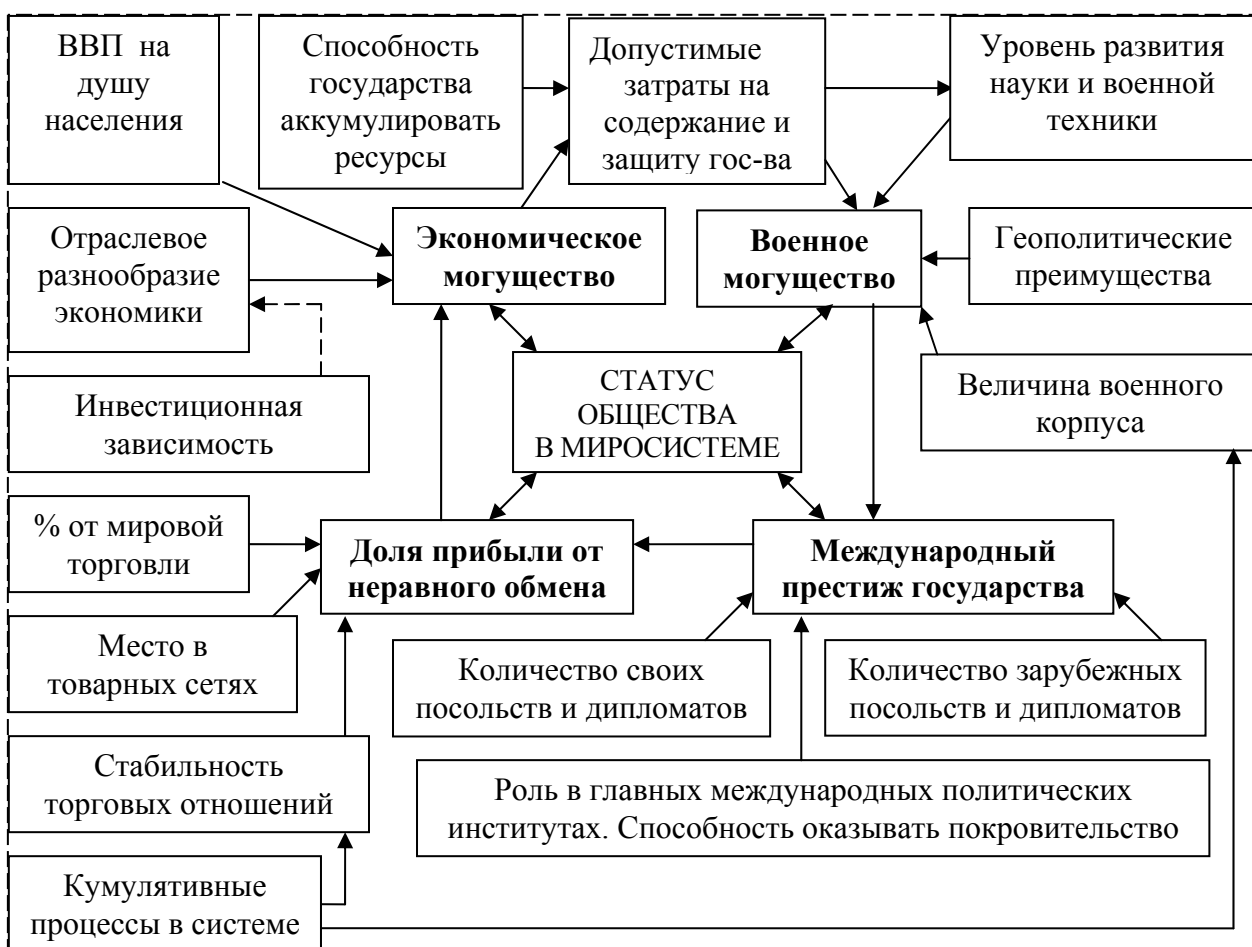

Рис. 12. Основные взаимосвязи геополитических и миросистемных переменных статуса общества в миросистеме

³⁶⁰ Влияние международных противоречий на международную торговлю и образование в результате устойчивых международных торговых отношений было предметом анализа еще в первых десятилетиях XX в. Например, шведский ученый Э. Гекшер, изучая экономику мировой войны, обращал внимание на тот факт, что процент ввоза товаров из стран-соперниц еще до войны был гораздо ниже, чем из стран-союзниц (1917). Этот же факт отмечает и современный ученый Ф. Коулумб (2004).

Следует также обратить внимание на то, что критерий «стабильность торговых отношений» связан с критерием «экономическое могущество», но не поглощается последним. Имеется достаточно обширный ряд примеров, когда экономическое могущество формировалось без обширных и устойчивых сетей международных торговых отношений, например, это случаи, связанные с разрывом сетей неравного обмена с ядром со стороны территориально обширной полупериферии. Таким образом, наличие или разрыв «стабильных торговых отношений» могут характеризовать, во-первых, состояние миросистемы и стран ядра, когда последние принимают или отказываются от политики протекционизма; во-вторых, отсутствие «стабильных торговых отношений» с ядром является признаком перехода полупериферии от «стратегии против исключения» к «стратегии против эксплуатации». Наиболее стабильные связи на протяжении последних нескольких десятилетий существуют между США, Западной Европой и Японией.

Четвертый и пятый критерии – дипломатические – отражают международный престиж страны в системе. Как отмечает Р. Коллинз, геополитические принципы и дипломатия неотделимы друг от друга. Дипломатическая мощь зависит от геополитического могущества; успешная дипломатия скорее принимает в расчет геополитические принципы, чем игнорирует их³⁶¹. Шестой критерий указывает на военно-политическое могущества государства, на его способность внешнеэкономическими методами поддерживать свой статус в миросистеме или сопротивляться эксплуатации. Проиллюстрируем основные взаимосвязи этих критериев (см. Рисунок 12).

Необходимо подчеркнуть, представленная модель не отражает процесса развития, в ней зафиксированы лишь взаимосвязи основных критериев статусов стран в мировой системе.

³⁶¹ Collins R. Geopolitics in an era of internationalism // Social evolution & history. Studies in evolution of human societies. – 2002. – Vol. 1. – № 1, July. – P. 127.

Уровень развития страны соответствует уровню периферии, если она: 1) обладает сверхспециализированной экономикой; 2) находится в жесткой инвестиционной зависимости, испытывает «утечку» внутреннего капитала при его нехватке в экономике страны (отличное явление от иностранных инвестиций, осуществляемых при наличии свободного капитала); 3) имеет низкие показатели ВВП на душу населения; 4) получает мизерную (или не получает) долю прибыли в процессе неравного обмена, стоимость труда низкая; 5) процент от мировой торговли низок; 6) состоит в стабильных торговых отношениях со странами ядра и полупериферии на основе сформированных с их помощью производств взаимосвязанных (неконкурирующих) товаров; 7) реализует на мировом рынке полученное на своей территории сырье; 8) имеет слабый государственный аппарат; 9) обладает незначительными вооруженными силами; 10) характеризуется слабым уровнем развития науки и инновационной деятельности; 11) располагает малым количеством посольств и дипломатов как собственных, так и принимаемых; 12) в кумулятивных процессах миросистемы нуждается в защите и покровительстве со стороны более могущественной державы.

Уровень развития страны, принадлежащей к ядру, напротив, характеризуется тем, что такая страна: 1) имеет многоотраслевую экономику; 2) играет роль инвестора и может выступать гарантом сохранности накопленного капитала; 3) имеет высокие показатели ВВП на душу населения; 4) получает львиную долю прибыли от неравного обмена; 5) процент от мировой торговли страны значителен; 6) обладает стабильными торговыми отношениями со странами периферии и полупериферии на основе созданной с ее помощью системы производства взаимодополняющих товаров; 7) реализует на мировом рынке высокотехнологичные (для своего времени) товары; 8) характеризуется сильным государственным аппаратом; 9) вооружена передовыми средствами обороны и нападения; 10) занимает передовые позиции в науке и инновационной деятельности; 11) содержит свои посольства и представительства в большинстве стран мира, а также

предоставляет свою территорию для размещения посольств и представительств большинства стран мира; 12) в кумулятивных процессах играет роль покровителя.

Полупериферийные государства могут обладать половиной свойств периферии и половиной свойств ядра.

Подчеркнем *основные результаты второй главы* исследования. Если первая глава была нацелена на обоснование выбора геополитической теории и миросистемного подхода как теоретических оснований для исследования множественных современных обществ, то вторая глава посвящена синтезу этих оснований, разработке общего понятийного аппарата, конструированию общей теоретической модели, созданию на этой основе типологии пространств социальных отношений. Для успешного решения этой задачи необходимо было преодолеть ряд трудностей, вызванных современным состоянием миросистемного подхода. Как было показано в предыдущей главе, среди представителей миросистемного подхода не достигнуто согласие по поводу набора и содержания базовых понятий «ядро», «центр», «периферия», содержания их динамических моделей, а также критериев отнесения обществ миросистемы к разным группам обществ миросистемы. В связи с этим необходимо было построить модели динамики основных структурных элементов миросистемы и уточнить критерии отнесения обществ к разным уровням миросистемы посредством критического анализа и обобщения имеющихся взглядов на эту проблему. Основные выводы были сформулированы следующим образом.

Во-первых, понятие «пространство социальных отношений» позволяет рассматривать геополитические и миросистемные теоретические конструкции в едином концептуальном ключе. Пространство социальных отношений состоит из многообразных связей, возникающих в процессе экономической, социальной, политической и культурной жизни человеческих обществ. Национальные государства как субъекты социальных отношений выступают «медиаторами» между явлениями и процессами

наднациональных макросистем и обществами, находящимися под их юрисдикциями. Пространства социальных отношений разных государств и находящихся под их юрисдикцией обществ различаются по геополитическим и миросистемным характеристикам – преимуществам/неудобствам развития. Основные различия геополитических преимуществ/неудобства пространства социальных отношений задают такие характеристики, как размер территории влияния, а именно большая территория и малая территория влияния, а также характер границ – окраинная территория, центральная/блокированная территория. Миросистемные различия преимуществ/неудобств определяются местом государства и общества в системе производства и распределения капитала и выражены в моделях ядра, полупериферии, периферии.

*Во-вторых, синтез теории геополитической динамики Р.Коллинза и ряда положений миросистемного подхода оказывается возможным, поскольку предметы их исследований, борьба за пространство и борьба за капитал соответственно, имеют взаимосвязи, отраженные в работе в понятиях «пространство социальных отношений», «структурные границы развития общества», «гегемон». Синтез теории геополитической динамики Р. Коллинза, относящийся по своим философским и научным основаниям к неовеберовской парадигме, и теорий миросистемного подхода, принадлежащего в своих центральных работах к неомарксизму, дает возможность, следуя методологии И.Лакатоса, сформулировать общие аксиомы, положения «твердого ядра»: *пространства социальных отношений разных по миросистемным и геополитическим параметрам государств и подконтрольных им обществ взаимосвязаны, но модели их развития различны; государство – относительно автономный от общества субъект пространства социальных отношений, обладающий монополией легитимного насилия над некоторой территорией.* Синтез с теорией геополитической динамики усиливает онтологию государства в миросистемном подходе, совершенствует теоретический аппарат,*

необходимый для анализа явлений конкуренции внутри групп миросистемной иерархии и процессов формирования многополюсной мировой системы.

В-третьих, двенадцать полученных идеальных типов пространства социальных отношений являются моделями пространств развития обществ и их государств, как субъектов миросистемы. Свойства пространств разных типов различны, поскольку представляют собой сочетание разных геополитических и миросистемных условий. Описание свойств конкретного типа является описанием структурных границ (преимуществ/ неудобств) его развития. Сочетание геополитических и миросистемных характеристик позволило выделить следующие двенадцать типов пространств социальных отношений: «А1» – входящее в ядро территориально обширное с окраинным геостратегическим положением; «А2» – входящее в ядро территориально обширное с центральным геостратегическим положением; «А3» – входящее в ядро с малой территорией влияния и окраинным геостратегическим положением; «А4» – входящее в ядро с малой территорией влияния и центральным геостратегическим положением; «Б1» – территориально обширная полупериферия с окраинным геостратегическим положением; «Б2» – территориально обширная полупериферия с центральным геостратегическим положением; «Б3» – полупериферия с малой территорией влияния и окраинным геостратегическим положением; «Б4» – полупериферия с малой территорией влияния и центральным геостратегическим положением; «В1» – территориально обширная периферия с окраинным геостратегическим положением; «В2» – территориально обширная периферия с центральным геостратегическим положением; «В3» – периферия с малой территорией влияния и окраинным геостратегическим положением; «В4» – периферия с малой территорией влияния и центральным геостратегическим положением.

В-четвертых, сравнительный анализ теории геополитической динамики Р. Коллинза и геоэкономических исследований А. Алесины, Э. Споллаоре, Дж.

Сачса, К. Апрети, Л.А. Безрукого и др. показал непротиворечивость их выводов в плане наличия разных свойств у пространств, имеющих следующие характеристики: большая территория влияния и малая территория влияния, окраинное положение территории – центральное положение территории. В результате синтеза имеющихся в научной литературе теоретических обобщений были сформулированы характеристики структурных границ пространств социальных отношений, определяемых размером территории и характером границ. *Большая (обширная) территория влияния* – контролируемая государством часть поверхности земного пространства создающая ряд преимуществ/неудобств. Преимуществами являются: большой потенциал для увеличения численности населения и снижения себестоимости общественных благ; широкий набор стратегических ресурсов; возможность формирования обширного внутреннего рынка; возможность создания сложной системы районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами, а также осуществлять процессы «регионального страхования»; наличие тенденции к расширению территории влияния за счет меньших и менее богатых обществ. Неудобства большой территории заключаются в: высоких затратах логистики; неравномерности распределения общественных благ; опасности формирования эффекта чрезмерного груза контроля; высоком потенциале роста идеологической и культурной разнородности населения. *Малая территория влияния* – контролируемая государством часть поверхности земного пространства создающая ряд неудобств: низкий потенциал для увеличения численности населения и высокую себестоимость общественных благ; недостаток в собственных стратегических ресурсах; потребность во внешнем военно-политическом покровительстве союзников; жизненную необходимость во внешнем рынке; низкий потенциал для выхода из состояния кризиса и катастроф за счет собственных ресурсов. Относительно низкие затраты логистики, являются преимуществом малой территории. При заключении военно-политического договора с более могущественным

государством преимущества малой территории заключается в: допуске к участию в ранее недоступных рынках; снижении собственных затрат на оборону. *Центральное положение в системе* – характеристика границ государства по отношению к границам потенциальных противников, отражающая состояние блокированности и/или большой протяженности границ, сопредельных с границами потенциальных противников. Центральное положение формирует ряд неудобств для развития общества. Центральность снижает возможность развития морских торговых сетей и досягаемость международных рынков, увеличивает стоимость импорта и экспорта, зависимость торговых сделок от стран транзита, затраты на обеспечение и поддержание наземных транспортных сетей, затраты на оборону и/или необходимость могущественного союзника на международной арене; опасности дробления территории. *Окраинное положение в системе* – характеристика границ государства по отношению к границам потенциальных противников, отражающая состояние защищенности большей протяженности или отсутствие границ сопредельных с границами потенциальных противников. Окраинность предполагает наличие у общества ряда преимуществ. Чем выше уровень окраинности, тем больше: возможность развития морских торговых сетей; досягаемость международных рынков; возможность аккумуляции ресурсов государством для военных целей и расширения территории влияния. Окраинность способствует снижению стоимости импорта и экспорта, зависимости торговых сделок от стран транзита; затрат на обеспечение и поддержание наземных транспортных сетей; затрат на оборону и/или необходимость могущественного союзника на международной арене; опасности дробления территории.

В-пятых, сравнительный анализ концепций миросистемного подхода показывает наличие разных, но не противоречащих друг другу, критериев выделения субъектов миросистемы. Современные страны ядра и периферии различают по следующим критериям: 1) уровню специализации экономики

(многоотраслевая или сверхспециализированная); 2) инвестиционной деятельности (инвестор или инвестиционная зависимость с «утечкой» внутреннего капитала при его нехватке в экономике страны); 3) показателю ВВП на душу населения; 4) доли прибыли в процессе неравного обмена, стоимости труда (высокая или низкая, сопровождающаяся массовой миграцией рабочей силы за пределы страны); 5) успешности в конкуренции на мировом рынке, проценту от мировой торговли; 6) месту в товарной сети (экспорт, сбыт, производство готового для реализации продукта, добыча и поставка сырья); 7) уровню технологий; 8) силе государственного аппарата (сильное и слабое государство); 9) размеру армий; 10) уровню развития науки и инновационной деятельности; 11) количеству посольств и дипломатов как собственных, так и принимаемых; 12) роли в кумулятивных процессах миросистемы («покровитель», «третейский судья» или нуждающийся в покровительстве со стороны могущественной державы). Полупериферии, в том числе Россия, имеют средние показатели критериев, обязательным признаком является сильный государственный аппарат, успешная конкуренция на мировом рынке в сфере соответствующей специализации экономики страны или успешное строительство многоотраслевой экономики в ситуации ослабления или разрыва связей неравного обмена с ядром.

ГЛАВА 3. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИР–ЭКОНОМИКИ

Гипотезой исследования является утверждение о том, что Россия является территориально обширной полупериферией, занимающей центральную геостратегическую позицию, иными словами, она относится к типу «Б 2». Данному типу соответствует ряд геополитических и миросистемных характеристик, а также закономерностей, определяющих основные ограничения и возможности пространства социальных отношений. Базовая миросистемная характеристика пространства социальных отношений обществ данного типа заключается том, что они периодически претерпевают процесс смены стратегий развития – борьбы против исключения и борьбы против эксплуатации. Следствиями стратегии борьбы против исключения для российского пространства социальных отношений станут: специализация экономики в зависимости от потребностей стран ядра и рост неравного обмена; увеличение способности ядра к эксплуатации полупериферийного общества; снижение значения большой территории для экономики страны; рост экономического могущества в случае успешного исключения конкурирующих обществ из области специализации; концентрация капитала в центре и ослабление периферийных элит; рост идеологической и культурной разнородности населения обширных территорий в результате неравномерного распределения социальных благ. Стратегия борьбы против эксплуатации имеет ряд противоположных следствий для российского пространства социальных отношений: отсутствие или разрыв сетей неравного обмена с ядром; создание относительно автономной от мировой системы разделения труда и многоотраслевой экономики; рост значения обширной территории страны; рост экономического могущества за счет специализации и эксплуатации внутренних периферий; снижение идеологической и культурной разнородности населения; усиление элит

периферии и тенденций регионального сепаратизма. Переход от одной стратегии к другой сопровождается затратами на внутреннее переустройство общества.

Геополитическими характеристиками пространства социальных отношений России являются большая территория влияния и ее центральное геостратегическое положение. Преимущества большой территории влияния заключаются в: большом потенциале для увеличения численности населения и снижения себестоимости общественных благ; широком наборе стратегических ресурсов; возможности формирования обширного внутреннего рынка; возможности создания сложной системы районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами, а также осуществлять процессы «регионального страхования»; наличии тенденции к расширению территории влияния за счет меньших и менее богатых обществ. Неудобства большой территории проявляются в: высоких затратах логистики; неравномерности распределения общественных благ; опасности формирования эффекта чрезмерного груза контроля; высоком потенциале роста идеологической и культурной разнородности населения. Пространство социальных отношений России оценивается как имеющее центральную геостратегическую позицию, так российское государство имеет большую (наибольшую в мире) протяженность границ, сопредельных с границами потенциальных противников. Несомненно, периодически на границах России образовывался вакуум мощи, который снижал уровень ее центральности. Однако, даже учитывая это обстоятельство, нельзя сказать, что на протяжении последних пятисот лет в развитии России были периоды, когда ее характеристиками являлись параметры «малая» и «окраинная территория». Относительно последнего параметра следует отметить, что колебания происходили не в рамках «окраинное – центральное», а в рамках уровня «центральное», а именно: «есть удобные порты для выхода в мировой океан – заблокированное». Центральность создает условия для роста военных затрат на оборону,

увеличивает стоимость импорта и экспорта, усиливает зависимость экономических сделок от стран транзита, снижает досягаемость международных рынков и возможность аккумуляции ресурсов государством для расширения территории влияния.

Ниже в общих чертах рассмотрим основные исторические случаи смены стратегии российского государства в миросистеме, определим основные структурные ограничения пространства социальных отношений современной России, определим потенциал современной государственной стратегии российской модернизации.

3.1. Российская история сквозь призму геополитико-миросистемного подхода: хлеб и нефть России в сетях неравного обмена

И. Валлерстайн дает противоречивую характеристику России как структурного элемента миросистемы. В своих ранних и основных работах он оценивает Россию XVI–XVII вв. как самостоятельную мир-экономику. Свою аргументацию в этом отношении ученый выстраивает на основе сравнительного анализа отношений между Восточной Европой (в частности, Польшей) и Западной Европой с отношениями, которые были между Западной Европой и Россией. Он сравнивает отношения по трем направлениям: различия в характере торговли злаковыми (в первую очередь пшеницей); различия в силе и роли государственных машин; различия в силе и роли местной городской буржуазии (как результат двух первых различий). Результаты сравнительного анализа приводят И. Валлерстайна к выводу о том, что процессы, происходившие в России, структурно ближе к процессам, протекавшим в странах Западной, а не Восточной Европы³⁶². В других, более поздних работах, он называет Россию мир-империей, например: «Когда

³⁶² Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. Academic Press. – N. Y., 2007. – P. 301–325.

мечта Габсбургов о мир-империи умерла, – а в 1557 г. она умерла окончательно, – капиталистический мир-экономика сделался установившейся системой, которую было почти невозможно разбалансировать. Он быстро достиг точки равновесия в своих отношениях с другими миросистемами: с Оттоманским и Русским мир-империями, с прото-мир-экономикой Индийского океана»³⁶³. Данное противоречие можно достаточно просто объяснить. Русская миросистема в XVI–XVII вв. формируется как мир-экономика, которая превращается по мере усиления центральной власти в мир-империю. То, что не получилось у Габсбургов в Европе, Москва последовательно проводила, подчиняя себе все новые и новые пространства мир-экономики, которая, конечно же, имела гораздо меньшие экономические масштабы, чем европейская. Помимо этого, И. Валлерстайн в поздних работах предполагает тесную связь мир-экономики с европейским капитализмом. Данная связка должна рассматриваться как теоретическое упрощение, которое ведет к пренебрежению эмпирическими фактами. На протяжении многолетних дискуссий отечественные историки не пришли к согласию относительно периода генезиса капитализма в России, но он совпадает с начальным этапом формирования европейской миросистемы. Сторонники самой ранней датировки, например М.В. Нечкина, усматривают процессы генезиса капитализма в России в XVI в. Рост товарного производства, наблюдавшийся в тот период, является здесь главным аргументом. Большинство исследователей (Н.М. Дружинин, Е.И. Заозерская и др.) относят период генезиса капитализма к XVII в.³⁶⁴ Полемика выявляет тот факт, что Россия XVI–XVII вв. обнаруживает элементы капиталистической экономики, это дает возможность назвать ее мир-экономикой даже в контексте поздних работ И. Валлерстайна и, что не менее важно, работ Ф. Броделя, для которого связь «мир-экономика – капитализм»

³⁶³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: «Университетская книга», 2001. – С. 20.

³⁶⁴ См. подробнее о проблеме генезиса капитализма: Переход от феодализма к капитализму в России: Всесоюзная дискуссия. – М., 1969. – 318 с.

не обязательна. В соответствии с его пониманием мир-экономики существовали во всемирной истории и до капитализма. Ф. Бродель в отношении истории России пишет: «Московское государство, связанное с Востоком, Индией, Китаем, Средней Азией и Сибирью, было по меньшей мере до XVIII в. само по себе миром-экономи-кой»³⁶⁵. При этом оба классика, как И. Валлерстайн, так и Ф. Бродель, признают слабость экономических связей России с европейской мир-экономикой, которая не обладала еще достаточным могуществом, чтобы включить Россию в свое пространство, а это позволяет говорить о самостоятельности данной мир-экономики. Эпоха Петра I открывает данный процесс, а в эпоху Екатерины II Россия превращается в полупериферию европейской мир-экономики.

Так как Россия является территориально обширной полупериферией, геополитический механизм роста и утраты территорий действует в условиях двух разных миросистемных стратегий, которые, по своей сути, определяют главные источники получения ресурсов государством (рис. 8). Отметим ключевые переходы от стратегии к стратегии, характеризующие развитие нашей страны на протяжении пятисот лет существования современной миросистемы.

История России показывает наличие в ней периодов относительно замкнутого развития и периодов установления тесных контактов со странами Европы с последующим формированием сетей неравного обмена на основе экспорта российского хлеба и нефтепродуктов.

К периодам «борьбы против эксплуатации» следует отнести временной отрезок XVI–XVII вв. российской истории и советскую эпоху. XVI–XVII вв. в истории России нельзя дословно назвать периодом «борьбы против эксплуатации», так как самого процесса «борьбы» не было, за исключением, быть может, только активной деятельности крупных российских купцов, которые добивались государственной поддержки с целью устранения

³⁶⁵ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – М.: Прогресс. 1992. – Т. 2. – С. 16.

конкуренции со стороны иноземцев на внутреннем рынке. Однако, несмотря на то, что разрыва сетей неравного обмена не было в силу того, что они еще не были сформированы, значение указанного периода с позиций миросистемного подхода чрезвычайно велико. Во-первых, Россия XVI–XVII вв. представляла собой самостоятельную мир-экономику. Во-вторых, это был этап создания внутренней социальной и политической структуры, которая, по словам И. Валлерстайна, позволила России в XVIII –XIX вв. войти в европейскую мир-экономику не в статусе периферии, а полупериферии.

В XVI веке европейская мир-экономика, включившая в свои рамки уже, например, Польшу, еще не обладала достаточными силами для включения России в процесс неравного обмена и была для нее внешней. Польша к XVI в. вошла в европейскую мир-экономику через рынок зерна. На протяжении XVI в. экспорт зерна возрос в 10 раз. Максимальная цифра относится к 1618 г., когда через гданьскую таможню прошло свыше 260 тыс. т зерна. Вывоз через другие порты – Эльблонг, Кенигсберг, Ригу, Щецин, вместе взятые, доходил до четверти гданьского. Часть хлеба вывозили по суше. Современники считали, что экспортируемого Речью Посполитой хлеба хватит более чем на 1 млн человек³⁶⁶. И это при том, что население территории самой Великой и Малой Польши с середины XIV в. к этому периоду удвоилось и составляло 3,8 млн человек. Рост польского экспорта зерна вел к образованию больших хозяйств, использующих труд крепостных крестьян, а также к росту влияния земельной знати, которая была заинтересована в торговле с западными торговцами и в ликвидации препятствий этой торговле со стороны государства. Россия, как известно, торговала с европейскими странами, но эта торговля была вне системы разделения труда, которая возникает между ядром и (полу)периферией. Вовлеченные в обмен российские и европейские товары не были предметами потребления ежедневного пользования. В XVI в. Россия экспортировала в

³⁶⁶ См.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. – С. 249.

европейские страны сырье (лен, жир, воск), меха, а импортировала предметы роскоши, металлические изделия. Но ни в одном направлении торговля не была решающей. Так, для Англии, отмечает И. Валлерстайн, торговля с Россией – поставщиком материалов для английского флота – была важна. Однако нельзя сказать, что эта торговля настолько же была важна и для русских. Несомненно, данная торговля приносила пользу и русским купцам, и московскому государству, однако «блокада, подобная блокаде Польши, не произвела бы на внутреннюю экономику России столь сильного воздействия»³⁶⁷. Торговля зерном с Европой была столь значима для польской экономики, что ее прекращение в результате блокады Вислы шведским королем Густавом II Адольфом в промежутке между 1626–1629 гг. приводит к разрушительным регрессивным эффектам для внутреннего хозяйства Польши³⁶⁸. В отличие от Польши, производившей товар для расширяющегося европейского рынка, в России пшеница производилась для рынка внутреннего. В XVI в. хлеб был заповедным товаром и вывозу не подлежал. Применительно к XVI в. можно говорить только о внутреннем хлебном рынке. Вывоз зерна за границу, если и имел место, был крайне ничтожен и не играл в общем торговом балансе заметной роли³⁶⁹.

В конце XVI в. политика русского правительства, казалось бы, стала более благоприятной для иностранных коммерсантов. В 1586 г. царь Федор Иванович даровал Английской московской компании жалованную грамоту, содержащую право беспошлинной оптовой торговли. Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский и Михаил Федорович Романов подтвердили эту грамоту. Однако гражданская война и польско-шведская интервенция подорвали внешнюю торговлю, а при Алексее Михайловиче Романове правительство идет на уступки настойчивым требованиям русских

³⁶⁷ Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N. Y.: Academic Press, 2007. – 307 p.

³⁶⁸ Ibid. P. 304.

³⁶⁹ См. подробнее: Маньков А. Г. Цены и их движение в русском государстве XVI в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 26.

купцов и уже в 1649 г. запрещает англичанам торговать во внутренних районах страны (поводом для отказа была казнь английского короля Карла I).

Во второй половине XVII в. Европа была в состоянии начать активное наступление на завоевание российского рынка. Об этом свидетельствует жесткая конкуренция между иностранными торговыми компаниями, в первую очередь между английскими и голландскими купцами, за русский рынок. В пользу данного положения говорит и тот факт, что во второй половине XVII в. западный капитал начинает проникать в производственную сферу российских промыслов – в первую очередь это области производства традиционных для русского экспорта товаров: канатного производства, смоляного, поташного, икорного, лесозаготовительного, рыболовного и других промыслов. Однако, несмотря на готовность представителей европейской мир-экономики к активным действиям по завоеванию российского рынка, их реальные возможности были жестко ограничены. Как отмечает А.В. Демкин, иностранный капитал прекрасно адаптировался к местным условиям, однако существующая угроза подчинения ему экономической жизни страны снималась разумной политикой правительства³⁷⁰. Протекционистский характер политики по отношению к русскому купечеству прослеживается в Уставной грамоте 1653 г., введившей новый принцип таможенного обложения, и в Новом Торговом уставе 1667 г., регламентировавшем деятельность английских, голландских, немецких купцов. В результате от иностранных посредников торговля иноземными товарами на территории самой России переходит в руки богатых русских купцов, что, с одной стороны, способствует формированию русского торгового капитала, а с другой – не позволяет иностранцам принимать широкое участие в формировании сетей неравного обмена внутри России.

Переворот, осуществленный Петром I, повернул Россию на путь сближения с европейской мир-экономикой. Петр I строит флот и поощряет

³⁷⁰ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: автореф. ... д-ра ист. наук. – М., 1993. – С. 31.

внешнюю торговлю. Реформы, осуществленные Петром I в области производства, расширяют сферу экономической деятельности, но все же полученные им результаты говорят о крайне узкой направленности этих реформ. Можно сказать, что большая часть производств получает узкую специализацию для достижения одной цели – создания сильной армии современного типа³⁷¹. Россия и при Петре I не имела торгового флота. Выход русских купцов на европейский рынок был чрезвычайно затруднен. Они не были знакомы с конъюнктурой зарубежного рынка, с формами торговли и денежного обращения. Иностранцы доминировали во внешней торговле страны и исключали русских купцов, а вместе с ними и Россию из активной деятельности на рынках Европы. Они не желали «допускать расширения непосредственных контактов русских купцов с коммерческим миром Запада»³⁷². Русские купцы могли рассчитывать только на сохранение и расширение своих преимуществ на внутреннем рынке. В их руках сосредотачивалась прибыль, образовавшаяся в результате разницы цен в местах производства экспортных товаров и сбыта иностранных изделий. Таким образом, они постепенно становились промежуточным звеном в цепочке неравного обмена между западноевропейскими коммерсантами и внутренним рынком России.

Однако в эпоху правления Петра I Россия не становится полупериферией европейской мир-экономики. Этому препятствовала, во-первых, экономическая политика Петра I в области промышленности и торговли, исходившая из основных положений меркантилизма. В отличие от своих предшественников, старавшихся защитить внутренний рынок от

³⁷¹ Так, например, в финансовой сфере деятельность первого русского императора имела, скорее, отрицательные, чем положительные последствия. Фискальная политика Петра I способствовала созданию и укреплению армии, флота, успешному ведению войн, развитию торговли и промышленности, однако увеличение примерно в 8 раз государственного дохода было достигнуто главным образом за счет подушной подати, которая превращала «самого человека, а не его доходы в объект обложения» (Ширяева, 2001, с. 31).

³⁷² Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – С. 128.

конкуренции со стороны иностранного капитала, но почти не касавшихся области производства, Петр I прибегал к принципам политического протекционизма³⁷³. В эпоху Петра I Россия еще не стала крупнейшим поставщиком хлеба на европейский рынок. Российские цены на хлеб были гораздо ниже мировых. Иностранцы открывают Россию как возможного поставщика этого, чрезвычайно ценного для Европы, продукта. Расширение хлебной торговли было связано не с желанием правительства получить прибыль на основе вывоза зерна, а отвечало стремлениям Петра I привлечь в российские порты зарубежных купцов в новую столицу – Петербург. Торговля хлебом не была поставлена на поток. Внутренний рынок еще не был насыщен этим товаром, а неурожайные годы могли привести к резкому скачку цен на хлеб и народным волнениям. Формирование регулярной армии также требовало запасов провианта и фуража. В связи с этим правительство Петра I устанавливало квоты на вывоз хлеба, а в неурожайные годы экспорт хлеба был полностью запрещен.

Следует также отметить характерную черту, присущую указанному периоду, – экономические ресурсы и усилия общества направляются на активное освоение российских внутренних периферий.

Только к концу XVIII в. Россия превращается в хлебную житницу Европы. Если в XVI–XVII вв. вывоз российского хлеба носил спорадический характер, то со второй половины XVIII в. хлебный вывоз быстро растет. Это происходит в результате освоения среднерусских и южнорусских черноземных территорий, а также приобретения выхода к Черному морю. Теперь вывоз хлеба осуществлялся без оглядки на то, что внутренняя потребность в продовольственном зерне внутри страны превышала его реальный сбор. В результате происходило сокращение кормовой базы животноводства, снижение нормы потребления хлебопродуктов населением. Знаменитая фраза царского министра И.А. Вышнеградского «Сами недоедим,

³⁷³ Для защиты русской промышленности от конкуренции иностранных товаров в 1724 г. он установил особый покровительственный тариф.

но вывезем» отражала реальность не только второй половины XIX века. Наиболее катастрофичная ситуация складывается в последней четверти XIX – начале XX вв. Стремясь провести индустриализацию страны за счет крестьянства, российское правительство окончательно разоряло его, но своих целей не достигало. В результате введения золотого стандарта, во-первых, обесценивался труд крестьянина, во-вторых, так как существовала сформировавшаяся в результате внешних инвестиций и займов жесткая зависимость экономики России от иностранного капитала³⁷⁴, происходил отток золота в страны ядра.

Помимо вывоза хлеба, в конце XIX в. в России складывается еще одна отрасль, продукт которой активно поставляется на внешний рынок. Россия становится крупнейшим экспортером нефти и нефтепродуктов. Россия в конце XIX в. занимала после США второе место в мире по добыче нефти. Российское правительство поощряло использование нефти в качестве топлива для развития внутренней экономики. Так, еще в 70-е гг. XIX в. впервые на Каспийском море был использован в качестве топлива для судов мазут. На нефтяном топливе ходили поезда Транссибирской железнодорожной магистрали. Как отмечает Д. Ергин, «это нововведение было вызвано простой необходимостью: России приходилось импортировать уголь из Англии, что было очень дорогим удовольствием»³⁷⁵. Политика протекционизма, проводимая министром иностранных дел графом С. Витте в конце XIX – начале XX вв., обеспечивает российской промышленности, в том числе и нефтяной, стремительный рост за счет привлечения иностранного капитала. Все принадлежавшие Ротшильдам нефтяные активы зависели от нефтедобычи в России. Самым главным преимуществом российской нефти, бакинской в первую очередь, были большие масштабы добычи при сравнительно невысокой себестоимости. С позиций

³⁷⁴ История внешних займов России начинается также с XVIII в., с правления Екатерины II. К концу царствования императрицы государственный внешний долг достигает 62 млн гульденов.

³⁷⁵ Ергин Дэниэл. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. – М.: Изд-во «ДеНово», 2001. – С. 121.

миросистемного подхода особо интересными оказываются усилия великих держав по ограничению деятельности России на мировом нефтяном рынке в момент наибольшей ее активности. В последней четверти XIX в. разворачивается ожесточенное соперничество между Великобританией и Россией за влияние над Персией. Россия добивалась присутствия своего военно-морского флота в Персидском заливе. Великобритания воспринимала это как прямую угрозу путям, ведущим в Индию. Решающим моментом соперничества стало получение одной из английских компаний нефтяных концессий, охватывающей три четверти страны сроком на шестьдесят лет. Русские не смогли помешать заключению этой сделки, но позже попытались построить трубопровод от Баку до Персидского залива, который бы не только увеличил объемы экспорта российского керосина на рынки Индии и Азии, но и усилил стратегическое влияние России в регионе Персидского залива вплоть до берегов Индийского океана. В результате противостояния Великобритании построить трубопровод России не удалось.

Торговля Россией нефтью начинается в тот период, когда значительные пространства Сибири, Казахстана, Средней Азии и других российских периферий, где в советский период впоследствии были обнаружены крупнейшие источники угля, природного газа, металлургического и химического сырья, оставались «белыми пятнами». И хотя история не терпит сослагательного наклонения, следует отметить, если бы природные богатства пространств российской периферии открывались и активизировались в условиях существовавшего господства сетей неравного обмена с Западом, то это упрочило бы позиции России как сырьевого донора, а активное развитие российской промышленности, тем более периферии, оказалось бы под вопросом³⁷⁶. Забегая вперед, следует отметить, что специализация России в

³⁷⁶ О том, как могла происходить разработка этих богатых ресурсов и развитие ресурсных регионов, можно судить на примере нефтяной промышленности в Баку. Состояние дел в нефтяной отрасли России уже накануне Первой мировой войны было неутешительным. Беспорядочное и небрежное бурение и эксплуатация скважин привели к снижению объемов добычи, политические волнения начала века в Баку, в результате которых было уничтожено две трети от общего числа нефтяных скважин, а также подъем

массовых поставках на мировой рынок в виде сырья своих природных богатств относится не только к промежутку конца XIX–начала XX вв. В конце XX – начале XXI вв. складывается подобная ситуация, только вывозят уже не хлеб, а нефть и газ. И если в конце XVIII в. Россия превращается в житницу стран Европы, то в начале XXI в. – в мирового энерго-донора, «мировую кочегарку». Внутренняя потребность в нефтепродуктах не является определяющей для конъюнктуры российского рынка. При росте цен на нефть на внешнем рынке образуется дефицит и скачок цен на нефтепродукты на рынке внутреннем. Ситуация может стать основой социального конфликта. Так, резкий рост цен на авиационный керосин (практически в 2 раза) в период с осени 2007 по весну 2008 гг. поставил на грань разорения многих российских авиаперевозчиков, спровоцировав недовольства российских пассажиров весной-летом 2008 г. и необоснованную попытку государства обвинить ТЭК в коррупции.

История советского периода в отечественной литературе часто выглядит как некоторое отступление от общей логики развития мира и страны. В.И. Красиков отмечает, что «Советский Союз был ... по сути консервативным, революционным отклонением от магистрали»³⁷⁷. Отечественные ученые указывают на парадоксальность ее явлений в сравнении с всеобщей историей. Так, А.С. Панарин в своем труде «Стратегическая нестабильность в XXI веке» видел «загадочную парадоксальность» в способности Советского Союза сохранять культуру и развивать экономику «опекаемых стран». Он писал: «Советская империя вместо того, чтобы использовать свою силу для получения экономических дивидендов, как это делали все другие империи, дотировала из своего не слишком богатого бюджета программы

внутренних железнодорожных тарифов царским правительством способствовали выводу капитала, а не притоку иностранных инвестиций в русскую нефтедобычу. За период 1904–1913 гг. «доля России в общем объеме мирового экспорта нефти упала с 31 до 9%» (Ергин, 2001, с. 139).

³⁷⁷ Красиков В.И. Социально-исторические реалии конца XX века и генезис глобального терроризма // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. - № 5. – С. 121.

индустриализации опекаемых ею стран, строила заводы и обучала молодежь, внушала „комплекс освобождения“ вместо комплекса неполноценности»³⁷⁸.

С позиций синтеза миросистемного подхода и теории геополитической динамики это явление не выглядит парадоксальным. Развитие периферии необходимо, с одной стороны, для формирования сложной системы разделения труда; с другой стороны, это вызвано стратегической необходимостью размещения наступательных средств или средств сдерживания противника.

Советская экономика развивалась относительно автономно от экономик стран капиталистического блока. Данное обстоятельство с необходимостью требовало формирования отраслевого разнообразия и чрезвычайно сложной системы разделения труда. Иными словами, для того чтобы существовать и развиваться, общество, как в рамках СССР, так и позже в рамках СЭВ, должно было осуществлять очень обширный диапазон действий. Большая территория страны позволяет сделать опорой развития общества ее внутренний потенциал. Природные ресурсы СССР отличались исключительным разнообразием. Это обеспечивало полное удовлетворение потребностей промышленности в необходимом сырье. Развитие экономики требовало активизации обширных периферийных территорий СССР: строились новые города, вводились в эксплуатацию новые заводы и производства. Закупка оборудования для заводов и фабрик за рубежом в эпоху индустриализации, привлечение иностранных технологий и специалистов, в частности, американских не может рассматриваться как несоответствие стратегии борьбы против эксплуатации. Задача технологических преобразований заключалась не в формировании специализации страны на мировом рынке, как это происходит при стратегии борьбы против исключения, а в преобразовании внутреннего пространства, создании многоотраслевой системы народного хозяйства территориально обширной страны. За 1940–1975 гг. наиболее высоким коэффициентом

³⁷⁸ Панарин А.С. Указ. соч. С. 256–257.

темпов роста промышленности (больше 1) выделялись районы, разрушенные в результате войны – Прибалтика, Молдавия, Поволжье, Белоруссия – и территории, которые для России традиционно играли роль периферии – Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Казахстан. Темпы промышленного развития Средней Азии и Дальнего Востока были близки темпам Центральночерноземного и Юго-Западного районов. Наиболее низкими коэффициентами темпов роста промышленности отличались Южный район, Северный Кавказ и Закавказье (области, специализирующиеся в сфере отдыха и лечения), но и они опережали Северо-Западный и Центральный районы³⁷⁹.

Следует отметить, что Советский Союз и в рамках СЭВ был главным поставщиком природных ресурсов. СССР обеспечивал потребности стран СЭВ в топливе и энергии почти на 80%; в нефти и нефтепродуктах – 85%; в железной руде – 80%; в коксе – более, чем на 40%; в чугуна и готовом прокате – на 75%; в круглом лесе и пиломатериалах – более, чем на 90%. Из стран СЭВ в СССР поступало свыше 1/2 экспортируемых этими странами машин и оборудования, кожаной обуви и трикотажных изделий, а также большое количество другой промышленной продукции в качестве средств производства и продуктов потребления. Однако при этом СССР оставался могущественной промышленной державой и поставлял в страны социализма в середине 1970-х гг. 3/4 промышленной продукции, в том числе 1/2 продукции машиностроения всей системы³⁸⁰.

В соответствии с теорией геополитической динамики Р. Коллинза распад СССР, как и произошедший ранее распад Российской империи, произошел в результате чрезмерного территориального расширения³⁸¹. Однако в отличие от случая гибели Российской империи, произошедшем в

³⁷⁹ См.: Хрущев А.Т. География промышленности СССР. – М.: Мысль, 1979. – С. 69.

³⁸⁰ Там же. С. 62.

³⁸¹ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000. – С.234 –278.

период, когда стратегия «встраивания» исчерпала свой потенциал, главную роль в процессе децентрализации СССР сыграли не элиты центра (как это было в 1917 г.), а элиты периферии, выросшие и окрепшие в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации».

Стратегия «борьбы против эксплуатации» способствует накоплению внутренних ресурсов. В российской истории это периоды наиболее мощного территориального роста.

Перемены конца 1980-х гг. свидетельствовали о смене стратегии развития. Достаточно быстро российская экономика приобретает сырьевую специализацию. Почти полное разрушение промышленности в 1990-х гг. способствовало вывозу за рубеж высвободившихся природных ресурсов и закреплению за Россией роли поставщика сырья на мировой рынок. Переход России к стратегии «встраивания» в конце 1980–1990 гг. привел к тому, что созданная в СССР система разделения труда оказалась невостребованной, в результате большое количество социальных ниш исчезло или находится на грани исчезновения. Более 10% населения России проживает в так называемых «моногородах», где производительные мощности градообразующих предприятий оказались невостребованными, а рабочая сила – излишней. Успех правительственных программ, нацеленных на поддержку переселенцев, сомнителен. Следует напомнить, что излишки рабочей силы периода европейской технической революции питали формирующуюся экономику Америки. Невостребованным российским рабочим и служащим моногородов ехать некуда, в России нет регионов, которые могли бы поглотить имеющийся огромный запас свободной рабочей силы. Крупные российские центры, там, где потребность в рабочей силе существует, для мигрантов недоступны, так как государственная помощь переезжающим гораздо меньше, чем рыночная стоимость жилья в этих городах. Невостребованная экономикой рабочая сила может стать горючим материалом для социальных конфликтов.

3.2. Структурные ограничения пространства социальных отношений современной России

Структурные границы современной России определяются ее геополитико-миросистемной характеристикой территориально обширной центральной полупериферии (пространство социальных отношений «Б2»). Данному типу, как это было показано выше, соответствует ряд геополитических и миросистемных характеристик, а также закономерностей, определяющих основные ограничения и возможности пространства социальных отношений.

Современной России свойственна стратегия «борьбы против исключения» или «встраивания». Критическому анализу современного состояния России посвящено множество статей и монографий отечественных авторов. В данном разделе ограничимся лишь рассмотрением узловых проблем, которые обнаруживает геополитико-миросистемный анализ.

Во - п е р в ы х , сырьевая специализация ведет к снижению роли большой территории в экономике страны, к региональной дифференциации, упрощению и сжатию пространства социальных отношений внутренних периферий.

1. Пространство социальных отношений большинства несырьевых внутренних периферий России упрощается и сжимается, сырьевые внутренние периферии становятся донорами экономики. Эпоха СССР примечательна тем, что государству и обществу удавалось достаточно быстрыми темпами освоить огромные ранее неосвоенные внутренние территории. Обширная территория имела «очаги» развития вокруг территориально-промышленных комплексов, которые оказывали кумулятивный эффект на пространство социальных отношений. Однако, не смотря на имевшиеся успехи, освоение территорий к моменту распада СССР не было «сплошным». Смена стратегий развития страны приводит к утрате

на периферии части кумулятивных «очагов» освоения территории, формированию депрессивных «моногородов», которые, как отмечает М.В. Мильчаков, географически концентрируются в двух зонах – в Центре и на Урале³⁸². После распада СССР усиливается региональная дифференциация. Одним из основных факторов усиления является, как отметила Г.В. Анисимова, «“скособоченная” региональная политика Центра с акцентом на экспортно-сырьевую ориентацию экономики»³⁸³. Концентрация капитала происходит в первую очередь в Москве, значительно в меньшей степени Санкт-Петербурге и нескольких столицах нефтегазовых регионов Западной Сибири, а именно, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Тюменской области. Относительно благополучная ситуация складывается в сырьевых регионах таких как Республика Башкортостан, Красноярский край, Республика Татарстан. Сырьевая специализация экономики России приводят к образованию обширных дотационных регионов, которые в ситуации стратегии «встраивания» поглощают ресурсы и даже в длительной перспективе видятся как депрессивные: Курганская область, Кировская область, Алтайский край, Псковская область, Еврейская АО, Брянская область, Ивановская область, Пензенская область, Республика Мари Эл, Забайкальский край. При этом именно сибирские регионы выступают «донорами» российского бюджета. Л.В. Безруков, исследуя механизм концентрации капитала на примере отношений Сибирского макрорегиона и центра, пришел к выводу о том, что «очень значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское “происхождение” минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона». Л.В. Безруков указывает, что «Общий объем

³⁸² В указанной зоне М.В. Мильчаков называет двадцать пять моногородов, «где формируются ареалы многоуровневой (региональной и муниципальной) депрессивности» (см.: Мильчаков М.В., 2012, с. 15).

³⁸³ Анисимова Г.В. Социально-экономическое неравенство. Тенденции и механизмы регулирования: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – С.103.

трансфертов, выделяемых из федерального бюджета на всю Сибирь, был в начале 2000-х гг. меньше чистой прибыли каждой из крупнейших компаний, эксплуатирующей сибирские ресурсы (Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть, ТНК-ВР, Сибнефть, Норильский никель, Сургутнефтегаз, РУСАЛ, Алроса и др.)»³⁸⁴. В результате происходит упрощение пространства социальных отношений. Так, проводимые на территории Сибири, а также в республиках Казахстан и Беларусь сибирскими учеными социологические исследования показали, «что в процессе приобщения стран бывшего СССР к мировой экономике, одновременно с процессами модернизации идут процессы архаизации системы социальных отношений»³⁸⁵.

2. *Упрощение и сжатие пространства социальных отношений на территориях, относящихся к внутренней периферии, вызывает сокращение населения и его миграцию в центр.* Почти повсеместно наблюдается отток населения из сельской местности в города, из периферийных регионов в центр. Серьезность сложившейся ситуации просматривается, например, в заявлении заместителя мэра столицы М. Хаснулина относительно невозможности строительства доступного жилья в Москве в связи с тем, что «стоимость жилья является ограничивающим фактором миграции в Москву»³⁸⁶. Опасения имеют под собой реальные основания. Численность населения в Центральном федеральном округе обнаруживает рост с 1990–2011 гг., за счет увеличения численности населения Москвы (с 9017 – 11613 тыс. человек), Московской области (6720 - 7199 тыс. человек) и незначительного роста населения в Белгородской области (1398 – 1536 тыс. человек). Численность населения всех остальных областей Центрального федерального округа за указанный период сократилась³⁸⁷. Помимо этого, по данным Федеральной службы государственной статистики, город Москва и

³⁸⁴ Безруков Л.В. 2011, с. 108–109.

³⁸⁵ Шмаков В.С. 2007, с.2007.

³⁸⁶ Власти Москвы отказываются строить доступное жилье. – URL: http://www.gazeta.ru/realty/news/2013/10/04_n_3230377.shtml

³⁸⁷ Федеральная служба статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-01.htm

Московская область, например, в 2012 году имели самое большое число прибывших мигрантов из регионов России 179884 и 195023 человек соответственно. По сравнению с Москвой существенно меньший уровень данного показателя имеет город Санкт–Петербург (108511 человек) и Ленинградская область (48354 человек)³⁸⁸. Численность населения Северо-Западного федерального округа сократилось с 15311 до 13660 тыс. человек. За период с 1990 г. по 2011 год сократилось основное население Санкт–Петербурга с 5007 тыс. до 4953 тыс. человек, увеличение населения Ленинградской области (с 1675 тыс. до 1734 тыс. человек) не покрывает потери этого региона. В целом численность населения большинства регионов, за некоторыми исключениями, сокращается³⁸⁹. Самые значительные потери в численности населения за двадцать лет понес Дальневосточный федеральный округ (с 8064 тыс. – 6266 тыс. человек). Данный регион, составляющий по площади 36,1 % площади Российской Федерации, достиг к 1991 году максимального значения по количеству населения, которое к началу 2012 г. сократилось на 22,2 % и, как отмечает Е. Мотрич, стало «меньше, чем в 1975 году»³⁹⁰. Основной причиной миграции населения с территории Дальнего Востока отечественные исследователи

³⁸⁸ Федеральная служба государственной статистики. Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2012 год. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/IssWWW.exe/Stg/%3Cextid%3E/%3Cstoragepath%3E::%7Ctab2-02-12.xls

³⁸⁹ При росте численности населения в Республике Татарстан (3675 – 3803 тыс. человек) и Республике Башкортостан (3962 тыс. – 4064 тыс. человек) снижение общего показателя присутствует в Приволжском федеральном округе (31837 тыс.– 29811 тыс. человек). Общее снижение количества населения происходит в Уральском федеральном округе (12748 тыс.– 12143 тыс. человек), здесь рост населения наблюдается в нефтедобывающих регионах данного округа: Тюменской области (3170 тыс.– 3460 тыс. человек); Ханты-Мансийском автономном округе (1280 – 1561 тыс. человек); Ямало-Ненецком автономном округе (489 тыс. – 537 тыс. человек). Ощутимые потери среди населения за прошедшие 20 лет произошли в Сибирском федеральном округе (21141 тыс. – 19261 тыс. человек), рост здесь показывает Республика Алтай (196 тыс.– 209 тыс. человек) и с перепадами показателя Томская область (1054 тыс.– 1058 тыс. человек). Рост населения за указанный период наблюдается в Южном федеральном (13443 тыс. – 13884 тыс. человек) и Северо-Кавказском (7575 тыс. – 9494 тыс. человек) федеральных округах.

³⁹⁰ Блеск и нищета Дальнего Востока. Интервью зав. сектором соц. развития Института экономических исследований ДВО РАН, д.э.н. Е. Мотрич. URL: http://toz.khv.ru/newspaper/ekspertiza/blesk_i_nishcheta_dalnego_vostoka

называют, как правило, фактор неудовлетворенности населения качеством жизни³⁹¹. Снижение уровня жизни приводит не только к оттоку трудового ресурса, но и к снижению возможности его естественного воспроизводства. Среднее количество прерываний беременности на 100 родов в Дальневосточном федеральном округе достигает в 2011 г. 86, что на 23 единицы превышает средний показатель по России и на 57 единиц показатель Москвы³⁹². Иными словами, сжатие пространства социальных отношений происходит также в результате демографического сокращения субъектов этих отношений. Опасность утраты Россией Дальневосточного региона в случае сохранения нынешней тенденции признается на официальном уровне, например, полномочным представителем Президента в Дальневосточном федеральном округе В. Ишаевым³⁹³. Такие опасения небезосновательны.

³⁹¹ О снижении уровня качества жизни может свидетельствовать соотношение общероссийской среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и таковой в Дальневосточном федеральном округе за 1995 г. и 2007 г. Если в 1995 году общероссийский показатель достигал 472,4 тыс. руб., то в ДФО он был в 1,7 раза выше (806,9 тыс. руб.). В 2007 году соотношение средних зарплат составляет 1,2 раза (13593 руб. и 16713 руб. соответственно). Для сравнения приведем динамику средней заработной платы Московской области, в 1995 г. она составляла 415,3 тыс. руб., что в 1,9 раз меньше по сравнению с Дальним Востоком, в 2007 г. в показатели примерно одинаковые – 16235 в Московской области и 16713 в ДФО. Еще более показательным может быть сравнение с Москвой, в 1995 г. – 584,1 тыс.руб. (на 1,4 ниже чем в ДФО), в 2007 г. – 2362 (на 1,4 выше чем в ДФО).

³⁹² В 2011 году максимальные показатели в Дальневосточном регионе: Магаданская область –116; Сахалинская область – 106; Амурская область – 104. Почти все выше названные депрессивные регионы по этому показателю превысили общероссийский уровень (63), только Алтайский край имеет одинаковый уровень с общероссийским. При этом, в Курганской области количество аборт на 100 рожденных достигает 96 случаев, что является максимальным для Уральского федерального округа, Кировская область (103, четвертое значение по России) лидирует в Приволжском федеральном округе, Псковская область показывает максимальные результаты (97) в Северо-Западном федеральном округе, Брянская (84) и Ивановская (83) области занимают в Центральном федеральном округе второе и третье место (после Тверской области (85)). В городе Москва этот показатель достигает 29. Данный показатель близок к среднему уровню Северо-Кавказского федерального округа (27) (см., подробнее: Федеральная служба государственной статистики. Прерывание беременности. – URL:

http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/07-12.htm).

³⁹³ Если отток населения сохранится, мы потеряем Дальний Восток – Виктор Ишаев. – URL: <http://sakhalinmedia.ru/news/politics/27.06.2012/213230/esli-ottok-naseleniya-sohranitsya-mi-poteryaem-dalniy-vostok-viktor-ishaev.html>

3. В условиях стратегии «борьбы против исключения» учащаются случаи добровольного отказа российского государства от удаленных территорий внутренних периферий. В условиях стратегии «встраивания» большая территория становится обузой для экономики и «разменной манетой» для политики. Продажа и добровольный отказ от территорий в истории России наблюдается именно в такие периоды. Данная стратегия предполагает с одной стороны, «нацеленность на приобретение дополнительных средств платежа», что может вести к продаже территории, например, продажа отдаленных от центра территорий Аляски русским правительством Александра II (геополитический эффект груза контроля). С другой стороны, государство осуществляет поиск путей встраивания в мировую экономическую систему, что требует урегулирования территориальных вопросов с соседними государствами, таким образом произошли передачи: США 53 тыс. км² акватории Берингова моря по Соглашению Бейкера-Шеварднадзе (1990 г.); Китаю 340 км² амурских островов Тарабарова и части Большого Уссурийского по Соглашению 2004 г.; Азербайджану территории с дагестанскими селами Храх-Уба и Урьян-Уба в 2010 г.; 90 тыс. км² в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане – Норвегии в 2011 г. по договору Медведева – Столтенберга.

4. Узкая сырьевая специализация способствует сокращению спектра отечественного производства, превращению имеющегося набора стратегических сырьевых ресурсов в материальное основание сырьевой экономики, утрате ранее приобретенных лидирующих мировых позиций и повышению способности стран ядра осуществлять контроль за доступом России к мировым рынкам и недостающим ей ресурсам. Проведенный отечественным ученым-экономистом В.М. Симчерой сравнительный анализ биржевых видов продукции, производимых отечественной экономикой в XX в. и начале XXI в., показывает утрату современной Россией ранее достигнутых результатов. В.М. Симчера указывает, что если наша страна входила в десятку стран производителей «в 1960 г. и последующие годы

вплоть до 1990 г. – по всем 27 фиксируемым так называемым биржевым видам производимой продукции, по десяти из них (нефть, сталь, руда, удобрения, шерстяные ткани, пшеница, сахарная свекла, картофель, сахар-песок) занимала первое, а еще по шести другим видам (электроэнергия, серная кислота, цемент, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, улов рыбы) второе место в мире», то в начале XXI в. «первое место в мире Россия занимает всего по двум позициям (газ и нефть), второе – также по двум (кирпич и картофель), а третье всего по трем (чугун, бурый уголь, молоко), входя в десятку еще по 19 видам продукции»³⁹⁴. За прошедшие с 2000 г. десять лет количество наименований видов отечественной продукции входящих в мировую десятку сократилось. В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики в 2010 году Россия занимала первое место по добытой нефти и газа, третье место по чугуну, четвертое по электроэнергии, пятое по производству стали и угля, шестое по прокату черных металлов, седьмое по необработанной древесине³⁹⁵. Спектр производств стремительно сокращается, это означает не только утрату международных позиций в области производств, происходит сжатие и исчезновение ранее комфортных для населения социальных ниш и сфер труда. Сегодня Россия прочно закрепила в мировой системе разделения труда и в сетях неравного обмена на уровне поставщика сырья, импортирующего продукты потребления. Современный бюджет России зависим от нефти и газа более чем на 50%³⁹⁶. При этом, добыча и поставка сырья является одним из наиболее трудоемких и затратных звеньев товарной цепи, а поскольку стоимость российского сырья включена в стоимость изготовленных с его использованием (или на уровне материалов, или на

³⁹⁴ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007. – С. 251.

³⁹⁵ Двенадцатое место в мире Россия занимает по производству легковых автомобилей (включая сборку), четырнадцатое по производству бумаги и картона (см. Россия 2012: стат. справочник.2012, с. 4).

³⁹⁶ Проект бюджета на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов принят в первом чтении – URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/220991/?sphrase_id=995701

уровне затрат энергии) ввозимых продуктов потребления, доля прибыли России от мирового разделения труда не может превышать долю производителей поставляемого на российский рынок товара.

Следует так же отметить, что современная стратегия развития России позволяет странам ядра при помощи международных институтов и системы международных экономических договоров регулировать присутствие и уровень активности России в мировом пространстве социальных отношений. Российская оборонная промышленность после распада СССР попала в зависимость от поставок иностранных материалов. Россия вынуждена закупать более 300 видов материалов для обеспечения своей обороноспособности³⁹⁷. Осуществить закупки требуемых материалов на международном рынке не всегда представляется возможным, так как в силу вступают международные военно-политические приоритеты. Так, например, японские производители ПАН-волокна продают свой продукт странам НАТО, а России – нет³⁹⁸. Австралия отказывается продавать России обогащенный уран³⁹⁹, повод – конфликт России с Грузией. Угрозы и введение экономических санкций относительно России со стороны США и ЕС после присоединения Крыма показывают, что сформированные сети

³⁹⁷ См.: Литовкин Д. Правительство даст деньги на секретные материалы // Известия. – 2008. – 28 июля. – С. 2.

³⁹⁸ См.: Сидибе Пьер. Кабинет министров спешит избавиться от импорта // Российская газета. – 2008. – 28 июля (№ 4715).

³⁹⁹ Половина разведанных мировых запасов месторождений урана была в Советском Союзе. Поиски урана велись с учетом того, чтобы предприятия отрасли размещались в благоприятных климатических условиях, а именно – в западных и южных районах страны и в странах социалистического лагеря. Крупнейшие месторождения были открыты в Средней Азии, Казахстане, Узбекистане. После распада СССР оказалось, что собственно территория России практически не изучена в плане добычи урана. Открытое в России Краснокаменское месторождение – одно из самых крупных в мире – может осваиваться только шахтным способом, чрезвычайно вредным с точки зрения экологии производством, так как человек работает в контакте непосредственно с урановой рудой. Россия, имея уникальные для мира технологии, перерабатывает высокообогащенный уран (ВОУ), используемый ранее для ядерных боеголовок, в низкообогащенный (НОУ) для топлива атомной энергетики. 17% американской атомной энергетики, равной всей атомной энергетике мира, работает на топливе, которое Россия поставляет по контракту «ВОУ–НОУ». Контракт подписан до 2012 г., только после этой даты Россия сможет использовать это топливо у себя. См. подробнее: Медовников (2008); Медовников, Механик (2008).

неравного обмена, лежащие в основе современной отечественной экономики, могут быть средством, при помощи которого извне предпринимаются попытки коррекции российской внешней политики.

5. *Основной поток иностранных инвестиций способствует сырьевой специализации России.* В связи с тем, что добыча полезных ископаемых, а также обрабатывающие производства являются наиболее рентабельными отраслями российской экономики (минеральное сырье составляет 70 % экспорта современной России), основной поток иностранных инвестиций направлен в данные отрасли. Данное обстоятельство способствует дальнейшей деформации и укреплению сырьевой специализации российской экономики. Так, например, за первое полугодие 2011 г. в структуре германских инвестиций в российскую экономику обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых имели самые высокие показатели, а именно 2632555 тыс. дол. и 2040807 тыс. дол. соответственно (при общих инвестициях в 5621642 тыс. дол. в указанный период). В соответствии с данными директора Департамента экономики социального развития и приоритетных программ Минэкономразвития РФ Г.Ч. Махаковой «В 80 регионах России (главным образом в Москве и Санкт-Петербурге) действует около 4600 предприятий с германским участием и около 800 предприятий с 100% германским капиталом. Зарегистрировано также 1816 филиалов и представительств германских фирм»⁴⁰⁰. При этом российские инвестиции в германскую экономику в два раза меньше и в некотором плане отражают развитую многоотраслевую структуру экономики Германии⁴⁰¹. Приток иностранного капитала в соответствии с идеей российского правительства должен способствовать успеху реформирования и росту

⁴⁰⁰ См.: Доклад ... Ганновер, 10 ноября 2011 г.

⁴⁰¹ В ФРГ зарегистрировано, как отмечает Г.Ч. Махакова, 620 предприятий с российским участием, в подавляющем большинстве это малые и средние фирмы, крупнейшими российскими компаниями, проявляющими инвестиционную активность, являются ОАО «Газпром» и АО «Роснефть». Основные российские инвестиции направляются в целлюлозно-бумажную, химическую и металлургическую отрасли промышленности, торговлю, транспорт, связь, логистику, программное обеспечение, туризм (см.: там же).

экономики России. Однако с одной стороны, иностранные инвестиции остаются даже по оценкам самого правительства недостаточными, а с другой стороны, они сопровождаются мощным процессом вывода капитала из российской экономики. Так, например, в соответствии с данными Банка России за 2012 г. категория «портфельные инвестиции и производные финансовые инструменты» оказалась с минусовым показателем, что свидетельствует о выводе иностранными инвесторами своих активов. Отток капитала в огромных объемах происходит и по криминальным схемам, что свидетельствует о недостаточной эффективности, слабости, соответствующих государственных органов⁴⁰². Отечественные исследователи уделяют внимание отрицательным эффектам, создаваемых иностранными инвестициями в российской экономике, они указывают на факт успешной конкуренции ТНК с национальными предприятиями, вытеснение внутренних инвестиций, формирование зависимости национальной экономики и финансово-кредитной системы от иностранных инвесторов, противоречивую политику Центрального банка в области обеспечения российских товаропроизводителей доступными долгосрочными займами, а также неоднозначную позицию Министерства финансов по изъятию денег из обращения в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния⁴⁰³ в целях борьбы с инфляцией, ослабление экономической безопасности России в целом⁴⁰⁴.

⁴⁰² Председатель ЦБ России С. М. Игнатьев сообщил в интервью газете «Ведомости» о том, что криминальный вывоз денежных средств из России достигает 49 млрд. долларов в год (см.: «11% организаций не платят налогов», – Сергей Игнатьев, председатель Банка России –URL:http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/399381/11_organizacij_ne_platyat_nalogov).

⁴⁰³ Что можно рассматривать в терминах миросистемного подхода как факт односторонней добровольной передачи капитала ядру, а не просто как «дань» в терминах к.э.н., депутата Государственной Думы РФ Е.А. Фёдорова. В терминах миросистемного подхода следует рассматривать и так называемую «утечку мозгов» - одностороннее движение наемной рабочей силы высочайшей квалификации, созданной советской образовательной системой.

⁴⁰⁴ См., например, Кашкарева Е.А. Влияние прямых иностранных инвестиций на рост российской экономики. Автореф. канд. эконом.н.. – Красноярск, 2007. – 21 с.; Катасонов В. Ю. «Акулы капитализма» в России: отечественная экономика как «трофей» иностранных инвесторов // Свободная Пресса. 28.05.2013. – URL:

Правительство России проявляет заинтересованность в снижении зависимости страны от сырьевой экономики. Например, в декабре 2012 г. будучи премьер-министром В. В. Путин на съезде общественной организации «Деловая Россия» пообещал ее представителям перейти от сырьевой модели развития страны к новой экономике. В.В. Путин отметил, что «пока половина поступлений в бюджет идет за счет нефтегазовых доходов. В дальнейшем цифра должна снижаться – в 2014 году с сегодняшних 49,2 до 43,5 %»⁴⁰⁵. К сожалению, динамика в сторону снижения зависимости бюджета от нефтегазовой отрасли пока не наблюдается.

6. Сжатие пространства социальных отношений современной России способствует процессы конкуренции ее центра с внутренними и внешним перифериями. И в истории России, и в современном ее состоянии данное явление обнаруживает себя достаточно отчетливо. Внутренняя периферия может испытывать трудности развития даже тогда, когда она способна активно конкурировать на российском рынке. Это – случаи столкновения интересов экономических элит центра и внутренних периферий. Политика царской России в отношении Сибири может послужить этому хорошей иллюстрацией⁴⁰⁶. Ярким историческим примером устранения российским центром конкуренции со стороны периферии является случай введения «челябинского переломного тарифа», установленного царским правительством в 1898 г. на вывоз хлеба сибирскими купцами за Урал в Россию и Европу. Сибирский хлеб имел низкую себестоимость и составлял конкуренцию дорогому российскому. Это затрагивало интересы помещичье-дворянского сословия центра. Введение «челябинского переломного тарифа» вело к удорожанию перевозки хлеба из Сибири и Казахстана, а также

<http://svpressa.ru/economy/article/68632/?mra=1>; Кагарлицкий Б. Россия на периферии // Логос. – 2003, – № 6 (40). – 3–13.

⁴⁰⁵ См.: Латухина К. Мотор для бизнеса. Владимир Путин считает, что страна должна меняться, но без революций. – URL: <http://www.rg.ru/2011/12/22/motor.html>

⁴⁰⁶ Для сравнения эффективности сельского хозяйства в Центральной России и Сибири приведем цифры по экспорту сибирского масла, вывоз которого не сдерживался запретительными тарифами. К началу Первой мировой войны Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла (Сибирь в составе..., с. 258).

продаже хлеба по низким ценам купцам из российского центра, что, по сути, означало ликвидацию его конкуренции.

Беспошлинная торговля в устьях сибирских рек была отменена по требованию московских фабрикантов после того, как англичанам, несмотря на ряд безуспешных попыток, удалось все же добраться по Северному морскому пути до Енисея и совершить в 1896 –1897 гг. успешную торговую операцию в Енисейске и Красноярске. Томский публицист А.В. Адрианов возмущался по этому поводу: «И все дело погибло, все операции были ликвидированы, а Сибирь осталась данницей московских толстосумов. И это называется государственной политикой!»⁴⁰⁷ Дискриминации подвергались и сибирские золотопромышленники, государство облагало их значительно бóльшим налогом, нежели уральских дворян-заводчиков⁴⁰⁸. Одной из главных целей деятельности сибирских депутатов в Государственной думе было добиться режима порто-франко (режима беспошлинной внешней торговли) для устьев Оби и Енисея, снижения тарифов по железной дороге, чтобы создать условия для выгодной торговли хлебом, лесом, рыбой, т.е. дешевым и громоздким товаром.

Приведем еще один исторический пример: речь идет о процессе инкорпорации в российскую экономику Польши в XIX в. Российские производители претендовали на господство на внутреннем рынке, но соперничать с польскими производителями им было чрезвычайно сложно. Активность польских банкиров и промышленников распространялась не только на окраины, но и на столицы. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. российские промышленники разворачивают активную борьбу под лозунгами защиты национальной промышленности от польских товаров. В печати и среди официальных лиц формируется мнение о том, что именно Польша, которая на самом деле приносила в государственную казну более 30 млн руб. в

⁴⁰⁷ См. подробнее: Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 265.

⁴⁰⁸ Горная подать составляла для Урала 10% стоимости валовой добычи, для приисков Сибири она была установлена в 1828 г. в размере 15%, а с 1840 г. – в 20 –24%, в Забайкалье – 30%.

год, виновна в оскудении центра. Проблема конкуренции обрела столь серьезный вес, что дискуссии о доле участия польских губерний в общегосударственном бюджете инициировались на заседаниях Государственной думы с момента начала ее работы⁴⁰⁹. Уровень концентрации капитала в центре царской России был недостаточно высок, и его держатели нуждались в помощи государства, которое расчленяло Россию на зоны, обеспечивая преимущества русским купцам, промышленникам, фабрикантам, финансистам.

Высокий уровень концентрации капитала в современной России обусловлен тяготением головных офисов крупнейших российских компаний к дислокации центральной власти. Экспансия современного, часто связанного с ТНК, московского капитала (пищевая отрасль, машиностроение, строительство, торговые сети, торговля нефтепродуктами и др.) и его успешная конкуренция с региональным бизнесом во многом определяется величиной самого капитала и соответствующей способностью его представителей добиваться согласия и поддержки у региональных властей. Современное российское государство способствует формированию цепочек неравного обмена, но в основном на уровне обеспечения экспорта и импорта, проводя инициативы, направленные на дальнейшее включение России в мировую систему разделения труда (последний пример – вхождение в ВТО). Проблемы конкуренции, возникающие на внутреннем пространстве, государство часто решает, используя имеющиеся в его распоряжении судебно-правовые механизмы (пример ЮКОСа). Подъем пошлин на ввоз подержанных автомобилей и разгон подмосковным ОМОНОм демонстрации в отдаленном от центра г. Владивостоке зимой 2008 г. имеет ту же природу. Концентрация капитала в центре ведет к ослаблению экономических элит регионов и снижению их политического влияния.

⁴⁰⁹ См. подробнее: Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.399.

Конкуренция российского центра с перифериями обнаруживается и на постсоветском пространстве. Стратегия «встраивания» способствует «бегству» бывших союзных республик от России. Многие отечественные ученые выражают с некоторым оттенком ностальгии сожаление об утрате возможностей сохранения тесного единства России со странами бывшего Советского Союза. Например, А.Подберезкин и Ю. Булатов следующим образом оценивают отношения России и Белоруссии: «Постоянно отталкивая на протяжении последнего десятилетия Белоруссию, мы упустили реальный шанс быстро воссоздать вокруг российско-белорусского тандема тесное сообщество из ряда государств СНГ, еще не успевших к тому времени сильно продвинуться в смысле становления государственности и обособления экономики. Процесс реинтеграции замедлен на годы и даже десятилетия. Некоторые же из вновь образовавшихся государств за это время успели прочно переориентироваться на запад и остаются в СНГ только потому, что до поры до времени не хотят открыто ссориться с Россией»⁴¹⁰. Часто в публикациях, затрагивающих проблемы российско-украинской и российско-белорусской интеграций, отмечается отрицательная роль внешних по отношению к России и бывшим советским республикам сил. Например, И.Ф. Грушинин и Р. Ш. Нуриддинов отмечают: «Общее в этих двух далеко не похожих политических процессах – вмешательство Запада, которому, безусловно, не нужна никакая интеграция славяно-тюркских народов и поддерживаемая Западом оппозиция». Авторы сожалеют о том, что в плане организации Союза Белоруссии и России сделать удалось немного. «Что даст полная интеграция двух республик?» – спрашивают И.Ф. Гришунин и Р.Ш. Нуриддинов. И отвечают: «Трудно перечислить все преимущества, которые они получают, если антиславянские силы не развалят этот процесс»⁴¹¹. С позиций миросистемного подхода и геополитической теории бегство

⁴¹⁰ Подберезкин А., Булатов Ю. Что делать? Как России правильно вписаться в процессы глобализации? – URL: www.nasledie.ru

⁴¹¹ Гришунин И.Ф., Нуриддинов Р.Ш. Основы геополитики: учебное пособие. – Новосибирск: САУМК, 2008. – С. 116–117.

республик на Запад объясняется тем, что, имея огромное преимущество в территории и ресурсах, современная Россия сама усиленно «встраивается» в мир-экономику и борется за более престижное место в ней. Усиливая свое влияние над внешней периферией, подчиняя ее экономику московскому капиталу, Россия одновременно будет стремиться исключить ее как конкурента из сетей международного обмена. Это совершенно иная ситуация, чем та, которая складывалась в условиях СССР, когда условием существования системы в целом было развитие периферий, их специализация в целях создания относительно автономной от мировой системы разделения труда. И в таком плане сожаления об утраченных возможностях интеграции приобретают иной оттенок. Действительно, «что даст полная интеграция двух республик», какую опасность может нести Белоруссии объединение с Россией? В первую очередь, это проникновение крупного московского капитала в народное хозяйство Белоруссии, что будет равноценно постепенной утрате этой страной своей национальной экономики. Ярким примером здесь могут быть результаты «энергетических войн» России и Белоруссии⁴¹². Так, окончание «газовой войны» между Москвой и Минском закончилось в 2011 г. после продажи белорусской газотранспортной системы «Газпрому», а осенью 2012 г. Белоруссия вынуждена выставить на торги нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ). Ситуация вокруг «Уралкалия» в 2013 г., возникшая в результате демпинговой политики российской компании

⁴¹² Назовем некоторые, наиболее яркие примеры. Строительство Россией стоимостью примерно в 4 млрд. долл. нефтепровода БТС-2 в Европу в обход Белоруссии был итогом «энергетической войны» 2007 г. Процесс обсуждения поставок на белорусские НПЗ российской нефти в 2010 г. едва не закончился выходом Белоруссии из Таможенного союза. В 2012 году Россия и Белоруссия оказались на грани новой «энергетической войны» в связи с тем, что Белоруссия не поставляла на российский рынок бензин, произведенный на белорусских НПЗ, экспортировала его под видом не облагаемых в пользу российской казны пошлиной «органических растворителей». Как отмечали «Известия» поставки на российский рынок нефтепродукта грозили Белоруссии убытками в десятки миллионов долларов, поскольку «Российскую нефть государственный «Белнефтехим» покупает по цене, превышающей внутрироссийскую, а нефтепродукты должен будет продавать по низким российским ценам» (см.: Россия и Белоруссия на пороге новой энергетической войны. Известия. 10 октября 2012г. – URL: <http://izvestia.ru/news/537282>)

на мировом рынке с целью занижения цен и последующей покупки контрольного пакета акций «Белоруськалия» является примером попытки захвата части сегмента мирового рынка путем вытеснения конкурента на периферии. В результате перехода в посткоммунистическое состояние, предполагающего включение белорусского общества в систему мирового разделения труда, Белоруссия становится периферией в сетях крупного российского капитала.

7. Интеграция бывших советских республик со странами Евросоюза сокращает пространство социальных отношений России в экономической и военной сфере. Стремление бывших республик СССР установить более тесные связи с Западом имеет объективные основания в геополитических и миросистемных условиях их существования. После распада СССР его бывшие западные республики, стали полем столкновения территориальных и экономических интересов мировых держав. Устанавливая тесные политико-экономические и военно-политические взаимосвязи с европейскими странами, странами НАТО, они стремятся улучшить свои позиции в миросистеме, становятся перифериями не полупериферии, а ядра. Многие из них, рассчитывая на военно-стратегическое партнерство со странами НАТО, вправе рассчитывать и на финансовую поддержку со стороны их государств, такое партнерство служит своеобразной гарантией иностранному инвестиционному капиталу, поступающему в экономику этих стран.

После распада Советского Союза неблагоприятными условиями для развития России являются утрата многих выходов в морские, океанические акватории и увеличение уровня «центральности» территории. Центральность в такой ситуации, помимо увеличения военных затрат на оборону, ставит внешнеэкономические сделки в зависимость от транзитных государств, увеличивает стоимость экспорта и импорта. В качестве примеров можно привести периодически возникавшие проблемные ситуации с поставками российского газа и нефти в Европу через Белоруссию и Украину, а также ситуацию с Черноморским флотом России. Подписанный в 2010 г. Украиной

и Россией договор о продлении срока аренды военно-морской базы в Севастополе до 2042 г., уже в 2012 г. обнаружил свою ограниченность и противоречия сторон относительно вопросов ремонта и обновления состава кораблей, а также корабельного и наземного вооружения, береговых систем, авиации.

Следует отметить, что Украина, как и Белоруссия, является государством с относительно небольшой территорией (в сравнении с размерами территории России и общей территорией стран ЕС) и обладает центральной геостратегической позицией. Однако в отличие от Белоруссии процессы здесь протекали не как переход, а как трансформация (в терминах Т. И. Заславской) общества. Соперничество мирового капитала за ресурсы и мировых держав за влияние над территорией Украины сопровождался стихийной экономической интеграцией западной и восточной ее частей в экономики разных стран, усиливая идеологические различия населения. Слабое государство могло манипулировать интересами экономических элит и широких слоев населения западной и восточной частей Украины до тех пор, пока социальные противоречия не привели к его уничтожению и гражданской войне.

8. *Развитие международной системы транзита товаров «Восток – Запад» через территорию России средствами РЖД в современных условиях не может стать локомотивом экономики России.* Многие исследователи полагают, что предоставление иностранным фирмам и государствам средств для транзита грузов Восток – Запад через территорию России может помочь изменить статус России в мировой системе разделения труда и стать источником роста благосостояния отдаленных от центра российских регионов. Данное суждение имеет серьезный контраргумент. Его мы находим у Дж. Арриги. Давая оценку роли транзитной торговли, он опирается на идеи А. Смита. По мнению великого классика, транзитная торговля приносит пользу, если только она является продолжением успешной внешней торговли страны, которая имеет обширный внутренний рынок, многоотраслевую

экономику и накопления капитала сверх того, что может быть вложено с прибылью в области обслуживания, потребления и поддержки производительного труда. Избыточный капитал «перетекает в транзитную торговлю и употребляется для выполнения таких же функций в интересах других стран». Дж. Арриги приводит цитату из «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита: «Транзитная торговля представляет собой естественный результат и признак национального богатства, но она, по-видимому, не является естественной причиной его. Те государственные люди, которые проявляли склонность содействовать ее развитию посредством специальных поощрительных мероприятий, очевидно, принимали результат и признак явления за его причину»⁴¹³. Можно вспомнить, что транзитная торговля была чрезвычайно выгодным предприятием для Голландии XVII в., но Голландия имела по тем временам самую передовую в Европе экономику, была финансовым центром миросистемы. Транзитная торговля давала положительные результаты и для развития экономики Великобритании, но в основе этого находилась внешняя торговля могущественнейшей и в экономическом, и в военном плане страны со своими колониями. В современной ситуации транзитная торговля является источником дохода, например, таких стран, как Сингапур, Чили. Но эти страны играют роль торговых посредников между странами ядра и странами своего региона, имеющими невысокий статус в миросистеме и центральную геостратегическую позицию. Следует также отметить, что все названные примеры – это случаи морской транзитной торговли территориально небольших государств. Применительно к России речь идет даже не о транзитной торговле, а просто о транзите товаров. Связывая Восток и Запад посредством услуг транзита, Россия, в первую очередь, будет работать на товарообмен между Европой и Китаем, т.е. играть роль «извозчика» между странами ядра и бурно развивающейся полупериферией. Несомненно, будут

⁴¹³ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – С. 72.

положительные моменты, например, появятся новые рабочие места в регионах, обслуживающих транзит, однако это не изменит экономику регионов. Поэтому тот, кто считает, что основой роста экономики страны является транзит, принимает, повторим фразу А. Смита, «результат и признак явления за его причину».

Во - в т о р ы х , узкоспециализированная сырьевая экономика России в современных условиях обеспечивает государству некоторые преимущества в области быстрого накопления ресурсов, что делает возможным реализацию ряда значимых международных и общероссийских проектов, а также расширение территории влияния.

Бурное развитие мировой экономики начала нового тысячелетия сопровождалось резким взлетом цен на энергоносители. Экспорт нефти и газа, в условиях разрушенной многоотраслевой экономики (в первую очередь машиностроения, перерабатывающей промышленности) оказался самым эффективным средством пополнения российского бюджета. Специализация, сформировавшаяся в результате проведения стратегии «борьбы против исключения» («встраивания»), обеспечивает незначительный рост экономик ряда регионов и накопление государством ресурсов, достаточных для его функционирования в относительно автономном от российского общества режиме. По номинальному ВВП Россия с 2011 г. входит в десятку стран мира. Благоприятная конъюнктура энергетического рынка позволила российскому правительству остановить распад страны в начале 2000-х гг., проявить растущие геополитические амбиции в войне 2008 г. с Грузией за влияние в Абхазии и Южной Осетии, добиться статуса организатора и реализовать чрезвычайно затратные проекты мирового масштаба, например, саммит АТЭС на острове Русский в 2012 г. и зимняя Олимпиада в городе Сочи в 2014 г., увеличивать финансирование таких проектов как «Сколково», ГЛОНАСС, нефтепроводов «ВС-ТО I» и «ВС-ТО II», газопровода «Южный поток», решать проблемы жилья для военнослужащих и их семей, реализовывать программу «материнского капитала» и т.д. Государство

обладает ресурсами для реализации крупных проектов, однако эффективность государственного аппарата снижает высокий уровень коррупции и правовой нигилизм чиновников. Иными словами, на процессе реформ отрицательно сказывается качество субъектов государственных структур и властных институтов пространства социальных отношений.

Поскольку Россия обладает огромной территорией и способна накапливать значительные ресурсы, то даже в условиях стратегии «борьбы против исключения» государство, например, в целях повышения легитимности власти (уровня доверия населения правительству), будет проявлять несоответствующую современной стратегии геополитическую «нацеленность на приобретение территорий». Присоединение к России Крыма является в этом отношении показательным примером.

В ситуации, когда государство имеет ресурсы, но вложение этих ресурсов в разоряемые внешней конкуренцией отрасли экономики не имеет смысла, геополитическая «нацеленность на приобретение территории» может возобладать. Следует согласиться с В.С. Диевым и В.В. Лыгденовой, утверждающим, что «Прогресс любого государства сегодня во многом зависит от уровня технического и технологического развития, для чего необходима открытость. Дезинтеграция из мировой экономики экономически просто невыгодна!»⁴¹⁴. Однако проявление российским государством в условиях стратегии «борьбы против исключения» несоответствующей ей геополитической «нацеленности на приобретение территорий» может вести к росту противоречий с государствами ядра и разрыву экономических связей (сетей неравного обмена) с их стороны. Например, введение российского батальона ВДВ ВС с 11 на 12 июня 1999 года в город Приштина на территории Косово и установление контроля над аэропортом «Слатина», война с Грузией 2008 г. полностью противоречили стратегии «борьбы против исключения» и вызвало недовольство западных партнеров России.

⁴¹⁴ Диев В.С., Лыгденова В.В. Российская организационная культура: традиции и вызовы глобализации // Ценности и смыслы. – 2011. – №. 5. – С. 102.

Присоединение полуострова Крым весной 2014 года повлекло за собой ряд экономических санкций в отношении России со стороны США и стран ЕЭС. При стратегии указанной стратегии значительные скачки в плане расширения территории влияния возможны лишь в тех случаях, когда она слабо доступна для наиболее могущественных стран ядра, а также когда баланс сил складывается не в пользу последних, примером могут быть результаты внешней политики Александра I и Николая I («Россия – жандарм Европы»).

В - т р е т ь и х , политика «борьбы против исключения» ведет к концентрации капитала в центре и чрезвычайно неравномерному распределению общественных благ, что увеличивает опасность дальнейшего роста идеологической и культурной разнородности населения, а, следовательно, готовности населения поддержать дезинтеграционные процессы.

Рассмотрим это на примере сложившейся ситуации в системе отечественного образования. Наличие неравномерного распределения общественных благ, культурная и идеологическая разнородность обусловлены в России уже просто огромным размером территории, многонациональным составом населения. Российское законодательство содержит в себе положения, которые ориентированы на преодоление негативных моментов объективно сложившейся ситуации. Так, например, в законе «Об образовании» и во ФГОС утверждается принцип единства образовательного пространства Российской Федерации. Однако перспективы практической реализации данного принципа сомнительны из-за отсутствия необходимой экономической базы. Яркой иллюстрацией этому является не только современная система финансирования школ, но и оплаты труда учителей. В постсоветский период происходит беспрецедентное снижение заработной платы педагогов⁴¹⁵. В отличие от советской эпохи российское законодательство препоручает вопросы финансирования образования

⁴¹⁵ См. подробнее, Гловацкая Н.Г. Развитие образования // Экономическая история СССР: очерки. – М.: ИНФРА-М, 2009. – С.178.

регионам, бюджеты которых в различной степени скудны. Катастрофическое положение дел в образовании, потребности политики модернизации, близость политических выборов вынудили российское правительство, Минобрнауки России заключить в 2011 г. соглашения с субъектами РФ о предоставлении им субсидий общей суммой 20 млрд. руб. Благодаря полученной субсидии региональные правительства смогли высвободить средства для повышения учительских зарплат до уровня средних зарплат в регионах. Правительство, дав деньги регионам, попыталось контролировать процесс их освоения посредством ежемесячных отчетов школьных администраций на сайте «Наша новая школа» (<http://kpmo.ru>). Попытка сделать процесс освоения денег прозрачным привела к созданию доступной для широкой аудитории статистической базы данных. Сайт отчетливо показывает, что российские учителя, выполняя одинаковые профессиональные обязанности, получают разное материальное вознаграждение. Средняя заработная плата учителей (на период осени 2012 г.) колеблется от 54351 руб. в г. Москве, до 11572 руб. – в Орловской области, 11680 руб. – в Алтайском крае. Положительным здесь является только то, что благодаря открытой информации вопиющее неравенство в сфере оплаты учительского труда становится очевидным. В длительной перспективе существующее неравенство приведет к значительному отставанию развития образовательной среды регионов по сравнению с центром. О каких перспективах формирования единого образовательного пространства может идти речь, если у данного процесса отсутствует единая экономическая база? В будущем такие принципы государственной политики, как принцип единства федеративного культурного и образовательного пространства, принцип общедоступности образования могут окончательно потерять свое значение. Уже сегодня действие данных принципов не распространяется на центральную фигуру образовательного процесса – учителя. Уровень оплаты труда учителя в большинстве российских регионов не обеспечивает даже простое воспроизводство его рабочей силы. Высшее

образование, тем более в столичном вузе, для ребенка учителя, средняя зарплата которого чуть больше величины прожиточного минимума трудоспособного жителя Москвы (10677 руб.), может оказаться недоступной роскошью по экономическим причинам.

Ситуация осложняется также тем, что, как отмечают ученые Института философии и права СО РАН Ю.В. Попков и В.Г. Костюк, политику российского правительства в области национального вопроса характеризует «противоречивость и непоследовательность»⁴¹⁶. Помимо неравномерности распределения социальных благ, отсутствия внятной национальной политики рост культурной и идеологической разнородности населения со временем будет возрастать в результате миграционных процессов. С одной стороны, как неоднократно отмечали сибирские ученые, наблюдается отток славянского населения с российских восточных этнических окраин. В этом плане заслуживает внимания выводы социологических опросов, проведенных М.А. Абрамовой, Г.С. Ганчаровой и В.Г. Костюком. Исследуя модели этнокультурной адаптации молодежи Севера на материале полученном в Республике Саха (Якутия) ученые предположили и убедительно доказали, «что высокая миграционная подвижность славян может быть обусловлена усилением сепаратистских настроений»⁴¹⁷. Они пришли к выводу, что «и русской молодежью, и молодежью саха ощущается скрытое напряжение в межнациональных отношениях»⁴¹⁸. Отток славянского населения с этнических окраин будет вести к росту культурной и идеологической разнородности.

С другой стороны, происходит приток населения из бывших советских республик. Современные миграционные процессы, в отличие от тех, что

⁴¹⁶ Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности современной России // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 106.

⁴¹⁷ Абрамова, М.А., Ганчарова Г.С., Костюк В.Г. Модели этнокультурной адаптации молодежи Севера (на материалах социологических и социально-психологических исследований в республике Саха (Якутия)) // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 68

⁴¹⁸ Там же. С. 71.

протекали в СССР, ведут к пополнению населения массами людей слабо или вообще не владеющими русским языком. В соответствии с данными Федеральной службы статистики общий прирост населения России в 2012 г. составил 290,7 тыс. человек, однако основным компонентом изменения общей численности населения является миграционный прирост – 295 тыс. человек. Показатель естественного прироста населения остается отрицательным (-4,3 тыс. человек). Следует отметить, что данный показатель значительно ниже, чем в 2011 году (-129,1 тыс. человек), однако статистические данные показывают, что на протяжении 20 лет, начиная с 1992 г. естественный прирост населения стремительно снижался, а увеличение общего прироста, фиксируемое начиная с 2009 г. происходит за счет миграционного показателя⁴¹⁹. Исследование межэтнических отношений у подрастающей молодежи г.Новосибирска (третьего по величине города России) в 2004–2005 гг., проведенное сотрудниками Института философии и права СО РАН при поддержке мэрии города Новосибирска, показало сокращение русских и увеличении количества представителей других народов в этнической структуре. Как отмечает Д.В. Ушаков «наиболее многонациональный состав отмечался у начальных классов – 80%, в среднем звене он составил 67,9%, а в старших классах – 60%. То есть в старших классах на один этнически однородный класс приходится в среднем 1,5 этнически смешанных класса, в средних классах это соотношение составляло 2,1 и в младших классах – 4,2»⁴²⁰. Исследование, проведенное сибирскими учеными показало не только нарастающие изменения в этническом составе обучающихся, но и то, что основными точками социальной напряженности в межнациональных отношениях являются проблемы «языкового барьера». Необходима система поликультурного образования, целью которой, как

⁴¹⁹ См. подробнее, Федеральная служба статистики. Компоненты прироста населения http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/komp-chisl.xls

⁴²⁰ Ушаков Д.В. Проблемы и методы гармонизации межнациональных отношений в школе // Межнациональные отношения в школьной среде: материалы научно-практического семинара: Новосибирск, 27 ноября 2009 г. – Новосибирск: ИИЦ «Вестник НРСО», 2010. – С. 11–12.

отмечает С. И. Черных, «должна быть направленность на преодоление межнациональных конфликтов ...достижения действительной, а не декларативной интеграции». Следует согласиться с С.И. Черных в том, что государство «недостаточно учитывает геополитизм как качественно новую характеристику в складывании информационно-образовательных систем»⁴²¹.

Сформировавшаяся система оплаты труда работников бюджетной сферы исходящая из показателей средней заработной платы в регионах обнаруживает кризис государственного механизма перераспределения доходов. В длительной перспективе наличие региональных контрастов в оплате труда бюджетных работников одинаковой квалификации будет усиливать неравенство в доступности социальных благ, а вместе с тем культурную и идеологическую разнородность населения.

В - ч е т в е р т ы х , экономические потери страны, перешедшей к стратегии «борьбы против исключения» усугубляются затратами на множественные реформы, часть которых в условиях нехватки бюджетных средств на жизненно важные для общества сферы оказываются несвоевременными, недостаточно обоснованными и затратными. Примером могут служить переименования ГАИ в ГИБДД, милиции – в полицию. При этом нецелесообразность многих реформ, отсутствие системного подхода в реформаторской деятельности обнаруживаются при смене лиц в министерских креслах; так, снятие А.Э. Сердюкова с поста министра обороны сопровождалось приостановлением и отменой ряда инициированных им реформ в армии. Часто проведение социальных реформ инициируется без учета не только недостающей материальной базы и финансового обеспечения, но и правовой основы. Реформаторский замах оказывается оторванным от действительности, что включает механизмы внеэкономического принуждения и создает условия для формирования экстенсивного характера труда.

⁴²¹ Черных С.И. Мультикультуризм, образование и личность в эпоху глобализации // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета. – 2007. – № 6. – С. 99.

Современная ситуация в отечественной системе образования может послужить тому ярким примером. Обязательное ведение ежемесячной отчетности на сайте «Наша новая школа» (<http://kpmo.ru>) о выплате учителям средней по региону заработной платы косвенным образом способствует дальнейшему увеличению эксплуатации труда учителя. При недостатке средств потребность показать среднюю заработную плату в отчете вынуждает администрации школ сокращать количество педагогических кадров и увеличивать учителям нагрузку до полутора или двух ставок. Распространенным случаем российской действительности является ситуация, когда учитель начальной школы работает с двумя классами в две смены. Можно ли с учетом имеющихся условий серьезно говорить об успешных перспективах введения ФГОС? Относительное благополучие цифр в отчетах скрывает «потогонную систему» российского образования.

Одним из результатов введения в жизнь Федерального закона 83-ФЗ от 08.05.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» становится гигантомания. Расформировываются и объединяются школы. В Москве за текущий год, по заявлению С. Собянина, было расформировано более 450 школ и введено в эксплуатацию только шесть новых. Количество детей, например, в Московской гимназии №1519 превышает 2300 человек. Неудивительно, что директор гимназии жалуется новому Президенту В. В. Путину на нехватку мест, типовое советское здание школы не может вмещать такое количество детей при обучении только в одну смену⁴²². О функционировании каких кружков и секций на базе школы, чего требует законодательство от педагогических коллективов, можно говорить в таких условиях? Как показывает практика, у школ с наполняемостью в 600 – 800 человек возникали непреодолимые проблемы с формированием расписания уже просто при

⁴²² См.: В День знаний Владимир Путин посетил московскую школу. – URL: <http://special.kremlin.ru/news/16334>

выполнении инициативы Д. А. Медведева по введению третьего часа физкультуры. У школ не хватает помещений для проведения занятий. Складывается впечатление, что часть реформаторских решений принимается без учета реалий. Стремление оптимизировать затраты доводят ситуацию до абсурда. Большинство школ не соответствуют требованиям СанПиН, но уже сейчас в помещениях школ открываются детские сады, а с 2013 года введено инклюзивное образование.

Инициативы правительства, имеющие конструктивный характер, могут противоречить законодательству, длительное время не подкрепляются необходимыми средствами и иметь неоднозначные результаты. Будучи Президентом, Д. А. Медведев в начале 2010 г. выступил с инициативой «Наша новая школа» и в отдельную задачу выделил «привлечение в школу учителей, не имеющих базового педагогического образования»⁴²³. Инициатива противоречила существующему на тот период законодательству. Трудовой кодекс РФ, Закон «Об образовании» и Типовое положение об общеобразовательном учреждении предписывали допуск к педагогической деятельности только лиц, имеющих необходимый образовательный ценз – высшее или среднее специальное педагогическое образование. В сентябре 2012 г., более чем через два с половиной года после утверждения инициативы «Наша новая школа», знаменитая Физико-математическая школа при Новосибирском государственном университете, созданная еще в советскую эпоху, оказалась вне рамок российского законодательства. Суд предписал администрации школы выплатить солидный штраф и уволить профессоров, доцентов и преподавателей из НГУ и академических институтов Сибирского отделения РАН⁴²⁴. Необходимо отметить, что для Физико-математической школы Новосибирского Академгородка и для подобных ей школ, изменение законодательства в сторону доступности

⁴²³ Дмитрий Медведев утвердил инициативу «Наша новая школа». – URL: <http://www.kremlin.ru/news/6683>

⁴²⁴ Прославленная физматшкола Новосибирска не вписалась в реформы. – URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/09/14/692249-proslavlennaya-fizmatshkola-novosibirska-ne-vpisalas-v-reformy>.

школы для лиц без педагогического образования имеет позитивные результаты. Однако для большинства российских школ, куда не пойдут преподавать профессора и доценты, со временем актуальным может стать вопрос о качестве педагогических кадров.

Известно, что серьезным недостатком системы отечественного образования, является существенный разрыв между его средним и высшим уровнями. Выходом из ситуации могло бы стать, с одной стороны, привлечение в школы вузовских преподавателей, но, не смотря на изменение законодательства, доступ специалистам из вузов в средние образовательные учреждения на сегодняшний день затруднен. Как уже отмечалось, недостаток средств и потребность показать в отчетах «высокую» среднюю заработную плату ведет к увеличению нагрузки и сокращению учителей. Преподаватели вуза не могут взять большое количество часов в школе, как правило, они ведут уроки в специализированных классах, а потому «портят» статистику отчетов. Как внешние совместители они достаточно легко могут быть уволены или переведены в статус «платных» преподавателей. С другой стороны, создание при университетах «предуниверситариев» для обучающихся старших классов может быть еще одним решением проблемы. Однако данная инициатива может столкнуться с таким препятствием как показатель обеспеченности учебными площадями в условиях мониторинга вузов министерства образования и науки Российской Федерации.

В - п я т ы х , в современной ситуации остается ряд факторов, которые в длительной перспективе могут вести к внутривнутриполитическому кризису, угрожающему территориальной целостности России.

Рассмотрим этот вопрос в полемике с С. Гуриевым, который наиболее последовательно из отечественных авторов доказывает отсутствие такой опасности, считая ее мифом, распространяемым СМИ и политиками. С. Гуриев, опираясь на работы экономистов А. Алесины и Э. Сполаоре, указывает, что показатель идеологической и культурной неоднородности, существенный для возникновения угрозы территориального распада, в

России невысок, так как «79% населения относит себя к титульной национальности, и почти все граждане владеют русским языком»⁴²⁵. С. Гуриев упускает из вида, что в соответствии с идеями А. Алесины и Э. Спалаоре уровень неоднородности – это не только и не столько уровень, выраженный «индексом этнолингвистической фракционализации», это также политэкономический параметр доступности / недоступности общественных благ для населения разных регионов страны. А. Алесина и Э. Спалаоре четко показывают, что чем сильнее различаются столица и регионы в показателе доступности общественных благ, тем выше уровень культурной и идеологической неоднородности, тем выше готовность населения поддержать процессы распада государства. Отвечая на вопрос о территориальной целостности современной России, этот аспект теории А. Алесины и Э. Спалаоре терять нельзя. По уровню доступности общественных благ разнородность населения России чрезвычайно велика, а культурно-лингвистическая разнородность все же существует и может увеличиться при росте миграционных процессов в течение двух-трех десятилетий (как показывает случай Косово).

С. Гуриев приводит также аргументы в пользу децентрализации страны, указывая в этом плане на положительные примеры США и Индии, которые «благодаря децентрализации ... остаются и большими, и вполне демократическими»⁴²⁶. Несомненно, образ большой страны с экономически мощными региональными городами-центрами, обладающими некоторой долей политической самостоятельности, позволяющей равномерно распределять ресурсы в секторах, соответствующие представлениям населения об общественном благе, притягателен. Однако приведенные С. Гуриевым примеры – это примеры *больших окраинных* государств ядра и полупериферии. Окраинное положение Индии исключает опасность

⁴²⁵ Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 121.

⁴²⁶ Там же. – С. 122.

экономической интеграции ее регионов с еще более развитыми и активными сопредельными странами, чего нельзя сказать о российской периферии.

Для России – полупериферийной страны с большой центральной территорией – опасным является одновременное сочетание роста двух показателей: уровня разнородности населения и уровня интеграции в мировую экономику⁴²⁷. Усиливая друг друга, они будут отрицательно влиять на целостность страны. Иными словами, с увеличением экономической интеграции в международную систему снижается роль внутреннего рынка, а вместе с ней и роль обширной территории в организации жизнедеятельности страны, что при наличии высокого уровня разнородности населения может усиливать дезинтеграционные процессы.

С. Гуриев приводит еще один аргумент в пользу тезиса о безопасности России в плане ее территориальной целостности. «Опыт Чечни, – пишет он, – наверняка отбил у региональных лидеров охоту мечтать о полной автономии»⁴²⁸. Относительно данного аргумента следует отметить, что автор рассуждает с точки зрения ближайших перспектив⁴²⁹. Действительно, сегодня центр силен, а периферия нищает, ее экономическая элита чрезвычайно слаба, она часто не в состоянии лоббировать свои интересы даже на региональном уровне. Однако с позиций долговременной перспективы «охота мечтать» видится как качественная характеристика

⁴²⁷ В отечественной геополитической науке о существовании опасности интеграции различных частей России с экономиками соседних стран отмечает И.Ф. Кефели. Он пишет: «Транспартировка продукции в Европейскую часть страны стала обходиться дороже, нежели ее производство. В этом случае становится выгоднее торговать с Китаем, Японией и другими странами азиатской части евразийского континента» (Кефели, 2007, с. 175).

⁴²⁸ Там же. С. 121.

⁴²⁹ В отечественной литературе последних лет утвердилось мнение о том, что распад России не угрожает. При этом авторы, например В.Л. Иноземцев (2007), рассматривают с точки зрения ближайших перспектив. Утверждается, что распад не произойдет через 15–20 лет. С этим трудно не согласиться. Но, что будет через 25–50 лет? Ответ на этот вопрос кажется не менее важным. Распад государства – это явление «большой длительности» и поэтому следует искать тенденции, заданные не спорадическими явлениями политики, как силовое удержание Чечни в составе РФ, а общей стратегией государства. Некоторые авторы не столь категоричны в предсказаниях относительно территориальной целостности России, например, В.А. Дубовцев указывает на опасность отпадения окраин на Дальнем Востоке России (2008, с. 147–149).

человека⁴³⁰. С позиций долговременной перспективы необходимо задать вопрос, а не приведет ли децентрализация страны, о которой мечтает С.Гуриев, в период возможного ослабления центральной власти (когда она не сможет отбивать «охоту мечтать») к распаду.

Что в длительной перспективе может угрожать стабильности центральной власти с позиции миросистемного подхода и теории геополитической динамики? *Во-первых*, стратегия «борьба против исключения», как уже отмечалось, подчиняет ресурсы периферии центру, ослабляет периферийные общества и вызывает волны социального протеста. В истории России существует множество таких примеров, приведем лишь наиболее яркие. Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в эпоху Екатерины II содержит в себе логику восстания периферии против политики активно встраивающегося в миросистему центра, данная логика прослеживается в польских восстаниях (1831, 1863), в идеологии Сибирского областничества и др. Следует отметить, что случаи восстания и сепаратизма периферии относительно легко преодолеваются более могущественным центром. Основная опасность для политической власти при стратегии «встраивания» исходит не от периферии, а от экономических элит самого центра и тех социальных групп, которые их поддерживают, отречение Николая II, Февральская буржуазная революция в России, могут служить этому примером. Однако в период ослабления центральной власти социальные недовольства населения периферий могут стать горючим материалом для разжигания сепаратизма.

Во-вторых, Россия обладает огромной территорией и способна периодически накапливать большие ресурсы, однако периодически в истории

⁴³⁰ Следует отметить, что исследования посвященные проблемам Северного Кавказа и территориальной целостности России содержат гораздо больший набор факторов нестабильности данного региона, например, Р.М. Эмиров указывает, что «социальная и политическая нестабильность и конфликтогенность региона определяются не только затянувшимся кризисным состоянием социальной и экономической сфер, ..., но и в не меньшей степени духовным кризисом, идеологическим вакуумом, девальвацией традиционных ценностей, потерей жизненных ориентиров и т.д.» (Эмиров, 2014, с. 13).

России возникают ситуации чрезмерного расширения. Как уже отмечалось, большая территория и большие ресурсы в условиях двух разных стратегий по-разному влияют на рост общества. Большая территория является необходимым фактором для успеха и продолжительности стратегии «борьбы против эксплуатации», государство заинтересовано в расширении и развитии территории внутренних и внешних периферий, так как это обеспечивает широту диапазона действий и устойчивость общества, функционирующего относительно автономно от ядра миросистемы. Однако стремление расширить базовую территорию и территорию влияния чревато ситуацией чрезмерного расширения и непосильного груза контроля, формирующегося в результате отставания темпов активизации ресурсов с новых «проблемных» территорий в экономику страны от темпов экспансии. Можно было бы предположить, что после распада СССР и окончания «холодной» войны груз контроля над территорией, затраты российского государства на поддержание декларируемого порядка, снизился. Однако такое предположение было бы ошибочным. Помимо того, что значение большой территории при стратегии «встраивания» в экономическом плане снижается и она становится «обузой», превращая сырьевые регионы в «доноров», современной России требуются огромные затраты на содержание не только армии, задачей которой является защита Отечества от внешних захватчиков (и численность состава которой действительно сокращается), но и внутренних войск, необходимых для поддержания декларируемого порядка на территории страны. Соотношение соответствующих статей бюджета России на 2013 «Национальная безопасность» и «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» являются тому ярким примером⁴³¹. Данное обстоятельство, с одной стороны, с учетом благоприятной конъюнктуры на нефть и газ на международном рынке, создает условия стабильности государственной власти, но, с другой стороны, поглощает ресурсы необходимые для развития

⁴³¹ Бюджет на 2013 г. предусматривает более 2,1 трлн руб. на статью «Национальная безопасность» и более 2 трлн руб. на статью «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность».

общества в целом, а, следовательно, служит истощению источника экономического роста и социального спокойствия, что в длительной перспективе (например, при падении мировых цен на сырье) не может не отразиться на политической стабильности.

Стратегия «встраивания» ведет к жесткой сырьевой специализации страны, дальнейшему отставанию ряда российских регионов в развитии, обострению социального расслоения и социальных противоречий⁴³². Однако она гарантирует власти относительно стабильный доход казне, поддержку крупного капитала и безопасность со стороны периферий. Дальнейшее продолжение стратегии «встраивания» может привести к обеспечивающей ее эффективность политической диктатуре, примеры такого поворота событий в истории современной миросистемы есть – Чили в эпоху Пиночета. А.В. Бузгалин считает, что уже сейчас «Россия и некоторые другие страны СНГ переживают сейчас парадоксальный ренессанс сталинизма. ... Сейчас под лозунгами сталинизма продвигается программа укрепления слабого российского национального капитализма, вынужденного в борьбе с более сильным международным капиталом искать протектората государства и обращаться к нему за помощью в деле смягчения социальных противоречий, чтобы не быть похороненным под обломками народного недовольства»⁴³³.

В-третьих, обладая огромной протяженностью границ, Россия будет поставлена и не раз в условия, требующие активных военно-политических действий. Помимо этого, поскольку Россия обладает огромной территорией и государство способно периодически накапливать значительные ресурсы, то в условиях стратегии «борьбы против исключения» само государство, например, в целях повышения легитимности власти (уровня доверия

⁴³² Мировой опыт показывает, что если соотношение уровней доходов у 10% самых богатых и 10% самых бедных превышает 1:10, то страна вступает в стадию социальных конфликтов и катаклизмов. В России, как отмечает Г.В. Анисимова, даже при условии позитивной динамики роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация продолжает нарастать и «к 2008 г. доходы наиболее обеспеченного населения уже в 16,8 раз превысили доходы наименее обеспеченного» (см., подробнее, Анисимова, 2010, с.7–8).

⁴³³ См.: Бузгалин, 2010, с. 440.

населения правительству), будет проявлять несоответствующую стратегии геополитическую «нацеленность на приобретение территорий», что с одной стороны, как уже отмечалось, будет вести к росту груза контроля, а с другой стороны, может вести к разрыву экономических связей (сетей неравного обмена) со стороны стран ядра, связей, на основе которых сформировалась российская экономическая элита. Поэтому, с одной стороны, эскалация конфликтов на границе при выполнении роли сырьевого придатка губительна для будущего России, так как средства, полученные ценой неравного обмена, будут потрачены на гонку вооружений, а не производительную сферу. С другой стороны, поскольку война (и ее результаты, такие как геополитический неуспех, экономический кризис) является катализатором социальных революций, состояние военной агрессии может крайне негативно сказаться на стабильности власти. Столкновение с более могущественным противником на международной арене может привести российское правительство к ситуации геополитического неуспеха, расколу элит (чрезмерные затраты на военные нужды могут вынудить правительство начать реформы противоречащие интересам экономической элиты общества) и стихийному всплеску зреющего социального недовольства.

На сегодняшний день центральная власть занимает прочные позиции. В результате мощного геополитического успеха, в виде присоединения Крыма, наблюдается рост легитимности правительства, доверие населения правительству возросло. Признав итоги референдума в Крыму, присоединив территорию, правительство России не только улучшило геополитическое положение страны на побережье Черного моря, но и получило поддержку широких слоев населения внутри страны, гораздо более ощутимую, чем принесла олимпийская победа российской команды в г. Сочи. Раскола элит нет. Заявления о необходимости национальной платежной системы и политики импортозамещения (в первую продукции двойного и военного назначения) сделанные правительством после присоединения Крыма являются вынужденной коррекцией стратегии «борьбы против исключения» и не

противоречат интересам экономической элиты. Государство и экономическая элита центра поддерживают друг друга во внутренней экспансии, одновременно усиливая вертикаль власти и захватывая рынки российских периферий⁴³⁴. Сегодня данный процесс переместился с некоторым успехом на постсоветское пространство. Однако опасность чрезмерного расширения, формирования чрезмерного груза контроля, роста культурной и идеологической разнородности населения, втягивания в военный конфликт с более могущественным противником и разрыва сетей неравного обмена (как с ядром, так и с внешними перифериями) остаются. Эйфория от геополитического успеха присоединения Крыма, если ее не поддерживать, может ослабнуть, в случае геополитического неуспеха отношение масс к правительству изменится, поиск ресурсов путем реформ, затрагивающих интересы экономической элиты, будет чреват расколом элит, парализацией силовых структур и высвобождением социального недовольства.

В - ш е с т ы х , развитие современной международной ситуации будет способствовать формированию условий для «побега» из институционального тупика, созданного современным неолиберализмом. Миросистема начинает переходить к этапу укрепления новых центров конфигурации сил. В данных условиях прекращение периферизации российских регионов и подъем развития России, возможно при условии внесения серьезных корректив в стратегию развития страны в сторону ее постепенного «отключения» от контролируемых ядром глобальных процессов накопления капитала, осуществления постепенной кооперации со странами периферии и полупериферии⁴³⁵, восстановления отечественной многоотраслевой экономики, развития внутреннего рынка отечественных товаров. Однако на этом пути существует ряд проблем. Во-первых, ни экономическая элита, ни опирающаяся на нее часть элиты

⁴³⁴ См., например, Курбангалеева Е. «Уйти нельзя остаться». К пониманию современных региональных процессов // Логос. – 2003. – № 6. – С. 44–50.

⁴³⁵ Увеличивая, как отметил Б. Кагарлицкий, «коллективную автономию по отношению к Западу» (см, Кагарлицкий Б. 2003. С. 13).

политической на сегодняшний день и в длительной перспективе не смогут самостоятельно поддержать процесс «отключения» в силу существующей зависимости стабильности своего состояния от сетей неравного обмена с ядром. Во-вторых, даже в рамках стран БРИКС, способных в перспективе выступить с альтернативной существующему мировому порядку программой развития, существует опасность закрепления за Россией места поставщика природных ресурсов. В-третьих, процесс «отключения» от сетей накопления капитала в ядре и кумулятивный процесс между странами, заинтересованными в новом мировом порядке, приводит, как показывает история миросистемы, к военным конфликтам глобального значения. Участие в подобных конфликтах в условиях стратегии «встраивания» приводили Россию к расколу элит, социальным протестам и революциям. Коррекция стратегии развития позволит предупредить ситуацию подобного внутреннего конфликта, поскольку даст возможность взрастить иную экономическую элиту и снизить опасность стихийного всплеска социального недовольства.

Делая вывод, отметим, что инициативы правительства по коррекции стратегии развития страны, нельзя квалифицировать как переход (в терминах Т.И. Заславской). Во-первых, действия правительства по присоединению Крыма, активизации политики импортозамещения, создания национальной платежной системы являются реакцией на сложившуюся внешнюю ситуацию, реакцией имеющей стихийный характер, следовательно, Россия продолжает переживать трансформационные процессы со слабо предсказуемыми перспективами, но несущими для нее опасность периферизации. Во-вторых, подписание договора с Китаем о поставках российского газа свидетельствует, что даже в случае разрыва сетей неравного обмена с ядром, правительство России установит эти связи с интенсивно развивающейся полупериферией, осуществляющей с периода глобального экономического кризиса переход к стратегии «борьбы против эксплуатации» путем переноса акцента развития на внутренний рынок, увеличения покупательной способности своего населения.

3.3. Модернизация России: потенциал современной стратегии развития страны

Модернизацию будем понимать в терминах Т.И. Заславской, а именно как возрастание способностей к социальным преобразованиям с целью повышения конкурентоспособности в миросистеме⁴³⁶. Сегодня российское общество имеет цели и задачи, достаточно четко сформулированные правительством. Правительство намерено провести преобразования, которые позволят создать в России передовую экономику и гражданское общество. В 2012 г. был опубликован доклад, определяющий стратегию развития России до 2020 г.⁴³⁷. Данный доклад является вторым вариантом концепции долгосрочного развития. Первый вариант, принятый в 2008 г., оказался нереализуемым полностью уже на начальном этапе 2008–2012 гг. Заявленные в 2008 г. темпы развития оказались непосильными, а обозначенные цели, такие как качественное переустройство российского общества, недостижимыми. Реформаторский замах концепции долгосрочного развития, опубликованной в 2012 г., предполагает опору на «новую модель роста», которая, по мнению авторов данного документа, позволит реализовать стратегию «догоняющего развития». При этом, как отметил В.М. Полторович: «В третьей главе (доклада – *А.И.*) термин “догоняющее развитие” исчезает, и становится ясно, что “новая модель роста” опирается на старую ... политику “большого скачка” – непосредственного перехода от отсталой к инновационной экономике»⁴³⁸. То, что авторы реформ тяготеют к идеи быстрых и одновременно качественных перемен говорит также

⁴³⁶ Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 10

⁴³⁷ Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика // <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>

⁴³⁸ Полторович В.М. Стратегия – 2020: перспективна ли «новая модель роста»? // Прямые инвестиции. – 2012. – № 5. – С. 17. Следует отметить, что В.М. Полторович придерживается мнения о неэффективности политики «большого скачка».

устанавливаемый документами срок – 2020 г. Оба программных документа представлены российскому обществу как концепции *долгосрочного* развития, но если в 2008 году термин «долгосрочный» не мог вызывать сомнения (все таки период больший чем две с половиной советских пятилетки), то его использование в концепции 2012 г., на реализацию которой должно хватить, по мнению ее авторов, менее девяти лет, уже небесспорно. Масштаб запланированного и сжатые сроки реализации действительно предполагают рывок в развитии страны. Потребность в быстрых преобразованиях нашла отражение и в других программных документах российского правительства, опубликованных во временном промежутке между двумя концепциями долгосрочного развития. Наиболее ярко стремление к быстрым масштабным преобразованиям проявлялось в программных документах и выступлениях Д.А. Медведева. Будучи Президентом, Д.А. Медведев, обращаясь к нации, призвал создать «новую Россию» и сравнил масштабы предстоящих трансформаций с масштабами преобразований эпохи Петра I и советской индустриализации⁴³⁹. Действительно, названные Д.А. Медведевым трансформации, предотвращали скатывание российского общества на уровень периферии, они обновляли общество, открывали возможности использования новых ресурсов, формировали мощный потенциал роста. Но возможен ли подобный рывок в развитии страны в современных условиях? Используя идею Д.А. Медведева о необходимости реформ равных масштабам Петровских преобразований и советской индустриализации, ниже ответим на этот вопрос.

Поставленные перед обществом задачи требуют серьезных мероприятий в области мобилизации населения. В этом плане Д.А. Медведев подчеркнул, что в отличие от случаев прошлого современная мобилизация должна происходить ненасильственным путем. Значит, сегодня необходимы совершенно иные механизмы и принципы, которые позволят сплотить

⁴³⁹ Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5413> (дата обращения: 07.07.2010).

россиян вокруг государства и увлечь их на путь коренных преобразований. Решение этой задачи невозможно без организации в обществе эффективной системы воспитания детей и молодежи. Пути для решения проблем «воспитания будущих поколений» Д.А. Медведев связывал главным образом с модернизацией системы образования (с введением новых стандартов обучения, системы аттестации и профессиональной переподготовки учителей), коррекцией содержания современной отечественной кинопродукции и литературы для детей, обновлением патриотического воспитания и формированием ценностей здорового образа жизни⁴⁴⁰. Нет сомнений в том, что качественная трансформация большинства сфер российской действительности жизненно необходима, не подлежит сомнению также и то, что трансформация окажется возможной, если только молодежь морально и интеллектуально к ней будет готова. Тревогу вызывает нечто иное, на пути реализации благих по своему содержанию задач воспитания существует рассогласование декларируемых ценностей и духовно-нравственных идеалов с реальной практикой отношения к человеку. По данным Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения Российская Федерация занимает первое место по числу убийств среди молодежи. На каждую тысячу молодых людей от 10 – 29 лет приходится 15,85 насильственных смертей⁴⁴¹. Среди основных причин, обуславливающих высокий уровень данного показателя, названы не только алкоголь и наркотики, но также низкий уровень жизни и социальное неравенство⁴⁴². Роль этих двух последних факторов столь велика, что их ликвидация, по мнению авторов доклада, потенциально может спасти 90% жизней молодых людей от тех, которые мы ежегодно теряем⁴⁴³. Доклад

⁴⁴⁰ Послание Президента Федеральному собранию. 30 ноября 2010 г. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/9637/work> (дата обращения: 14.01.2011).

⁴⁴¹ European report on preventing violence and knife crime among young people / ed. Sethi D., Hughes K., Bellis M. and all. – Copenhagen: World Health Organization, 2010. – P.13.

⁴⁴² Ibid. P. 25.

⁴⁴³ Ibid. P. 80.

Европейского регионального бюро ВОЗ позволяет не только еще раз продемонстрировать, что бытие определяет сознание, что проблемы воспитания связаны с глубинными социальными и экономическими условиями жизни общества, но и задать ряд важных вопросов, а именно: адекватны ли сложившейся ситуации намеченные пути решения проблем образования и воспитания; почему государство ограничивается полумерами и не рассматривает ликвидацию низкого уровня жизни и социального неравенства как залог успеха воспитания подрастающего поколения; почему осуществляемые правительством реформы, в частности, в системе образования, не находят одобрения в обществе?

Обратимся снова к идее Д.А. Медведева о необходимости мощного модернизационного рывка, подобного реформам Петра I и советской индустриализации. С позиции миросистемного подхода эти два великих модернизационных прорыва имеют различия на качественном уровне, так как являлись продуктами двух противоположных стратегий развития полупериферийного государства.

Реформы Петра I и последовавшее за ними развитие страны в XVIII–XIX вв. соответствуют стратегии «встраивания». При данном типе стратегии общество устанавливает тесные связи со странами ядра и борется посредством специализации своей экономики, а также посредством исключения конкурентов из области специализации за сравнительно безопасную нишу в мировом разделении труда. Ценностными императивами экономической и части политической элит общества становятся ценности стран ядра. Однако для большинства населения эти ценности остаются чуждыми. Дело в том, что процессы трансформации не проникают глубоко в общество, экономическая элита предпочитает экстенсивными методами увеличивать свою прибыль. Большая часть производительных сил останавливается в своем развитии. Формируется обширная внутренняя периферия, которую отличают низкий уровень развития и низкий уровень жизни. Так, Россия после Петра I начинает специализироваться на экспорте

хлеба, что в эпоху Екатерины II ведет не к бурному развитию сельского хозяйства, а к усилению крепостного гнета. Стоит также вспомнить, что культура национальной элиты по своим основаниям значительно отличалась от культуры русского народа. Н.М. Карамзин в этом отношении отмечал: «Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходствовали между собой некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях – со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немца в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний»⁴⁴⁴.

Советская индустриализация протекала в условиях стратегии разрыва с ядром миросистемы. Данное обстоятельство с необходимостью требовало формирования отраслевого разнообразия и чрезвычайно сложной системы разделения труда. Иными словами, для того чтобы существовать и развиваться, общество, как в рамках СССР, так и позже в рамках СЭВ, должно было осуществлять очень обширный диапазон действий. Преобразования носили тотальный характер и осуществлялись быстрыми темпами, в том числе и в сфере образования и воспитания молодых поколений. Борьба с неграмотностью и беспризорностью, создание азбук и письменности у малых народов, строительство новых школ и высших учебных заведений, подготовка высокообразованных кадров и многие другие мероприятия советской власти были необходимы для подъема многоотраслевого народного хозяйства обширной страны. Противодействие господствующему в миросистеме порядку находит отражение в ценностях общества. Они не просто отличаются от ценностей ядра миросистемы, в их содержании присутствует претензия на новизну и прогресс. Важнейшей чертой советской системы был отказ от воспроизводства классового

⁴⁴⁴ Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – С. 33.

общества, что вело к устранению различий в содержании образования элиты и человека массы.

Сегодня успехи модернизации периода Петра I и советской индустриализации рассматриваются как пример для подражания. Однако с позиций миросистемного подхода отчетливо видно, что в существующих условиях Россия не сможет достичь преобразований, подобных масштабам ушедших эпох. Современной России свойственна стратегия «встраивания». Поэтому если кто-то еще надеется, что будущие трансформации примут размах, глубину и темпы советской индустриализации, то они обманываются в своих ожиданиях. Надо отчетливо понимать, при стратегии «встраивания» государству не добиться преобразований таких масштабов. Обманываются в своих ожиданиях отечественные педагоги. В требованиях, которые предъявляет к правительству педагогическое сообщество, присутствует желание модернизировать систему образования, но сохранить в ней лучшие свойства советской школы⁴⁴⁵. Это желание романтиков, мировоззрение которых сформировано в социальной системе, которую мы утратили⁴⁴⁶. В конце 1980-х гг. происходит смена стратегии развития страны. В результате система образования, обеспечивающая подготовку кадров для многоотраслевой экономики, перестает соответствовать новому экономическому основанию⁴⁴⁷. В условиях «встраивания» она должна в первую очередь решать задачи, соответствующие узкой экономической специализации страны. Сегодня действия российского правительства в области образования продиктованы стремлением преодолеть это несоответствие. Государство стремится сократить затраты на народное

⁴⁴⁵ Резолюция Всероссийской педагогической конференции (Москва, 29–30 сентября 2007 г.) // *Философия образования*. – 2007. – № 3. – С. 13–17.

⁴⁴⁶ Ю.В. Москвич и В.С. Диев отмечают что, сегодня существует «острейшая проблема: отсутствие у большей части образовательного сообщества полноценной картины современного мира» (Москвич, Диев, 2013, с. 17).

⁴⁴⁷ О несоответствии потребностям современной экономики ряда технических вузов по узким специальностям советского периода см.: *Аблажей А.М.* Российская высшая школа в контексте демографических процессов // *Философия образования*. – 2007. – № 3 (20). – С. 81.

образование, устанавливая низкий уровень оплаты труда педагогов, вводя в условиях демографического кризиса «подушное финансирование», закрывая несколько тысяч сельских школ, формируя двухуровневую систему с платной магистратурой в высших учебных заведениях, вводя в практику конкурсную поддержку отдельных проектов в науке и образовании при недостаточном базовом финансировании этих сфер. Как отметил С.И. Черных, «государство сознательно элиминирует себя из сферы образования»⁴⁴⁸. Ожидания педагогов оказываются чрезмерными и не соответствуют тем реалиям, в рамках которых действует правительство, именно поэтому реформы образовательной системы проходят чрезвычайно медленно, часто через сопротивление тех, кто должен выполнять принятые правительством решения⁴⁴⁹.

Масштабы петровских реформ, которые в большинстве сфер (кроме военной) были половинчатыми, также могут оказаться недостижимыми. При Петре I России удалось войти в европейскую геополитику «при шпаге»⁴⁵⁰, но современная Петру I эпоха была эпохой меркантилизма, и Европа еще не могла превратить Россию в периферию. Сегодня ситуация иная. Сети неравного обмена с ядром и с успешной полупериферийной экономикой Китая уже сформированы. В мировой экономической системе России определено место поставщика сырья. Изменить ситуацию будет сложно, поскольку российская экономическая элита является порождением указанных сетей неравного обмена и достаточно сильна, чтобы влиять на государственную политику. В связи с этим следует назвать еще один фактор, который затруднит достичь современным российским реформам масштабов петровских преобразований и советской индустриализации.

⁴⁴⁸ Черных С.И. Реформирование высшей школы России в свете образовательных технологий XXI в. // Философия образования. – 2013. – С. 10.

⁴⁴⁹ Например, Н.М. Чуринов описывает конфликт профессоров четырех вузов города Красноярск и руководства края относительно создания СФУ (Чуринов, 2012, с.5–6).

⁴⁵⁰ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 38.

Полупериферийное общество, помимо экономических критериев, отличается от общества периферии наличием сильного государства. Оба исторических случая модернизации сопровождались строительством сильного государственного механизма, способного проникать в общество и активизировать его. Современное российское государство, напротив, стремится «освободиться от несвойственных ему функций», освобождая таким образом «невидимую руку рынка», которая легко опустошает российские карманы в пользу экономик ядра и превращает Россию из полупериферии в периферию. Единственным обстоятельством, позволяющим с некоторым оптимизмом смотреть на возможность проведения модернизационных преобразований, является наличие у российского руководства политической воли для их осуществления. Начало модернизационного рывка уже объявлено, остается только надеяться, что его реализация будет более последовательна и результативна, чем многие другие отечественные проекты, например, борьба с коррупцией, введение ЕГЭ, национальный проект «Доступное жилье»⁴⁵¹.

Стратегия «встраивания» предполагает наличие в обществе мощного процесса социального расслоения. Сегодня в России целые районы и группы населения оказываются избыточными для эффективного функционирования рынка – ни в качестве рабочей силы, ни в качестве потребителей они не имеют перспективы. Сегодня российское общество классовое. Большая часть населения не осознает свою классовую принадлежность, т.е. находится в состоянии, которое К. Маркс называл «in sich» (класс «в себе»). Массы дольше созревают в осознании своих классовых интересов, сегодня это

⁴⁵¹ В 2004 г. Дж. Сорос задал вопрос: «Почему, например, Казахский нефтяной фонд вкладывает средства в американские ипотечные облигации вместо того, чтобы развивать казахский рынок ипотечных облигаций?» (Сорос, 2004. С. 144). Данный и подобные вопросы были и остаются актуальными не только для казахского, но и для российского общества. Причина подобных инициатив правительств стран периферии заключается не только в том, что они «коррупционированы» (как видит это Дж. Сорос). Прежде всего, причины таких инициатив следует искать в области экономики периферийных стран. Правительства предпочитают вкладывать средства в более стабильные экономики, чем экономики их собственных стран.

сдерживается развалом крупных производств, а следовательно, отсутствием больших рабочих коллективов, соглашательской позицией профсоюзов и оппозиционных политических партий. В отличие от масс господствующие классы хорошо осознают свои интересы, они гораздо более организованы и не заинтересованы, например, в образовании, которое воспроизводит бесклассовую систему общества. Отказ от советской системы образования во многом продиктован потребностью изменения идеологического содержания образовательного процесса. Принципы социальной справедливости, интернационализма, приоритетности научного мышления, всестороннего развития личности чужды классовому обществу⁴⁵².

Социальное расслоение российского общества постепенно начинает находить отражение в законодательстве. Например, Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», по сути, вводит принцип индульгенции для людей, которые имеют возможность уплатить штраф за преступления в сфере бизнеса, экономики и финансов. Они будут платить штраф и не будут нести больше никакой ответственности за свои действия в отличие от тех, кому совершение преступления окажется не по карману. Налицо расслоение уголовного законодательства по социальному признаку.

Введение платных уроков в школе по своей сути является попыткой государства использовать ресурсы семьи в целях модернизации системы образования, что с необходимостью будет закреплять и усиливать сформировавшееся в обществе социальное расслоение⁴⁵³. Готовность продолжить движение в данном направлении просматривается в инициативах представителей российской экономической и политической элит. Некоторые

⁴⁵² Действие принципа приоритетности научного мышления в отечественной средней школе сомнительно. О каком приоритете науки может идти речь, если, с одной стороны, в начальной школе, когда критическое мышление ребенка еще не сформировано, вводится предмет «Основы религиозных культур и светской этики», а, с другой стороны, астрономия не преподается или объявляется курсом «по выбору»? Научное ли представление о мире и вселенной сформируется у ребенка, не изучавшего астрономию?

⁴⁵³ Анализ правовых вопросов отечественного образования – см.: В.В. Бобров (2007); Н.В. Кулипанова, Е.В. Ушакова (2012).

предложения могли бы показаться неуместным хулиганством, если бы не официальный статус их авторов, например, идея отмены студенческих стипендий, высказанная помощником Президента РФ по экономике А. Дворковичем.

Надежды на то, что процесс модернизации России со временем сделает проблему социального расслоения менее острой, не имеют под собой реальных оснований⁴⁵⁴. При сложившихся условиях процессы трансформации не проникнут глубоко в общество. Правительство пытается ликвидировать узкую сырьевую специализацию, например, объявляя приоритетными ряд сфер развития (медицинские технологии и фармацевтика; технологии энергосбережения; ядерная энергетика; космические технологии и телекоммуникации; стратегические и информационные технологии, нанотехнологии), что устанавливает новые ориентиры для науки и образования, повышает их значимость. Как отмечает И.А. Пфаненштейн: «В условиях, когда топливно-энергетическая специализация делает страну менее конкурентоспособной и, соответственно, ведет к ослаблению, особенно возрастает роль научного и образовательного потенциала – критерия уровня развития общества и основа его возрождения»⁴⁵⁵. Однако, необходимо отметить, указанные отрасли не являются трудоемкими, следовательно, социальный заказ на специалистов не может быть большим, а социальная база системы образования, обеспечивающей подготовку требуемых кадров, не может быть обширной.

Поскольку крупномасштабная модернизация в сложившихся условиях стратегии «встраивания» проблематична, то и вовлечения больших человеческих ресурсов в процессы преобразования ждать не приходится.

⁴⁵⁴ См.: Майер Б.О., Наливайко Н.В., Показова Е.В. Постмодернизм в образовании – очередной этап социума? // Философия образования. – 2008. – № 2 (23). – С. 69–76.

⁴⁵⁵ Пфаненштейн И.А. Профессионально-ориентированное обучение в России как фактор интеграции в общемировое образовательное пространство (в контексте Болонского процесса) // Профессиональное обучение как фактор интеграции в мировое общеобразовательное пространство: доклады и тезисы 4-го регионального научно-методического семинара. – Усть-Илимск; РИО Усть-Илимского филиала Сиб. федер. ун-та, 2009. – С.3.

Государство стремится направить активность молодых в позитивное для страны русло. Д.А. Медведев на заседании Государственного совета «О молодежной политике в Российской Федерации» отметил, что «без участия молодежи в инновациях мы не сможем создать то самое технологическое общество, к которому мы так стремимся»⁴⁵⁶. Однако в сложившихся условиях лишь малая часть молодежи может быть охвачена инициативами правительства. Как результат одни проявляют свою социальную активность мирно на Селигере, а другие – в столкновениях с милицией на Манежной площади⁴⁵⁷. Эти и подобные им группы молодежи сегодня являются лишь носителями противоположных по своим предельным основаниям но, как правило, незрелых идеологий. Закрепление идеологических различий в социальной практике разных групп населения опасно для «братского, народного единодушия государственных состояний» (Н.М. Карамзин). Поэтому сегодня, когда высокий уровень социального расслоения обуславливает вызревание в обществе протестных движений, сфера воспитания снова становится областью интересов государства. Однако государство решает проблему не вполне адекватными средствами – разрыв нашего общества, возникший в социально-экономической сфере, оно пытается прикрыть шаткими идеологическими конструкциями, «духовными скрепами». Симптоматично выглядит то, что в содержании «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» Федерального государственного образовательного стандарта второго

⁴⁵⁶ Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О молодежной политике в Российской Федерации». 17 июля 2009 г. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4834> (дата обращения: 07.07. 2010).

⁴⁵⁷ Современная молодежь не может избежать опасностей, которые О.Д. Олейникова назвала «стержневым противоречием процесса нравственного воспитания». Молодой человек при отсутствии должного воспитания может «превратиться или в конформиста, приспособляющегося к социальным деформациям, извлекая из них ощутимую для себя пользу, или стать радикальным нонконформистом, способным всеми доступными средствами реализовать стратегию несогласия, отрицания бунта». См. об этом подробнее: *Олейникова О.Д.* Нравственное воспитание как условие качественного образования // *Философия образования.* – 2010. – № 1 (30). – С. 260.

поколения среди «базовых национальных ценностей» отсутствует такая всеобщая и высшая ценность, как «человек»⁴⁵⁸.

Чего следует ждать от модернизации, если стратегия «встраивания» в ближайшее время не будет скорректирована в соответствии с ожиданиями большей части населения России? В начале 1990-х гг. отечественный исследователь В.Л. Цымбурский для описания циклических колебаний в отечественной истории ввел в оборот метафору «Остров Россия»⁴⁵⁹. Современная политика модернизации похожа на подготовку спасательного плота в ожидании стихийного бедствия, плота, которым сможет воспользоваться лишь часть населения России и который будет взят на буксир чужими лодками – странами ядра и интенсивно развивающихся полупериферий. С позиции миросистемного подхода видно, что в такой ситуации нашему обществу, уже образованному в соответствии с мировыми стандартами и воспитанному в духе патриотизма, а также лояльного отношения к политике государства, будет грозить новая опасность: «плот модернизации» может оказаться «Плотом „Медузы“» (картина Теодора Жерико), «канаты» неравного обмена могут быть обрублены не с нашей, а с чужой стороны.

Обозначим основные выводы третьей главы.

Во-первых, Россия является территориально обширной полупериферией с центральным геостратегическим положением («Б2», согласно типологии пространств социальных отношений). Базовая миросистемная характеристика пространства социальных отношений обществ данного типа заключается том, что они периодически претерпевают процесс смены стратегий развития – «борьбы против исключения» и «борьбы против эксплуатации». Следствиями стратегии «борьбы против исключения» для российского пространства социальных отношений станут: специализация

⁴⁵⁸ См.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – С. 18–19.

⁴⁵⁹ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской политики // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6–23.

экономики в зависимости от потребностей стран ядра и рост неравного обмена; увеличение способности ядра к эксплуатации полупериферийного общества; снижение значения большой территории для экономики страны; рост экономического могущества центра в случае успешного исключения конкурирующих обществ из области специализации; концентрация капитала в центре и ослабление периферийных элит; рост идеологической и культурной разнородности населения обширных территорий. Стратегия «борьбы против эксплуатации» имеет ряд противоположных следствий для российского пространства социальных отношений: отсутствие или разрыв сетей неравного обмена с ядром; создание относительно автономной от мировой системы разделения труда и многоотраслевой экономики; рост значения обширной территории для экономики страны; рост экономического могущества за счет специализации и эксплуатации внутренних периферий; снижение идеологической и культурной разнородности населения; усиление элит периферии и тенденций регионального сепаратизма. Переход от одной стратегии к другой сопровождается затратами на внутреннее переустройство российского общества.

Во-вторых, базовыми геополитическими характеристиками пространства социальных отношений типа «Б2» (территориально обширной полупериферии с центральным геостратегическим положением), соответствующего российским реалиям, являются большая территория влияния и ее центральное геостратегическое положение. Преимущества большой территории влияния заключаются: в большом потенциале для увеличения численности населения с последующим снижением себестоимости общественных благ; в широком наборе стратегических ресурсов; в возможности формирования обширного внутреннего рынка; в возможности создания сложной системы районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами, а также осуществлять процессы «регионального страхования»; в наличии тенденции к расширению территории влияния за счет меньших и менее богатых

обществ. Неудобства большой территории проявляются в высоких затратах логистики; неравномерности распределения общественных благ; опасности формирования дефицита ресурсов для поддержания декларируемого порядка на подконтрольной территории вследствие ее интенсивного расширения и активизации ресурсов с новых территорий в экономику страны; в высоком потенциале роста идеологической и культурной разнородности населения. Центральность создает условия для роста военных затрат на оборону, увеличивает стоимость импорта и экспорта, усиливает зависимость экономических сделок от стран транзита, снижает досягаемость международных рынков и возможность аккумуляции ресурсов государством для расширения территории влияния.

В-третьих, миросистемная стратегия «борьбы против исключения» на современном этапе развития России снижает преимущества большой территории при сохранении ее неудобства, а также неудобства ее центрального геостратегического положения. В условиях узкой сырьевой специализации экономики страны как следствия стратегии «борьбы против исключения» снижение преимуществ большой территории проявляется следующим образом: 1) обширные внутренние российские периферии испытывают сокращение численности населения в результате миграции и сокращения, по сравнению с советским периодом, естественного воспроизводства, что увеличивает себестоимость обеспечения населения отдаленных периферий качественными общественными благами и способствует переносу нагрузки по обеспечению населения на крупные районные и городские центры; 2) в результате упадка многоотраслевого производства широкий набор стратегических ресурсов, имеющихся на территории страны, становится материальной основой сырьевой экономики; 3) произошедшие изменения в системе разделения труда привели к ослаблению внутренних межрегиональных связей и усилению внешних; 4) немногочисленные успешные сырьевые внутренние периферии становятся «донорами» для отстающих в развитии и депрессивных регионов. Наличие

тенденции к расширению территории влияния вовне и росту груза контроля у российского государства сохраняется, поскольку узкоспециализированная сырьевая экономика в современных условиях обеспечивает государству быстрое накопление ресурсов.

В-четвертых, заявленная в программных документах правительством России стратегия развития страны, предполагающая осуществление в короткий период времени крупномасштабных преобразований, соответствующих масштабам реформ Петра I и советской индустриализации, в условиях стратегии «борьбы против исключения» нереализуема. Петровские реформы создали условия для первого перехода России к стратегии «борьбы против исключения», но они протекали в эпоху меркантилизма, когда Россия еще не была включена в сети неравного обмена с ядром. Советская индустриализация протекала в условиях стратегии «борьбы против эксплуатации». Существующая опасность чрезмерного расширения, формирования чрезмерного груза контроля, роста культурной и идеологической разнородности населения, втягивания в военный конфликт с более могущественным противником и разрыва сетей неравного обмена (как с ядром, так и с внешними перифериями) в длительной перспективе может привести к внутривнутриполитическому кризису, угрожающему территориальной целостности России.

Заключение

Подведем заключительные итоги.

В первой главе диссертационного исследования решалась задача обоснования выбора и синтеза теорий геополитики и миросистемного подхода как теоретической базы исследования динамики современных обществ. Была предложена типология причинно-следственных связей (см. Рисунок 1) и на ее основе осуществлено систематическое сравнение познавательных возможностей теоретических моделей миросистемного подхода и геополитики с теоретическими конструкциями классического эволюционизма, теории модернизации, реалистской и либеральной парадигм теории международных отношений. Была дана оценка современного состояния теорий миросистемного подхода и геополитики, выявлены основные трудности и определены перспективы синтеза данных направлений.

Преимущества геополитической науки и миросистемного подхода заключаются в том, что их объяснительные модели развития обществ построены с учетом взаимосвязей внешних и внутренних факторов, в том числе факторов развития включающей эти общества системы. Показано, что внешние и внутренние факторы в теории геополитической динамики Р. Коллинза и теориях миросистемного подхода являются ключевыми, они присутствуют на уровне онтологии и в причинно-следственных связях. В отличие от геополитической науки и миросистемного подхода объяснительные модели конкурирующих парадигм содержат ограниченный набор взаимосвязей внешних и внутренних факторов. В теории модернизации, а также теории конвергенции, построенных на основе эволюционизма, делался акцент на внутренние факторы развития современного общества, в результате объяснительные модели строились по типу «из внутреннего – внутреннее». Связи между обществами («из внутреннего – внешнее», «из внешнего – внутреннее»), а также факторы

развития мировой системы («из внешнего – внешнее») при построении моделей не учитывались. Эмпирической основой построения объяснительных моделей «из внутреннего – внутреннее» являлась социальная динамика европейских стран, как результат недооценивались особенности процессов, протекающих внутри подвергавшихся воздействию обществ. Реалистская и неореалистская (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, Р. Арон, К. Уолц), а также либеральная (Р. Кеохэн, Дж. Най) школы теории международных отношений объясняют динамику глобальной системы из факторов самой системы без анализа факторов динамики включенных в нее обществ. Объяснительная модель строится по типу «из внешнего – внешнее», причинно-следственные связи «из внутреннего – внешнее», «из внутреннего – внутреннее» игнорируются, в результате за рамками исследований оказываются явления и процессы, протекающие внутри национальных государств, но способные менять состояние глобальной системы. Концепция «демократического мира» является идеологизированной и в своей жесткой версии («демократические страны не воюют друг с другом») неверна. Поднимая проблему влияния внутренней политики на внешнюю, представители данных направлений используют метод построения объяснительной модели «из внутреннего – внешнее». Однако модели отношений общества и государства, связи «из внутреннего – внутреннее», как в демократических, так и в недемократических странах, идеологизированы и, как следствие, чрезмерно упрощены. Результатом идеализации миролюбия либерально-демократических государств и противопоставления их в этом отношении «тоталитарным» обществам является регрессивное сокращение эмпирического поля теории при объяснении фактов применения насилия со стороны США к странам, где правительства были избраны народом – Иран (1953г.), Гватемала (1954 г.), Бразилия (1961г.), (Чили 1973 г.), Никарагуа (1981 г.). Данные случаи исключаются из эмпирической области посредством или отнесения

указанных государств к «недостаточно демократическим», «тоталитарным», или отрицанием того, что это были войны.

Поскольку геополитическая наука является совокупностью различных парадигм, необходимо было осуществить выбор наиболее надежного теоретического основания для дальнейшего исследования. Данная задача решалась посредством анализа эффективности используемых в геополитической науке методов объяснения и предсказания. В работе показано, что в истории развития геополитической науки происходила эволюция методов объяснения и предсказания. Объяснение и предсказание осуществлялось на основе «ригидных» инвариантных моделей и моделей, построенных на основе «охватывающих законов» (в терминах К. Гемпеля). При столкновении с аномалией на уровне текущих событий попытка трансформации «регидной» модели приводила к ее гибели. Объяснения основывались, как правило, на метафорах, а не на законах. Использование данных моделей с целью предсказания новых фактов было неэффективно. В целом, развитие геополитики на их основе шло методом проб и ошибок (результат анализа некоторых инвариантных моделей представлен в Приложении 3). Теория геополитической динамики Р. Коллинза соответствует стандарту научной теории, сформулированному в работах И.Лакатоса и К. Гемпеля, в связи с чем имеет ряд преимуществ. Она построена в виде «если-то» утверждений, доступна процессу фальсификации, идеологически нейтральна (на ее основе объясняются изменения в динамике территориального могущества власти независимо от ее политической формы), сделанные на ее основе успешные предсказания новых фактов вели к развитию теории.

Посредством сравнения с теорией геополитической динамики Р. Коллинза как теорией, задающей высшую планку развития современной геополитической науки, был осуществлен критический анализ современных отечественных концепций геополитики. Основными трудностями отечественной геополитической науки являются, во-первых, недооценка

геополитического аспекта при определении содержания понятия «государство». Во-вторых, наблюдается недостаточное внимание к сравнительному анализу и объяснению конкретных геополитических ситуаций в терминах универсальных гипотез. Объяснение геополитической реальности осуществляется посредством или заимствованных в работах классиков геополитики, или самостоятельно сформулированных (см., например, модель «Россия – остров» В.Л. Цымбурский) инвариантных моделей.

Современное состояние миросистемного подхода характеризуется как предпарадигмальное на том основании, что: набор и содержание базовых понятий «ядро», «центр», «периферия» в разных концепциях миросистемного подхода не идентичны (у И. Валлерстайна, А.Г. Франка и Б. Гиллса сущность центра/ядра связана с процессом эксплуатации и накопления капитала, у Дж. Модельски и У. Томпсона – с производством и монополией инноваций в экономике и военно-политической сфере, у К. Чейз-Данна и Т. Холла – с интенсивным развитием технологий и сложностью социальной структуры, у Д. Уилкинсона – с военно-политическим доминированием); отсутствует единое представление о характере зависимости полупериферии и периферии от ядра (эксплуатация у А.Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина, Ф.Э. Кардозо, Б. Гиллса, военно-политический контроль у Д. Уилкинсон, различие возможностей в теориях К. Чейз-Данна, Т. Холла, потребность в инновациях и организационных образцах системного порядка, транслируемых ядром у Дж. Модельски, К. Раслер, У. Томпсона); присутствуют различия в критериях отнесения обществ на уровни миросистемы. Анализ предсказаний И.Валлерстайна относительно перспектив Советского Союза в работах разных лет показал, что явления геополитического характера объясняются И. Валлерстайном от ad hoc. Запоздалое объяснение распада СССР и Варшавского договора И. Валлерстайна, как результат включения СССР в мировую систему, нельзя назвать удовлетворительным. Во-первых, вначале произошел распад, и

только потом включение территорий бывшего Советского Союза в сети неравного обмена. Во-вторых, И. Валлерстайн игнорирует тот факт, что его предсказание противоречит выводам, сделанным им ранее относительно перспектив развития СССР и миросистемы. В силу того что теоретическая модель развития миросистемы у И. Валлерстайна предполагает существование только одного могущественного центра, периодическое возникновение в истории системы множественных центров не поддается анализу, а возможность формирования многополюсной мировой системы в теоретических построениях не предусматривается.

Синтез оказывается возможным, поскольку предметы исследований геополитической науки и миросистемного подхода, борьба за пространство и борьба за капитал соответственно, имеют взаимосвязи, отраженные в работе в понятиях «пространство социальных отношений» и «структурные границы развития общества». Разработка теоретического инструментария происходила с учетом того, что теория геополитической динамики Р. Коллинза в своих философских и научных основаниях относится к неовеберинской парадигме, а миросистемный подход, работы И. Валлерстайна – к неомарксизму. С целью синтеза теория геополитической динамики и теорий миросистемного подхода были сформированы, следуя методологии И.Лакатоса, общие аксиомы, положения «твердого ядра»:

пространства социальных отношений разных по миросистемным и геополитическим параметрам государств и подконтрольных им обществ взаимосвязаны, но модели их развития различны; государство – относительно автономный от общества субъект пространства социальных отношений, обладающий монополией легитимного насилия над некоторой территорией.

Во второй главе решалась задача создания объяснительной модели со сложной структурой множественных современных обществ путем синтеза положений теорий геополитической динамики Р. Коллинза и ряда теорий миросистемного подхода. Было разработано общее понятие «пространство

социальных отношений». Названы уровни и основные субъекты пространства социальных отношений. Главный акцент был сделан на макроуровень национального государства, поскольку оно является «медиатором» между процессами глобального и внутригосударственного масштабов. На основе базовых понятий миросистемного подхода (ядро, полупериферия, периферия) и теорий геополитической динамики Р. Коллинза (большая территория, малая территория, центральное положение, окраинное положение), отражающих ключевые взаимосвязи внешних и внутренних факторов динамики современных обществ, а также структурные геополитико-миросистемные преимущества/неудобства их существования, была создана типология пространств социальных отношений (см. Таблицу). Каждый из двенадцати идеальных типов пространства социальных отношений задан набором геополитических и миросистемных преимуществ/неудобств, которые ограничивают возможности государств и определяют их стратегии во внутренней и внешней политики, т.е., задают структурные границы развития общества. В работе отмечено, что созданная типология не претендует на то, что с ее помощью можно описать все возможные пути развития конкретных обществ. Она лишь устанавливает тот факт, что не все возможности являются одинаково доступными для обществ, относящихся к разным типам. Каждый тип пространства обеспечивает некоторые геополитические и миросистемные преимущества или создает ряд неудобств для развития включенных в эти пространства социальных субъектов.

Построена общая базовая модель роста и упадка геополитического могущества государства в миросистеме, обозначены связи основных геополитических и миросистемных переменных (см. Рисунок 2). Правая часть модели объясняет то, что Дж. Арриги называет «нацеленностью на приобретение территории», или, что отмечено в разделе, геополитическую переменную активности государства (Р. Коллинз, Т. Скочпол), а левая часть – экономическую переменную, «нацеленность на приобретение

дополнительных средств платежа». В работе отмечено, что синтез позволил преодолеть ограниченность эвристических рамок каждой модели и заполнить существующие в них пробелы. Теория геополитической динамики использует понятие «ресурсы», но не ставит проблему их распределения. Миросистемный подход, напротив, решает проблему источников и распределения ресурсов, но, указывая на важность состояния ресурсной базы для роста и упадка могущества страны, не раскрывает самого механизма роста и упадка, который тесно связан с геополитическими процессами. Теория Т. Скочпол объясняет разрастание внутривосточного кризиса (и перетекания его в социальную революцию) в результате непомерных затрат на военные нужды, но она не объясняет причин, способствующих расширению военной экспансии. Это решается при помощи синтеза данной теории с теорией геополитической динамики Р. Коллинза, которая, в свою очередь, дополняется моделью протекания внутривосточного кризиса. Последующие уточнения модели в соответствии с типом пространства социальных отношений сделает модель более эффективной для решения более узких и специфических проблем. Например, теория Т. Скочпол не объясняет, почему в одних случаях внутривосточный кризис (социальная революция) влечет большие потери периферийных территорий, а в других случаях – нет (например, распад СССР в сравнении с распадом Российской империи). На основе теории Р. Коллинза это сделать также затруднительно. Проблема решается через синтез этих теорий с теорией развития полупериферии Дж. Арриги.

Уточнено содержание основных геополитических понятий, используемых как основания типологии пространств социальных отношений. Синтез с миросистемной теорией требовал усиления экономического аспекта в содержании таких геополитических понятий теории Р. Коллинза, как «окраинность» и «центральность», «большая территория влияния» и «малая территория влияния». Уточнение содержания указанных понятий было произведено с опорой на разработки экономистов А. Алесины, Э. Сполаоре,

Дж. Сачса, К. Апреги, Л. А. Безрукого и др. В разделе разработаны модели геополитических преимуществ/неудобств, приведены примеры соответствующих им государств и подконтрольных им обществ современной миросистемы.

Большая территория оказывает положительное влияние на состояние общества и государства, если: 1) имеются возможности для жизнедеятельности большого количества населения – трудового ресурса, а следовательно, и создания условий для снижения себестоимости поддержания системы обеспечения общественных благ; 2) имеется наличие или возможность формирования большого внутреннего рынка, что является важным фактором успешного развития страны как в мирные периоды, так и во время войны; 3) в процессе освоения большой территории государство может получить набор природных ресурсов, необходимых для самостоятельного производства вооружения; 4) есть сложная, иерархичная система районирования, позволяющая осуществлять «региональное страхование» и перераспределение дохода между богатыми и бедными регионами.

Отрицательный эффект большой территории проявляется, если: 1) формируется дефицит ресурсов для поддержания декларируемого порядка вследствие интенсивного расширения и естественного отставания активизации ресурсов с новых территорий в экономику страны; 2) существующие издержки логистики слишком велики для развития конкурентоспособной экономики; 3) присутствует неравномерность в распределении общественных благ, ведущая к росту идеологической и культурной разнородности населения; 4) происходит быстрая интеграция страны-периферии (группа «В») или полупериферии (группа «Б») в мировую экономическую систему, что снижает роль размера внутреннего рынка и вместе с тем снижает роль обширной территории в экономике страны. Преимущества и недостатки большой территории (пространство социальных отношений «А 1», «А 2», «Б 1», «Б 2», «В 1», «В 2») нашли отражение в виде

тренд-структуры «Обширная территория как фактор развития общества (Р. Коллинз, А. Алесина, Э. Сполоре)».

Неудобства малой территории (пространство социальных отношений «А 3», «А 4», «Б 3», «Б 4», «В 3», «В 4») проявляются: 1) в недостаточном наборе (часто отсутствии) необходимых для самостоятельного производства вооружения природных ресурсов; 2) в высокой потребности во внешнем рынке (страны с маленькими территориями не могут существовать в мире торговых барьеров); 3) в меньшей устойчивости экономики в случае участия государства в военном конфликте, так как внешние конфликты уменьшают торговлю (если не играют роли торгового посредника); 4) в проблематичности выхода из кризиса за счет собственных ресурсов в случае экономической, геофизической или экологической катастроф; 5) в необходимости заручиться поддержкой «большого брата» с целью снижения расходов на оборону и повышения статуса в мировой системе вступлением в военно-политический союз и/или экономические объединения с более могущественными субъектами мировой политики. Характеристики малой территории представлены в виде тренд-структуры «Малая территория как фактор развития общества (Р. Коллинз, А. Алесина, Э. Сполоре)».

Центральность (пространство социальных отношений «А 2», «А 4», «Б 2», «Б 4», «В 2», «В 4»), возникающая в результате блокированности и/или большой протяженности границ, сопредельных с границами потенциальных противников, влечет за собой увеличение: 1) стоимости импорта и экспорта; 2) зависимости торговых сделок от стран транзита; 3) затрат на обеспечение и поддержание наземных транспортных сетей; 4) затрат на оборону и/или необходимость могущественного союзника на международной арене; 5) опасности дробления территории. Центральность отрицательно влияет на следующие показатели: 1) возможность развития морских торговых сетей; 2) досягаемость международных рынков; 3) возможность аккумуляции ресурсов государством для военных целей и расширения территории влияния.

Чем выше уровень *окраинности* (пространство социальных отношений «А 1», «А 3», «Б 1», «Б 3», «В 1», «В 3»), тем меньше: 1) стоимость импорта и экспорта; 2) зависимость торговых сделок от стран транзита; 3) затраты на обеспечение и поддержание наземных транспортных сетей; 4) затраты на оборону и/или необходимость могущественного союзника на международной арене; 5) опасность дробления территории. Чем выше уровень окраинности, тем больше: 1) возможность развития морских торговых сетей; 2) досягаемость международных рынков; 3) возможность аккумуляции ресурсов государством для военных целей и расширения территории влияния. Преимущества/неудобства окраинного и центрального положений были отражены в тренд-структуре «Центральность и окраинность как факторы развития страны».

В целом исследование геополитических факторов показывает существующее неравенство стран в стратегическом и геоэкономическом измерениях пространства социальных отношений. Разные сочетания геополитических параметров формируют разные пространства социальных отношений, что предопределяет возможности государств как на внешней арене, так и на внутренней.

Поскольку в миросистемном подходе наблюдаются разногласия в трактовках основных понятий («ядро», «полупериферия», «периферия»), уточнение их содержания явилось необходимым этапом исследования. Модели развития основных структурных элементов миросистемы в работах представителей миросистемного подхода также имеют серьезные различия, что требовало их сопоставления и синтеза. На основе синтеза ряда теоретических положений различных направлений миросистемного подхода (в том числе, через снятие имеющихся между ними противоречий), ряда теоретических положений геополитики и геоэкономики построены общие модели основных структурных элементов миросистемы: ядра (группа «А»), полупериферии (группа «Б»), периферии (группа «В»).

В работе утверждается, что основное противоречие теории экономической отсталости (И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин) и теории зависимого развития (Ф.Кардозо, Т.Д. Сантос) заключается в различии акцентов на, соответственно, внешние и внутренние результаты развития периферийного общества и может быть снято. Результатом синтеза данных теорий стала «Общая модель экономической динамики стран периферии (А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос)».

В исследовании показано, что противоречие идей И. Валлерстайна и К. Чейз-Дана относительно понимания роли полупериферии в миросистеме объясняется различием акцентов на способность полупериферийных обществ осуществлять просистемную и антисистемную политику, и что данное противоречие следует считать снятым Дж. Арриги. Ограниченность теоретической модели Дж. Арриги проявляется в том, что он не ставит проблему разнообразия и взаимодействия полупериферийных обществ. В результате синтеза идей И. Валлерстайна, К. Чейз-Данна, Дж. Арриги, концепции «побега из институционального тупика» К. Поланьи и теоретических разработок о влиянии геополитических, а также геоэкономических различий на развитие обществ Р. Коллинза, А. Алесины, Э. Спалаоре, Л.А. Безрукого ограниченность теоретических выводов Дж. Арриги преодолена, получена *общая модель* «Геополитика двух стратегий территориально обширных полупериферий».

Полупериферийные общества вынуждены постоянно сопротивляться эксплуатации или исключению их из системы усилиями стран ядра. «Борьба против исключения» и «борьба против эксплуатации» – это две противоположные стратегии поведения полупериферии. Каждая из стратегий имеет фазу подъема и фазу упадка общества. Успешность борьбы за безопасную нишу в мировом разделении труда посредством специализации своей экономики и исключения конкурентов из области специализации определяет успех в получении государством прибыли от сетей неравного обмена. Однако эта стратегия ведет к интенсивной эксплуатации

полупериферийных стран со стороны ядра, которые по мере роста специализации полупериферии увеличивают свою способность исключать данную страну из различных областей деятельности и социальных отношений, а также контролировать ее доступ к источникам недостающих ей ресурсов. Со временем стратегия меняется на противоположную, когда сети неравного обмена с ядром рвутся и внутри общества формируется система разделения труда, *относительно автономная* от мировой. Однако период успешного развития позже сменяется упадком, так как, не имея доступа к богатым рынкам и источникам инноваций, государство начинает терять накопленные преимущества и появляется тенденция к встраиванию в мировую систему. Стратегия «против эксплуатации» больше свойственна обширным государствам («Б1», «Б2») и чрезвычайно затруднительна для государств с маленькой территорией («Б3», «Б4»), так как они не могут существовать в мире торговых барьеров. Если в истории страны наблюдается чередование стратегий, то это каждый раз сопровождается утратой накопленного капитала и позиционных преимуществ.

В работе показано, что в результате эконоцентризма в работах И. Валлерстайна наблюдается недооценка войн как фактора роста и упадка мирового лидера (гегемона) и роли стран ядра в гонке вооружения на заключительных стадиях миросистемного цикла. Синтез выводов И. Валлерстайна и Дж. Арриги относительно накопления странами ядра капитала и выводов Р. Коллинза и Д. Валера о геополитических факторах упадка могущественных держав позволил совершенствовать теоретический инструментарий, построить модель «Фазы расширения и спада системного цикла накопления стран ядра (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Р. Коллинз, Д. Валер)», а также модель «Системный цикл подъема и упадка гегемона (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, Р. Коллинз)», проверив их на эмпирическом материале.

Главной основой экономического и военно-политического могущества ядра является успех в процессе накопления капитала. Процесс подъема ядра

не является линейным процессом. Выделяют, как правило, две фазы: «А» – экспансии и «Б» – стагнации. Фаза «А» – это временной период роста экономического и территориального влияния для всех типов стран ядра (группа «А»). Это фаза роста сотрудничества и формирования общих ценностей в межгосударственной сфере, но и одновременно это фаза поляризации системы и вызревания антисистемных сил. Следующая фаза – это период, когда противоречия развития системы постепенно становятся все более очевидны. До некоторого момента государства ядра и капитал подпитывают друг друга, однако проведенные ранее перемещения производств в зоны с низкой стоимостью труда стимулируют развитие этих зон и в первую очередь – в области технологий. С одной стороны, это увеличивает межгосударственную борьбу за свободный капитал, появляются ранее отсутствовавшие силы, которые включаются в борьбу за пересмотр сфер влияния; с другой стороны, вследствие того, что норма прибыли на периферии и полупериферии обещает быть выше, чем в ядре, инвестиции в производственную сферу стран ядра снижаются, широкое распространение получают финансовые спекуляции.

В исследовании проведен сравнительный анализ критериев выделения субъектов миросистемы И. Валлерстайном, А.Г. Франком, Т.К. Хопкинсом, С. Амиром, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантосом, Дж. Арриги, Г. Джереффи, М. Корзенайвиксом, Д. Дрангель, В. Мартином, К. Чейз-Данном, П. Граймсом, Д. Широ, сформирован общий многофакторный критерий (см. Положения на защиту).

Третья глава была посвящена апробации модели, анализу геополитических и миросистемных характеристик России как территориально обширной полупериферии, занимающей центральную геостратегическую позицию – тип пространства социальных отношений «Б 2».

Структурные рамки России заключаются в том, что она является территориально обширной полупериферией, занимающей центральную

геостратегическую позицию. В соответствии с этими характеристиками в истории России наблюдаются периодические изменения стратегии развития. XVI–XVII вв. российской истории являются этапом формирования самостоятельной, относительно автономной от государств Европы мир-экономики. Москва – растущий центр российской мир-экономики – формирует сети неравного обмена с регионами, превращая их в свою полупериферию и периферию. Это был этап создания структуры, которая позволила России в XVIII–XIX вв. войти в европейскую мир-экономику в статусе полупериферии. Этап петровских реформ повернул Россию на путь сближения с европейской мир-экономикой, но в первой половине XVIII в. Россия не становится полупериферией европейской мир-экономики. Экономическая политика Петра I в области промышленности и торговли, исходившая из основных положений меркантилизма, препятствовала этому. Периферизация России в процессе стратегии «борьбы против исключения» (или «встраивания») становится очевидной в конце XVIII в., когда Россия превращается в хлебную житницу Европы и сети неравного обмена с ядром были сформированы. Советский период должен быть рассмотрен как логический этап истории Отечества, который начинается в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. с двухстороннего разрыва сформированных ранее сетей неравного обмена. Успехи развития российских периферий в советский период объясняются успешной реализацией стратегии «борьбы против эксплуатации», требующей формирования обширной, относительно автономной от ядра миросистемы системы разделения труда. В 1980-е гг. происходит поворот к смене стратегии страны на противоположную. Созданная в СССР система разделения труда оказалась невостребованной, происходит сжатие и исчезновение многих социальных ниш, что ведет к маргинализации, безработице и социальным протестам.

Современная Россия продолжает оставаться территориально обширной полупериферией, имеющей центральное геополитическое положение. Стратегия «встраивания» ведет к жесткой сырьевой специализации страны,

отставанию в развитии, утрате накопленных преимуществ. Уровень центральности не снизился, после распада СССР Россия попадает в зависимость от транзитных государств, границы государств потенциальных противников оказываются ближе к российскому центру и стратегическим объектам. Соизмеримые затраты бюджета на внешнюю оборону и поддержание внутреннего порядка в условиях недофинансирования остальных жизненно важных социальных сфер свидетельствуют о сохранении чрезмерно высокого груза контроля. Проблема территориальной целостности России не может быть снята как неактуальная в условиях роста экономической интеграции в мировую систему, наличия чрезмерного груза контроля, увеличения идеологической и культурной разнородности. Увеличение экономической интеграции в мировую систему снижает роль внутреннего рынка и роль обширной территории в организации жизнедеятельности страны. При стратегии «встраивания» создаются условия формирования депрессивных регионов, российская периферия нищает. Экономические потери страны усугубляются затратами на множественные сопутствующие процессу перехода к стратегии «встраивания» реформы (часто недостаточно своевременные и обоснованные) и ослаблением функций государства в обществе. Современная Россия борется за более престижное место в миросистеме, это превращает бывшие республики СССР в конкурентов, что и объясняет отсутствие активных интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Зависимость российской экономики от финансовых институтов, инвестиций, потребностей экономик стран ядра увеличивает способность последних оказывать давление на Россию, в том числе путем реализации угрозы исключения ее из системы, что ставит под угрозу и существующий источник получения столь необходимых государству средств, и благополучие российских экономических элит, сформировавшихся на основе сетей неравного обмена. Обострение ситуации на международной арене может вынудить политическую элиту привести реформы, затрагивающие

интересы экономической элиты. На сегодняшний день раскол элит отсутствует. Заявления о необходимости национальной платежной системы и политики импортозамещения (в первую очередь продукции двойного и военного назначения), сделанные правительством после присоединения Крыма, являются вынужденной коррекцией стратегии «борьбы против исключения» и не противоречат интересам экономической элиты. Государство и экономическая элита центра поддерживают друг друга во внутренней экспансии, одновременно усиливая вертикаль власти и захватывая рынки российских периферий. Более того, данный процесс переместился с некоторым успехом на постсоветское пространство.

Развитие современной международной ситуации будет способствовать формированию условий для «побега» (в терминах М. Поланьи) из институционального тупика, созданного современным неолиберализмом. Миросистема начинает переходить к этапу укрепления новых центров конфигурации сил, это будет требовать коррекции стратегии развития страны. Однако, во-первых, ни экономическая элита, ни опирающаяся на нее элита политическая на сегодняшний день и в длительной перспективе не смогут поддержать процесс «отключения» в силу существующей зависимости стабильности своего состояния от сетей неравного обмена с ядром. Во-вторых, даже в рамках стран БРИКС, способных в перспективе выступить с альтернативной существующему мировому порядку программой развития, существует опасность закрепления за Россией места поставщика природных ресурсов.

Успех программы модернизации России, объявленной российским правительством, не сможет достичь уровня петровских реформ и советской индустриализации. Петровские реформы проводились в условиях политики меркантилизма, когда сети неравного обмена с мир-экономикой Европы не были еще сформированы. Уровень успеха советской индустриализации недостижим уже потому, что сегодня Россия подчинена противоположной стратегии развития – стратегии «встраивания», которая имеет совершенно

другую логику и иной потенциал. Для успешного проведения реформ необходима последовательная коррекция стратегии «борьбы против исключения» исключающая постепенное сползание России в состояние, характеризуемое типом пространства социальных отношений «В 2» – территориально обширная периферия с центральным геостратегическим положением». Подобный процесс периферизации российского общества в начале XX века оказался губительным для российской государственности.

Обозначим ориентиры последующих исследований. Во-первых, необходим дальнейший анализ взаимосвязей внешних и внутренних факторов в моделях развития государств и находящихся под их юрисдикцией обществ современной миросистемы. Во-вторых, следует провести ряд сравнительных исследований динамик различных групп государств и обществ в соответствии с представленной в исследовании геополитико-миросистемной типологией, продолжить построение моделей для сформированных типов. В-третьих, полученные результаты позволяют на новом уровне исследовать проблемы социальных конфликтов и распада государств в обществах разных уровней миросистемы. В-четвертых, необходима дальнейшая проверка динамической модели двух стратегий территориально обширных полупериферий на более широком эмпирическом материале.

Результаты анализа конкурирующих парадигм и теорий

Основной тезис	Связи внешних и внутренних факторов в модели	Аномалии, противоречия и методологические рамки концепции
Парадигма «демократического мира»		
<p>1. Либерально-демократические государства не воюют между собой, так как по своей природе являются мирными.</p> <p>2. Недемократические страны по своей природе не могут обходиться без насилия и являются источником опасности для мирного развития.</p> <p>3. С целью уменьшения частоты и интенсивности военных конфликтов необходимо распространять демократические нормы и институты.</p> <p>4. Насилие над недемократическими странами оправдано в качестве превентивной меры.</p>	<p>Используется модель «из внутреннего - внешнее». При решении проблемы влияния внутренней политики на внешнюю связи внутренних факторов излишне упрощены.</p> <p>Принимается бинарная картина мира в качестве онтологического основания и устанавливается тождество между универсальными общечеловеческими ценностями и ценностями либеральных демократий в результате чего последние абсолютизируются.</p>	<p>1. Война – дорогое занятие. Нации с рыночной экономикой могут тратить и тратят на военные нужды больше, чем другие страны.</p> <p>2. Насилие со стороны США к странам, избравшим свои правительства. Объявление Ирана (1953 г.), Гватемалы (1954 г.), Бразилии (1961 г.), Чили (1973 г.), Никарагуа (1981 г.) «недостаточно демократичными» является признаком регрессивного сокращения эмпирического поля теории.</p> <p>3. Игнорирование неуспеха попыток привнесения принципов республиканизма и демократии уже имевших место в истории человечества.</p> <p>4. Использование в качестве онтологического основания идей И. Канта, для которого применение и оправдание насилия несовместимо с совершенным обществом.</p>
<p>Культурно-нормативный подход парадигмы «демократического мира»</p> <p>Нормы решения конфликтов во внутренней политике, определяют нормы решения конфликтов в политике внешней.</p> <p>Демократические нормы - компромисс, умение договариваться. Недемократические нормы – принуждение, завоевание, грабеж - предопределены эгоистическими интересами лидеров тоталитарных.</p>		<p>Отличить поведение государства, основанное на норме, от поведения, где определяющим является интерес невозможно. Невозможно дедуцировать мотивы поведения непосредственно из самого поведения.</p>

Структурно-институциональный подход парадигмы «демократического мира»		<p>Степень автономии лидеров невозможно установить без учета деятельности групп влияния. Автономия лидеров от групп влияния в недемократических странах может быть ниже, чем в странах демократических.</p>
<p>Демократические государства имеют ряд структурных ограничений, делающих открытым для обсуждения и замедляющих процесс принятия решения о начале войны. Недемократические лидеры таких ограничений не имеют, они могут тайно подготовить и быстро осуществить агрессию.</p>		<p>Распространение демократических норм и институтов часто ведется при помощи военной силы и увеличивает степень насилия в обществе.</p>
<p>Нормативно-институциональный подход парадигмы «демократического мира» Синтез положений культурно-нормативного и структурно- институционального подходов. Распространение демократических норм и институтов уменьшит частоту военных конфликтов и улучшит положение освобожденных от тоталитаризма народов.</p>		
Теория модернизации и конвергенции		
<p>Слаборазвитые страны способны пройти тот же путь в своем развитии и достичь тех же успехов, что и страны Запада при условии оказания им помощи в области преобразования экономики и политических институтов по образцу развитых государств.</p>	<p>Используется модель «из внутреннего - внутреннее». Модель развития общества заимствуется из теорий классического эволюционизма, в которых внешний фактор не играет существенной роли и является единой для всех обществ мира. В результате: игнорировался факт</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Не объясняется борьба обществ за политическую и экономическую независимость. 2. При объяснении развития обществ не учитываются такие переменные как: влияние войны; военно-политическое господство; международные потоки капитала и др. 3. Там, где помощь Запада принималась, и политика модернизации становилась официальной, реформы вели в экономической стагнации, дезинтеграции

	<p>существования внутри общества самобытных условий и процессов; недооценивалась роль внешних факторов развития общества. Помощь развитых стран развивающимся – единственный внешний фактор.</p>	<p>общественных отношений и конфликтам внутри общества.</p>
<p>Реалистская парадигма теории международных отношений</p>		
<p>Человеческой природе свойственна жажда власти, что проявляется и на уровне государств. Основной императив любого государства – поддержание и расширение власти. Сфера глобальной политики – сфера постоянных конфликтов и войн – носит анархичный характер. Международные организации не играют значительной роли в международных отношениях. Государства действуют в мировой политике как рациональные, суверенные субъекты. Предсказание процессов международной политики не нуждается в изучении процессов, протекающих внутри государств.</p>	<p>Используется модель «из внешнего - внешнее». Объяснение динамики глобальной системы не учитывает процессы в ее подсистемах. Наблюдается недооценка явлений и процессов, протекающих внутри государства.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Распад СССР показал, что без анализа внутренних факторов динамики обществ нельзя успешно предсказывать развитие международной системы, включающей эти общества. 2. Распад СССР и объединение Германии не были предсказаны. Предсказание К.Уолца относительно распада НАТО в результате распада Варшавского блока и Советского Союза не оправдалось. 3. Распад государств, мировая культура и ее распространение, заключение экономических союзов, подписание договоров о сотрудничестве не входят в область исследований. 4. Изучение такого актуального явления современной международной системы как терроризма, требующего анализа субъектов на уровне групп и организаций, затруднено в силу того, что социальной единицей реализма является государство. 5. Тезис анархического характера международных отношений в реализме не предполагает наличия периода, где анархия сменялась бы относительно управляемым порядком.

Основные научно-исследовательские программы геополитики

Программа	Представитель	Теория, №	Даты основных публикаций	Твердое ядро	Ценностные основания
1	2	3	4	5	6
Органистическая	Ф. Ратцель	T1	1897, 1990	1) Государство - организм; 2) пространство - сила; 3) чем больше территория государства, тем оно сильнее	Сила государства, выраженная в размере территории, и автаркия
	Р. Челлен	T2	1904, 1916		
	К. Хаусхофер	T3	1933–1945		
	А. Грабовский	T4	1963		
Мировое пространство как единый организм	А. Мэхэн	T1	1890, 1900	1) Мировое пространство - единый организм; 2) государство - часть мирового организма; 3) ключевые зоны обеспечивают мировое лидерство и влияние на ход мировой истории	Мировое лидерство, участие в мировом процессе
	Х. Маккиндер	T2, T3	1904, 1919, 1943		
	Н. Спайкмен	T3	1943		
Цивилизационная	В. де ля Блаш	T1	1898, 1919, 1922	1) Государство - политическое образование, появляется в процессе развития и столкновения первичных ячеек цивилизации; 2) человек – географический фактор; 3) пространство – потенциал для развития; 4) преодоление противоречий и противостояния между странами моря и суши	взаимодействие стран
	К. Валло, Ж. Брюн	T2	1921		
	Л. Февр	T3	1922		
	Ж. Ансель	T4	1936		
	Ж. Готман	T5	1956		

Продолжение приложения 2.

Политико-экономическая	Г. Моргентау Дж. Кеннан, Г. Киссенджер, Р. Гилпин и др.	–	–	1) Государство – действующее лицо, корпорация; 2) деление пространства на первый, второй и третий миры, «Запад» и «Восток»; 3) баланс сил – условие мирного существования	Демократия как основа конкуренции, прогресса
Неовеберинская	Р. Коллинз	T1	1978	Определение государства по М.Веберу	Соответствуют общенаучной норме ценностной нейтральности
		T2	1986		
		T3	1994		

Этапы построения инвариантных моделей геополитики

Автор концепции	Социальная единица	Онтологическая модель соц. единицы	Условия существования соц. единицы	Процессы функционирования соц. единицы	Инвариантная модель	Метод объяснения / предсказания	Предсказания и аномалии
1	2	3	4	5	6	7	8
Ф. Ратцель	1. Государство. 2. Мировая система.	Государство – организм.	Наличие достаточного количества пространства. Пространство – сила.	Рост культуры. Рост территории.	1. Рост культуры – рост территории – рост силы (и наоборот). 2. Историческая роль океанов.	Распространение модели на прошлое и настоящее.	Потребность в большом пространстве и способность использовать его эффективно станет принципом междунар. политики XX в. Размеры сильнейших государств будут равны размерам материков. Океан будущего – Тихий океан. Он будет пространством, где столкнутся интересы Англии, США, России, Китая, Японии. Аномалии: 1) размер государств не увеличивается, а скорее, уменьшается; 2) с распадом колониальной системы значение Тихого океана в международном полит. процессе не отличается от значения, например, Атлантического.

1	2	3	4	5	6	7	8
Р. Челлен	Государство.	Государство – высокоразвитый организм, «рука».	Наличие достаточного количества пространства Пространство – сила.	Борьба за Выживание.	Рост территории – рост силы (и наоборот).	Распространение модели на прошлое и настоящее.	Создание германо-нордического союза во главе с Германской империей. Будучи шведом, Челлен осознавал слабость скандинавских стран перед лицом внешней угрозы, особенно со стороны Англии. Аномалия: размер государств не увеличивается.
А. Мэхэн	1. Государство. 2. Мировая система.	Государство – организм.	Сила: – производство; – колонии; – флот. Морские страны имеют преимущества перед странами суши	Борьба за выживание и мировое лидерство. Конфронтация между странами суши и моря.	Рост морского могущества – рост силы и обретение статуса мирового лидера (и наоборот).	Распространение модели на прошлое и настоящее.	США, Англия, Германия и Япония заключат союз против России и Китая. Если США станет могущественной морской державой, то она сможет соперничать за мировое лидерство с Англией. Аномалия: США стали морским лидером, но могущество США покоится не только на морской силе.
К. Хаусхофер	1. Государство. 2. Мировая система.	Государство – организм.	Наличие достаточного количества «жизненного пространства».	Борьба за выживание. Конфронтация между странами суши и моря.	Рост территории – рост силы (и наоборот).	Распространение модели на прошлое и настоящее.	Германия заключит временный союз с Россией, Китаем, Японией, объединит Европу путем экспансии. Добьется добро-

1	2	3	4	5	6	7	8
			Возможность и желательность автаркии при наличии достаточного количества «жизненного пространства».			Изменение модели под политическую конкретику.	вольного согласия России на контроль над всей Евразией со стороны Германии. Подорвет морскую мощь Англии. Германия приобретет автаркию. Ее размеры будут равны размерам материка. Аномалии: 1) с ростом территории Германия постепенно теряла свою мощь; 2) автаркия не стала нормой существования государств, наоборот, существует взаимозависимость государств мира
В. де ля Блаш	1. Цивилизация. 2. Государство.	Первичные взаимодействия ячейки цивилизации.	1. Развитие торгово-экономических, культурных связей. 2. Средства коммуникации.	1. Взаимопроникновение. 2. Преодоление противостояния стран моря и суши.	Развитие экономических торговых, культурных связей и средств коммуникации – взаимозависимость стран (и наоборот).	Распространение модели на прошлое и настоящее	Предвидел угрозу миру со стороны Германии. Она является государством, геополит. экспансия которого блокируется другими европейскими державами. Считал необходимым ослабить развитие опасного соседа. Предвидел интеграционные процессы в Европе

1	2	3	4	5	6	7	8
							Аномалия: интеграционные процессы в Европе действительно набирают силу, но лидером в Европейском Союзе становится сильная, объединенная Германия.
Х.Маккин-дер	1. Мировая система. 2.Хартленд.	1. Единый организм. 2. Центральная, ключевая область мирового организма.	Развитие средств коммуникации.	1. Противостояние стран моря и суши. 2. Исторически обусловленный процесс смены лидера.	1. Контроль над хартлендом – контроль над Миром. 2. Заключение альянсов стран моря против стран суши.	Распространение модели на прошлое и настоящее и изменение модели под политическую конкретику	В будущем произойдет смена лидера. Мировым лидером станет Россия или Германия. Страны суши будут заключать альянсы против морских стран. Аномалии: 1) страны моря и страны суши в период двух мировых войн заключали между собой союзы; 2) мировым лидером стали США.

Библиографический список

Аблажей, А.М. Российская высшая школа в контексте демографических процессов / А.М. Аблажей // *Философия образования.* – 2007. – № 3 (20). – С. 78 - 83.

Абрамова, М.А. Модели этнокультурной адаптации молодежи Севера (на материалах социологических и социально-психологических исследований в республике Саха (Якутия)) / М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк // *Вестник НГУ. Серия: Философия.* – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 66–77.

Абу-Луход, Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени / Дж. Абу-Луход.; пер. с англ. Ю.Б. Вертгейм; отв. ред. Н.С. Розов // *Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2001. – Вып. 2: Структуры истории. – С. 449– 461.

Айвазян, Д.С. Каспийский регион в системе геополитических интересов США, ЕС и КНР: автореф. ... канд. полит.наук / Д.С. Айвазян. – М.: 2013. – 29 с.

Акаев, А.А. Глобализация и евразийская безопасность / А.А. Акаев // *Геополитика и безопасность.* – 2009. - № 2-3 (6-7). – С. 8–18.

Амин, С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин; пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Изд-во «Европа», 2007. – 168 с.

Анисимова, Г.В. Социально-экономическое неравенство. Тенденции и механизмы регулирования: монография / Г.В. Анисимова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 167 с.

Аносов, Ю.А. Внутренние и внешние отношения (субстанционально-акцидентальный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю.А. Аносов. – СПб. СПбГУ, 1994. – 22 с.

Арриги, Дж. Три гегемонии исторического капитализма / Дж. Арриги; пер. А.А. Изгарской, Ю.Б. Вертгейм; под общ. ред. Н.С. Розова // *Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Вып. 3: Война и геополитика. – С. 502 – 525.

Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М.: «Территория будущего», 2006. – 472 с.

Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги; пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.

Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос-Альтера; Ессе Ното, 2003. – 272 с.

Барг, М.А. Социальная структура европейской экономики второй половины XVII века / М.А. Барг // *История Европы. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII вв.).* – М.: Наука, 1994. – С. 95 – 111.

Беговатова, А.И. Россия как Евразия: идеология и геополитика / А.И. Беговатова, Л.Д. Козырева. – СПб., 1995. – 189 с.

Безруков, Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии: автореф. дис. ... д.геогр.н./ Л.А. Безруков. Иркутск: 2006. – 51 с.

Безруков, Л.А. Сибирский холод и экономика России / Л.А. Безруков // *J. of institutional studies (Журнал институциональных исследований).* – 2011. – № 1. – С. 104–115.

Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

Белозеров, В.К. Геополитические интересы России и перспективы их реализации / В.К. Белозеров // *Геополитика и безопасность.* – 2012. - № 3 (19). – С. 53 – 59.

Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2005. – 254 с.

Билз, Р.Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры / Р.Л. Билз. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 348 – 370.

Блэр, Дж. Экономическая концентрация и вторая мировая война / Дж. Блэр, Х. Хаугтон, М. Роуз; пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1948. – 532 с.

Бобров, В.В. Актуальные проблемы управления образованием / В.В. Бобров // Философия образования. – 2007. – № 3 (20). – С. 239–250.

Бобров, В.В. Правовая технология / В.В. Бобров, А.К. Черненко. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 384 с.

Богатуров, А. Д. Синдром поглощения в международной политике / А. Д. Богатуров // Pro et Contra. – 2001. – № 4. – С. 28– 48.

Брагина, Е. Индия. Опыт стран-членов ВТО по защите национальных интересов на внешнем и внутреннем рынках / Е. Брагина // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 8. – С. 70–83.

Бродель, Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3. – 679 с.

Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 552 с.

Бузгалин, А.В. 10 мифов об СССР / А. Бузгалин, А. Колганов. – М.: Яуза: Эксимо, 2010. – 448.

В День знаний Владимир Путин посетил московскую школу – URL: <http://special.kremlin.ru/news/16334> (дата обращения: 12.10.2012 г.)

Валлерстайн, И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30 – 42.

Валлерстайн, И. Миросистемный анализ / И. Валлерстайн // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории,

макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / отв. ред. Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – С. 105–123.

Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – М.: Университетская книга, 2001. – 200 с.

Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М., 2004. – 355 с.

Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.

Введение в будущее. Мир в 2020 году. – М.: Изд-во «Алгоритм», 2006. – 112 с.

Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранное. – М.: Наука, 1990. – С. 345–415.

Вертгейм, Ю.Б. Интеграция и распад обществ: проблемы макросоциальной динамики / Ю.Б. Вертгейм // Теоретическая история и макросоциология / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – Вып. 1. Разработка и апробация метода теоретической истории. – С. 389–417.

Вертгейм, Ю.Б. Критические концепции современного общества: от «восстания масс» до «общества риска» / Ю.Б. Вертгейм // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – Вып. 3. – С. 53–60.

Власти Москвы отказываются строить доступное жилье. – URL: http://www.gazeta.ru/realty/news/2013/10/04_n_3230377.shtml (дата обращения: 05.10.2013).

Вутянова, Я. В. Энергетическая политика как фактор геополитического влияния России: автореф. ... канд. полит. наук. – М.: 2013. – 24 с.

Гаджиев, К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины / К.С. Гаджиев // Политические исследования. – 1996. – № 2. – С. 169–183.

Гаджиев, К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 3 – 24.

Гаджиев, К.С. Геополитика / К.С. Гаджиев. – М.: Международные отношения, 1997. – 383 с.

Гегель, Г.В.Ф. Политические произведения / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 1978. – 480 с.

Гекшер, Э. Экономика мировой войны / Э. Гекшер; пер. с швед.; под ред. К.К. Теандера. – Петроград: Задруга, 1917. – 216 с.

Гельбрас, В.Г. Россия и Китай: Вопросы собирания геоэкономического пространства / В.Г. Гельбрас // Полис. – 1995. – № 6. – С. 32–54.

Гемпель, К. Логика объяснения / К. Гемпель. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. – 240 с.

Геополитическое положение России: представление и реальность / под ред. В.А. Колосова. – М.: Арт-Куьер, 2000. – 352 с.

Глинкин, А.Н. Интеграция в западном полушарии и Россия / А.Н. Глинкин, В.В. Кузьмин, А.А. Лаут, Л.Я. Нутенко, В.П. Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 296 с.

Гловацкая, Н.Г. Развитие образования / Н.Г. Гловацкая // Экономическая история СССР: очерки. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 178 с.

Голосов, Г.В. Сравнительная политология / Г.В. Голосов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 207 с.

Горбачев, Т.В. Геополитика: учебно-методический материал / Т.В. Горбачев. – М.: МИЭМП, 2009. – 60 с.

Горошко, В.В. Последствия геоэкономической экспансии: внешняя торговля и государственный суверенитет / В.В. Горошко // Теоретическая история и макросоциология / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – Вып. 1: Разработка и апробация метода теоретической истории. – С. 465–486.

Грачев, М.Н. Концепция мир-системного анализа И. Валлерстайна: объяснительные и прогностические возможности / М.Н. Грачев // Куда движется мировое сообщество? Геополитика третьего тысячелетия. – М.: Институт социальных наук, 2006. – С. 50–54.

Грачева, Т.В. Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы / Т.В. Грачева. – Рязань: Зерно-Слово, 2010. – 304 с.

Греков, И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. / И.Б. Греков. – М., 1963. – 376 с.

Греков, И.Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. / И.Б. Греков, С.Ф. Орешкова, Л.В. Зоборовский, Г.Г. Литаврин. – М., 1984. – 301 с.

Гришунин, И.Ф. Основы геополитики: учебное пособие / И.Ф. Гришунин, Р.Ш. Нуриддинов. – Новосибирск: САУМК, 2008. – 216 с.

Гринин, Л. Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества (опыт философского и социологического анализа всемирно-исторического процесса): в 3 т. / Л. Гринин. – Волгоград: Учитель, 1995. – Т. 2. – 116 с.

Гуриев, С. М. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С.М. Гуриев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 210 с.

Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.

Делягин, М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? / М. Делягин, В. Шеянов. – М.: ИД «Коммерсантъ»; Эксмо, 2009. – 352 с.

Дементьев, И.П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.) / И.П. Дементьев. – М., 1973. – 368 с.

Демкин, А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Демкин. – М., 1993. – 32 с.

Дергачев, А. Украина в современных геополитических преобразованиях / А. Дергачев // Политические исследования. – 1998. – №3. – С. 124–132.

Диев, В.С. Российская организационная культура: традиции и вызовы глобализации / В.С. Диев, В.В. Лыгденова // Ценности и смыслы. – 2011. – № 5. – С. 101–111.

Дмитриев, С. США. Опыт стран-членов ВТО по защите национальных интересов на внешнем и внутреннем рынках / С. Дмитриев // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 8. – С. 22–42.

Дмитрий Медведев утвердил инициативу «Наша новая школа» – URL: <http://www.kremlin.ru/news/6683>

Доклад директора Департамента экономики социального развития и приоритетных программ Министерства экономического развития Российской Федерации Г.Ч. Махаковой «Российско-германское сотрудничество: создание благоприятного инвестиционного климата в Российской Федерации и направления развития Подготовки программы управленческих кадров». Ганновер, 10 ноября 2011 года. – URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/855bb1804946bdc6bd5abf5f9eae86bc/presentation.ppt?MOD=AJPERES&CACHEID=855bb1804946bdc6bd5abf5f9eae86bc#1> (дата обращения: 25.06.2012).

Дружинин, Н.М. Генезис капитализма в России / Н.М. Дружинин. – М., 1955. – 79 с.

Дружинин, Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США / Н.М. Дружинин // Новая и новейшая история. – 1972. – № 4. – С. 14–35; № 5. – С. 59–65.

Дубовцев, В. Векторы развития России: конфликт идеологий и перспективы согласия / В. Дубовцев. – Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2008. – 304 с.

Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

Дугин, А.Г. Геополитика постмодерна / А.Г. Дугин. – СПб.: Изд-во «Амфора», 2007. – 384 с.

Дьяконов, И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней / И.М. Дьяконов. – М.: «Восточная литература» РАН, 1994. – 384 с.

Егиазарян, А. Регион Южный Кавказ и Центральная Азия в системе отношений ядро-периферия капиталистической мировой экономики / А. Егиазарян // «21-й ВЕК». – 2013. – № 2 (27). – С. 26–51.

Ергин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин; пер. с англ. – М.: Изд-во «ДеНово», 2001. – 888 с.

Ерохина, Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России / Е.А. Ерохина. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2012. – 418 с.

Если отток населения сохранится, мы потеряем Дальний Восток – Виктор Ишаев. – URL: <http://sakhalinmedia.ru/news/politics/27.06.2012/213230/esli-ottok-naseleniya-sohranitsya-mi-poteryaem-dalniy-vostok-viktor-ishaev.html> (дата обращения: 13.10.2012).

Жирнов, О.А. Новое «издание» панамериканизма: Латиноамериканская политика Дж. Буша: аналит. обзор / О.А. Жирнов, И.К. Шереметьев. – М., 2005. – 132 с.

Задрожный, М. Историческая анатомия аргентинского кризиса / М. Задрожный // Космополис. – 2007. – № 1 (17). – С. 11–26.

Замятин, Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) / Д.Н. Замятин // Полис. – 1998. – № 2. – С. 64–76; № 3 – С. 133–146.

Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М.: АГРАФ, 2004. – 512 с.

Замятина, Н.Ю. Модели политического пространства / Н.Ю. Замятина // Политические исследования. – 1999. – № 4. – С. 29 – 42.

Замятина, Н.Ю. Форпост в центре окраины. Социально-политическая контекстность географической информации (на примере официальных сайтов субъектов РФ) / Н.Ю. Замятина // Логос. – 2005. – № 1. – Т. 46. – С. 245–256.

Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.

Заславская, Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 3–16.

Заславская, Т.И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / Т.И. Заславская, В.А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I / В.Н. Захаров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – 346 с.

Зиневич, О.В. Русский Эрос евразийства / О.В. Зиневич // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 35 – 40.

Зюганов, Г.А. Эффективная идеологическая работа – важнейшее условие достижения программных задач партии. Интервью газете «Правда» / Г.А. Зюганов. – URL: http://kprf.ru/party_live/80582.html?print

Зюганов, Г.А. География победы: основы российской геополитики / Г.А. Зюганов. – М.: Изд-во – партийная печать КПРФ, 1997. – 304 с.

Иванов, А.В. Бытие на границе как геополитическая и культурная константа Евразии / А. В. Иванов // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – С. 77 – 84.

Иванов, А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. аграрного ун-та, 2007. – 242 с.

Ивашов, Л.Г. Военная безопасность России: три измерения / Л.Г. Ивашов // Геополитика и безопасность. – 2009. - № 2-3 (6-7). – С. 19–26.

Изгарская, А.А. Социально-философская реконструкция геополитических концепций: автореф. ... канд. филос. наук. – Новосибирск: – 1999. – 24 с.

Изгарская, А.А. Реконструкция геополитических концепций / А.А. Изгарская // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / отв. ред. Н.С. Розов. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 5–158.

Ильин, И.В. Взаимосвязь глобалистики и политических наук: пути формирования политической глобалистики / И.В. Ильин // Вестник МГИМО. – 2010. – № 5. – С. 113–122.

Индия: страна и ее регионы / отв. ред. Е.Ю. Ванина. – Изд. 3-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 360 с.

Иноземцев, В.Л. «Геополитическая тектоника» современной Атлантики. Европейско-американские отношения в новом столетии / В.Л. Иноземцев // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 3. – С. 14 – 26.

Иноземцев, В.Л. Что будет? / В.Л. Иноземцев // Введение в будущее. Мир в 2020 году. – М.: Изд-во «Алгоритм», 2007. – С. 9 – 59.

Ионов, И.Н. Теория цивилизации от античности до конца XIX века / И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2002. – 384 с.

История дипломатии: в 5 т.– М.: Политическая литература, 1959. – Т. 1. – 896 с.

История Европы. – М.: Наука, 1993. – Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – 656 с.

История и математика: макроисторическая динамика общества и государства / отв. ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: КомКнига, 2007. – 184 с.

История и математика: концептуальное пространство и направление поиска / отв. ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 272 с.

История крестьянства в Европе: в 3 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 3: Эпоха феодализма. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. – 592 с.

История Сибири: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России.– 539 с.

Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика // <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 01.06.2013).

Кагарлицкий, Б. Россия на периферии / Б. Кагарлицкий // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 3–13.

Казанцева, Е.В. Геополитические и геостратегические процессы в центральной Азии и Закавказье на рубеже XX и XXI веков: автореф. ... канд. полит. наук / Е.В. Казанцева. – Ростов-на-Дону: 2012. – 31 с.

Карамзин, Н. М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 125 с.

Карганов, С.А. Геоэкономическая оценка национального богатства /С.А. Карганов // Геополитика и безопасность. – 2009. – № 2–3 (6–7). – С. 99 – 108.

Канован, М. Меч веры и щит страха: либерализм и сила нации / М. Канован // Логос. – 2007. – № 1. (58). – С. 84 –102.

Кант, И. Соч.: в 4 т. / И. Кант. – М.: Ками, 1994. – Т. 1. – 586 с.

Карпов, В.В. Геополитика: конспект лекций / В.В. Карпов. – СПб., 2000. – 48 с.

Катасонов, В.Ю. Погружение в хрематистику / В.Ю. Катасонов // Литературная газета. – 15–21.06.2011. –№ 24 (6326).

Катасонов, В. Ю. «Акулы капитализма» в России: отечественная экономика как «трофей» иностранных инвесторов / В. Ю. Катасонов //

Свободная Пресса. 28.05.2013. – URL: <http://svpressa.ru/economy/article/68632/?mra=1> (дата обращения: 16.06.2013).

Каишкарева, Е.А. Влияние прямых иностранных инвестиций на рост российской экономики: автореф. ... канд. эконом. н. – Красноярск, 2007. – 21 с.

Кефели, И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике / И.Ф. Кефели. – СПб.: Северная звезда, 2004. – 286 с.

Кефели, И.Ф. Философия геополитики / И.Ф. Кефели. – СПб. Изд. дом «Петрополис», 2007. – 208 с.

Кефели, И.Ф. Математические начала глобальной геополитики / И.Ф. Кефели, О.Л. Малафеев. – СПб. Изд. Политехн. ун-та, 2013. – 204 с.

Коллинз, Р. Золотой век макроисторической социологии / Р. Коллинз // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / отв. ред. Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. – С. 78–89.

Коллинз, Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса / Р. Коллинз // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 (а). – Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – С. 234–278.

Коллинз, Р. Геополитика и долговременное историческое развитие / Р. Коллинз // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск, 2000(б). – Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – С. 285–288.

Коллинз, Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ / Р. Коллинз // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под

ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – Вып. 2. Структуры истории. – С. 462–476.

Колосов, В.А. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Полис. – 2000. – № 3. – С. 40 – 60.

Колосов, В.А. Геополитика и политическая география: учебник для студентов вузов / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 479 с.

Конт, О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении) / О. Конт; пер. с фр. И.А. Шапиро. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с.

Коротаев, А.В. Некоторые проблемы социальной эволюции архаических и не только архаических обществ / А.В. Коротаев // Восток. – 1995. – № 5. – С. 211–220.

Костюк, В.Г. Этнически образы как признаки цивилизационной общности / В.Г. Костюк // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 3. – С. 38–43.

Костюк, В.Г. Ценности православных и мусульман как интеграторы Евразийской общности / В.Г. Костюк // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2009. – Т. 7. – № 4. – С. 48–59.

Красиков, В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Изд-во «Водолей», 2010. – 200 с.

Красиков, В.И. Социально-исторические реалии конца XX века и генезис глобального терроризма // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. – № 5. – С. 120–125.

Кузык, Б.Н. Россия и мир в XXI веке / Б.Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 640 с.

Кулипанова, Н.В. Философско-правовые и социальные проблемы современного законодательства об образовании / Н.В. Кулипанова, Е.В. Ушакова // Интеллектуальный потенциал ученых России: сб. науч. трудов

Сибирского института знаниеведения / отв. ред. Е.В. Ушакова, Ю.И. Колужов. – Барнаул: ИП И.А. Колмогорова, 2012. – Вып. XI. – С. 199–226.

Курбангалеева Е. «Уйти нельзя остаться». К пониманию современных региональных процессов / Е. Курбангалеева // Логос. – 2003. – № 6. – С. 44–52.

Л'Эспаньоль. Мировая борьба за нефть / Л'Эспаньоль; пер. с фр. Л. Тумермана. – М.: Военный вестник, 1925. – 214 с.

Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.

Ламин, В.А. Реалии трех бывших «безлюдных пространств» / В. А. Ламин // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 90–104.

Ленин, В.И. Военная программа пролетарской революции / В.И. Ленин // В. И. Ленин. Избранные соч.: в 10 т. – М.: Политиздат, 1985. – XXIV. – Т. 6. – С. 503–514.

Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // В.И. Ленин. Избранные сочинения: в 10 т. – М.: Политиздат, 1985. – XXIV. – Т. 6. – С. 325 – 439.

Ленин, В.И. Социализм и война / В.И. Ленин // В. И. Ленин. Избранные сочинения: в 10 т. – М.: Политиздат, 1985. – XXIV. – Т. 6. – С. 265– 304.

Латухина, К. Мотор для бизнеса. Владимир Путин считает, что страна должна меняться, но без революций / К. Латухина. – URL: <http://www.rg.ru/2011/12/22/motor.html> (дата обращения: 30.12.2011).

Литовкин, Д. Правительство даст деньги на секретные материалы / Д. Литовкин // Известия. – 2008. – 28 июля.

Лундестад, Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996 / Г. Лундестад; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002. – 360 с.

Львов, Д.С. Роль России в мировом развитии / Д.С. Львов // Свободная мысль. – 2002. – XXI. – № 3. – С. 50 – 60.

Майер, Б.О. Постмодернизм в образовании – очередной этап социума? / Б.О. Майер, Н.В. Наливайко, Е.В. Покасова // *Философия образования.* – 2008. – № 2 (23). – С. 69–76.

Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // *Политические исследования.* – 1995. – № 4. – С. 162–169.

Маньков, А.Г. Цены и их движение в русском государстве XVI в. / А.Г. Маньков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 273 с.

Маркс, К. Британское владычество в Индии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1. – VI. – С. 517–523.

Маркс, К. Будущие результаты британского владычества в Индии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1. – VI. – С. 524 – 530.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. – Кн. 1: Процесс производства капитала. – 891 с.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс.– М.: Политиздат, 1955. – Т. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. – 1078 с.

Маркс, К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1980. – Т.1. – С. 418–516.

Медведев, Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. / Д. Медведев. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5413> (дата обращения: 07.07.2010).

Медовников, Д. Оцепеневшая добыча (интервью с академиком, вице-президентом РАН Н.П. Лаверовым) / Д. Медовников, А. Механик // *Эксперт.* – 2008. – № 5. – С. 71–76.

Медовников, Д. Алгебра высоких технологий (интервью с академиком РАН Ю.И. Журавлевым) / Д. Медовников // *Эксперт.* – 2008. – № 5. – С. 17–22.

Мильчаков, М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. / М.В. Мильчаков – М.: 2012. – 25 с.

Могильницкий, Б.Г. История исторической мысли: курс лекций. Вып. III: Историографическая революция / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – 554 с.

Модельски, Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия / Дж. Модельски // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Вып. 3: Война и геополитика. – С. 455 – 485.

Модельски, Дж. Системная модель долгого цикла / Дж. Модельски // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003(а). – Вып. 3: Война и геополитика. – С. 486 – 501.

Москвич, Ю.В. Образование на пути к новым берегам: поиск ответа на глобальные вызовы / Ю.В. Москвич В.С. Диев // Вестник гос. пед. унив. им. В.П. Астафьева. – 2013. – №2. – С. 17.

Мэхэн, А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю: в 2 т. / А.Т. Мэхэн. – М.: Изд-во «АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Нартов, Н.А. Геополитика: учебник для вузов / Н.А. Нартов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 349 с.

Нартов, Н. Геополитика. Серия: Золотой фонд российских учебников / Н. Нартов, В. Нартов. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 528 с.

Нефедов, С.А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока / С.А. Нефедов. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. – 752 с.

Нечкина, М.В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма / М.В. Нечкина // Вопросы истории. – 1963. – № 12. – С. 86 – 108.

Новикова, И.Н. Россия в геополитической системе Рудольфа Челлена / И.Н. Новикова // Геополитика и безопасность. – 2009. - № 2-3 (6-7). – С.45 – 48.

Новиков, А.Н. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья / А.Н. Новиков, М.С. Новикова // Учен. Зап. Казан. Унта. Серия: Естественные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 3. – С. 229 – 240.

Олейникова, О.Д. Нравственное воспитание как условие качественного образования / О.Д. Олейникова // Философия образования. – 2010. – № 1 (30). – С. 259 – 266.

Орлова, А. Бразилия в системе современного мирового порядка / А. Орлова // Космополис. – 2008. – № 3 (22). – С. 87–95.

Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2004. – 640 с.

Панарин, И. США развалятся через год, как СССР (публикация от 6. 04. 2009.) / И. Панарин – URL: <http://russianews.ru/press/22778> (дата обращения: 08.07.2010).

Панов, М.Е. К вопросу о методологических основах оценки безопасности / М.Е. Панов // Геополитика и безопасность. – 1995. – №3. – С. 31– 45.

Пантин, В.И. Альтернативы и риски социально-экономической политики и возможности российской инновационной модернизации / В.И. Пантин // Модернизация и политика XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисян. Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 112 – 119.

Пантин, В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна: «Феникс+», 2006. – 448 с.

Пастухов, В.Б. Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? / В.Б. Пастухов // Полис. – 2001. – № 1. – С. 49 – 63.

Переход от феодализма к капитализму в России: Всесоюзная дискуссия. – М., 1969. – 318 с.

Писаренко, С.В. Россия в зеркале геополитической концепции «Хартленда» / С. В. Писаренко // Геополитика и безопасность. – 2013. – № 1. – С. 50–57.

Плебанек, О.В. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева в парадигмальном пространстве науки / О.В. Плебанек // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3 (19). – С. 30 – 34.

Плешаков, К.В. Геополитика в свете глобальных перемен / К.В. Плешаков // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 21–34.

Плешаков, К.В. Компоненты геополитического мышления / К.В. Плешаков // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 31–39.

Плотникова, О.В. Россия в геополитической картине современного мира / О.В. Плотникова // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: тезисы докладов. V Междунар. конф. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 1999. – С. 23–26.

Подберезкин, А. Что делать? Как России правильно вписаться в процессы глобализации? / А. Подберезкин, Ю. Булатов – URL: www.old.nasledie.ru/global/17_1/article.php?art=6 (дата обращения: 07.01.2012).

Поздняков, Э.А. Геополитика / Э.А. Поздняков. – М.: АО Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 96 с.

Полтерович, В.М. На пути к новой теории реформ / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 3. – С. 32–48.

Полтерович, В.М. О стратегии догоняющего развития для России / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 3. – С. 17–23.

Полтерович, В.М. Стратегия – 2020: перспективна ли «новая модель роста» / В.М. Полтерович // Прямые инвестиции. – 2012. – № 5. – С. 18–19. – URL: http://members.tripod.com/VM_Polterovich/NewModel.pdf (дата обращения: 19.05.2013).

Полтерович, В.М. Эволюционная теория экономической политики. Часть первая. Опыт быстрого развития / В.М. Полтерович, В. Попов // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 4–23. – URL: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/22168/1/MPRA_paper_22168.pdf (дата обращения: 19.05.2013)

Полтерович, В.М. Эволюционная теория экономической политики. Часть вторая. Необходимость своевременного переключения / В.М. Полтерович, В. Попов // Вопросы экономики. – 2006. – № 8. – С. 46–64. – URL: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/22170/1/MPRA_paper_22170.pdf (дата обращения: 19.05.2013).

Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/9637/work> (дата обращения: 14.01.2011).

Попков, Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах / Ю.В. Попков. – Новосибирск: ИДМИ, 2000. – 200 с.

Попков, Ю.В. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности современной России / Ю.В. Попков, В.Г. Костюк // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 102–109.

Поршнев, Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. / Б.Ф. Поршнев. – М., 1970. – 388 с.

Поршнев, Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б.Ф. Поршнев. – М., 1976. – 437 с.

Потапов, М. КНР. Опыт стран-членов ВТО по защите национальных интересов на внешнем и внутреннем рынках / М. Потапов, А. Салицкий // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2002. – № 8. – С. 61–69.

Привалова, Е. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 / Е. Привалова. – М.: Новое издательство, 2006. – 456 с.

Проект бюджета на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов принят в первом чтении – URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/220991/?sphrase_id=995701 (дата обращения: 12.01.2013).

Прославленная физмат школа Новосибирска не вписалась в реформы. – URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/09/14/692249-proslavlennaya-fizmatshkola-novosibirska-ne-vpisalas-v-reformy>.

Пфаненштиль, И.А. Современные процессы глобализации в системе основных проектов науки: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д. филос. наук / И.А. Пфаненштиль. – Красноярск, 2006. – 47 с.

Пфаненштиль, И.А. Двойные стандарты современной глобализации / И.А. Пфаненштиль // *Управление и экономика XXI века. Материалы научно-практической конференции.* – Красноярск: Изд-во «Гротеск», 2006. – С. 175–182.

Пфаненштиль, И.А. Профессионально-ориентированное обучение в России как фактор интеграции в общемировое образовательное пространство / И.А. Пфаненштиль // *Профессионально-ориентированное обучение как фактор интеграции в общемировое образовательное пространство: доклады и тезисы докладов 4-го регионального научно-методического семинара.* – Усть-Илимск: РИО Усть-Илимского филиала Сиб.федер. ун-та. 2009. – С. 3 – 10.

Пфаненштиль, И.А. Образование как альтернатива наркомании и коррупции в современной постхолодной войне / И.А. Пфаненштиль // *Философия образования.* - № 3 (42). – 2012. – С. 78–83.

Пфаненштиль, И.А. Образование и будущее развитие России в контексте современных процессов глобализации / И.А. Пфаненштиль, Л.Н. Пфаненштиль, Л.Н. Яценко // *Философия образования.* – 2012. – № 6 (45). – С. 20–27.

Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Сравнительное земледоведение / Ф. Ратцель. – СПб.: Изд. акцион. общества Брокгауз – Эфрон, 1906. – Т. 2. – 661 с.

Ратцель, Ф. Народоведение / Ф. Ратцель. – СПб.: Товарищество «Просвещение», 1904. – Т. 1. – 822 с.

Резолюция Всероссийской педагогической конференции (Москва, 29–30 сентября 2007 г.) // *Философия образования.* – 2007. – № 3. – С. 13–17.

Роббек, В.А. Отношение народов Севера Саха (Якутия) к рыночным трансформациям / В.А. Роббек, В.Г. Костюк, С.М. Баишева // *Гуманитарные науки в Сибири.* – 2006. – № 3. – С. 82–87.

Розов, Н.С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия / Н.С. Розов // *Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций.* – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Вып. 3. Война и геополитика. – С. 75–120.

Розов, Н.С. Национальная идея как императив разума (эскиз геоэкономической и социокультурной стратегии России для XXI века) / Н.С. Розов // *Вопросы философии.* – 1997. – №.10. – С. 13–28.

Розов, Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.

Розов, Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегии России в XXI веке / Н.С. Розов. – М.: РОССПЕН, 2011. – 735 с.

Романов, Д.А. Реформа государственного аппарата России (конец XVII – начало XVIII вв.) / Д.А. Романов. – М.: Когито-Центр, 2001. – 24 с.

Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / отв. ред. А.А. Кокошкин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.

Россия 2012: стат. справочник. – М.: Росстат; 2012. – 59 с.

Россия и Белоруссия на пороге новой энергетической войны. Известия. 10 октября 2012 г. – URL: <http://izvestia.ru/news/537282> (дата обращения: 17.02.2013).

Сафронов, А.П. Периферийная зависимость в индустриальном мире / А.П. Сафронов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.

Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Серебрянников, В. Социология войны / В. Серебрянников. – М.: «Ось-89», 1998. – 320 с.

Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

Сидибе, П. Кабинет министров спешит избавиться от импорта / П. Сидибе // Российская газета. – 2008. – № 4715, 28 июля.

Сильников, М.В. Контрактный механизм закупок вооружения и военной техники (теоретический и организационно-правовой анализ): монография / М.В. Сильников. – СПб.: СПбУ МВД России, 1999. – 123 с.

Синчук, Ю.В. Россия и основные геополитические силы в современном мире / Ю.В. Синчук // Геополитика и безопасность. – 2012. - № 3 (19). – С. 60 – 65.

Слэзкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слэзкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

Слонов, Н. Четвертый полюс идеологического поля / Н. Слонов // Стратегия России. – 2005. – № 10. – С. 83–94.

Симчера, В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы / В.М. Симчера. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007. – 683 с.

Соколов, Е.Н. ШОС на первом этапе геополитической борьбы / Е.Н. Соколов // Геополитика и безопасность. – 2009. - № 2-3 (6-7). – С. 28 – 37.

Сорос, Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь / Дж. Сорос. – М.: Изд-во «Альпина Бизнес Букс», 2004. – 192 с.

Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер; пер. с англ. Н.А. Рубакина. – Мн.: Современный литератор, 1999. – 1408 с.

Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О молодежной политике в Российской Федерации». 17 июля 2009 г. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4834> (дата обращения: 07.07. 2010).

Стинчкомб, А. Геополитические понятия и военная уязвимость / А. Стинчкомб // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Вып. 3: Война и геополитика. – С. 288– 300.

Сыров, В.Н. О культурных различиях в современную эпоху // Любомудр. – URL: <http://любомудр.пф/index.php/stati/132-o-kulturnykh-razlichiyakh-v-sovremennuyu-epokhu> (дата обращения: 07.07. 2013).

Сыров, В.Н. Когнитивный менеджмент в структуре образования и науки: философско-методологический аспект / В.Н. Сыров, Е.В. Агафонова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 370. – С. 46–51.

Тархов, С. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. / С. Тархов // Логос. – 2005. – № 1. – Т. 46. – С. 65–101.

Татаркова, Д. Лихтенштейн выходит из «оффшоров» / Д. Татаркова // Российская газета. – 2009. – 11 августа.

Тверская, Д.И. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка / Д.И. Тверская. – М.: Советская Россия, 1959. –126 с.

Теоретическая история и макросоциология / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – Вып. 1: Разработка и апробация метода теоретической истории. – 503 с.

Теоретическая история и макросоциология / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2002. – Вып. 2: Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. – 486 с.

Тернер, Дж. Классические положения геополитики и последствия войны / Дж. Тернер, Н. Дольч // *Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – Вып. 3: Война и геополитика. – С. 251–264.

Тилли, Ч. Демократия / Ч. Тилли; пер с англ. Т.Б. Менской. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007 (а). – 263 с.

Тилли, Ч. Экстракция (или способы получения средств на содержание государства) и демократия / Ч. Тилли // *Русские чтения: сб. материалов программы Института общественного проектирования «Русские чтения»*. – М., 2007. – Вып. 4. – С. 374 – 387.

Тихонравов, Ю.В. Геополитика: учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – 269 с.

Томпсон, С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / С.Р. Томпсон; пер. с англ. Ю.А. Петрова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 471 с.

Тузов, В.В. Синергетика как методология исследования процессов самоорганизации сложных систем / В.В. Тузов // *Библиосфера*. – 2007. – № 1. – С. 52–59.

Тузов, В.В. Методы синергетики / В.В. Тузов // *Библиосфера*. – 2009. – 4. – С. 8–14.

Тузов, В.В. Глобализация и закономерности развития неравновесной социальной среды / В. В. Тузов // *Информация – Коммуникации – Общество. Материалы VII Всероссийской научной конференции. 29–29 января 2010 г.* – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – С. 195–198.

Туровский, Р.Ф. Баланс отношений «центр – регионы» как основа территориально-государственного строительства / Р.Ф. Туровский // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2003. – № 12; 2004 – № 1. – С. 54 – 65.

Туровский, Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России. Какая территориально-политическая модель в наибольшей степени соответствует особенностям российской географии? / Р.Ф. Туровский // *Логос.* – 2005. – № 1. – Т. 46. – С. 124 – 171.

Турчин, П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории / П.В. Турчин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.

Уайт, Л.Э. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами / Л.Э. Уайт // *Антология исследований культуры. Интерпретация культуры.* – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 559–590.

Урланис, Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах VII–XX вв. / Б.Ц. Урланис. – М.: Изд-во «Социально-экономическая литература», 1960. – 567 с.

Урсул, А.Д. Становление глобального мышления: пространственно-временной ракурс / А.Д. Урсул // *Пространство и время.* – 2012. – № 3. – С. 61–67.

Ушаков, Д.В. Проблемы и методы гармонизации межнациональных отношений в школе / Д.В. Ушаков // *Межнациональные отношения в школьной среде: материалы научно-практического семинара: Новосибирск, 27 ноября 2009 г.* – Новосибирск: ИИЦ «Вестник НРСОО», 2010. – С. 11–16.

Федотов, Д. С. Геополитические угрозы военной безопасности Российской Федерации на южном стратегическом направлении: автореф. ... канд. полит. наук / Д.С. Федотов. – Пятигорск, 2013. – 31 с.

Филиппов, С.И. Геополитические аспекты становления цивилизаций (на материале истории России XIV – XVI вв.) / С.И. Филиппов // *Теоретическая история и макросоциология* / под ред. Н.С. Розова. –

Новосибирск: Наука, 2001. – Вып. 1: Разработка и апробация метода теоретической истории. – С. 444 – 464.

Филиппов, С.И. Условия макрокультурных трансформаций и модели цивилизационного развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.И. Филиппов. – Новосибирск, 2003. – 25 с.

Фихте, И.Г. Замкнутое торговое государство: в 2 т. / И.Г. Фихте. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. II. – С. 225–357.

Фомичев, П.Н. Проблема предсказания в социальных науках: сводный реферат / П.Н. Фомичев // Россия и современный мир. – 1997. – №1 (14). – С. 196 – 211.

Фрумкин, К.Г. Пространственная эстетика империй / К.Г. Фрумкин // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 9. – С. 75–81.

Фурсов, А.И. Мир-системный анализ: интерпретация И. Валлерстайном периода 1945–1990 гг. / А.И. Фурсов // Восток. – 1992. – № 3. – С. 32–55.

Фурсов, А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) / А.И. Фурсов // Восток. – 1992. – № 1. – С. 19–38.

Фурсов, А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) / А.И. Фурсов // И. Валлерстайн. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – С. 6–72.

Хабермас, Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С.12–18.

Ханин, Г. Десятилетний триумф советской экономики (годы пятидесятые) / Г. Ханин // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 5. – С. 72 – 89.

Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.

Хачатурян, В.М. Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло) / В.М. Хачатурян // *Цивилизации.* – М., 2002. – Вып. 5. – С. 223–238.

Холл, А.Д. Государство и общества: «Европейское чудо» в сравнительной перспективе / А.Д. Холл // *Цивилизации.* – М.: Наука, 1992. – Вып. 1. – С. 128–144.

Хрущёв, А.Т. География промышленности СССР / А.Т. Хрущёв. – М.: Мысль, 1979. – 436 с.

Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.

Цыганков, В.В. Трансформации российского общества в модернизационной и миросистемной перспективе: социально-философский и макросоциологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.В. Цыганков. – Новосибирск, 2013. – 27 с.

Цымбурский, В.Л. «От великого острова России» (к прасимволу российской цивилизации) / В.Л. Цымбурский // *Политические исследования.* – 1997. – №. 6. – С. 34 – 56.

Цымбурский, В.Л. Остров Россия. Перспективы российской политики / В.Л. Цымбурский // *Политические исследования.* – 1993. – №. 5. – С. 6 – 23.

Цымбурский, В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика / В.Л. Цымбурский // *Политические исследования.* – 1996. – №. 3. – С. 22 – 57.

Чеклина, Т. Польша. Опыт стран-членов ВТО по защите национальных интересов на внешнем и внутреннем рынках / Т. Чеклина // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2002. – № 8. – С. 105–117.

Челлен, Р. Государство как форма жизни / Р. Челлен. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 319 с.

Чернов, П.В. Россия: этнополитические основы государственности / П.В. Чернов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 208 с.

Чернов, П.В. Новый геополитический передел мира: что будет с Россией? / П.В. Чернов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. – 283 с.

Черных, С.И. Мультикультурализм, образование и личность в эпоху глобализации / С.И. Черных // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета. – 2007. – № 6. – С. 96–100.

Черных, С.И. Реформирование высшей школы в свете образовательных технологий XXI в. / С.И. Черных // Философия образования. – 2013. – №. 2. – С. 8–14.

Чешков, М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности / М.А. Чешков. – М.: МОНФ, 1999. – 297 с.

Чумаков, А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира / А.Н. Чумаков. – М.: Проспект, 2005. – 432 с.

Чумаков, А.Н. Гуманитарный аспект глобализации: российское измерение / А.Н. Чумаков // Геополитика и безопасность. – № 4. (16). – 2011. – С. 35–42.

Чуринов, Н.М. Философия образования как методология научного познания образовательной деятельности / Н.М. Чуринов // Философия образования. – 2012. – № 6 (45). – С. 4–10.

Ширяева, С.В. Экономические реформы Петра I / С.В. Ширяева. – М.: Макс Пресс, 2001. – 60 с.

Шмаков, В.С. Модернизация в России: от традиции к глобализму / В.С. Шмаков // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5. – С. 76–81.

Шмаков, В.С. Исследование процессов социальной трансформации постсоветских обществ в условиях глобализации / В.С. Шмаков, Ю.С. Сердюкова // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – Вып. 2. – С. 102 – 107.

Шмаков, В.С. Социальные проблемы развития трансформационных процессов в контексте глобализации / В.С. Шмаков // Вестник Томского гос. университета. – 2008. – №2. – С. 200–2006.

Эдельман, О. Русский колониальный стиль / О. Эдельман // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 14–24.

Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 496 с.

Эмиров, Р.М. Геополитические приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Р.М. Эмиров. – М.: 2014. – 25 с.

Энгельс, Ф. Историческая публицистика: О военном искусстве. О теории насилия / Ф. Энгельс. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 736 с.

Якунин, В.И. Геополитические вызовы России: современное транспортное измерение (лекции, прочитанные перед студентами факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова 12 мая 2006 г.) / В.И. Якунин. – М.: Ленанд, 2007. – 80 с.

Яценко, М.П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса / М. П. Яценко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 10. – С. 101–108.

Яценко, М.П. Глобализация как форма исторического процесса / М.П. Яценко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 11. – С. 103–110.

Яшкова, Т.А. Евразийская интеграция: перспективы модернизации постсоветского пространства / Т.А. Яшкова // Геополитика и безопасность. – 2012. - № 3 (19). – С. 72–78.

«11% организаций не платят налогов», – Сергей Игнатьев, председатель Банка России – URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/399381/11_organizacij_ne_platyat_nalogov (обращение: 21.06.2013).

Agnew, J.A. Geopolitics re-visioning world politics / J.A. Agnew. – London; N. Y.: Routledge, 1998. – 150 p.

Ahrens Dorf, P.J. Thucydides' realistic critique of realism / P.J. Ahrens Dorf // Polity. – 1997. – Vol. 30. – Is. 2. – P. 231–240.

Alesina, A. The size of nations / A. Alesina, E. Spolaore. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2003. – 262 p.

Amin, S. World poverty, pauperization and capital accumulation / S. Amin // Monthly Review. – 2003. – Vol. 55. – Is. 5. – P. 1–9.

Amsden, A.H. The rise of the «the rest»: challenges to the West from late-industrializing economies / A.H. Amsden. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004. – 414 p.

Amsden, A.H. Beyond late development Taiwan's upgrading policies / A.H. Amsden, Wan-wen Chu. – Cambridge Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2003. – 207 p.

Arghiri, E. Unequal exchange: a study of the imperialism of trade / E. Arghiri. – N.Y.; London: Modern Reader Paperbacks, 1972. – 453 p.

Arrighi, G. The developmentalist illusion: a reconceptualization of the semiperiphery / G. Arrighi // Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein. – N. Y.: American sociological association; Greenwood Press, 1990. – P. 11–44.

Arrighi, G. The stratification of the world-economy: an exploration of the semi-peripheral zone / G. Arrighi, J. Drangel // Review. – 1986. – Is. 10. – Vol. 1. – P. 9–74.

Arrighi, G. Capitalist development in hostile environments: feuds, class struggles, and migrations in a peripheral region of southern Italy / G. Arrighi, F. Piselli // Review. – 1987. – Vol. 4. – Is. 10. – P. 648–751.

Arrighi, G. Geopolitics and high finance / G. Arrighi, Hui Po-keung, R. Krishnendu, T.E. Reifer // Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity / Ed. by G. Arrighi, B.J. Silver and all. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1999. – 368 p.

Baber, Z. Modernization theory and the Cold war / Z. Baber // Journal of Contemporary Asia. – 2001. – Vol. 31. – Is. 1. – P. 79.

Baldwin, D.A. Security studies and the end of the Cold war / D.A. Baldwin // World politics. – 1996. – Vol. 48. – Is. 1. – P. 117–141.

Barrett, R. Dependency theory and Taiwan: analysis of a deviant case / R. Barret, M. Whyte // *American Journal of Sociology*. – 1982. – Vol. 87. – P. 1064 – 1089.

Barton, J.R. Competition and co-operation in the semi-periphery: closer economic partnership and sectoral transformations in Chile and New Zealand / J.R. Barton, R.N. Gwynne, W.E. Murray // *The Geographical Journal*. – 2007. – Vol. 173. – Is. 3. – P. 224 – 241.

Bendix, R. Nation-building and citizenship / R. Bendix. – Berkeley: Univ. of California Press, 1977. – 340 p.

Black, J. Great powers and the quest for hegemony / J. Black. – London; New York: Routledge, 2008. – 248 p.

Blackburn, R.J. The vampire of reason: an essay in the philosophy of history / R.J. Blackburn. – London: Verso, 1990. – 222 p.

Boulding, K. Conflict and defense / K. Boulding. – N.Y.: Harper and Row, 1962. – 349 p.

Brewer, A. Marxist theories of imperialism / A. Brewer. – London; N. Y.: Taylor Francis e-Library, 2001. – 300 p.

Buchanan, A. The preventive use of force: a cosmopolitan institutional proposal / A. Buchanan, R. Keohane // *Ethics and international affairs*. – 2004. – Vol. 18. – Is. 1. – P. 1– 39.

Burley, A.-M. S. International law and international relations theory: a dual agenda / A.-M. S. Burley // *American Journal of International Law*. – 1993. – Vol. 87. – Is. 2. – P. 205–240.

Buzan, B. Why international relations has failed as an intellectual project and what to do about it / B. Buzan, R. Little // *Millennium*. – 2001. – Vol. 30. – Is. 1. – P. 19–39.

Campbell, J. Ideas, politics and public policy / J. Campbell // *Annual Review of Sociology*. – 2002. – Vol. 28. – P. 21– 48.

Cardoso, F.H. Industrialization, dependency and power in Latin America / F.H. Cardoso // *Berkeley Journal of Sociology*. – 1973. – Vol. XVII. – P. 79–95.

Carneiro, R.L. The circumscription theory. Challenge and response / R.L. Carneiro // *American Behavioral Scientist*. –1988. – Vol. 31, № 14. – P. 497–511.

Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity / Ed. by G. Arrighi, B.J. Silver and all. – Minneapolis. – Univ. of Minnesota Press, 1999. – 368 p.

Chase-Dunn, C. World-systems analysis / C. Chase-Dunn, Peter Grimes // *Annual Review of Sociology*. – 1995. – Vol. 21. – P. 387– 412.

Chase-Dunn, C. Cross-world-system comparisons. Similarities and differences / C. Chase-Dunn, Thomas D. Hall // *Civilizations and world systems: studying world-historical change* / Ed. by Stephen K. Sanderson. – New Delhi: Alta Mira Press, 1995. – P. 109–135.

Chirot, D. Social change in the twentieth century / D. Chirot. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. – 268 p.

Chua, A. Day of empire: how hyperpowers rise to global dominance – and why they fall / A. Chua. – N. Y.: DOUBLEDAY, 2007. – 396 p.

Civilizations and world systems: studying world-historical change / Ed. by Stephen K. Sanderson. – New Delhi: Alta Mira Press, 1995. – 325 p.

Collins, R. Macrohistory. Essays in sociology of the long run / R. Collins. – California: Standford Univ. Press, 1999. – 318 p.

Collins, R. Geopolitics in an era if internationalism / R. Collins // *Social evolution & history. Studies in evolution of human societies*. – 2002. – Vol. 1, № 1. – P. 118–139.

Collins, R. What theories predicted the state breakdowns and revolutions of the soviet bloc? / R. Collins, D. Waller // *Research in social movements, conflicts and change*. – 1992. – Vol. 14. – P. 31– 47.

Collins, R. Prediction of geopolitical theory and the modern world system / R. Collins, D. Waller // *Questioning geopolitics: political projects in a changing world-system*. – Westport: Preager Press, 2000. – P. 51– 66.

Coulomb, F. Economic theories of peace and war / F. Coulomb. – London; N.Y.: Routledge, 2004. – 273 p.

Dijkink, G. National identity and geopolitical visions. Maps of pride and pain / G. Dijkink. – London; N. Y.: Routledge, 1996. – 188 p.

Eisenstadt, S.N. Modernity and construction of collective identities / S.N. Eisenstadt // International Journal of Comparative Sociology. – 1998. – Vol. 39. – Is. 1. – P. 138.

Emerging issues in the 21st century world-system / Ed. by W.A. Dunaway. – Westport: Praeger Press, 2003. – Vol. 1: New theoretical directions for the 21st century world-system. – 281 p.

European report on preventing violence and knife crime among young people / Ed. by D. Sethi, K. Hughes, M. Bellis and all. – Copenhagen: World Health Organization, 2010. – 102 p.

Evans, P. Embedded autonomy. States and industrial transformation / P. Evans. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995. – 323 p.

Feinstein, C.H. The world economy between the world wars / C.H. Feinstein, P. Temin, G. Toniolo. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – 222 p.

Ferguson, N. The cash nexus. Money and power in the modern world, 1700–2000 / Niall Ferguson. – N. Y.: Basic Books, 2006. – 352 p.

Frank, A.G. The development of underdevelopment / A.G. Frank // Monthly Review. – 1989. – Vol. 41. – Is. 2. – P. 37–54.

Frank, A.G. A plea for world system history / A.G. Frank // Journal of World History. – 1991. – Vol. 2. – Is. 1. – P. 1–28.

Geopolitical traditions: a century of geopolitical thought / Ed. by K. Dodds, D. Atkinson. – London; N. Y.: Routledge, 2000. – 392 p.

Gerace, M.P. Military power, conflict and trade / M.P. Gerace. – London: FRANK CASS PUBLISHERS, 2004. – 297 p.

Gereffi, G. Commodity chains and footwear exports in the semiperiphery / G. Gereffi, M. Korzeniewicz // Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W. G. Martin., I. Wallerstein. – N. Y.: American Sociological Association. Greenwood Press, 1990. – P. 45–68.

Gold, T.B. State and society in the Taiwan miracle / T.B. Gold. – N. Y.: M. E. Sharpe Inc, 1986. – 162 p.

Goldstein, J.S. Long cycles: prosperity and war in the modern age / J.S. Goldstein. – London: Yale Univ. Press, 1988. – 433 p.

Goldstein, J.S. The real price of war. How you pay for the war on terror / J.S. Goldstein. – N. Y.: New York Univ. Press, 2004. – 329 p.

Gowa, J. Ballots and bullets: the elusive Democratic peace / J. Gowa. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1999. – 136 p.

Graham, E.M. US national security and foreign direct investment / E.M. Graham, D.M. Marchick. – Washington: DC, 2006. – 190 p.

Greenberg J. Does power trump law? / J. Greenberg // Stanford Law Review. – 2003. – Vol. 55. – Is. 5. – P. 1789–1831.

Griffin, K. Radical analyses of imperialism, the Third World and the transition to socialism: a survey / K. Griffin, J. Gurley // Journal of Economic Literature. – 1985. – Vol. 23. – Is. 3. – P. 1089–1143.

Handbook of defense economics / Ed. by T. Sandler, K. Hartley. – Amsterdam: North-Holland, 1995. – Vol. 1. – 600 p.

Handbook of defense economics / Ed. by T. Sandler, K. Hartley. – Amsterdam: North-Holland, 2007. – Vol. 2: Defense in a globalized world. – 626 p.

Haque, S.M. The revival of realism in international politics after September 11 and its ethical impact / S.M. Haque // International journal of politics and ethics. – 2003. – Vol. 3. – Is. 1. – P. 135–147.

Harrison, D. The sociology of modernization and development / D. Harrison. – London: Routledge, 1991. – 197 p.

Hayden, P. From the law of peoples to Perpetual peace / P. Hayden // Int. J. on World Peace. – 2000. – Vol. 17. – Is. 2. – P. 47–64.

Hopkins, T.K. Commodity chains in the world economy prior to 1800 / T.K. Hopkins, I. Wallerstein // Review. – 1986. – Vol. 1. – Is. 10. – P. 157–170.

Katzenstein, P.J. Anti-americanisms / P.J. Katzenstein, R.O. Keohane // Policy Review. – 2006. – Is. 139. – P. 25–41.

Kennedy, P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 – 2000 / P. Kennedy. – N.Y.: A Division of Random House, 1987. – 368 p.

Keohane, R.O. Globalization: what is new? What is not? / R.O. Keohane, J.S. Nye // Foreign Policy. – 2000. – Is. 118. – P. 104–121.

Keohane, R. Institutions, law and governance in a partially globalized world / R.O. Keohane. – N. Y.: Routledge, 2002. – 298 p.

Korzeniewicz, R.P. The global distribution of commodity chains / R.P. Korzeniewicz, W. Martin // Commodity chains and global capitalism / Ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz. – Westport. CT: Praeger, 1994. – P. 67–92.

Lee, R. Structures of knowledge / R. Lee // The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Ed. by T.K. Hopkins, I. Wallerstein, J. Casparis. – London New Jersey: Zed Books, 1997. – P. 178–206.

Legro, J. Faux realism / J.W. Legro, A. Moravcsik // Foreign Policy. – 2001. – № 125. – P. 80–83.

Lewis, M.W. The myth of continents. A critique of metageography / M.W. Lewis, K.E. Wigen. – Los Angeles: Univ. of California press, 1997. – 343 p.

Li, M. The rise of China and the demise of the capitalist world-economy / M. Li. – London: Pluto Press, 2008. – 233 p.

Laclau, E. Feudalism and capitalism in Latin America / E. Laclau // New Left Review. – 1971. – Vol. 67. – P. 123–135.

Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London; N. Y.: Verso, 2001. – 198 p.

Lubeck, P.M. Ethnic divisions and state-centered development: Malaysia and Nigeria compared / P.M. Lubeck, D.R. Palmer // Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein. – N. Y.: American sociological association. Greenwood Press, 1990. – P. 183–202.

Luttwak E. N. The grand strategy of Byzantine empire / Edward N. Luttwak. – Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap press of Harvard Univ. Press, 2009. – 498 p.

Mann, M. The sources of social power / M. Mann. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. – Vol. 1. A history of power from the beginning to A.D. 1760. – 549 p.

Mann, M. The sources of social power / M. Mann. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – Vol. II. The rise of classes and nation-states. 1760-1914. – 826 p.

Mann, M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results / M. Mann // States in History / Ed. by John A. Hall. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – P. 109–136.

Mann M. Explaining macro-regional trends in global income inequalities, 1950–2000 / M. Mann, D. Riley // Socio-Economic Review. – 2007. – № 5. – P. 81–115.

Martin, W. G. The place of the semiperiphery in the Modern world-system. Introduction: the challenge of the Semiperiphery / W.G. Martin // Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W. G. Martin., I. Wallerstein. – N. Y.: American sociological association. Greenwood Press, 1990. – P. 3 –10.

McNeill, W.H. The pursuit of power: technology, armed force and society since A. D. 1000 / W.H. McNeill. – Chicago: Chicago Univ. press, 1982. – 405 p.

McNeill, W.H. Decline of the West? / W.H. McNeill // New York Review of Books. – 1997. –Vol. 64. – Is. 1. – P. 18–22.

Melko, M. The cycle theory of general war / M. Melko. – N.Y.: Harcourt Brace, 1995.

Migdal, J.S. State in society: studying how states and societies transform and constitute one another / J.S. Migdal. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 290 p.

Modelski, G.A. System model of the long cycle / G.A. Modelski // Exploring long cycle / Ed. by G.A. Modelski. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1987. – P. 113–128.

Modelski, G.A. Is world politics evolutionary learning? / G.A. Modelski // International organization. – 1990. – Vol. 44. – P. 1–24.

Morgan, T.C. Domestic structure, decisional constraints and war: so why Kant democracies fight? / T.C. Morgan, S. Campbell // J. of Conflict Resolution. – 1991. – Vol. 35. – Is. 2. – P. 187–211.

Morgenthau, H.J. The containment policy and the rationale of alliance system / H.J. Morgenthau // American diplomacy in a new era. – South Bend, IN: Univ. of Notre Dame Press, 1961. – P. 63–82.

Neumann, S. Engels and Marx on revolution, war and the army in society / S. Neumann, M. Hagen // Makers of Modern Strategy, from Machiavelli to the Nuclear Age / Ed. by P. Paret. – Princeton: Princeton university Press, 1986. – P. 262–280.

Ney, J.S. The case for deep engagement / J.S. Ney // Foreign Affairs. – 1995. – Vol. 4. – P. 90–102.

Owen, J. How liberalism produces Democratic peace / J. Owen // Int. Security. – 1994. – Vol. 19. – Is. 2. – P. 89–110.

Pagden, A. Imperialism, liberalism and the quest for Perpetual peace / A. Pagden // *Deadalus*. – 2005. – Vol. 134. – Is. 2. – P. 46–65.

Parker, G. The «Military revolution» 1560-1660-a myth? / G. Parker // J. of Modern History. – 1976. – Vol. 48. – P. 195–214.

Polanyi, K. The great transformation: the political and economic origins of our time / K. Polanyi. – Boston: Beacon Press, 2001. – 317 p.

Rasler, K. Puzzles of the democratic peace theory, geopolitics and the transformation of world politics / K. Rasler, W.R. Thompson. – N. Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2005. – 272 p.

Rasler, K. War and the economic growth of Major powers / K. Rasler, W.R. Thompson // American J. of Political Science. – 1985. – Vol. 29. – Is. 3. – P. 513–538.

Rasler, K. The Great Powers and Global Struggle: 1490-1990 / K. Rasler, W.R. Thompson. – Univ. Press of Kentucky, 1994. – 275 p.

Raymond, J. Henry VIII's military revolution. The armies of sixteenth-century Britain and Europe / J. Raymond. – London; N.Y.: Tauris Academic Studies, 2007. – 321 p.

Rockmore, T. Marx after marxism. The philosophy of Karl Marx / T. Rockmore. – Oxford: Blackwell Publishers, 2002. – 226 p.

Roncevic, Borut. Path from the (semi)periphery to the core: on the role of socio-cultural factor / B. Roncevic // IES Proceedings. – 2002 (November). – P. 1–26.

Rosenau, J.N. National leadership and foreign policy: A case study in the mobilization of public support / J.N. Rosenau. – Princeton, NJ.: Princeton Univ. Press, 1963. – 414 p.

Rueschemeyer, D. States, social knowledge and the origins of modern social policies / D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1996. – 328 p.

Russet, B. Grasping the democratic peace: principles for a post-cold war world / B. Russet, W. Antholis, C.R. Ember, M. Ember, Z. Maoz. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. – 173 p.

Sachs, J. Economic reform and the process of economic integration / J. Sachs, A. Warner // Brookings Papers on Economic Activity. – 1995. – Is. 1. – P. 1–117.

Sachs, J. Interlocking economics: unlocking the mysteries of globalization / J. Sachs // Foreign policy. – 1998. – Is. 110. – P. 97.

Sachs, J. The geography of poverty and wealth / J. Sachs, A.D. Mellinger, J.L. Gallup // Scientific American. – 2001. – Vol. 284. – P. 70–74.

Sachs, J. Resolving the debt crisis of low-income countries / J. Sachs // Brookings papers on economic activity. – 2002. – Vol. 33. – Is. 1. – P. 257–286.

Sanderson, S. K. World system approaches to world-historical change / S.K. Sanderson, T.D. Hall // Civilizations and world systems: studying world-historical change / Ed. by S. K. Sanderson. – New Delhi: Alta Mira Press, 1995. – P. 95–108.

Sanderson, S.K. Evolutionism and its critics / S.K. Sanderson // Journal of World-Systems Research. – 1997. – Vol. 3, №. 1. – P. 94–114.

Shaffer, E. H. Peace, war and the market / E.H. Shaffer // The Canadian J. of Economics. – 1996. – Vol. 29. – Is. 2. – P. 639–643.

Skocpol, T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China / T. Skocpol. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – 448 p.

Skocpol, T. Social revolutions in the modern world / T. Skocpol. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1994. – 355 p.

Smelser N.J. External and internal factors in theories of social change / N.J. Smelser // Social change and modernity / Ed. by H. Haferkamp, N.J. Smelser. – Berkeley: Univ. California Press, 1992. – P. 369–431.

Snyder, D. Structural position in the world system and economic growth, 1955–1970: a multiple-network analysis of transnational interactions / D. Snyder, E.L. Kick // American Journal of Sociology. – 1979. – № 84. – P. 1096–1126.

State formation, nation-building and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Ed. by P. Flora, S. Kuhnle, D. Urvin. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. – 424 p.

Stinchcombe, A.L. Constructing social theories / A.L. Stinchcombe. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968. – 320 p.

Stinchcombe, A.L. Tilly on the Past as a Sequence of Futures / A.L. Stinchcombe // Tilly Charles. Roads from past to future. – Oxford: Rowman & Littlefield, 1997. – P. 387 – 410.

Svante, E.C. Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus / E.C. Svante. – London; New York: Routledge, 2001. – 490 p.

Terlouw, C.P. The regional geography of world-system: external arena, periphery, semiperiphery, core / C.P. Terlouw. – Utrecht: Nederlandse geografische studies, 1992. – 232 p.

The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Ed. by T.K. Hopkins, I. Wallerstein, J. Casparis. – London: Zed Books, 1997. – 287 p.

The geography of war and peace from death camps to diplomats / Ed. by C. Flint. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 462 p.

The Thirty years' war / Ed. by G. Parker. – London; N. Y.: Routledge, 2006. – 336 p.

The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861 / Ed. by C. Black. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1960. – 695 p.

Thompson, W. Global expansion. Britain and its empire, 1870–1914 / W. Thompson. – London: Pluto Press, 1999. – 134 p.

Tilly, C. To explain political processes / C. Tilly // - American Journal of Sociology. – V. 100. 6 May 1995. – P. 1594–1610.

Tilly, C. Roads from past to future / C. Tilly. – Oxford: Rowman & Littlefield, 1997. – 433 p.

Tipps, D. Modernization theory and the comparative study of societies: a critical perspective / D. Tipps // Comparative modernization. – N. Y.: Free Press, 1976. – P. 62–88.

Turner, J.H. Macrodynamics: Toward a theory on the organization of human populations / J.H. Turner. – New Brunswick: Rutgers Univ. press, 1995. – 244 p.

Uprety, K. The transit regime for landlocked states: international law and development perspectives / K. Uprety. – Washington: The World Bank. D.C., 2006. – 205 p.

Veltmeyer, H.C. A central issue in dependency theory / H.C. Veltmeyer // Canadian review of sociology and anthropology. – 1980. – Vol. 17. – P. 198–213.

Wallerstein, I. A world-system perspective on the social sciences / I. Wallerstein // British journal of Sociology. – 1976. – Vol. 2. – Is. 27. – P. 343 – 352.

Wallerstein, I. The politics of the world-economy: the states, the movements, and the civilizations / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – 192 p.

Wallerstein, I. Response: declining states, declining rights? / I. Wallerstein // International labor of working class history. – 1995. – Vol. 47. – P. 24–27.

Wallerstein, I. The global possibilities, 1990–2025 / I. Wallerstein // The age of transition: trajectory of the world-system, 1945–2025 / Ed. by T.K. Hopkins, I. Wallerstein, J. Casparis. – London: Zed Books, 1997. – P. 226–243.

Wallerstein, I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century / I. Wallerstein. – N. Y.: Academic Press, 2007. – 412 p.

Wallerstein, I. The modern world-system II: mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750 / I. Wallerstein. – N. Y.: Academic Press, 2007(b). – 372 p.

Wallerstein, I. The modern world-system III: the second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730–1840 / I. Wallerstein. – N. Y.: Academic Press, 2007 (c). – 372 p.

Walt, S. International relations: one world, many theories / S. Walt // Foreign Policy. – 1998. – Is. 110. – P. 29–47.

Waltz, K.N. Theory of international politics / K.N. Waltz. – California.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.

Waltz, K.N. The origins of war in neorealist theory / K.N. Waltz // The origin and prevention of major wars / Ed. by Rotberg R., Rabb T. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – P. 42–43.

World system history: the social science of long-term change / Ed. by R. Denmark, J. Friedman, B. Gills, G. Modelski. – London: Routledge, 2000. – 346 p.